

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Научный и общественно-политический журнал

Sociology of Power

Т. 37 № 4 (2025)

Vol. 37. No 4 (2025)

ТЕМА ВЫПУСКА:
ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

SPECIAL TOPIC:
EMPIRICAL LEGAL STUDIES

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ**

Социология ВЛАСТИ

Том 37 № 4 2025

Выходит с 1989 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Редакция:

А. А. Смолькин, канд. социол. наук, РАНХиГС, Москва, Россия (*главный редактор*)

А. И. Зыгмонт, канд. филос. наук, РАНХиГС, Москва, Россия (*зам. главного редактора*)

И. В. Напреенко, НИУ ВШЭ, Москва, Россия (*научный редактор*)

Н. Кловайт, Университет Падерборна, Падерборн, Германия (*редактор англоязычных материалов*)

Редакционная коллегия:

С. Жижек, PhD, Люблянский университет (Любляна, Словения)

Дж. Ли, PhD, Китайский университет Гонконга (Гонконг)

В. А. Мау, д-р экон. наук, профессор, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара (Москва, Россия)

Д. В. Михель, д-р филос. наук, профессор, ИНИОН РАН (Москва, Россия)

Дж. Моррис, PhD, Орхусский университет (Орхус, Дания)

М. М. Соколов, канд. социол. наук, Европейский Университет (Санкт-Петербург, Россия)

Э. Сперо, PhD, Массачусетский технологический институт (Кембридж, США)

О. Е. Столярова, д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)

А. С. Титков, канд. геогр. наук, Университет Манчестера (Манчестер, Великобритания)

И. В. Утехин, канд. ист. наук, Европейский Университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Ф. Филиппов, д-р социол. наук, профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

И. Д. Фрумин, д-р пед. наук, профессор, Университет Констрактер (Бремен, Германия)

П. Хиггс, PhD, Университетский Колледж Лондона (Лондон, Великобритания)

И. Чалаков, PhD, Университет Пловдива (Пловдив, Болгария)

Адрес редакции:

119602, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 3 (корпус 2)

Отпечатано в типографии ИД «Дело»

Адрес издателя и типографии:

119602, Москва, пр. Вернадского, 84, корпус 3

<https://socofpower.ranepa.ru>

soc.of.power@gmail.com

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 — 46715 от 23.09.2011

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ России (К1).

Индексация: Белый список РЦИ, RSCI, ВАК (К1), Финский белый список (JUFO), DOAJ, ERIH Plus, PhilPapers, Hungarian Scientific Bibliography Database, UlrichWeb Global Serials Directory, Jisc Open policy finder (бывш. Sherpa Romeo), Scilit, OpenAlex, Wikidata, Scholia, Fatcat, Journal Observatory, DNB 1 / DNB 2, CrossRef, ROAD, РИНЦ, eLibrary

© РАНХиГС (дизайн, верстка), 2025

© Авторы, 2025

Социология
ВЛАСТИ
Том 37
№ 4 (2025)

Sociology of Power Sotsiologiya vlasti

Vol. 37. No 4, 2025

Founder: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Frequency: quarterly

Founded: 1989

Editorial Office:

Editor-in-Chief: Anton A. Smolkin, Cand. Sci. (Sociol.), RANEPA, Moscow, Russian Federation

Deputy Editor-in-Chief: Aleksei I. Zygmunt, Cand. Sci. (Philos.), RANEPA, Moscow, Russian Federation

Scientific Editor: Ivan V. Napreenko, HSE University, Moscow, Russian Federation

Editor of the English content: Nils Klowait, Paderborn University, Paderborn, Germany

Editorial Board:

Paul Higgs, PhD, University College London, London, United Kingdom

Alexander F. Filippov, PhD, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation

Issak D. Frumin, PhD, Constructor University, Bremen, Germany

Vladimir A. Mau, PhD, Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russian Federation

Dmitry V. Mikhel, PhD, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Jaemin Lee, PhD, The Chinese University of Hong Kong, Hong Kong

Jeremy Morris, PhD, Aarhus University, Aarhus, Denmark

Mikhail M. Sokolov, PhD, European University, St. Petersburg, Russian Federation

Ellan Spero, PhD, MIT, Cambridge, USA

Olga E. Stolyarova, PhD, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Ivan Tchalakov, PhD, University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Alexey S. Titkov, PhD, University of Manchester, Manchester, United Kingdom

Ilia V. Utekhin, PhD, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation

Slavoj Žižek, PhD, University of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Editorial address:

82 (build. 3), Vernadskogo Ave, Moscow, 119602, Russian Federation

Indexing: Finnish Journal White List (JUFO), DOAJ, ERIH Plus, PhilPapers, Russian Science Citation Index (RSCI), Russian white list, Jisc Open policy finder (former — Sherpa Romeo), Hungarian Scientific Bibliography Database, UlrichWeb Global Serials Directory, Scilit, OpenAlex, Wikidata, Scholia, Fatcat, Journal Observatory, DNB 1/DNB 2, ROAD, Russian Journal Rank RCSI, eLibrary

<https://socofpower.ranepa.ru>

soc.of.power@gmail.com

Printed at “Delo” printing house

© RANEPA (design, layout), 2025

© Authors, 2025

Содержание

Предисловие редакторов-составителей

-
- 8 Антон П. Казун, Михаил Д. Белов
Эмпирические исследования права в России:
расширение границ

Статьи

-
- 19 Светлана В. Жучкова, Никита М. Смирнов
Пьющая жертва — мягкий приговор? Злоупотребление
жертвой алкоголем как фактор строгости приговоров
за убийство женщин
-
- 51 Станислава Ю. Амшаринская
Сдерживание или нормализация: взаимосвязь между уровнем
убийств и строгостью судебных приговоров в регионах России
-
- 77 Ангелина И. Щетинина, Антон П. Казун
Выпивать и наказывать: социально-экономические
детерминанты насильственной преступности в регионах
России
-
- 101 Анна А. Луликян
Моральная карьера женщин, осужденных за совершение
убийства: нарративный анализ
-
- 138 Лика В. Капустина, Софья С. Педченко
Влияние гендера обвиняемых и судей на исход дел
по протестам: эмпирическое исследование судебных решений
по делам по ст. 20.2 КоАП РФ в Москве
-
- 163 Вадим Ю. Девятников
Массовый редистриктинг и распределительная политика:
эмпирический анализ на примере регионов России
-
- 186 Татьяна В. Гудзь, Роман В. Бабейкин,
Наталья В. Самоловских
Институциональный кризис градостроительного зонирования
в России

-
- 215 Полина М. Осипова, Владимир Д. Чураков,
Сергей В. Виноградов, Олег Д. Пырсигов
В горах так не принято: множественность нормативных систем
в Северной Осетии
-
- 249 Галина Е. Рулева
Зарубежная трудовая миграция в поздней Российской империи:
практики регулирования в отсутствие закона
-
- 269 Михаил Д. Белов, Антон П. Казун
«Пацаны не извиняются»: социологическая концептуализация
казанского феномена

Varia

-
- 295 Александр С. Юхно, Александр И. Агеев
Эволюция культуры и экспансия искусственного интеллекта
как вызовы системе государственного управления

Table of Contents

Contributing Editors' Foreword

-
- 8 ANTON P. KAZUN, MIKHAIL D. BELOV
Empirical Legal Studies in Russia: Expanding Boundaries

Articles

-
- 19 SVETLANA V. ZHUCHKOVA, NIKITA M. SMIRNOV
Stereotypes on Trial: Exploring the Role of Victim Alcohol Abuse in
Femicide Sentencing in Russia
-
- 51 STANISLAVA Y. AMSHARINSKAYA
Deterrence or Normalization: The Relationship Between Murder
Rates and Sentencing Severity in Russia's Regions
-
- 77 ANGELINA. I. SHCHETININA, ANTON P. KAZUN
Drinking and Punishing: Socioeconomic Determinants of Violent
Crime in Russia's Regions
-
- 101 ANNA A. LULIKYAN
The Moral Career of a Woman Convicted of Homicide: a Narrative
Analysis
-
- 138 LIKA V. KAPUSTINA, SOFIA S. PEDCHENKO
The Impact of the Gender of Defendants and Judges on the
Outcome of Protest Cases: An Empirical Study of Court Decisions
under Article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the
Russian Federation in Moscow
-
- 163 VADIM Y. DEVYATNIKOV
Mass Redistricting and Distributive Politics: Evidence
from Russia's Regions
-
- 186 TATIANA V. GUDZ, ROMAN V. BABEIKIN, NATALIA V. SAMOLOVSKIKH
The Institutional Crisis of Urban Zoning in Russia
-
- 215 POLINA M. OSIPOVA, VLADIMIR D. CHURAKOV,
SERGEY V. VINOGRADOV, OLEG D. PYRSIKOV
This Is Not Allowed in the Mountains: The Multiplicity of
Normative Systems in North Ossetia

249 HALINA RULEVA
Foreign Labor Migration from the Late Russian Empire: Regulation
Practices in the Absence of Law

269 MIKHAIL D. BELOV, ANTON P. KAZUN
“The Boys Don’t Apologize”: A Sociological Conceptualization of the
Kazan Phenomenon

Varia

295 ALEXANDER S. YUKHNO, ALEXANDER I. AGEEV
Cultural Evolution and the Expansion of Artificial Intelligence as
Challenges to the Public Administration System

Эмпирические исследования права в России: расширение границ

АНТОН П. КАЗУН*

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>

МИХАИЛ Д. БЕЛОВ**

<https://orcid.org/0000-0001-8848-2726>

* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

** Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, Лос-Анджелес, США

Рекомендация для цитирования:
Казун А. П., Белов М. Д. (2025)
Эмпирические исследования права
в России: расширение границ.
Социология власти, 37 (4): 8-18
EDN: EPFNLТ

For citation:
Kazun A. P., Belov M. D. (2025)
Empirical Legal Studies in Russia:
Expanding Boundaries. *Sociology of
Power*, 37 (4): 8-18

Поступила в редакцию: 12.11.2025;
принята в печать: 28.11.2025
Received: 12.11.2025; Accepted:
28.11.2025

© Authors, 2025
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

В последние два десятилетия социология права пережила стремительный рост благодаря развитию эмпирических исследований права (empirical legal studies). В научный оборот вошли большие массивы судебных решений, статистика правоприменения и разнообразные качественные данные, а международные журналы создают специальные выпуски, посвященные новым методам и критическим подходам. Например, недавний номер *Law & Society Review*, вышедший летом 2025 года, посвящен новым эмпирическим методам в критической расовой теории (Barnes, Obasogie 2025).

Российская социология права активно осваивает актуальный инструментарий эмпирических исследований (в т.ч. с опорой на экспериментальный дизайн), и уже сейчас можно констатировать стремительное развитие данного направления отечественных исследований, что в том числе

обусловлено вводом в оборот новых данных (Жучкова и др. 2025). В этом контексте исследователи возвращаются к вопросам о предпосылках преступности, к гендерным и региональным различиям в наказаниях, к правовому плюрализму и историческим формам государственного регулирования. Ниже мы кратко расскажем о каждом из составивших этот номер исследований, а также о том, какой вклад в научную дискуссию они вносят вместе и по отдельности.

Спецвыпуск открывает статья Светланы Жучковой и Никиты Смирнова «Stereotypes on Trial: Exploring the Role of Victim Alcohol Abuse in Femicide Sentencing in Russia?». Статья анализирует 1478 приговоров по делам об убийствах за 2013–2019 гг., собранных методом веб-скрейпинга. Эта работа развивает логику проекта «Алгоритм Света»¹ и более ранних исследований автора (Zhuchkova, Kazun 2023). В новой и методологически оригинальной работе при помощи регрессионного анализа авторы показывают, что злоупотребление алкоголем со стороны жертвы статистически связано с более мягким наказанием для того, кто совершил убийство. Сама постановка проблемы представляет большой интерес — исследователей интересует не то, как поведение обвиняемого (смягчающие или отягчающие обстоятельства) повлияло на строгость приговора, а то, может ли аморальное поведение жертвы в какой-то мере послужить смягчающим фактором в глазах правосудия. Оказалось, что может — и это совершенно новый для корпуса научной литературы вывод.

Станислава Амшаринская в статье «Сдерживание или нормализация: взаимосвязь между уровнем убийств и строгостью судебных приговоров в регионах России» также анализирует вопрос о строгости наказания за убийства. Массив данных взят из открытого репозитория к статье (Zhuchkova, Kazun 2023) и дополнен данными на региональном уровне. С помощью регрессии на уровне дел и динамических панельных моделей на уровне регионов анализируется два механизма: теория сдержек (предполагающая, что при высоком уровне убийств судьи ужесточают приговоры, пытаясь создать отпугивающий эффект) и эффект нормализации (снижение строгости наказаний по мере привыкания к насилию). Результаты показывают, что в регионах с большим количеством убийств судьи действительно назначают более строгие наказания. Однако высокая строгость и раскрываемость преступлений не приводят к снижению уровня убийств; напротив, последующий анализ не выявляет сдерживающего эффекта, что совпадает с выводами, полученными

1 Zhuchkova S. (2021) Algorithm Sveta (The Algorithm of Light). The source code. https://github.com/LanaLob/algorithm_sveta

в других актуальных исследованиях (Dölling et al. 2009). Отдельного упоминания заслуживает попытка использовать в исследовании погоду в качестве инструментальной переменной для объяснения уровня убийств в регионе — подход, хоть и не пригодившийся в основной части анализа, но тем не менее показывающий важность обсуждения проблемы причинно-следственной связи.

Темы, поднятые в вышеописанных статьях, дополнительно раскрываются в исследовании Ангелины Щетининой и Антона Казуна «Выпивать и наказывать: детерминанты насильственной преступности». В статье анализируется, какие социально-экономические факторы влияют на уровень насильственных преступлений (убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и т.п.) в российских регионах. Для этого использованы данные Генеральной прокуратуры РФ за 2011–2021 гг. и динамические панельные модели (System GMM), позволяющие учитывать эндогенность и инерционность показателей правоприменения. Авторы исследуют роль трех факторов: экономического развития (ВРП), алкоголизма и раскрываемости преступлений. Результаты показывают отрицательную связь между уровнем ВРП и насильственной преступностью, что подтверждает гипотезу о снижении стимулов к насилию при росте благосостояния населения. Чрезмерное потребление алкоголя положительно связано с уровнем насильственных преступлений. Рост раскрываемости преступлений приводит к снижению насильственной преступности в последующие периоды, что согласуется с теорией рационального выбора, согласно которой преступники реагируют на вероятность наказания, а не на его суровость. Соавторы отмечают, что алкогольная политика и повышение эффективности работы правоохранительных органов могут быть более результативны, чем ужесточение санкций за преступления.

Анна Луликян в драматургически выстроенной статье «Моральная карьера женщин, осужденных за совершение убийства: нарративный анализ» исследует вопрос, как меняется идентичность женщин, которые отбыли наказание за преступление? Как женщины сами воспринимают свой опыт? Исследование основано на шести биографических интервью с женщинами, осужденными по ч. 1 ст. 105 УК РФ и трех экспертных интервью. Хотя количество интервью и ограничено, собранный материал получится действительно уникальным. Для анализа Анна использует концепцию «моральной карьеры» Ирвинга Гофмана, рассматривающую трансформацию самоидентичности под влиянием стигмы. Анализ выделяет два основных нарратива: самооправдание (представление своего преступления как вынужденной самообороны) и самообвинение (интернализация вины и стыда). Автор приходит к выводу, что склонность женщин к тому или иному нарративу объясняется

не столько успешной ресоциализацией, сколько социальными условиями до ареста — образованием, наличием поддержки, опытом насилия. Работа встраивается в широкий международный (Salisbury, Van Voorhis 2009) и российский контекст исследований женского тюремного опыта (Сабирова 2012), а также работ, ставящих вопрос об эффективности тюрем как меры наказания (Apel, Diller 2016). Данные подчеркивают социальную уязвимость женщин-осужденных.

Следующий блок работ посвящен политическим исследованиям. Лика Капустина и Софья Педченко в работе «Влияние гендера обвиняемых и судей на исход дел по протестам: эмпирическое исследование судебных решений по делам по ст. 20.2 КоАП РФ в Москве» тестируют классическую в социологии права гипотезу о «женской скидке» — тенденции назначать женщинам-обвиняемым более мягкие наказания. В фокусе исследовательниц более 15 тыс. судебных решений по ст. 20.2 КоАП РФ в Москве за период 2017–2024 гг. В отличие от упомянутых ранее работ, это исследование опирается на тексты административных решений — также нового и пока еще очень редко используемого источника данных. Авторами проведен регрессионный анализ, учитывающий пол обвиняемых и судей, характер правонарушения и другие факторы. Исследование показывает, что в протестных делах эффект «женской скидки» не исчезает, хотя теория позволяла ожидать отсутствие данного эффекта. Это исследование показывает, что эффект «женской скидки» очень устойчив и работает в том числе в административных делах, связанных с вопросом о стабильности политического режима.

11

Исследование Вадима Девятникова «Массовый редистриктинг и распределительная политика: эмпирический анализ на примере регионов России» сфокусировано на малоизученных пока последствиях использования такого инструмента политической борьбы, как изменение границ избирательных округов (редистриктинг). Автор исследует, как массовое изменение границ округов влияет на распределение бюджетных средств и качество государственных услуг в регионах России. Метод анализа событий (event study) позволил оценить влияние редистриктинга в причинно-следственном ключе. В целом автор приходит к выводу, что массовый редистриктинг оказывает лишь точечное воздействие на распределение ресурсов и не ведет к системному увеличению финансирования государственных услуг. Международные исследования подтверждают связь между перераспределением границ и клиентелизмом, например, в работе П. Бардхана и соавторов (Bardhan et al. 2024) показано, что изменения границ в индийских деревнях приводят к манипулированию распределением программ поддержки, причем ресурсами управляют в пользу отдельных бенефициаров, тогда как на общественные блага это не распространяется. Российские

результаты дополняют эту литературу и демонстрируют сходные паттерны.

Исследование «Институциональный кризис градостроительного зонирования в России» (Татьяна Гудзь, Роман Бабейкин и Наталья Самоловских) рассматривает градостроительное зонирование как институт регулирования землепользования, сопоставляя официальный дискурс (44 изменения в ГрК РФ, 21 документ Минстроя, Минэкономразвития и Росреестра, 27 стандартов и аналитических докладов ВЭБ.РФ и ДОМ.РФ, 56 актов ведомственного контроля) с фактическим дискурсом, выявленным по 19 экспертным интервью, опросу 387 органов власти и статистике о 5200 индивидуальных актов (разрешения на УРВИ, отклонения от параметров застройки). Авторы показывают, что зонирование утратило автономную институциональную субъектность: в официальных риториках оно сводится к техническому инструменту «снижения барьеров», тогда как на практике превращается в механизм ситуативного административного регулирования. Разрыв между нормами и их применением свидетельствует об институциональном кризисе, ключевым его следствием становится перенос полномочий с муниципального на региональный уровень и ослабление участия местных сообществ в управлении застройкой. Работа вносит важный вклад в понимание развития градостроительного зонирования в России, оставаясь одним из очень немногочисленных исследований в данной области.

Полина Осипова, Владимир Чураков, Сергей Виноградов и Олег Пырских разрабатывают идею правового плюрализма в статье «В горах так не принято: множественность нормативных систем в Северной Осетии». Авторы уточняют модель нормативных систем Брайана Таманахи и анализируют, как разные социальные порядки взаимодействуют на практике. В основе исследования — интервью, собранные во время экспедиций в Северную Осетию в августе 2023 и октябре 2024 гг. Через кодирование качественных данных выделяются элементы нормативных систем: декларируемые нормы, источники, институты реализации, отношение к нормам и порядок их применения. Авторы показывают, что многие элементы встречаются одновременно в нескольких системах, а границы между ними могут быть строгими (четкое разделение сфер) или нестрогими (переплетение и взаимопроникновение). Полученные данные обосновывают необходимость конкретизации концепции Таманахи (Tamana 2021), учитывающей эмпирическую множественность и сетевой характер нормативных порядков. Осетинский кейс демонстрирует, как в условиях полиэтничного региона правовые, религиозные и обычные нормы переплетены, и их регулирование требует учета локальных представлений о справедливости. Исследование удачно дополняет другую значимую работу в этой области

о взаимодействии норм шариата и российского законодательства в Чечне, выполненную Егором Лазаревым (Lazarev 2023).

Историко-правовое исследование Галины Рулевой «Зарубежная трудовая миграция в поздней Российской империи: практики регулирования в отсутствие закона» обращается к началу XX века, когда жители Минской и Гродненской губерний массово выезжали на заработки в США и Канаду. В условиях отсутствия единого эмиграционного закона регулирование трудовой миграции осуществлялось через комбинацию административных и уголовных норм. Анализ источников показывает, что эти меры были ориентированы на защиту государственных интересов и контроль над выездом, но не учитывали права трудовых мигрантов. В результате возник серый рынок посреднических услуг и усиливались коррупционные практики. Рулева демонстрирует, что правовая реакция на миграцию зависела от локальных условий: в одной губернии власти применяли уголовное преследование, в другой — ограничивались административными мерами.

Номер завершает статья за авторством редакторов этого спецвыпуска Михаила Белова и Антона Казуна, посвященная криминологическому и социолого-теоретическому анализу «казанского феномена». Эта тема стала достаточно популярной и обсуждаемой не только в интернете и СМИ, но и в академических кругах, поэтому мы решили подвести под нее теоретическую базу, тем самым приглашая читателя к концептуализации и размышлениям на тему в терминах социологических и криминологических теорий. Эмпирическим материалом статьи послужила книга Роберта Гараева «Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х», которая представляет собой набор богатых эмпирических свидетельств, однако не теоретизированных и не концептуализированных во всей полноте (книга просто не ставит перед собой такую задачу, хотя в ней есть ссылки и даже выжимки из научных текстов таких авторов, как Вадим Волков (2005) и Светлана Стивенсон (Stephenson 2011)). В данной статье мы рассказываем о том, как конкретные элементы казанского феномена могут быть объяснены с помощью различных социальных теорий. Это, пожалуй, самая теоретическая работа в настоящем выпуске, которая, однако, выполнена в менее традиционном для научных журналов стиле. Мы надеемся, что коллеги получат удовольствие от чтения, несмотря на выбранный формат подачи материала.

Суммируя сказанное, мы можем обозначить несколько пересекающихся тем, которые вписывают российские исследования в актуальные международные исследования, а именно:

- **Гендер как фактор неравенства в правосудии** Работы Жучковой и Смирнова, Капустиной и Педченко, Луликиан де-

монстрируют, как гендер обвиняемого связан с судебными решениями. Эти статьи в различных аспектах существенно расширяют научную дискуссию по данным проблемам. См. также (Salisbury, Crawford 2025; Meaux et al. 2018).

- **Правовой плюрализм и исторические институты.** Гудзь и соавторы, Осипова с коллегами и Рулева по-разному описывают множественность нормативных систем: от зонирования в городах до совокупности обычного, религиозного и государственного права в Северной Осетии и регуляции миграции в Российской империи. Эти исследования показывают, как формальное и неформальное переплетаются вместе и как исследователям важно учитывать множественные логики закона, а также тех, кто его осуществляет на практике. См. также (Swenson 2018; Araújo 2025; Tamanaha 2021).
- **Алкоголь как значимый фактор насильственной преступности.** Работы Жучковой и Смирнова и Щетининой и Казуна показывают, что потребление алкоголя играет существенную роль в насильственных преступлениях и назначении наказаний в России. В целом в России в последнее время растет число исследований о взаимосвязи алкоголя с различными социальными и экономическими факторами (Radaev, Roshchina 2021; Колосницына, Золотарева 2024), данный спецвыпуск дополняет этот корпус литературы анализом факторов, связанных с правоприменением. См. также (Rossow 2001; Naimi et al. 2016; Mišćikienė et al. 2025).
- **Сдерживание и наказание.** Амшаринская, Щетинина и Казун обращаются к вопросу о сдерживающем эффекте наказаний, который активно обсуждается в научной литературе (Dölling et al. 2009). Луликян на уникальных качественных данных показывает, как наказание влияет на судьбу женщин, совершивших убийство. См. также (Nagin 2013).
- **Региональные различия остаются в фокусе внимания.** Россия представляет собой уникальное поле для анализа, поскольку различия между регионами зачастую очень велики: см., например, (Белов, Казун 2024), где продемонстрированы огромные различия между регионами в части ДТП, совершаемых мужчинами и женщинами. В настоящем выпуске многие авторы также учитывали региональные различия. Гудзь и соавторы показали различия в сфере городского зонирования. Девятников исследовал последствия редистриктинга, выявляя клиентелистские стимулы в распределении бюджетов. Амшаринская, Щетинина и Казун опирались на региональную статистику Генеральной прокуратуры по преступности. Осипова и соавторы провели экспедицию в Северную

Осетию, показав уникальность данного региона. Белов и Казун фокусируются на конкретных региональных явлениях и анализе того, как они могут конституировать преступность.

Отдельно следует обратить внимание на широкое разнообразие методов анализа. В данном выпуске есть статьи, которые применяют кейс-стади, анализ интервью, анализ исторических документов, регрессионный анализ, event study, метод инструментальных переменных и др.

Представленный спецвыпуск демонстрирует траектории развития российской эмпирической социологии права. Все статьи объединяет стремление опираться на данные — от больших массивов судебных решений до исторических источников и глубинных интервью, а также использовать их для критического анализа правовых институтов. Исследования показывают, что право и правоприменение не существуют в вакууме: они тесно связаны с экономическими условиями, культурными нормами, политическими процессами и историей. Такой подход позволяет увидеть, что судьи и чиновники не только применяют нормы, но и производят их, а сами нормы изменяются под влиянием социального контекста.

Статьи нашего выпуска подтверждают, уточняют или опровергают международные теории (например, о теории сдерживания, правовом плюрализме или «женской скидке»), а также дополняют их новыми данными. Развитие эмпирических исследований права в России способствует не только более глубокому пониманию истории развития права, но также создает основу для проведения политики, основанной на эмпирических доказательствах (Drake et al. 2009). Мы надеемся, что этот выпуск станет стимулом для дальнейших исследований, сотрудничества и обсуждений в академическом сообществе, а также желаем аудитории журнала «Социология власти» приятного чтения.

15

Финансирование / Funding

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

The study was conducted within the framework of the HSE Fundamental Research Program.

Список источников / References

Белов М. Д., Казун А. П. (2024) Берегись его автомобиля: почему мужчины за рулем опаснее женщин? *Социология власти*, 36(2), pp. 142–163. EDN: OTALLU. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-142-163>

— Belov M. D., Kazun A. P. (2024) Beware of his car: why are men more dangerous than women behind the wheel? *Sociology of Power*, 36(2), pp. 142-163. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-142-163>. (in Russ.)

Волков В. В. (2005) *Силовое предпринимательство: Экономико-социологический анализ*. Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики. EDN: YWVVMYZ

— Volkov V. V. (2005) *Violent Entrepreneurship: An Economic-Sociological Analysis*. Publishing House of the State University — Higher School of Economics. (in Russ.)

Гофман Э. (2019) *Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений*. М.: Элементарные формы.

— Goffman E. (2019) *Total Institutions: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. Moscow: Elementary Forms. (in Russ.)

Жучкова С. В., Девятников В. Ю., Казун А. П., Белов М. Д., Сидорова О. И. (2025) Тексты судебных приговоров как источник данных для эмпирических исследований права в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (2), pp. 170-192. EDN: GZHDTO. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2575>

— Zhuchkova S. V., Devyatnikov V. Yu., Kazun A. P., Belov M. D., Sidorova O. I. (2025) Texts of court verdicts as a data source for empirical legal research in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (2), pp. 170-192. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2575>. (in Russ.)

Колосницына М. Г., Золотарева А. (2024) Влияние внешних шоков на нездоровое поведение: пандемия COVID-19 и потребление алкоголя. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (1), pp. 1-22. EDN: YCGVCE. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2510>

— Kolosnitsyna M. G., Zolotareva A. (2024) The impact of external shocks on unhealthy behavior: the COVID-19 pandemic and alcohol consumption. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), pp. 1-22. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2510>. (in Russ.)

Сабирова Г. А. (2012) «Непростые рассказы о себе и зоне»: ответы и вызовы нормативным представлениям в историях жизни женщин с опытом заключения (с. 105-140). В сборнике: Омельченко Е. Л. (ред.) *До и после тюрьмы. Женские истории*. Алетея.

— Sabirova G. A. (2012) “Difficult stories about themselves and the zone”: responses and challenges to normative ideas in the life stories of women with experience of imprisonment (pp. 105-140). In Omelchenko E. L. (Ed.) *Before and after prison. Women's stories*. Aletheia. (in Russ.)

Apel A. B., Diller J. W. (2016) Prison as Punishment: A Behavior-Analytic Evaluation of Incarceration. *The Behavior Analyst*, 40(1), pp. 243-256. <https://doi.org/10.1007/s40614-016-0081-6>

Araújo S. (2025) Legal Pluralism as Co-Presence: Disobeying the Hierarchies of the Western Canon. *Oñati Socio-Legal Series*, ahead of print. <https://doi.org/10.35295/osls.iisl.1931>

- Bardhan P., Mitra S., Mookherjee D., Nath A. (2024) How Do Voters Respond to Welfare Vis-a-Vis Public Good Programs? Theory and Evidence of Political Clientelism. *SSRN Scholarly Paper* No. 4731067. <https://papers.ssrn.com/abstract=4731067>
- Barnes M. L., Obasogie O. K. (2025) Introduction to the Special Issue on Empirical Methods and Critical Race Theory. *Law & Society Review*, 59(2), pp. 231-238. <https://doi.org/10.1017/lsr.2025.27>
- Dölling D., Entorf H., Hermann D., Rupp T. (2009) Is Deterrence Effective? Results of a Meta-Analysis of Punishment. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 15(1), pp. 201-224. <https://doi.org/10.1007/s10610-008-9097-0>
- Drake E. K., Aos S., Miller M. G. (2009) Evidence-Based Public Policy Options to Reduce Crime and Criminal Justice Costs: Implications in Washington State. *Victims & Offenders*, 4(2), pp. 170-196. <https://doi.org/10.1080/15564880802612615>
- Griffiths J. (1970) Ideology in Criminal Procedure or a Third “Model” of the Criminal Process. *The Yale Law Journal*, 79(3), pp. 359-417.
- Hu L., Kohler-Hausmann I. (2025) What Is Perceived When Race Is Perceived and Why It Matters for Causal Inference and Discrimination Studies. *Law & Society Review*, 59(2), pp. 239-264. <https://doi.org/10.1017/lsr.2024.36>
- Lazarev E. (2023) *State-Building as Lawfare: Custom, Sharia, and State Law in Postwar Chechnya*. Cambridge University Press.
- Meaux L. T., Cox J., Kopkin M. R. (2018) Saving Damsels, Sentencing Deviants and Selective Chivalry Decisions: Juror Decision-Making in an Ambiguous Assault Case. *Psychiatry, Psychology, and Law*, 25(5), pp. 724-736. <https://doi.org/10.1080/13218719.2018.1474817>
- Miščikienė L., Trišauskė J., Štelemėkas M., Astromskė K. (2025) Explaining the Link Between Alcohol and Homicides: Insights from the Analysis of Legal Cases in Lithuania. *Medicina*, 61(4), pp. 657. <https://doi.org/10.3390/medicina61040657>
- Nagin D. S. (2013) Deterrence in the Twenty-First Century. *Crime and Justice*, 42, pp. 199-263. <https://doi.org/10.1086/670398>
- Naimi T. S., Xuan Z., Cooper S. E., Coleman S. M., Hadland S. E., Swahn M. H., Heeren T. (2016) Alcohol Involvement in Homicide Victimization in the United States. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 40(12), pp. 2614-2621. <https://doi.org/10.1111/acer.13230>
- Packer H. (1964) Two Models of the Criminal Process. *University of Pennsylvania Law Review*, 113(1), pp. 1-68.
- Radaev V., Roshchina Y. (2021) Decline in Alcohol Consumption in Russia: Collectivity or Polarisation? *Drug and Alcohol Review*, 40(3), pp. 481-488. <https://doi.org/10.1111/dar.13253>
- Rossow I. (2001) Alcohol and Homicide: A Cross-Cultural Comparison of the Relationship in 14 European Countries. *Addiction*, 96(Suppl 1), pp. S77-S92. <https://doi.org/10.1080/09652140020021198>
- Salisbury E. J., Crawford A. (2025) Gender-Responsive Treatment to Improve Outcomes for Women and Girls in Correctional Settings: Foundations, Limitations and Innovations. *Health & Justice*, 13(1), pp. 11. <https://doi.org/10.1186/s40352-025-00316-w>
- Salisbury E. J., Van Voorhis P. (2009) Gendered Pathways: A Quantitative Investiga-

tion of Women Probationers' Paths to Incarceration. *Criminal Justice and Behavior*, 36(6), pp. 541-566. <https://doi.org/10.1177/0093854809334076>

Stephenson S. (2011) The Kazan Leviathan: Russian Street Gangs as Agents of Social Order. *The Sociological Review*, 59(2), pp. 324-347. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2011.02007.x>

Swenson G. (2018) Legal Pluralism in Theory and Practice. *International Studies Review*, 20(3), pp. 438-462. <https://doi.org/10.1093/isr/vix060>

Tamanaha B. Z. (2021) *Legal Pluralism Explained: History, Theory, Consequences*. Oxford University Press.

Zhuchkova S. (2021) Algorithm Sveta (The Algorithm of Light). The source code. https://github.com/LanaLob/algorithm_sveta

Zhuchkova S., Kazun A. (2023) Exploring Gender Bias in Homicide Sentencing: An Empirical Study of Russian Court Decisions Using Text Mining. *Homicide Studies*, 29(2), pp. 133-156. <https://doi.org/10.1177/10887679231217159>

Об авторах / About the authors

18

Антон Павлович Казун — кандидат социологических наук, директор Института анализа предприятий и рынков, доцент факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научные интересы: социология права, институциональная экономика. <https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>. E-mail: akazun@hse.ru

Anton P. Kazun — PhD in Sociology, Director of the Institute for Industrial and Market Studies, Associate Professor, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics. Research interests: sociology of law, institutional economics. <https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>. E-mail: akazun@hse.ru

Белов Михаил Дмитриевич — аспирант, Департамент Коммуникаций, Калифорнийский Университет в Лос-Анджелесе (UCLA), США. Научные интересы: социология права, конверсационный анализ, вычислительная социальная наука, политическая коммуникация, лингвистическая антропология. <https://orcid.org/0000-0001-8848-2726>. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

Mikhail Belov — PhD student, Department of Communication, University of California, Los Angeles (UCLA), USA. Research interests: sociology of law, conversation analysis, computational social science, political communication, linguistic anthropology. <https://orcid.org/0000-0001-8848-2726>. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

Пьющая жертва — мягкий приговор? Злоупотребление жертвой алкоголем как фактор строгости приговоров за убийство женщин

СВЕТЛАНА В. ЖУЧКОВА*

<https://orcid.org/0000-0002-4425-725X>

НИКИТА М. СМИРНОВ*

<https://orcid.org/0000-0002-9513-2641>

* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Рекомендация для цитирования:

Жучкова С. В., Смирнов Н. М. (2025) Пьющая жертва — мягкий приговор? Злоупотребление жертвой алкоголем как фактор строгости приговоров за убийство женщин. *Социология власти*, 37 (4): 19–50
EDN: IQJVZM

For citation:

Zhuchkova S. V., Smirnov N. M. (2025) Stereotypes on Trial: Exploring the Role of Victim Alcohol Abuse in Femicide Sentencing in Russia. *Sociology of Power*, 37 (4): 19–50

Поступила в редакцию: 30.04.2025;
прошла рецензирование: 03.08.2025;
принята в печать: 11.08.2025
Received: 30.04.2025; Revised:
03.08.2025; Accepted: 11.08.2025

© Authors, 2025

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Настоящее исследование посвящено анализу связи между злоупотреблением алкоголем со стороны жертвы и дальнейшим приговором в делах об убийстве женщины ее партнером в России (с акцентом на различия между судьями-женщинами и судьями-мужчинами). Эмпирическая база составила 1 478 текстов судебных приговоров по статьям об убийстве (2013–2019 гг.), собранных методом веб-скрейпинга с официальных государственных агрегаторов и обработанных посредством методов интеллектуального анализа текстов. С помощью регрессионного анализа показано, что в случаях, когда жертва убийства злоупотребляла алкоголем, партнеру выносится в среднем более мягкий приговор, особенно если дело рассматривает женщина-судья. Этот эффект сохраняется после учета юридически значимых факторов — наличия смягчающих и отягчающих обстоятельств, рецидива и признания вины — и по силе сопоставим с этими факторами. Показано, что более мягкий приговор обусловлен именно самим фактом злоупотребления алкоголем, а не последующим провокационным поведением жертвы. Полученные результаты противоречат распространенным представлениям о большей склонности мужчин обвинять женщин-жертв.

Напротив, в российской судебной практике женщины-судьи чаще проявляют снисходительность к обвиняемым мужчинам, если жертва нарушала традиционные гендерные нормы поведения. Авторы интерпретируют обнаруженный эффект через призму теории справедливого мира и гендерных установок, подчеркивая, что судебные решения отражают не только правовые, но и культурные представления о допустимых ролях женщин. Исследование демонстрирует потенциал автоматизированного анализа текстов приговоров как инструмента изучения уклонов (bias) в российской судебной практике.

Ключевые слова: злоупотребление алкоголем, теория справедливого мира, убийство партнера, насилие над партнером, интеллектуальный анализ текстов, судебные решения, анализ приговоров.

Stereotypes on Trial: Exploring the Role of Victim Alcohol Abuse in Femicide Sentencing in Russia

Svetlana V. Zhuchkova*

<https://orcid.org/0000-0002-4425-725X>

Nikita M. Smirnov*

<https://orcid.org/0000-0002-9513-2641>

* National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract: This study examines how victims' alcohol abuse affects sentencing in cases where a woman is killed by her intimate partner in Russia, focusing on gender differences among judges. The research uses a dataset of 1,478 court verdicts (2013–2019), obtained via web scraping from official sources and processed through text mining techniques. Using regression analysis, the study shows that the victim's alcohol abuse is, on average, associated with more lenient punishment — particularly when the presiding judge is a woman. This effect remains significant after controlling for legally relevant factors, and its size is comparable to them. This influence is driven by the mere fact of alcohol abuse rather than by subsequent provocative behavior of the victim. The findings contradict common assumptions that male judges are more prone to victim-blaming. On the contrary, in Russian judicial practice, female judges tend to show greater leniency toward defendants when the victim has violated traditional gender norms. The results are interpreted through the lens of just world theory and gender role attitudes, emphasizing that judicial decisions reflect not only legal reasoning but also culturally embedded beliefs about appropriate female behavior. The study also demonstrates the potential of automated text analysis of court verdicts as a powerful tool for exploring social biases and gender stereotypes in the Russian judiciary.

Keywords: alcohol abuse, just world theory, intimate partner homicide, intimate partner violence, text mining, court decisions, sentencing.

Introduction

Violence against women is a major social problem and human rights violation, and femicides are the most severe form of it. According to the UN statistics, a third of all femicide victims globally (34%) are murdered by their intimate partners (UNODC 2019).

Previous studies reveal that judges tend to perceive violence between partners as more acceptable than other types of violence. This results in lenient sentences in comparison with violence outside intimate relationships (Black 1976; Dawson 2004, 2006). There are different explanations of this pattern; most of them are rooted in theories of focal concerns and bounded rationality. These theories posit that judges take into account three key issues: offender culpability, public protection, and the practical constraints of the court (Steffensmeier et al. 1998). But in conditions of limited time and information, they rely on stereotypes to make their decisions about these issues (Albonetti 1991). In the case of intimate partner homicides, one of the stereotypes is that such crimes imply some degree of victim involvement, mitigating the defendant's culpability (Dawson 2006; Dawson & Sutton 2017).

Current empirical studies show that perceptions of the victim's lifestyle and behavior may vary for male and female observers, but the direction of these differences is still under discussion. While many studies show that it is more common for men than for women to blame female victims (Bongiorno et al. 2020; Bryant & Spencer 2003; Davies et al. 2009; Grubb & Harrower 2009; Schult & Schneider 1991; Ulybina 2020; Witte et al. 2006; Yamawaki et al. 2009), some research identifies no association between the observers' gender and perception of victim's behavior (Abrams et al. 2003; Girard & Senn 2008; Hillier & Foddy 1993; Kern et al. 2007; Krahe 1988; Landström et al. 2016; Persson et al. 2018; Qi et al. 2016). Using the example of the victim's history of alcohol abuse, this paper aims at contributing to this field of research by answering the following questions:

RQ1: Does the victim's abuse of alcohol affect sentencing in intimate partner femicides?

RQ2: Does the effect of the victim's abuse of alcohol differ for male and female judges in its direction?

We focus exclusively on cases of female victims, as the perception of alcohol abuse by women is more strongly associated with a violation of traditional gender norms (Iwamoto et al. 2018). In many societies, including Russia, women's alcohol consumption is viewed as deviant and inappropriate, which makes it a more potent trigger for victim-blaming attitudes (Sims et al. 2007). Therefore, the social meaning and evaluative load of alcohol abuse are not symmetrical across genders, justifying our decision to limit the analysis to female victims.

The novelty of the present study is twofold. First, it is the first empirical research on intimate partner violence in Russia, based on non-reactive court decision data¹. Most of the academic studies of domestic and intimate partner violence are devoted to American, Canadian, or Australian contexts with little attention to other countries because of the general lack of available criminal data (Garcia-Moreno et al. 2003; Johnson et al. 2010; Stöckl et al. 2013; Vassileva & Delpuech 2021). Russia may be an interesting case for the international audience: according to the UN Office on Drugs and Crime, it has one of the highest rates of intimate partner femicides worldwide (UNODC 2023). Other particular characteristics include the absence of any legal framework related to gender-based or domestic violence, and the ongoing debates regarding the corresponding law. Second, previous research on domestic and intimate partner violence and perceptions of the victim's role is mostly based on vignette experiments describing hypothetical situations and involving students as participants (e.g., Braden-Maguire et al. 2005; Bryant & Spencer 2003; Luginbuhl & Mullin 1981; Pavlou & Knowles 2001; Summers & Feldman 1984; van der Bruggen & Grubb 2014; Witte et al. 2006). Such a design does not reflect the practices and attitudes of real judges who, in comparison with students, have specific qualifications, experience of dealing with similar crimes, and whose decisions directly affect people's lives. In this study, we use unique data extracted from texts of court verdicts on actual crimes. With such methodology, our example continues the recently emerged stream of sentencing research that uses text mining² approach (see Pina-Sánchez, Grech, et al. 2019; Pina-Sánchez, Roberts et al., 2019).

The paper is structured as follows. The first section is devoted to the literature review on factors contributing to victim blaming in violence against women and the role of alcohol abuse in such attitudes; this section ends with the statement of hypotheses. The second section describes the process of text data collection, preprocessing, and analysis. The third section presents the results of the analysis in correspondence with the proposed research questions and hypotheses. The final section discusses the obtained results, the research limitations, and ideas for further studies.

Theoretical and empirical background

The role of the victim's behavior in case outcomes is a subject of the

1 Also see (Zhuchkova, 2021).

2 In this research, text mining refers to the automated process of extraction variables from the texts.

literature devoted to the victim-blaming topic. One of the most frequently used frameworks on this issue — namely, the just world theory — assumes that individuals tend to believe that people get what they deserve, i.e., people's actions lead to fair consequences (Lerner 1980). In case of crimes, this framework posits that people are victimized because they did not prevent the victimization or, in particular, instigated the crime to happen (Gamache 2006). Another relevant framework is the discounting principle proposed by Kelley (1973) as a part of the causal attribution processes. According to this principle, “the role of a given cause in producing a given effect is discounted if other plausible causes are also present” (Ibid., p. 113). In regard to crimes, this principle means that the victim's behavior may be considered an additional cause for the crime, which reduces the amount of blame assigned to the aggressor.

Indeed, victims' behavior prior to the crime has been shown as one of the key factors contributing to the victim blaming in cases of violence against women (Witte et al. 2006). Thus, studies demonstrate that if the victim's confrontation or verbal provocation predates the domestic battering, observers are prone to see the batterer as less responsible for the violence (Harris & Cook 1994; Kern et al. 2007; Pavlou & Knowles 2001; Rhatigan et al. 2011; C. Stewart et al. 2012; Witte et al. 2006). A sizable body of literature originating from Wolfgang's work (1957) examines the so-called “victim-precipitated homicides”, i.e., homicides that were a result of victims first using physical force, weapons, etc. However, not only the direct use of violence but also other characteristics of the victim's behavior may be associated with less responsibility put on the perpetrators. For example, if jealousy becomes a motive for battering, assuming that a woman gives a reason for a man to be jealous, more blame is assigned to her (Delgado et al. 1997; Pavlou & Knowles 2001). In fact, even minor things such as being late for the meeting may be associated with the increased blame to the victim for the consequent violence (Gamache 2006). Reviews show that the better the victim and perpetrator know each other, the more the victim is blamed (Gravelin et al. 2019; van der Bruggen & Grubb 2014), that is why in cases of intimate partner violence victim's own responsibility for the violence becomes one of the most widespread stereotypes defining judges' decisions (Dawson & Sutton 2017).

Besides, because such conflicts imply a history of previous relationships between a perpetrator and a victim, some attributes of these relationships also lead to different attributions of victim blame. Among these attributes, for example, are the victim's attempts to leave the abusive relationships. In cases when a prior history of violence is relevant for the family, perpetrators receive harsher sentences when there were attempts by the victim to leave the family. On the contrary, staying in such relationships increases the risk of future violence and,

as a result, is perceived as a victim's responsibility and leads to lenient punishment for perpetrators (Dawson 2003; Mahoney 1991; Rapaport 1991). However, the amount of blame given to a victim because of the previous behavior may vary depending on the crime type and severity (Koepeke et al. 2014). In this regard, homicides become an interesting type of crime to examine since it implies the most severe of possible consequences for the victim (her death), which may outweigh all the prior circumstances.

In the literature, blaming of female victims is strongly associated with attitudes towards women in general. More conservative attitudes correspond to the higher level of blame to female victims (Pavlou & Knowles 2001; Stewart et al. 2012; Viki & Abrams 2002; Yamawaki & Tschanz 2005). As the theory of ambivalent sexism states, women "are rewarded with benevolent care if they embrace traditional roles" (Koepeke et al. 2014, p. 447). In this regard, drinking women may be seen as those who violate gender norms (Kantor & Straus 1989). This gendered asymmetry is particularly relevant in the Russian context, where traditional norms surrounding femininity and modesty persist strongly (Bobrova et al. 2010). As a result, alcohol consumption by women is likely to be interpreted not just as a behavioral flaw, but as a moral failing or indication of deviant character. By contrast, alcohol consumption by men is often socially tolerated or even expected, making it a less salient factor in judgments of victim blame. Hence, focusing on female victims allows us to analyze how gendered expectations and stereotypes shape judicial decisions in femicide cases.

Women's intoxication was shown to be perceived as justification or provocation for rape and sexual assault. Gravelin et al. (2019) in their review found that most of the studies that manipulated intoxication level illustrate that a female rape victim in a state of intoxication receives more blame in comparison with the victim being sober. Besides sexual crimes, studies show that drinking women are also more frequently exposed to domestic violence (see Devries et al. (2014) for a review). Kantor and Straus (1989) explain this by suggesting that intoxicated women become more verbally aggressive. In comparison with men, for women such aggressiveness does not correspond to the traditional gender roles and, as a result, women "lose the protection afforded by other traditional gender role norms, such as 'never hit a woman'" (Ibid., p. 185) and thus legitimate the violent response.

One of the possible mediators in the association between the described factors and victim blaming is the observer's gender, which is the main focus of our study. The current empirical evidence of gender differences is rather contradictory. In a number of studies, no association was found between the gender of the observer and the level of victim blaming (Abrams et al. 2003; Girard & Senn 2008; Hillier & Foddy 1993; Kern et

al. 2007; Krahe 1988; Landström et al. 2016; Persson et al. 2018; Qi et al. 2016). Other studies indicate that male respondents tend to blame female victims more than female respondents do (Bongiorno et al. 2020; Bryant & Spencer 2003; Davies et al. 2009; Grubb & Harrower 2009; Schult & Schneider 1991; Ulybina 2020; Witte et al. 2006; Yamawaki et al. 2009). This pattern is usually explained by the defensive attribution theory, claiming that with the decreasing similarity between an observer and a victim, the amount of blame increases (Shaver 1970). In this regard, men may sympathize with the perpetrator of intimate partner violence and place responsibility on female victims, especially in the presence of the provocative behavior related to intoxication. Likewise, women are prone to support female defendants or victims as they may imagine themselves in similar circumstances. As Gravelin et al. (2019) show, no studies in their review indicate that women put more blame on female victims than men.

There is also a body of literature specifically on the role of gender in the judiciary; studies in the area also show inconclusive results. Some find no difference in judges' behavior in domestic violence cases (Hunter 2008), but there are studies indicating that female magistrates in lower courts more often show courtesy to the defendants, compared to male judges (Anleu & Mack 2017). Some argue that these disparities show different gender-colored expectations in professional behavior of judges (Thornton 1996; Rackley 2012).

25

As it was mentioned before, most of the described results are based on experimental studies utilizing vignettes (for critique of this approach see Stewart & Maddren 1997; van der Bruggen & Grubb 2014). Research on the role of victims' behavior and lifestyle that involves real data on crimes and reflects actual court practices is scarce, and our study aims to fill this gap. In accordance with the described theories, we propose two hypotheses corresponding to the raised research questions:

H1: *Femicide offenders whose victims abused alcohol in the past will get more lenient punishment than those whose victims did not do it.*

This hypothesis stems from the just world theory or the discounting principle mentioned earlier.

H2: *Male judges will give more lenient punishment to femicide offenders whose victims abused alcohol in the past in comparison with female judges.*

This hypothesis is based on the defensive attribution theory mentioned earlier.

H3: *The mitigating effect of victim's alcohol abuse on sentencing is explained by pre-homicide victim's provocative behavior: when controlling for provocation, the coefficient for alcohol abuse loses statistical significance.*

This hypothesis is based on the assumption proposed by Kantor and Straus (1989) that a victim's abuse of alcohol leads to verbal provocation and the provocation itself leads observers to put blame on the victim.

The test of this hypothesis allows us to conclude which groups of factors matter more in femicide sentencing: long-term background factors or situational triggers.

National context

Recent independent research demonstrated that Russia has the highest rate of intimate partner femicides in developing countries: 53% of all female homicides, which happened in 2011-2019 in Russia, were intimate partner homicides (Zhuchkova et al. 2021). In Russian society, attitudes towards domestic and intimate partner violence, which in its most serious form results in family-related homicides, are contradictory. The special law against domestic violence has been submitted to the government of the legislature at least three times since 1994, but still has not been adopted in the country. While national surveys demonstrate strong public support¹ for the law against domestic violence, the official state discourse declares the values of the patriarchal family and remains in opposition to this law, considering family relations a private matter (Muravyeva 2021).

26

Activities of NGOs, independent media, and some politicians have brought domestic violence in Russia to the spotlight; however, the project of DV-prevention law was strongly criticized by conservative actors, specifically, the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church (Lukovitskaya 2023). Federal policy documents recognize the problem; however, they shift the discussion to the role of traditional values and gender roles, ignoring programs proposed by the UN or HRW (ibid). Moreover, in 2017, domestic violence was decriminalized, and the corresponding article was relocated from the Criminal Code to the Administrative Code with only an up to \$150 fine, 15 days of arrest, or 120 days of community service². This caused a significant increase in demand for non-government initiatives, providing help to domestic violence victims (Bakin 2018).

Due to the absence of a legal framework related to domestic violence in Russia, it is not possible to find any reliable official disaggregated data on such crimes. Official statistics that are publicly available do not contain any indicators that crimes were committed by family members or intimate partners. These statistics are also aggregated by years, regions,

1 70% of Russians say that a special regulation is needed to prevent domestic violence (see more: VCIOM 2019).

2 Federal Law of the Russian Federation No. 8-FZ of 7 February 2017, "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 20.35 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation". (2017). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 7, Art. 1020. Retrieved June 29, 2025, from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213032/

crime types, etc., making it impossible to conduct an analysis on the crime-level data¹. Statistics that are available upon request to the police or the court institutions usually use a very limited notion of intimate partners (e.g., cohabitants would not be included in this category). Moreover, certain authors doubt the reliability of official DV statistics due to misclassification of criminal cases, which was admitted by the Russian Ministry of Internal Affairs (Lukovitskaya 2023).

Even in cases when victims try to use judiciary channels, they face problems on every step of the way. Out of those asking for help from the police, only 4% were satisfied with the result (Ibid.). Cases of domestic violence often tend to be mitigated before going to court, but even if they do reach the court, existing measures lack prevention potential: there are no protective measures in case of stalking or harassment, and nonphysical (psychological or economical) domestic violence is unpunishable under the current Criminal Code (Glebova et al. 2021). Even after passing all those obstacles, the victim may face gender discrimination in court. Russia is a part of CEDAW (Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women) and declares gender equality in the Constitution, but in domestic violence cases courts tend to be conservatively biased: victims face bureaucratic difficulties when forced to pursue the case on their own, get mocked in the media or even publicly and denied shelter for the time of judicial procedure (Chamusco 2017).

27

Previous studies of domestic violence and intimate partner femicides in Russia are limited due to several reasons discussed above: the sensitive nature of the topic, poor availability and quality of the data, and overall inconspicuousness of domestic violence in political discourse. Existing literature underlines long-term effects of domestic violence on victims and observers (Borisov et al. 2020), deproblematization of DV in the Russian media (Kazun et al. 2022), and specifics of domestic violence in Islamic regions of Russia (Sirazhudinova 2017; Gabaraeva 2021). However, most empirical research relies either on qualitative methods with limited potential for generalization or touches upon general legal documents, giving little knowledge about the current state of DV and femicides in Russia.

Data and methods

We consider texts of court decisions an alternative source of the relevant data. According to the Russian law, courts are mandated to publish such

¹ The only series of research relying on the disaggregated data is interconnected studies by Volkov (2014) and Chetverikova (2014) that were based on administrative data from Russian courts.

texts either on their websites or on the state automated system (SAS) Pravosudie [*Justice*]. There are some exceptions when verdicts are not published, namely, in cases related to treason, sexual assault, or minors.

SAS Pravosudie contains cases from all regions except Moscow, while Moscow cases are located on the Moscow city court's website. These texts include the detailed description of the committed crime, investigation results, witness testimony, victim's statements, etc.¹ Because of the comprehensive and semi-structured nature of such texts, the variables necessary for the analysis may be extracted from these texts using text mining techniques.

Crimes that may involve intimate partner homicides belong to the articles 105 ("Murder"), 107 ("Homicide committed in a state of temporary insanity"), and 111 part 4 ("Intentional infliction of a grave injury which has involved the death of the victim by negligence") of the Russian Criminal Code. For our research, we chose to include only cases of Article 105, Part 1. This part of the article implies that there was only one victim and one offender of a murder, the victim was *not* in a helpless state and *not* in a state of pregnancy, the murder was *not* committed with special cruelty and was *not* attended by rape or violent sexual actions. All the listed and some other aggravating circumstances are presented in Part 2 of Article 105, which was *not* included in our analysis. We intentionally limit our analysis to Part 1 of Article 105 as it makes the data more homogeneous and, therefore, substantially eases the further preprocessing and analysis of text data. The prescribed punishment for this crime is from 6 to 15 years of imprisonment.

The Russian Criminal Code contains a list of factors that mitigate or aggravate the punishment and are applicable to all articles if these factors are not explicitly assumed by the article. The mitigating circumstances include offenders' age under 18, their responsibility for infant children, the fact that offenders pleaded guilty, the illegality or amorality of the victim's behavior, and some other factors. As the Criminal Code posits, judges may also take into account other factors not included in the list. The mentioned amoral behavior of the victim may potentially include the victim's history of alcohol abuse; however, this category is not explicitly defined in the Criminal Code, so it remains the judges' discretion to consider this factor as the amoral behavior. The mitigating factors are taken into account only if aggravating factors are absent. Because most of the general aggravating factors are assumed by Part 2 of Article 105, for the chosen Part 1 of this article, such factors include recidivism of offences, commission of a crime with the use of weapons,

1 The structure of the court decision text is regulated by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

and others. The recidivism in Russia is of different degrees, which also define the type of correctional facility where criminals are sent. The perpetrator's alcohol intoxication may be considered an aggravating factor "depending on the nature and degree of public danger of the crime, the circumstances of its commission, and the personality of the perpetrator" (Article 63 of the Criminal Code).

This research relies on a unique set of quantitative data extracted from the texts of court decisions. We used the web scraping technique to download all available texts of court decisions for Article 105, Part 1 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Murder") from the SAS Pravosudie and the Moscow city court's website. The initial data set included 23816 verdict texts on homicides committed in 2013-2019 in Russia.

We first selected the cases of male-to-female homicides. In the Russian language, endings of words define the gender to which a word belongs. For example, the word *подсудимый* [*podsudimiy*] describes a male defendant, the word *подсудимая* [*podsudimaya*] describes a female defendant. Using these and similar expressions, we detected those cases where a female victim was murdered by a male defendant (N=3380). Then, we distinguished those cases that were intimate partner homicides. For this purpose, we used an open-source machine learning model that automatically predicts the type of victim-offender relationships based on the text of court decisions with an accuracy level of 94% (Zhuchkova 2021). This model was used to distinguish cases of intimate partner homicides (N=1478). Only these 1478 cases of male-to-female intimate partner homicides were used in the subsequent analysis.

29

To automatically extract the values of the variables, we used a set of rules comprised of specific phrases and regular expressions (sequences of special characters)¹. Appendix 1 demonstrates the examples of how the length of imprisonment², the victim's abuse of alcohol, and gender of a judge were defined. Using this approach, we automatically extracted the dependent variable (length of real incarceration in months), independent variables of interest (victim's abuse of alcohol, and gender of a judge), and all the control variables for future regression models: the degree of recidivism, the degree of guilty plea, and the presence of other aggravating and mitigating circumstances. Unfortunately, since many personal characteristics are anonymized in the texts of court decisions, some of the key control variables, such as the age or occupation of victims and offenders, were not included in our analysis.

1 The data extraction process was conducted using the standard Python package "re".

2 Non-carceral sentences were not included in the analysis.

To extract the variable indicating the presence or absence of victim's verbal provocation we defined phrases that describe insulting, swearing, arguing, etc. by a victim and assigned those texts in our sample that contained these phrases as cases with verbal provocation (see Appendix 2 for the examples that demonstrate how these phrases might look like in a text; see Appendix 3 for the full list of the regular expressions used to detect verbal provocation in verdicts).

To answer the proposed research questions, we first conducted preliminary bivariate analysis by building and comparing confidence intervals for the average length of imprisonment (in months) and then employed linear regression models with this variable as the dependent variable¹. Four models were built. In the first model, the independent variable of interest is the presence or absence of the victim's alcohol abuse. In the second model, the independent variable of interest is the interaction between this variable and a judge's gender. The third and fourth models included the victim's verbal provocation as a main effect and an interaction term with the judge's gender. The set of control variables comprises year, the degree of recidivism, guilty plea, and the presence of additional aggravating and mitigating circumstances. The degree of recidivism and the guilty plea were distinguished from other mitigating and aggravating circumstances as they were the most prevalent factors mentioned in the verdicts and the easiest to extract from the texts. All these variables, except for year, are legal factors that may directly affect the term of imprisonment. The year was included in the analysis to control the possible change in the dynamics of the average length of sentences for intimate partner homicides that may be anticipated because of the gradual change in overall attitudes towards such crimes in Russian society observed in recent years. Inference comes from the variance-covariance matrix clustered at the court level to address the possible commonalities of error terms (for more, see Arellano 1987).

The average length of imprisonment for the examined cases is 108 months (9 years; SD=21.7 months). Out of all 1478 cases included in the analysis, the victim's abuse of alcohol is detected in 27% of cases, the victim's verbal provocation is detected in 36% of cases. Cases are distributed for judges of different genders equally: 50% are considered by male judges, 50% are considered by female judges. Forty percent of defendants have no prior criminal records, 39% have prior records which in Russia are not considered recidivism, 7% have a record of conviction for an intentional crime committed earlier ("recidivism"), 6% of crimes are considered "dangerous recidivism", and 8% of crimes are considered "especially

1 All regression models were built using the Python package "statsmodels" (Seabold & Perktold 2010).

dangerous recidivism”. In 54% of cases, defendants fully admit their guilt, in 23% defendants partially admit their guilt, and in 23% defendants do not admit their guilt. Aggravating circumstances are observed in 56% of cases, while mitigating circumstances are observed in 92% of cases.

Results

Summary statistics depending on the judges’ gender (see Table 1) indicate that there are no significant differences in these variables between male and female judges¹, except for the length of imprisonment, which is higher for male judges (109 months for male judges and 107 for female judges), the presence of aggravating circumstances, which are also more common for cases judged by males (60% for male judges and 53% for female judges), and the presence of victim’s verbal provocation, which is mentioned more often in cases considered by female judges (31% for male judges and 41% for female judges).

Table 1
Summary statistics by judges’ gender

Variable	Male judge (N=739)	Female judge (N=739)
<i>Length of real incarceration, months (t = 2.24, p = 0.025)</i>		
Length of real incarceration	109.16	106.64
<i>Victim’s abuse of alcohol, % (χ2 = 0.98, p = 0.321)</i>		
No	74	71
Yes	26	29
<i>Victim’s verbal provocation, % (χ2 = 17.37, p = 0.000)</i>		
No	69	59
Yes	31	41
<i>Recidivism degree, % χ2 = 4.81, p = 0.307)</i>		

1 Overall, women account for approximately two thirds of Russian judiciary (UN-ECE 2022)

Variable	Male judge (N=739)	Female judge (N=739)
No prior crime records	38	42
Prior crime records which are not considered recidivism	39	39
Recidivism	8	6
Dangerous recidivism	6	6
Especially dangerous recidivism	9	8
<i>Guilty plea, % ($\chi^2 = 0.25, p = 0.880$)</i>		
No guilty plea	24	23
Partial guilty plea	23	22
Full guilty plea	53	55
<i>Other mitigating circumstances, % ($\chi^2 = 2.77, p = 0.096$)</i>		
No	9	6
Yes	91	94
<i>Other aggravating circumstances, % ($\chi^2 = 5.57, p = 0.018$)</i>		
No	40	47
Yes	60	53

The preliminary statistical analysis of differences in sentences was conducted by comparing the confidence intervals built for the average length of imprisonment. In regard to the first research question, these intervals were calculated for cases with and without the victim's abuse of alcohol. In regard with the second research question, they were calculated for four groups of cases: 1) cases with no abuse of alcohol considered by a female judge; 2) cases with abuse of alcohol considered by a female judge; 3) cases with no abuse of alcohol considered by a male judge; 4) cases with abuse of alcohol considered by a male judge. The average lengths and their 95% confidence intervals for the corresponding two questions

are presented in Tables 2 and 3. If the boundaries of the confidence intervals overlap, it means the lengths of imprisonment for the given groups do not differ statistically. At first sight, the results of the bivariate analysis show that cases with and without the victim’s abuse of alcohol differ significantly in terms of the sentence length. However, when taking into account a judge’s gender, it has been found that only one group of cases stands out among others: cases with the victim’s abuse of alcohol considered by female judges, for which the average sentence length is significantly lower than for others.¹

Table 2
Average sentences for cases with and without the victim’s abuse of alcohol

Victim’s abuse of alcohol	Number of cases	Length of incarceration (months)	95% confidence interval
No	1073	109.0	[107.7, 110.3]
Yes	405	104.9	[103.0, 106.9]

33

Table 3
Average sentences for cases with and without the victim’s abuse of alcohol considered by female and male judges

Judge’s gender	Victim’s abuse of alcohol	Number of cases	Length of incarceration (months)	95% confidence interval
Female	No	528	108.7	[106.9, 110.5]
	Yes	211	101.5	[98.9, 104.0]
Male	No	545	109.3	[107.4, 111.3]
	Yes	194	108.7	[105.9, 111.5]

Nevertheless, in such an analysis, all other factors that possibly may affect the sentence length are not taken into account. Because of that,

1 In statistics, the identified pattern is called the Simpson’s paradox, a phenomenon, when statistical relationship changes its direction or disappears when data are grouped. See more: (Simpson, 1951).

the identified difference of cases with the victim’s abuse of alcohol considered by female judges might be explained by other circumstances of the crime not related to the alcohol abuse itself. In order to control these other factors, regression analysis was employed.

The results of the regression analysis are presented in Table 4. The previously identified pattern is reproduced after controlling for other factors as well. Hence, all other things being equal, the victim’s abuse of alcohol significantly decreases the length of imprisonment ($p=0.000$) when taken into account, regardless of the judge’s gender. However, when considered separately for male and female judges, the victim’s abuse of alcohol decreases the term of imprisonment only in cases with female judges ($p=0.000$). It is also worth mentioning that the victim’s abuse of alcohol, apparently, becomes the factor that distinguishes the differences between male and female judges’ decisions in general, since the main effect of the judge’s gender remains non-significant in both models.

Table 4
Results of linear regression analysis (DV — length of real incarceration in months)

Variable	Model 1			Model 2		
	B	SE	p	B	SE	p
Intercept	104.08	2.26	.000	103.15	2.31	.000
Victim’s abuse of alcohol	-4.29	1.12	.000	-1.10	1.52	.469
Female judge	-1.18	1.01	.243	.52	1.23	.674
Victim’s abuse of alcohol & female judge				-6.21	2.15	.004
Previous crime records which are not considered recidivism	2.36	1.11	.033	2.31	1.11	.037
Recidivism	14.30	2.77	.000	14.32	2.75	.000
Dangerous recidivism	13.94	2.56	.000	13.99	2.55	.000
Especially dangerous recidivism	20.75	2.28	.000	20.67	2.26	.000

Variable	Model 1			Model 2		
	B	SE	p	B	SE	p
Partial guilty plea	-.22	1.60	.889	-.23	1.60	.885
Full guilty plea	-4.00	1.31	.002	-4.05	1.31	.002
Presence of mitigating circumstances	-2.95	1.62	.069	-2.77	1.62	.089
Presence of aggravating circumstances	5.30	1.18	.000	5.33	1.18	.000
Year 2014	-.46	1.91	.811	-.37	1.90	.844
Year 2015	3.37	1.75	.055	3.33	1.75	.057
Year 2016	4.00	1.71	.020	3.87	1.71	.024
Year 2017	5.76	1.82	.002	5.74	1.81	.002
Year 2018	6.25	1.92	.001	6.05	1.93	.002
Year 2019	1.29	1.83	.482	1.32	1.83	.470
N			1478			1478
R2			.176			.181
Adjusted R2			.167			.171

Note. The reference categories: no prior crime records, guilt is not admitted, no aggravating circumstances, no mitigating circumstances, male judge, no victim’s abuse of alcohol, year 2013. Standard errors are clustered at court level.

In regard to our hypotheses related to the effect of alcohol abuse itself, both of them have not been supported by our data and analysis. We expected both male and female judges to give more lenient punishments in cases where victims experienced alcohol abuse and assumed that for male judges, this effect would be stronger. According to our results, the victim’s abuse of alcohol affects sentences only in cases considered by female judges. It is also worth mentioning that the effect of alcohol abuse is comparable and, in some cases, even greater than the effect of legal

factors. Thus, the presence of other aggravating circumstances, except for recidivism, increases the sentence, on average, by five months, while the victim's abuse of alcohol in combination with a female judge decreases the sentence, on average, by more than six months.

To explain the potential mechanism why a victim's abuse of alcohol affects sentences, we also tested the third hypothesis that the victim's abuse of alcohol leads to verbal aggression. As our data show, victims with a prior history of alcohol abuse, indeed, more frequently verbally provoke their partners in comparison with those who do not have such a history. Thus, in 41% of cases where victims abuse alcohol, the verbal provocation is mentioned, while in cases with no alcohol abuse, this percentage is 34% ($\chi^2=5.54$, $p=0.019$). However, the provocation does not seem to make a crucial contribution since (1) it is seen that more than a half of victims who abused alcohol did not provoke their partners, and (2) the very variable of provocation has no significant effect when including in the previous regression models neither as a separate variable, nor as an interaction with judge's gender or alcohol abuse, and all other effects do not change significantly (see Table 5). This result indicates that judges tend to take into consideration the victim's lifestyle rather than just behavior prior to or during the crime.

36

Table 5
Results of linear regression analysis with provocation variable included (DV — length of real incarceration in months)

Variable	Model 1			Model 2			Model 3		
	B	SE	p	B	SE	p	B	SE	p
Intercept	103.35	2.30	.000	103.33	2.31	.000	103.20	2.31	.000
Victim's abuse of alcohol	-1.09	1.52	.491	-1.05	1.54	.493	-.23	1.65	.890
Female judge	.61	1.25	.628	.67	.38	.629	.54	1.26	.669
Victim's abuse of alcohol & female judge	-6.17	2.15	.004	-6.16	2.17	.005	-5.88	2.17	.007
Verbal provocation	-1.04	1.18	.380	-.95	1.87	.613	-.31	1.49	.836
Verbal provocation & female judge				-.17	2.34	.941			

Variable	Model 1			Model 2			Model 3		
	B	SE	p	B	SE	p	B	SE	p
Verbal provocation & alcohol abuse							-2.51	2.21	.257
Previous crime records which are not considered recidivism	2.30	1.11	.037	2.30	1.10	.037	2.25	1.11	.043
Recidivism	14.45	2.78	.000	14.44	2.82	.000	14.29	2.80	.000
Dangerous recidivism	14.05	2.57	.000	14.05	2.57	.000	13.92	2.59	.000
Especially dangerous recidivism	20.72	2.28	.000	20.72	2.29	.000	20.74	2.28	.000
Partial guilty plea	-.15	1.59	.926	-.15	1.58	.925	-.17	1.58	.913
Full guilty plea	-3.98	1.31	.002	-3.98	1.31	.002	-4.04	1.32	.002
Presence of mitigating circumstances	-2.70	1.62	.096	-2.70	1.62	.096	-2.69	1.62	.097
Presence of aggravating circumstances	5.25	1.19	.000	5.25	1.19	.000	5.31	1.20	.000
Year 2014	-.41	1.89	.831	-.40	1.89	.831	-.38	1.89	.843
Year 2015	3.39	1.75	.053	3.39	1.76	.055	3.31	1.77	.061
Year 2016	3.96	1.72	.022	3.96	1.72	.021	3.93	1.72	.023
Year 2017	5.76	1.80	.001	5.76	1.81	.001	5.74	1.81	.002
Year 2018	6.04	1.94	.002	6.04	1.95	.002	6.00	1.92	.002
Year 2019	1.35	1.83	.462	1.35	1.83	.459	1.34	1.83	.466

Variable	Model 1			Model 2			Model 3		
	B	SE	p	B	SE	p	B	SE	p
N			1478			1478			1478
R2			.181			.181			.182
Adjusted R2			.171			.170			.171

Note. The reference categories: no prior crime records, guilt is not admitted, no aggravating circumstances, no mitigating circumstances, male judge, no victim’s abuse of alcohol, no verbal provocation, year 2013. Standard errors are clustered at court level.

Discussion

38 The obtained results contradict the proposed hypotheses and demonstrate that female judges, rather than male judges, are prone to take into account the fact that a female victim of intimate partner homicide abused alcohol and adjust sentences based on this characteristic. It was shown that the presence of such a characteristic decreases the length of imprisonment in cases considered by female judges. The identified effect also contradicts most of the previous studies devoted to the victim-blaming issue and the defensive attribution theory that claims that observers rely on their own similarity with the victims when (not) blaming them.

Another theory underlying this research is the just world theory. According to this theory, people believe that bad things happen to bad people. It may be assumed that such a belief intensifies in cases of crimes that are more relevant for observers (Gravelin et al. 2019). Although we did not expect to obtain such significant disparities for male and female judges, some previous research confirms that the just world beliefs are more common for women, especially in cases of sexual crimes that involve much more women as victims than men (Sinclair & Bourne 1998).

In regard to intimate partner violence, this explanation is also relevant as it is much more likely for women to be victimized by their partners than for men (Dobash et al. 1992). Kristiansen and Giulietti (1990) received similar to ours results in their scenario-based study and proposed a resembling explanation why women blame female victims by supplementing the just world theory with the notion of perceptions of control. They posit that, although it may be equally necessary for both men and women to believe that the world is “just” and everyone gets what they deserve, it may be more important for women to feel control over their own likelihood of

victimization. If so, female judges tend to blame female victims to maintain such control and increase their confidence of not being the victim in the future whereas male judges may feel their own ability to prevent their victimization. Consistent with these assumptions, Janoff-Bulman (1982) showed that the more female observers blame rape victims, the more these observers are confident that they will not face the rape in the future.

Finally, the observed effect may be explained not by gender of judges but rather by their attitudes toward women and their perceptions of gender roles and norms. In this regard, Simonson and Subich (1999) show that the effect of observers' gender disappears when controlling for gender roles attitudes. In case of intimate partner violence, the victim's alcohol consumption may be perceived as women's violation of gender roles. If so, our results provide evidence to assume that for female judges traditional attitudes are more common than for male judges. Although our data lack indicators on such attitudes, we may test whether judges interpret victim's abuse of alcohol as "amoral behavior" that, according to the Russian Criminal Code, may be used as a mitigating factor. It turns out that only in 26% of cases with victim's abuse of alcohol the judge mentions "the amorality of victim's behavior" in a resolution section of the verdict, and these cases are distributed by male and female judges almost evenly: male judges mention this mitigating factor in 28% of cases with victim's alcohol abuse, female judges mention it in 24% of cases with victim's alcohol abuse, and these differences are non-significant ($\chi^2=0.91$, $p=0.341$). Therefore, at least explicitly most judges do not classify women's alcohol abuse as amoral behavior.

39

One notable pattern in the data is that female judges were more likely to consider cases in which the victim's verbal provocation was mentioned (41% vs. 31%; see Table 1). This difference may reflect two distinct but inter-related mechanisms. First, it is possible that female judges are more often assigned or choose to adjudicate cases involving intimate partner violence, especially if such cases are perceived as requiring more sensitivity or empathy. Second, female judges may be more attentive to details of the relationship dynamics and thus more likely to include or emphasize instances of verbal provocation in the written verdicts. Both mechanisms would result in a higher proportion of such mentions in cases decided by women. Alternatively, this discrepancy could reflect a selection bias at the court level or institutional routines in case assignment, which can only be partially accounted for in our data. Future research should investigate the internal logic of case distribution and framing of victim behavior in judicial texts.

Conclusion

This research aimed at detecting differences in how victims' abuse of alcohol affects sentencing in intimate partner femicides considered by male and female judges. To answer the proposed questions, we used data extracted

from the texts of court decisions on 1478 intimate partner femicides that occurred in Russia in 2013-2019. In comparison with previous research, our study uses data on actual crimes that reflect real practices of judges.

Our analysis revealed that, all legal factors being equal, the victim's abuse of alcohol decreases the sentence length in intimate partner femicides, but this effect is common only for female judges. The identified effect is comparable and, in some cases, is even stronger than the effects of legal factors. The data also demonstrate that specifically women's abuse of alcohol, but not the consequent verbal provocation, is associated with lenient sentences.

This study has several limitations. First and foremost, we rely on the data that are automatically extracted from the texts of court verdicts, and this approach imposes some restrictions on the quality of the data. Thus, we assume that we may have missed some phrases that are relevant for the victim's abuse of alcohol or verbal provocation, which means not all relevant cases may have been assigned as such; furthermore, we may have inaccurately extracted the values of other variables, i.e., our data may have some "noise". However, the regression coefficients obtained in this paper were quite stable and were reproduced in different research that included various samples of the initial data, which means that the negative consequences of this "noise" may be neutralized by the strong patterns observed in our data. Second, again, because of the nature of the data, we did not include some important control variables in our analysis that explain the observed variance in the length of imprisonment and potentially may nullify the identified effect of the victim's abuse of alcohol. Nevertheless, the texts of court decisions are currently seen as the only available source of detailed crime-level data for empirical legal studies in Russia. Third, we only detected the mentioned effect, but our data lack evidence to explain the underlying mechanism of why female judges tend to reduce the sentence for male defendants if their victims abused alcohol, so we may only hypothesize what mechanisms are involved here. To answer such kinds of questions, further research, including interviews with current or former judges or with the quantitative assessment of their attitudes towards women and intimate partner violence, is needed. Finally, we only account for previous alcohol abuse, leaving out cases where alcohol intoxication was present during the crime (either from the aggressor's or the victim's side). Additional analysis could provide valuable insights about the intersection of previous use of alcoholic substances and intoxication in time of the crime.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10073 «Разработка и апробация методики автоматизированного анализа текстов приговоров российских судов для

социально-правовых исследований (на примере насильственных преступлений)», <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>

This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10073 “Development and approbation of an algorithm for the automated analysis of the court decisions for socio-legal studies (based on cases of violent crimes)”. For more details see <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>

Список источников / References

- Abrams D., Viki G. T., Masser B., & Bohner G. (2003) Perceptions of stranger and acquaintance rape: The role of benevolent and hostile sexism in victim blame and rape proclivity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 84(1), pp. 111-125. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.84.1.111>
- Albonetti C. A. (1991) An Integration of Theories to Explain Judicial Discretion. *Social Problems*, 38(2), pp. 247-266. <https://doi.org/10.2307/800532>
- Anleu S. R., & Mack K. (2017) *Performing judicial authority in the lower courts*. Springer. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-52159-0>
- Arellano M. (1987) Computing Robust Standard Errors for Within-groups Estimators. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 49(4), pp. 431-434. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0084.1987.mp49004006.x>
- Bakin I. (2018, January 22) Год спустя: чем обернулась декриминализация домашних побоев [A year later: The results of the decriminalization of domestic battery] (2018). Znak.com. Retrieved from https://www.znak.com/2018-01-22/god_spustya_chem_obernulas_dekriminalizaciya_domashnih_poboev
- Black D. (1976) *The Behavior of Law*. Academic Press.
- Bobrova N., West R., Malyutina D., Malyutina S., & Bobak M. (2010) Gender differences in drinking practices in middle aged and older Russians. *Alcohol and Alcoholism*, 45(6), pp. 573-580. <https://doi.org/10.1093/alcac/agq069>
- Bongiorno R., Langbroek C., Bain P. G., Ting M., & Ryan M. K. (2020) Why Women Are Blamed for Being Sexually Harassed: The Effects of Empathy for Female Victims and Male Perpetrators. *Psychology of Women Quarterly*, 44(1), pp. 11-27. <https://doi.org/10.1177/0361684319868730>
- Borisov S. N., Volkova O. A., Besschetnova O. V., Dolya R. Yu. (2020) The domestic violence as factor of disorder of social and mental health. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhraneniya i istorii meditsini*. 28(68-73) (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73>
- Braden-Maguire J., Sigal J., & Perrino C. S. (2005) Battered Women Who Kill: Variables Affecting Simulated Jurors' Verdicts. *Journal of Family Violence*, 20(6), pp. 403-408. <https://doi.org/10.1007/s10896-005-7801-0>
- Bryant S. A., & Spencer G. A. (2003) University Students' Attitudes About Attributing Blame in Domestic Violence. *Journal of Family Violence*, 18(6), pp. 369-376. <https://doi.org/10.1023/A:1026205817132>

Chamusco B. (2017) «If He Beats You, It Means He Loves You»: Domestic Violence and Women's Rights in Russia.

Chetverikova I. (2014) The Impact of Family, Professional Status and Gender of Defendants on Sentencing Decisions by Russian Judges. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 4, pp. 101-123.

Davies M., Rogers P., & Whitelegg L. (2009) Effects of victim gender, victim sexual orientation, victim response and respondent gender on judgements of blame in a hypothetical adolescent rape. *Legal and Criminological Psychology*, 14(2), pp. 331-338. <https://doi.org/10.1348/978185408X386030>

Dawson M. (2003) The Cost of "Lost" Intimacy: The Effect of Relationship State on Criminal Justice Decision Making. *British Journal of Criminology*, 43(4), pp. 689-709. <https://doi.org/10.1093/bjc/43.4.689>

Dawson M. (2004) Rethinking the Boundaries of Intimacy at the End of the Century: The Role of Victim-Defendant Relationship in Criminal Justice Decisionmaking Over Time. *Law & Society Review*, 38(1), pp. 105-138. <https://doi.org/10.1111/j.0023-9216.2004.03801004.x>

Dawson M. (2006) Intimacy, violence and the law: Exploring stereotypes about victim-defendant relationship and violent crime. *The Journal of Criminal Law and Criminology*, 96(4), pp. 1417-1450.

Dawson M., & Sutton D. (2017) Similar sentences, similar crimes? Using deep sample analysis to examine the comparability of homicides and punishments by victim-offender relationship. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 49, pp. 58-70. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2017.02.002>

Delgado A. R., Prieto G., & Bond R. A. (1997) The Cultural Factor in Lay Perception of Jealousy as a Motive for Wife Battery1. *Journal of Applied Social Psychology*, 27(20), pp. 1824-1841. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1997.tb01627.x>

Devries K. M., Child J. C., Bacchus L. J., Mak J., Falder G., Graham K., Watts C., & Heise L. (2014) Intimate partner violence victimization and alcohol consumption in women: A systematic review and meta-analysis: IPV and alcohol. *Addiction*, 109(3), pp. 379-391. <https://doi.org/10.1111/add.12393>

Dobash R. P., Dobash R. E., Wilson M., & Daly M. (1992) The Myth of Sexual Symmetry in Marital Violence. *Social Problems*, 39(1), pp. 71-91. <https://doi.org/10.1525/sp.1992.39.1.03x0064l>

Gabaraeva M. R. (2021) Kontent-analiz feministskikh internetsoobshchestv Ingushetii: podnimaemye temy i problemy [Content analysis of the feminist Internet communities of Ingushetia: topics and issues]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* (4), pp. 52—61. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.4.4> (In Russ.).

Gamache K. (2006) Domestic Violence Blame Attributions in the State of Rhode Island. *Honors Projects Overview*, 10, pp. 1-25.

Garcia-Moreno C., Watts C., Jansen H., Ellsberg M., & Heise L. (2003) Responding to Violence against Women: WHO's Multicountry Study on Women's Health and Domestic Violence. *Health and Human Rights*, 6(2), 112. <https://doi.org/10.2307/4065432>

- Girard A. L., & Senn C. Y. (2008) The Role of the New “Date Rape Drugs” in Attributions About Date Rape. *Journal of Interpersonal Violence*, 23(1), pp. 3–20. <https://doi.org/10.1177/0886260507307648>
- Glebova T., Kravtsova N., & Bolotina N. (2021) Intimate Partner Violence in Russia. *International Perspectives on Intimate Partner Violence: Challenges and Opportunities*, pp. 25–30. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-74808-1_4
- Gravelin C. R., Biernat M., & Bucher C. E. (2019) Blaming the Victim of Acquaintance Rape: Individual, Situational, and Sociocultural Factors. *Frontiers in Psychology*, 9, 2422. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02422>
- Grubb A. R., & Harrower J. (2009) Understanding attribution of blame in cases of rape: An analysis of participant gender, type of rape and perceived similarity to the victim. *Journal of Sexual Aggression*, 15(1), pp. 63–81. <https://doi.org/10.1080/13552600802641649>
- Harris R. J., & Cook C. A. (1994) Attributions about spouse abuse: It matters who the batterers and victims are. *Sex Roles*, 30(7–8), pp. 553–565. <https://doi.org/10.1007/BF01420802>
- Hillier L., & Foddy M. (1993) The role of observer attitudes in judgments of blame in cases of wife assault. *Sex Roles*, 29(9–10), pp. 629–644. <https://doi.org/10.1007/BF00289209>
- Hunter R. (2008) *Domestic Violence Law Reform and Women's Experience in Court*. Cambridge Press.
- Iwamoto D. K., Corbin W., Takamatsu S., & Castellanos J. (2018) The association between multidimensional feminine norms, binge drinking and alcohol-related problems among young adult college women. *Addictive behaviors*, 76, pp. 243–249. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.08.016>
- Janoff-Bulman R. (1982) Esteem and control bases of blame: “Adaptive” strategies for victims versus observers. *Journal of Personality*, 50(2), pp. 180–192. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1982.tb01022.x>
- Johnson B. D., Van Wingerden S., & Nieuwbeerta P. (2010) Sentencing homicide offenders in the Netherlands: Offender, victim, and situational influences in criminal punishment. *Criminology*, 48(4), pp. 981–1018. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2010.00210.x>
- Kantor G. K., & Straus M. A. (1989) Substance Abuse as a Precipitant of Wife Abuse Victimizations. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, 15(2), pp. 173–189. <https://doi.org/10.3109/00952998909092719>
- Kazun A. P., Karpushkina A. A., Kurikhina D. V., Savunova M. S. (2022) “If He Beats You, It Means He Loves You”? Strategies for Deproblematizing Domestic Violence in the Russian Media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, pp. 149–171. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2220>. (In Russ.)
- Kelley H. H. (1973) The processes of causal attribution. *American Psychologist*, 28(2), pp. 107–128. <https://doi.org/10.1037/h0034225>
- Kern R., Libkuman T. M., & Temple S. L. (2007) Perceptions of Domestic Violence and Mock Jurors’ Sentencing Decisions. *Journal of Interpersonal Violence*, 22(12), pp. 1515–1535. <https://doi.org/10.1177/0886260507306476>

- Koepeke S., Eyssel F., & Bohner G. (2014) "She Deserved It": Effects of Sexism Norms, Type of Violence, and Victim's Pre-Assault Behavior on Blame Attributions Toward Female Victims and Approval of the Aggressor's Behavior. *Violence Against Women*, 20(4), pp. 446–464. <https://doi.org/10.1177/1077801214528581>
- Krahe B. (1988) Victim and Observer Characteristics as Determinants of Responsibility Attributions to Victims of Rape. *Journal of Applied Social Psychology*, 18(1), pp. 50–58. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1988.tb00004.x>
- Kristiansen C. M., & Giulietti R. (1990) Perceptions of Wife Abuse: Effects of Gender, Attitudes toward Women, and Just-World Beliefs among College Students. *Psychology of Women Quarterly*, 14(2), pp. 177–189. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1990.tb00013.x>
- Landström S., Strömwall L. A., & Alfredsson H. (2016) Blame attributions in sexual crimes: Effects of belief in a just world and victim behavior. *Nordic Psychology*, 68(1), pp. 2–11. <https://doi.org/10.1080/19012276.2015.1026921>
- Lerner M. J. (1980) *The Belief in a Just World*. Springer US. <https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0448-5>
- Luginbuhl J., & Mullin C. (1981) Rape and responsibility: How and how much is the victim blamed? *Sex Roles*, 7(5), pp. 547–559. <https://doi.org/10.1007/BF00288631>
- Lukovitskaya E. G. (2023). Debates on the Domestic Violence Prevention Law in Russia—Pro and Contra. In *Post-Soviet Women: New Challenges and Ways to Empowerment* (pp. 51-71). Cham: Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-38066-2>
- Mahoney M. R. (1991) Legal images of battered women: Redefining the issue of separation. *Michigan Law Review*, 90(1), pp. 1–94.
- Muravyeva M. (2021) 'My Family and I Are Absolutely against This Law': Gender Citizenship and Domestic Violence in Contemporary Russia. *Inter*, 13(3), pp. 44–64. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.2>
- Pavlou M., & Knowles A. (2001) Domestic violence: Attributions, recommended punishments and reporting behaviour related to provocation by the victim. *Psychiatry, Psychology and Law*, 8(1), pp. 76–85. <https://doi.org/10.1080/13218710109525006>
- Persson S., Dhingra K., & Grogan S. (2018) Attributions of victim blame in stranger and acquaintance rape: A quantitative study. *Journal of Clinical Nursing*, 27(13–14), pp. 2640–2649. <https://doi.org/10.1111/jocn.14351>
- Pina-Sánchez J., Grech D., Brunton-Smith I., & Sferopoulos D. (2019) Exploring the origin of sentencing disparities in the Crown Court: Using text mining techniques to differentiate between court and judge disparities. *Social Science Research*, 84, 102343. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2019.102343>
- Pina-Sánchez J., Roberts J. V., & Sferopoulos D. (2019) Does the Crown Court Discriminate Against Muslim-named Offenders? A Novel Investigation Based on Text Mining Techniques. *The British Journal of Criminology*, 59(3), pp. 718–736. <https://doi.org/10.1093/bjc/azy062>
- Qi S. J., Starfelt L. C., & White K. M. (2016) Attributions of responsibility, blame and justifiability to a perpetrator and victim in an acquaintance rape scenario: The influence of Marijuana intoxication. *Journal of Sexual Aggression*, 22(1), pp. 20–35. <https://doi.org/10.1080/15597019.2016.1191111>

doi.org/10.1080/13552600.2015.1025868

Rackley E. (2012) *Women, judging and the judiciary: From difference to diversity*. Routledge-Cavendish. <http://dx.doi.org/10.4324/9780203098189>

Rapaport E. (1991) The Death Penalty and Gender Discrimination. *Law & Society Review*, 25(2), 367. <https://doi.org/10.2307/3053803>

Rhatigan D. L., Stewart C., & Moore T. M. (2011) Effects of Gender and Confrontation on Attributions of Female-Perpetrated Intimate Partner Violence. *Sex Roles*, 64(11-12), pp. 875-887. <https://doi.org/10.1007/s11199-011-9951-2>

Schult D. G., & Schneider L. J. (1991) The Role of Sexual Provocativeness, Rape History, and Observer Gender in Perceptions of Blame in Sexual Assault. *Journal of Interpersonal Violence*, 6(1), pp. 94-101. <https://doi.org/10.1177/088626091006001007>

Seabold S., & Perktold J. (2010) Statsmodels: Econometric and statistical modeling with python. *Proceedings of the 9th Python in Science Conference*, pp. 57-61.

Shaver K. G. (1970) Defensive attribution: Effects of severity and relevance on the responsibility assigned for an accident. *Journal of Personality and Social Psychology*, 14(2), pp. 101-113. <https://doi.org/10.1037/h0028777>

Simonson K., & Subich L. M. (1999) Rape Perceptions as a Function of Gender-Role Traditionality and Victim-Perpetrator Association. *Sex Roles*, 40(7/8), pp. 617-634. <https://doi.org/10.1023/A:1018844231555>

Simpson E. H. (1951) The Interpretation of Interaction in Contingency Tables. *Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Methodological)*, 13(2), pp. 238-241. <https://doi.org/10.1111/j.2517-6161.1951.tb00088.x>

Sims C. M., Noel N. E., & Maisto S. A. (2007) Rape blame as a function of alcohol presence and resistance type. *Addictive behaviors*, 32(12), pp. 2766-2775. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2007.04.013>

Sinclair H. C., & Bourne L. E. (1998) Cycle of Blame or Just World: Effects of Legal Verdicts on Gender Patterns in Rape-Myth Acceptance and Victim Empathy. *Psychology of Women Quarterly*, 22(4), pp. 575-588. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1998.tb00178.x>

Sirazhudinova S. V. (2017) "I can't tell about it": the Domestic and Sexual Violence in the Republics of the North Caucasus (Based on the sociological research data in the Republic of Dagestan). *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* (4), pp. 26-35. <https://doi.org/10.21064/winrs.2017.4.3> (In Russ.).

Steffensmeier D., Ulmer J., & Kramer J. (1998) The Interaction Of Race, Gender, And Age In Criminal Sentencing: The Punishment Cost Of Being Young, Black, And Male. *Criminology*, 36(4), pp. 763-798. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1998.tb01265.x>

Stewart A., & Maddren K. (1997) Police officers' judgements of blame in family violence: The impact of gender and alcohol. *Sex Roles*, 37(11-12), pp. 921-933. <https://doi.org/10.1007/BF02936347>

Stewart C., Moore T., Crone T., DeFreitas S. C., & Rhatigan D. (2012) Who Gets Blamed for Intimate Partner Violence? The Relative Contributions of Perpetrator Sex Category, Victim Confrontation, and Observer Attitudes. *Journal of Interpersonal Violence*, 27(18), pp. 3739-3754. <https://doi.org/10.1177/0886260512447571>

- Stöckl H., Devries K., Rotstein A., Abrahams N., Campbell J., Watts C., & Moreno C. G. (2013) The global prevalence of intimate partner homicide: A systematic review. *The Lancet*, 382(9895), pp. 859–865. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(13\)61030-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(13)61030-2)
- Summers G., & Feldman N. S. (1984) Blaming the Victim Versus Blaming the Perpetrator: An Attributional Analysis of Spouse Abuse. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2(4), pp. 339–347. <https://doi.org/10.1521/jscp.1984.2.4.339>
- Thornton M. (1997) *Dissonance and Distrust: Women in the Legal Profession*. Oxford University Press.
- Ulybina E. (2020) Contribution of Belief in a Just World, Male Attitude Norms and Expectant Attitude to Victim in Attribution of Blame to the Female Victim. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 17(3), pp. 558–576. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-3-558-576>
- UNECE. (2022). *Share of women among judges*. <https://w3.unece.org/PXWeb/en/Table?IndicatorCode=32>
- UNODC. (2019). *Global Study on Homicide 2019*.
- UNODC. (2023). *Gender-related killings of women and girls (femicide/feminicide)*. https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/briefs/Femicide_brief_2023.pdf
- van der Bruggen M., & Grubb A. (2014) A review of the literature relating to rape victim blaming: An analysis of the impact of observer and victim characteristics on attribution of blame in rape cases. *Aggression and Violent Behavior*, 19(5), pp. 523–531. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2014.07.008>
- Vassileva M., & Delpeuch T. (2021) Frontline Response To High Impact Domestic Violence In Bulgaria. In B. Lobnikar, C. Vogt, & J. Kersten (Eds.), *Improving Frontline Responses to Domestic Violence in Europe* (1st ed., pp. 117–142). University Press. <http://dx.doi.org/10.18690/978-961-286-543-6.8>
- VCIOM. (2019). *“Bad Peace” Or “Good War”?* <https://wciom.com/press-release/bad-peace-or-good-war>
- Viki G. T., & Abrams D. (2002) But She Was Unfaithful: Benevolent Sexism and Reactions to Rape Victims Who Violate Traditional Gender Role Expectations. *Sex Roles*, 47(5/6), pp. 289–293. <https://doi.org/10.1023/A:1021342912248>
- Volkov V. (2014) The Influence of Socio-Economic Status of Defendants on Court Decisions. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 4, pp. 62–85.
- Volkov V., Dmitrieva A., Pozdnyakov M., & Titaev K. (2012) *Russian Judges as a Professional Group: A Sociological Study* (V. Volkov, Ed.). The Institute for the Rule of Law.
- Witte T. H., Schroeder D. A., & Lohr J. M. (2006) Blame for Intimate Partner Violence: An Attributional Analysis. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 25(6), pp. 647–667. <https://doi.org/10.1521/jscp.2006.25.6.647>
- Wolfgang M. E. (1957) Victim Precipitated Criminal Homicide. *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*, 48(1), pp. 1–11. <https://doi.org/10.2307/1140160>
- Yamawaki N., & Tschanz B. T. (2005) Rape Perception Differences Between Japanese and American College Students: On the Mediating Influence of Gender Role Traditionality. *Sex Roles*, 52(5–6), pp. 379–392. <https://doi.org/10.1007/s11199-005-2680-7>

Yamawaki N., Ostenson J., & Brown C. R. (2009) The Functions of Gender Role Traditionality, Ambivalent Sexism, Injury, and Frequency of Assault on Domestic Violence Perception: A Study Between Japanese and American College Students. *Violence Against Women*, 15(9), pp. 1126–1142. <https://doi.org/10.1177/1077801209340758>

Zhuchkova S. (2021) *Algorithm Sveta (The Algorithm of Light)*. The source code. https://github.com/LanaLob/algorithm_sveta

Zhuchkova S., Graf S., Davtyan M., Belova T., & Rusova S. (2021) *Algorithm Sveta (The Algorithm of Light)*. <https://readymag.com/u3045877410/algoritmsveta/>

Appendix 1

This appendix demonstrates the general principles of variables extraction used in this research.

To define the length of imprisonment, our program firstly searched for the concluding section of the verdict, which is usually the last paragraph of the text, then found words “years” and “months” in this section and extracted these words with all the digits that were located nearby. The cases when the imprisonment period was written in words (for instance, “twelve” instead of “12”) were also taken into account (see examples in Table A.1).

47

Table A.1 Examples of the automated extraction of variables’ values

Examples of text	Extracted value	Calculated sentence length
Original text: ...назначить ему наказание <данные о личности> <данные о личности> в виде лишения свободы на срок 10 лет 7 месяцев...	10 лет 7 месяцев (10 years 7 months)	127 months
English translation: ...to punish <personal data> <personal data> in the form of imprisonment for a term of 10 years 7 months...		
Original text: ...назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок 9 (девять) лет...	9 (девять) лет (9 (nine) years)	108 months
English translation: ...to impose a sentence of imprisonment for a term of 9 (nine) years...		

To extract the key variable of interest — the victim’s previous history of alcohol consumption — we looked for typical phrases describing this

practice: “злоупотребляла алкоголем” (“[she] abused alcohol”), “часто употребляла алкоголь” (“[she] frequently drank alcohol”) and similar. Below we provide some examples (spelling is retained):

Example 1: Подсудимый ФИО1 вину не признал, и суду пояснил, что с ФИО2 он сожительствовал и даже хотел жениться. ФИО2 злоупотребляла спиртным, а он был против этого, ругал ее за это. *(The defendant NAME1 pleaded not guilty and explained to the court that he cohabited with NAME2 and even wanted to marry her. NAME2 abused alcohol, and he was against it, scolding her for it)*

Example 2: Ее сын с детства дружил с ФИО4, поэтому она хорошо знала и его жену ФИО2, которую может охарактеризовать только с отрицательной стороны. ФИО2 злоупотребляла спиртным, не следила за своим малолетним ребенком, она неоднократно подозревала ее в совершении краж из своего дома. *(Her son had been friends with NAME4 since childhood, so she also knew his wife NAME2 well, whom she could characterize only negatively. NAME2 abused alcohol, did not take care of her young child, she repeatedly suspected her of committing thefts from her house).*

48 Example 3: ФИО1 на нее постоянно ругался, так как она часто злоупотребляла спиртным и ни где не работала. Бил ли ФИО1 ФИО2 ему не известно, так как она не обращалась за медицинской помощью, и он ее никогда с синяками не видел, а так же ему она ничего подобного не рассказывала. *(NAME1 used to swear at her all the time, as she often abused alcohol and did not work anywhere. He does not know whether NAME1 hit NAME2, as she did not seek medical help, and he had never seen her with bruises, and she had never told him anything of the kind).*

Another variable of interest, gender of judges, was defined on the basis of the endings of their family names, which were initially presented in the database obtained from SAS Pravosudie and Moscow city court's website. Most of the female Slavic family names end with -ова, -ева, -ёва, -ина, -ына, -ая, while male family names end with -ов, -ев, -ёв, -ин, -ын, -ий, -ый, -ой. Cases that do not follow this rule were assigned manually.

Appendix 2

This appendix demonstrates the example of text with the victim's verbal provocation mentioned.

(1) Разговаривали, говорил, чтобы она на работу устроилась, спросил ее, если он померет, то что она будет делать. ФИО20 в нецензурной форме сказала, что найдет другого, он разозлился и ударил ее ножом. *(They talked, [he] told her to get a job, asked her if he dies, what she would do. NAME20 in an obscene form said that she would find another [man], he got angry and stabbed her with a knife.)*

(2) 3 февраля 2013г. он с Н. находились дома, утром употребляли спиртное, затем лег спать, а Н. куда-то ушла. Вернулась Н. вечером, он в это время сидел на кухне, ел. Н. «заскочила» на кухню и начала кричать: «Че никак не нажрешься», ответил: «Че я не могу пожрать». Н. выхватила тарелку и ударила его по голове в область затылка, тарелка от этого раскололась. (February 3, 2013, he and N. were at home, they drank alcohol in the morning, then went to bed, and N. went somewhere. N. returned in the evening, he was sitting in the kitchen at that time, eating. N. «jumped» into the kitchen and started shouting: «Why are you still eating?», replied: «Why can't I eat?» N. grabbed a plate and hit him on the back of the head, causing the plate to split.)

(3) ДД.ММ.ГГГГ в 07 часов утра супруга ФИО35 разбудила его и стала предъявлять ему претензии, оскорблять и нанесла ему удар рукой по лицу, в связи с чем он, опасаясь последнюю, ее оттолкнул и она упала на стол, но продолжила его оскорблять. Тогда он разозлился и с целью, чтобы она замолчала, схватил ее двумя руками за шею и стал сдавливать. (DD.MM.YYYY at 07 o'clock in the morning, NAME35's wife woke him up and began to blame him, insulted him and struck him in the face with her hand, in connection with which, fearing the latter, he pushed her away and she fell on the table, but continued to insult him. Then he got angry and, in order to silence her, grabbed her by the neck with both hands and began to squeeze.)

49

Appendix 3

This appendix demonstrates all the regular expressions used to detect the victim's verbal provocation mentioned in verdicts.

(1) г'((стала|начала|продолжила) (выражаться|ругаться)|выражалась|ругалась)(за)?(кричала) (на него |его |в его (адрес |сторону)?)ему)?(нецензурно(й бранью)?матом)'

(2) г'(высказ(ыв)?ала|(стала|начала|продолжила) (высказывать|предъявлять))((ему| в его (адрес|сторону))?(претензии|недовольства|оскорб)

(3) г'(высказ(ыв)?ала(сь)?|сказала|оскорбила|оскорбляла|унижал а|выражалась|выразилась) в грубой форме'

(4) г'оскорбляла|унижала|провоцировала|(начала|стала|пыталась |продолжила)(его)? (провоцировать|оскорблять|унижать|ругать)(его)?

(5) г'(оскорбляла|унижала|провоцировала|оскорбляющие|униж ающие) его(человеческое достоинство)?'

(6) г'(стала|начала|продолжила) (кричать|ругаться) (на|в) (н)?его'

Об авторах / About the authors

Жучкова Светлана Васильевна — кандидат наук об образовании, научный сотрудник Международного центра изучения институтов и развития, научный

сотрудник Центра социологии высшего образования Института образования. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-4425-725X>. E-mail: szhuchkova@hse.ru

Svetlana Zhuchkova — PhD in Education, Research Fellow at the International Center for the Study of Institutions and Development; Research Fellow at the Center for Sociology of Higher Education, Institute of Education. National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-4425-725X>. E-mail: szhuchkova@hse.ru

Смирнов Никита Максимович — преподаватель Департамента политики и управления, младший научный сотрудник Центра социологии высшего образования Института образования. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-9513-2641>. E-mail: nsmirnov@hse.ru

50

Nikita Smirnov — Lecturer at the School of Politics and Governance; Junior Research Fellow at the Center for Sociology of Higher Education, Institute of Education. National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-9513-2641>. E-mail: nsmirnov@hse.ru

Сдерживание или нормализация: взаимосвязь между уровнем убийств и строгостью судебных приговоров в регионах России

СТАНИСЛАВА Ю. АМШАРИНСКАЯ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0006-6520-8867>

Рекомендация для цитирования:

Амшаринская С. Ю. (2025)

Сдерживание или нормализация:

взаимосвязь между уровнем убийств

и строгостью судебных приговоров

в регионах России. *Социология власти*,

37 (4): 51-76

EDN: IVSRTD

For citation:

Amsharinskaya S. Y. (2025) Deterrence

or Normalization: The Relationship

Between Murder Rates and Sentencing

Severity in Russia's Regions. *Sociology*

of Power, 37 (4): 51-76

Поступила в редакцию: 28.02.2025;

прошла рецензирование: 24.07.2025;

принята в печать: 01.09.2025

Received: 28.02.2025; Revised:

24.07.2025; Accepted: 01.09.2025

© Author, 2025

This article is an open access article

distributed under the terms and

conditions of the Creative Commons

Attribution (CC BY) license ([https://](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

[creativecommons.org/licenses/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

[by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

Резюме: В данной статье исследуется взаимосвязь между уровнем убийств и строгостью судебных приговоров в регионах России. Теория сдержек предполагает, что при высоком уровне преступности судьи будут стремиться назначать более строгие наказания, чтобы повысить ожидаемые издержки совершения преступлений и, соответственно, сократить их количество. Однако социальные и психологические факторы могут приводить к эффекту нормализации и, как следствие, к отсутствию изменений в средних сроках приговоров. Для того чтобы определить, какой из механизмов имеет место в российском контексте, был использован двухэтапный регрессионный анализ. На первом этапе был проведен многоуровневый регрессионный анализ на данных приговоров по части 1 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (убийство) за период с 2013 по 2019 год (N = 20 265). Результаты показали, что судьи склонны назначать более строгие наказания в регионах с высоким уровнем убийств, что соответствует гипотезе о том, что судьи действуют согласно логике сдерживания. Однако внутрирегиональные сравнения показали, что в рамках региона рост числа убийств сопровождается ужесточением наказаний лишь для преступлений, являющихся рецидивами. На втором этапе, для оценки эффективности подобной стратегии, был проведен второй регрессионный анализ уже с агрегацией на уровне

регионов (N = 448). Он показал, что ни строгость наказания, ни уровень раскрываемости преступлений не оказывают статистически значимого влияния на последующий уровень убийств в регионе. Эти результаты ставят под сомнение эффективность использования строгости наказания в качестве инструмента снижения насильственной преступности.

Ключевые слова: теория сдержек, уровень преступности, строгость наказания, факторы принятия правоприменительных решений

Deterrence or Normalization: The Relationship Between Murder Rates and Sentencing Severity in Russia's Regions

Amsharinskaya Y. Stanislava

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0006-6520-8867>

52

Abstract: This article examines the relationship between homicide rates and the severity of judicial sentences across Russian regions. Deterrence theory posits that in areas with high crime rates, judges are likely to impose harsher punishments to increase the expected costs of criminal activity and thereby reduce its prevalence. However, social and psychological factors may induce a normalization effect, resulting in no significant change in average sentencing lengths. To ascertain which mechanism predominates in the Russian context, a two-stage regression analysis was employed. The first stage involved a multilevel regression analysis of sentencing data under Part 1 of Article 105 of the Russian Criminal Code (homicide) for the period from 2013 to 2019 (N = 20,265). The findings indicate that judges tend to assign stricter penalties in regions with higher homicide rates, consistent with the deterrence hypothesis. However, intraregional comparisons revealed that within a given region, increases in homicide rates were associated with harsher sentences only for repeat offenders. The second stage aimed to evaluate the effectiveness of this sentencing strategy through a regression analysis aggregated at the regional level (N = 448). The results demonstrated that neither the severity of punishment nor the crime clearance rate had a statistically significant impact on subsequent homicide levels in the regions. These findings call into question the efficacy of using sentence severity as a tool to reduce violent crime.

Keywords: deterrence theory, crime rate, certainty, severity, sentencing, factors of law enforcement decision-making

Введение

В соответствии с экономической теорией сдерживания (Becker 1968), согласно которой люди не совершают преступления, если

считают, что потенциальные риски превышают выгоды, при высоком уровне преступности судьи могут стремиться назначать более высокие сроки наказания, чтобы повысить ожидаемые издержки и сократить преступность в двух направлениях — предотвращение как рецидивов, так и новых преступлений. Таким образом, можно ожидать, что в регионах с большим количеством преступлений средние сроки заключения по соответствующим делам будут выше, чем в регионах с более низким уровнем преступности, а рецидивы будут наказываться строже.

С другой стороны, на приговоры влияют и различные социальные и психологические аспекты (Peer, Gamliel 2013). Так, частое столкновение с насилием, будь то в реальной жизни или в средствах массовой информации, может приводить к эмоциональной и физиологической десенсибилизации (Mrug et al. 2015), а также может играть роль и эффект нормализации девиации (Cooney, Burt 2008). Для судебной системы это может означать, что наличие большого количества дел, в которых фигурирует насилие, приведет к тому, что средние сроки заключения по соответствующим делам, наоборот, будут такими же, как и в регионах с низким уровнем преступности.

Таким образом, перед нами стоит задача — определить, какой из механизмов имеет место в российском контексте и к каким в итоге приводит последствиям? В случае, если судьи руководствуются логикой более строгих наказаний при высоком уровне преступности ради его сокращения, то ведет ли это к реальному улучшению ситуации или лишь повышает издержки правовой системы за счет увеличения численности людей, содержащихся в тюрьмах? Эмпирические исследования, как зарубежные, так и российские, не дают однозначного ответа и на этот вопрос (Chalfin, McCrary 2017). В российском контексте ответ на него усложняется, так как значительная часть насильственных преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения, что может снижать эффективность сдерживания (Lysova et al. 2012).

Для ответа на поставленные вопросы была выбрана база данных по делам по части 1 статьи 105 Уголовного кодекса РФ. Этот выбор мотивирован тем, что, во-первых, серьезные преступления регистрируются с большей вероятностью, чем другие дела (Андриенко 2001). Во-вторых, наказание, предусмотренное за эту статью, единообразно по форме (наказанием почти всегда является реальный срок лишения свободы), что упрощает моделирование их строгости. В-третьих, такие дела, вероятно, будут менее подвержены влиянию «телефонного правосудия» (Hendley 2009). Все это делает эмпирические оценки данного феномена более надежными.

Кроме того, актуальность данного исследования обусловлена тем, что, несмотря на значительное сокращение количества убийств по-

сле стремительного роста в 1990-х годах (Lysova et al. 2012), их уровень в России остается сравнительно высоким. По состоянию на 2019 год зарегистрировано 7,64 убийства на 100 000 человек населения. Например, в Белоруссии к 2019 году этот показатель составляет 3,14 на 100 000 человек, а в среднем по Восточной Европе он равен 4,81.

Влияние наказаний на уровень преступности

В научной литературе есть два подхода, через которые рассматривается функция наказания за преступления. Ретрибутивизм, с точки зрения которого применение наказания обусловлено самим совершением преступления и необходимостью возмездия за него, и консеквенциализм, акцентирующий внимание на последствиях преступления (Goodwin, Gromet 2014). В русле консеквенциализма была разработана теория сдержек — предположение о том, что люди не совершают преступления, если считают, что потенциальные издержки такого деяния превышают выгоды (Becker 1968). Калькулирование первых включает в себя вероятность ареста и обвинительного приговора и строгость наказания (например, срок тюремного заключения).

54

Валидность теории сдерживания многократно оценивалась на разных данных. В исследованиях нет консенсуса относительно эффективности общего, то есть направленного на профилактику преступлений со стороны других потенциальных правонарушителей, сдерживания (general deterrence) (Chalfin, McCrary 2017). Так, часть авторов говорят о том, что и неотвратимость наказания (измеренная как отношение числа арестов и количества возбужденных уголовных дел или же вынесенных обвинительных приговоров), и его строгость (например, выраженная в годах тюремного заключения) эффективны для предотвращения преступлений, в том числе насильственных (Tittle 1969; Ehrlich 1973; Grogger 1991; Bun et al. 2019). Также несколько исследований показывают, что количество полицейских как альтернативный способ оценки неотвратимости наказания оказывает особенно сильный эффект именно на насильственные преступления, в том числе убийства, по сравнению с преступлениями против собственности (Chalfin, McCrary 2017).

Эффективность мер, направленных на повышение вероятности наказания, обусловлена восприятием риска. В случае, если человек склонен его избегать, именно повышение шансов ареста будет действенным способом снижения уровня преступности (Becker 1968; Drago et al. 2009). Подобные эмпирические исследования основаны на предпосылке о том, что воспринимаемая вероятность задержания действительно коррелирует с реальным соотношением арестов и преступлений. Ее корректность демонстрировалась на данных

американской молодежи, вовлеченной в преступную деятельность (Lochner 2007), и на выборке заключенных (Wilson, Herrnstein 1986).

Сдерживающая сила строгости наказаний остается под вопросом, так как существуют и работы, утверждающие, что срок потенциального заключения, в частности, за насильственные преступления, не оказывает никакого влияния на уровень преступности (Engelen et al. 2016; Abramovaite et al. 2023). Это может объясняться тем, что мотивы для совершения значительной части насильственных преступлений могут быть связаны не с рациональными расчетами и какой-либо экономической выгодой, а с состоянием аффекта (Fragkouli et al. 2016). Следовательно, изначальная предпосылка теории сдержек о том, что преступник является рационально (по крайней мере, ограниченно рационально) действующим субъектом, не соблюдается (Naуward 2007). Так, в частности, такой экономический показатель, как неравенство доходов, на количество убийств влияет в меньшей степени, чем на преступления против собственности (Ehrlich 1973).

Помимо общего выделяют также индивидуальное сдерживание (*specific deterrence*), направленное на предотвращение рецидивизма посредством того, что издержки преступления становятся более осязаемыми для преступника после столкновения с системой правосудия (Nagin et al. 2009). Данные говорят о том, что воспринимаемая вероятность ареста действительно повышается после взаимодействия с пенитенциарной системой (Lochner 2007; Chalfin, McCrary 2017), однако влияние длительности срока тюремного заключения на предотвращение рецидивизма ставится под сомнение. Исследование на американских данных показало, что если сокращение вероятности повторного совершения преступлений и есть, то оно происходит только при максимальных сроках заключения (Meade et al. 2013). Другие же авторы пишут, что с каждым месяцем заключения вероятность рецидивизма сокращается, но незначительно (Rhodes et al. 2018). Есть и работы, которые, напротив, показывают положительную связь между этими показателями (Loeffler, Nagin 2022). Тем не менее большая часть статей декларирует отсутствие какого-либо эффекта вовсе (Nagin et al. 2009; Wermink et al. 2017; Loeffler, Nagin 2022). Это может происходить в силу пересечения двух следствий тюремного заключения — с одной стороны, необходимости ресоциализации после отбывания тюремного заключения, а также наличия стигматизации, что затрудняет интеграцию преступника в общество, и, с другой стороны, исправительного эффекта тюрьмы (Nagin et al. 2009; Loeffler, Nagin 2022). Так, наблюдается отрицательная связь между сроком заключения и вероятностью рецидива в условиях реализации в тюрьмах исправительных программ и положительная при отсутствии таковых (Loeffler, Nagin 2022).

Что касается России, то исследование уровня преступности, основанное на данных 79 регионов в период с 1992 по 2000 год, то есть в момент экономической и политической турбулентности, показало, что вероятность наказания, измеренная в коэффициенте раскрытия преступлений, действительно оказывает влияние на уровень насильственных преступлений, в частности убийств (Andrienko, Shelley 2005). Однако возможность переноса этих результатов на исследуемый в этой работе более поздний период остается под вопросом. В качестве предикторов не использовалась строгость выносимых приговоров, поэтому мы не можем судить о второй компоненте теории сдержек. Другое исследование, основанное на материалах МВД по 89 регионам за период с 1990 по 1998 год, показывает те же результаты: коэффициент раскрытия преступности отрицательно связан с уровнем насильственных преступлений. Однако такой предиктор, как средние сроки приговоров, в нем также не использовался ввиду отсутствия данных (Андрienко 2001).

Важной особенностью российского контекста является ассоциированность уровня насильственных преступлений со злоупотреблением алкоголем (Lysova et al. 2012; Chervyakov et al. 2002; Андрienко 2001; см. также статью Щетининой и Казуна в настоящем номере). Это позволяет предположить, что эффект сдерживания будет умеренным, если вообще будет наблюдаться в силу аффективного характера преступлений.

56

Уровень убийств как детерминанта строгости наказаний

Согласно теории сдерживания, при высоком уровне преступности судьи должны стремиться назначать более суровые наказания, чтобы повысить ожидаемые издержки и сократить преступность (Cooney, Burt 2008). Есть исследования, подтверждающие, что судьи действительно руководствуются подобной стратегией (Wheeler et al. 1980). Вероятно, это наблюдается в местах с низким уровнем раскрываемости преступности для компенсации этого недостатка системы (Tittle 1969; Cooney, Burt 2008).

Однако положительная связь между уровнем преступности и строгостью наказаний может и не наблюдаться (Cooney, Burt 2008). Это объясняется тем, что на приговоры влияют и различные социальные и психологические аспекты (Peer, Gamliel 2013), ее опосредующие. Так, например, М. Куни и К. Х. Бёрт (2008), опираясь на концепцию «общества святых» Дюркгейма, выдвинули гипотезу о том, что связь между количеством преступлений и строгостью наказаний является нелинейной. С увеличением распространенности определенного вида преступлений при изначально неболь-

шом их количестве предполагается, что наказания будут предельно суровы, однако со временем связь между показателями станет отрицательной. Авторы подтвердили возможное наличие такого эффекта на данных о делах по убийствам в Америке.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что выявленная авторами взаимосвязь наблюдалась в условиях, когда уровень убийств (18,7 на 100 000 населения (Cooney, Burt 2008)) превышал текущие показатели России. Максимальное среднее значение показателя по РФ за анализируемый в этой работе период с 2013 по 2019 год составило 11,46 случая на 100 000 жителей, а минимальное — 7,64¹. Таким образом, вопрос о том, релевантна ли для России подобная тенденция, остается открытым.

Гипотезы

С учетом описанного выше можно выдвинуть следующий набор гипотез:

(1а) В регионах с более высоким уровнем убийств суды будут, при прочих равных, выносить более строгие приговоры за убийства.

Это предположение основано на теории сдержек. Судьи будут стремиться назначать более суровые наказания, чтобы повысить ожидаемые издержки и сократить преступность (Cooney, Burt 2008).

(1б) Уровень убийств в регионах не будет оказывать влияние на строгость судебных приговоров за убийства.

Эта гипотеза выдвинута в рамках конкурирующего с теорией сдержек предположения о том, что при наличии высокого уровня убийств в регионах будет работать эффект нормализации (Cooney, Burt 2008).

(2) В регионах с высоким уровнем убийств наказания за рецидивы будут более строгими, нежели в регионах с низким уровнем убийств.

Это предположение также выдвинуто в рамках теории сдержек исходя из логики, что судьи будут руководствоваться в том числе частным сдерживанием при вынесении приговоров.

(3) В регионах с более низким уровнем раскрываемости преступлений будут выноситься более строгие приговоры по делам об убийствах.

Более низкая вероятность наказания будет компенсироваться строгостью приговоров (Tittle 1969; Cooney, Burt 2008).

(4а) Чем выше средние сроки наказания в регионе за убийства, тем ниже их уровень в последующие периоды.

Более длительные сроки тюремного заключения делают «менее выгодным» совершение преступления; следовательно, согласно теории сдержек, люди будут реже их совершать.

1 Victims of Intentional Homicide per 100 000 population by year. United Nations Office on Drugs and Crime dataUNODC. <https://dataunodc.un.org/content/country-list> (дата обращения: 05.05.2024)

(46) Средние сроки наказания в регионе за убийства не будут оказывать никакого влияния на их уровень в последующие периоды.

Поскольку насильственные преступления в России во многом совершаются под влиянием алкогольного опьянения (Андриенко 2001), то такие преступления могут не укладываться в рамку теории сдержек.

База данных исследования

Для проверки гипотез используется база данных, состоящая из 20 531 наблюдения, полученных из текстов официальных приговоров по части 1 статьи 105 «Убийство» Уголовного кодекса Российской Федерации, опубликованных на сайте «Правосудие» за период с 2013 по 2019 год. База данных, включающая все основные признаки на уровне уголовного дела, была собрана и размещена в открытом доступе в рамках исследования о гендерных различиях в принятии судебных решений (Zhuchkova, Kazun 2023)¹. Она включает в себя такие характеристики, как наличие отягчающих и смягчающих обстоятельств, степень рецидивизма, год совершения преступления, пол жертвы, подсудимого и судьи, наличие у подсудимого детей и факт признания полной или частичной вины, то есть позволяет учитывать как легальные, так и некоторые экстралегальные факторы, влияющие на строгость судебного приговора (Ibid.). Данные были извлечены из текстов приговоров с помощью методов машинного обучения и регулярных выражений.

Кейсы из этого датасета составляют около 45% всех дел по части 1 статьи 105, которые были рассмотрены российскими судами в 2013–2019 годах. Во-первых, вопреки формальным предписаниям, суды не публикуют тексты всех приговоров, а во-вторых, рассматривались только кейсы, где часть 1 статьи 105 являлась единственной статьей, по которой обвинялся преступник (Ibid.). Дополнительная информация об уровне преступности и раскрываемости преступлений в регионах была собрана автором в рамках данного исследования с официального сайта Генеральной прокуратуры Российской Федерации (crimestat.ru). Информация о неравенстве доходов, безработице, ВРП и раскрываемости преступлений в регионах взята из баз Единой межведомственной информационно-статистической

1 Сбор данных проводился при поддержке гранта Российского научного фонда по теме «Разработка и тестирование методики автоматизированного анализа текстов российских судебных приговоров за Социально-правовое исследование (на примере случаев насильственных преступлений)» сотрудниками «Международного центра изучения институтов и развития» НИУ ВШЭ.

системы (ЕМИСС). Данные статистики были соединены с базой судебных дел на уровне региона-года.

Уровень убийств в регионе рассчитывался как количество преступлений, квалифицируемых по статье 105 УК РФ за год¹, на 1000 человек среднегодового постоянного населения в регионе². Неотвратимость наказания измерялась как процент раскрытых дел (количество выявленных лиц, совершивших преступления³) от количества дел, зарегистрированных за год в регионе⁴. Этот показатель был выбран как самый оптимальный, так как процент обвинительных приговоров в России достаточно велик (по данным 2017 года, было вынесено всего 1563 оправдательных приговора из 727 085 поступивших в суд уголовных преступлений за вычетом прекращенных дел⁵), следовательно, эта метрика не подходит для измерения неотвратимости наказания.

Для определения доходного неравенства использовался коэффициент Джини⁶, а для оценки безработицы брался показатель, рассчитанный по методологии Международной организации труда⁷. ВВП на 10 000 человек населения⁸ в текущих ценах был пересчитан с помощью дефлятора ВВП⁹ к ценам 2019 года.

- 1 Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде. Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://www.fedstat.ru/indicator/36225> (дата обращения: 01.12.2024)
- 2 Численность постоянного населения в среднем за год. Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://www.fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 01.12.2024)
- 3 Выявлено лиц, совершивших преступления. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения: 01.12.2024)
- 4 Количество зарегистрированных преступлений. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения: 01.12.2024)
- 5 Траектория уголовного дела. Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге (2017). https://enforce.spb.ru/images/infographics/IRL_trajectory_2017.pdf (дата обращения: 05.05.2025)
- 6 Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов). Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://www.fedstat.ru/indicator/31165> (дата обращения: 01.12.2024)
- 7 Уровень безработицы (по методологии МОТ). Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://fedstat.ru/indicator/43062> (дата обращения: 01.12.2024)
- 8 Валовой региональный продукт на душу населения. Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://www.fedstat.ru/indicator/42928> (дата обращения: 05.05.2024)
- 9 Индексы-дефляторы валового внутреннего продукта в рыночных ценах в соответствии с методологией СНС-2008. Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://www.fedstat.ru/indicator/57352> (дата обращения: 05.05.2024)

Средние сроки заключения в регионе рассчитывались на основе базы данных по приговорам. Они также агрегировались на уровне региона и года.

Стратегия анализа данных

Для ответа на исследовательский вопрос используется регрессионное моделирование. Для выявления детерминант строгости наказания в качестве зависимой переменной используется срок заключения в месяцах, а предикторов — параметры преступления (год, пол подсудимого, судьи и жертвы, наличие отягчающих/смягчающих обстоятельств, является ли преступление рецидивом), а также уровень убийств и уровень раскрываемости преступлений в регионе за предыдущий период (приложение, табл. 1).

60 Было применено два вида многоуровневых регрессий, так как количество регионов позволяет получить состоятельные оценки подобных моделей ($N = 76$) (Волченко, Широканова 2016). На первом уровне находятся регионы, а на втором — отдельные судебные кейсы. Регрессии строились как для межрегиональных, так и для внутрирегиональных сравнений. В последних применялись фиксированные эффекты на уровне региона и года, что позволяло контролировать неизменные региональные особенности и временные тренды.

Для проверки моделей на наличие эндогенности были использованы регрессии с инструментальной переменной, где в качестве прокси для уровня убийств использовалась среднемесячная температура в январе в регионе.

Гипотеза о том, что рецидивы в регионах с высоким уровнем преступности наказываются строже, проверялась с помощью эффекта взаимодействия между уровнем убийств за предыдущий период и рецидивизмом. Переменная рецидива из оригинального датасета была перекодирована из порядковой (степени рецидива) в дихотомическую — наличие или отсутствие рецидива.

Пол разных участников процесса, а также наличие детей у подсудимого были включены в качестве контрольных переменных в связи с тем, что они существенным образом влияют на назначаемый тюремный срок (Zhuchkova, Kazun 2023). Так, например, существует феномен «женской скидки», то есть женщинам при прочих равных назначают более мягкие приговоры, чем мужчинам.

Для определения детерминант преступности в качестве зависимой переменной в регрессиях выступает уровень убийств, а предикторов — раскрываемость преступлений, средние сроки заключения, коэффициент Джини, безработица, ВРП на 10 000 человек населения в регионе за предыдущий период. Эта модель строилась на данных, агрегированных на уровне региона и года (приложение, табл. 2).

Результаты

Влияние уровня убийств в регионе на строгость судебных приговоров: межрегиональные сравнения

Результаты показывают, что уровень убийств в регионе действительно определяет строгость наказаний ($B = 19,01$, $p\text{-value} = 0,009$; $B = 16,53$, $p\text{-value} = 0,024$): чем он выше, тем сроки тюремного заключения больше (табл. 1). При этом значим и эффект взаимодействия: вторая модель показывает, что в регионах с более высоким уровнем убийств наблюдается тенденция к тому, что рецидивы наказываются строже ($B = 13,03$, $p\text{-value} = 0,014$). Механизмы сдерживания не разнонаправлены, соответственно, не компенсируют друг друга — с ростом уровня раскрываемости преступлений сроки наказания не снижаются ($B = -0,028$, $p\text{-value} = 0,292$).

Таблица 1. Результаты многоуровневого регрессионного анализа, зависимая переменная — сроки тюремного заключения в месяцах
Table 1. Results of multilevel regression analysis, dependent variable — prison sentence length in months

61

	Модель 1			Модель 2		
	B	Станд. ошибка	p-value	B	Станд. ошибка	p-value
Константа	104,6	1,702	0,000	104,8	1,704	0,000
Уровень убийств в регионе (лаг в 1 год)	19,01	7,221	0,009	16,53	7,291	0,024
Раскрываемость преступлений (лаг в 1 год)	-0,030	0,262	0,285	-0,028	0,026	0,292
Наличиеотягчающих обстоятельств	4,071	0,306	0,000	4,060	0,306	0,000
Наличие смягчающих обстоятельств	-2,893	0,460	0,000	-2,874	0,460	0,000
Жертва является женщиной	4,515	0,342	0,000	4,516	0,342	0,000
Обвиняемая — женщина	-14,30	0,341	0,000	-14,30	0,341	0,000

Судья женщина	-1,157	0,265	0,000	-1,159	0,265	0,000
Наличие у обвиняемого детей	1,548	0,290	0,000	1,549	0,290	0,000
Частичное признание вины	-5,770	0,373	0,000	-5,768	0,373	0,000
Полное признание вины	-6,404	0,335	0,000	-6,397	0,335	0,000
Преступление является рецидивом	14,46	0,474	0,000	13,20	0,618	0,000
Уровень убийств в регионе (лаг в 1 год) * преступление является рецидивом	-	-	-	13,03	5,283	0,014
62 Годовые фиктивные переменные		да			да	
Количество наблюдений				20 265		
ICC				0,087		
Частичный R ² /полный R ²		0,227/0,303			0,227/0,303	

Контрольная группа: 2013 год, преступление не является рецидивом, отсутствие судимости, отсутствие отягчающих/смягчающих обстоятельств, нет детей, мужчина судья/обвиняемый/жертва, отсутствие признания вины.

Наличие потенциальной двусторонней причинно-следственной связи между уровнем убийств и строгостью судебных приговоров создает проблему эндогенности, приводящую к смещенным оценкам модели. С одной стороны, рост числа убийств может провоцировать ужесточение наказаний в целях сдерживания преступности. С другой стороны, более суровые приговоры способны снижать количество преступлений за счет повышения издержек их совершения. Кроме того, источником эндогенности может выступать наличие неучтенных факторов, одновременно воздействующих на обе переменные. Поэтому дополнительно была построена регрессия

с инструментальными переменными, где в качестве прокси использовалась среднемесячная январская температура в регионе. Перед построением такой модели данные были агрегированы на уровне региона и года.

Можно ожидать, что этот инструмент будет достаточно сильным, так как «эффект холода», то есть тот факт, что в регионах с более низкими среднегодовыми температурами совершается большее число убийств и нападений, независимо от социально-экономических факторов, таких как употребление алкоголя, ожидаемой продолжительности жизни мужчин и среднего дохода, был подтвержден на российских данных 2014 года. Также с помощью среднемесячных температур было показано, что и в теплых, и в холодных регионах уровень убийств максимален при минимальных температурах. Это объясняется хроническим стрессом и депрессивным состоянием, вызванным пребыванием в условиях низких температур (Prudkov, Rodina 2019), а также проведением большего количества времени в помещении и наличием меньших возможностей для активного отдыха (Andrienko, Shelley 2005).

На наших данных подобная обратная связь подтверждается — чем выше среднемесячная температура в январе, тем ниже уровень убийств в регионе (рис. 1). Тест на силу инструмента показывает, что выбранная переменная достаточно надежна (F -статистика = 353,1, p -value < 0,001).

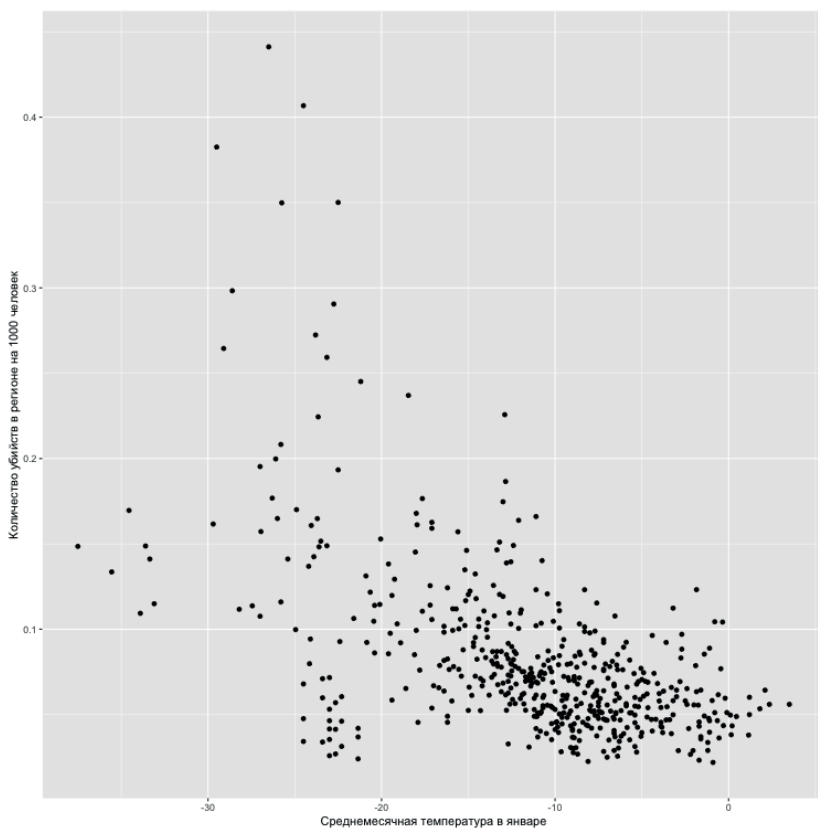
63

Утверждение о том, что температура влияет на строгость судебных приговоров только через уровень убийств, отчасти спорно, потому что консенсуса относительно влияния средней температуры воздуха на принятие судебных решений нет. Так, например, в Китае и Австралии было выявлено отсутствие связи между температурой воздуха и сроками, назначаемыми за уголовные преступления, при включении контрольных переменных в модель (Hou, Wang 2020), однако другое исследование говорит о том, что судьи, рассматривающие иммиграционные дела в США, менее склонны принимать благоприятные для заявителя решения при увеличении температуры воздуха на 10 °F (Heyes, Saberian 2019). Авторы предполагают, что рост внешней температуры побуждает судей сокращать время пребывания на улице во время перерывов, что вызывает снижение когнитивной функции и ухудшение настроения.

На наших данных температура, по крайней мере напрямую, не влияет на средние сроки судебных приговоров (рис. 2). Это подтверждает и регрессионный анализ, где в качестве зависимой переменной выступают средние сроки приговоров в регионе, а в качестве предикторов включены среднемесячная температура в январе и годовые фиктивные переменные ($B = -0,0714$, p -value = 0,162).

Рисунок 1. Распределение уровня убийств в регионе и среднемесячной температуры в январе

Figure 1. Distribution of the murder rate in the region and average monthly temperature in January

Тест Ву-Хаусмана показывает, что, несмотря на то что среднемесячная температура в январе является хорошим инструментом для замены уровня убийств в регионе, мы не можем принять гипотезу о наличии эндогенности ($p\text{-value} = 0,676$), то есть использование простой линейной регрессии (табл. 2) уместно и скорее всего не ведет к смещению оценок. Такая модель еще раз подтверждает выводы о том, что в регионах с большим уровнем убийств выше средние сроки заключения ($B = 21,816$, $p\text{-value} = 0,025$).

Рисунок 2. Распределение уровня убийств в регионе и среднемесячной температуры в январе
Figure 2. Distribution of the murder rate in the region and average monthly temperature in January

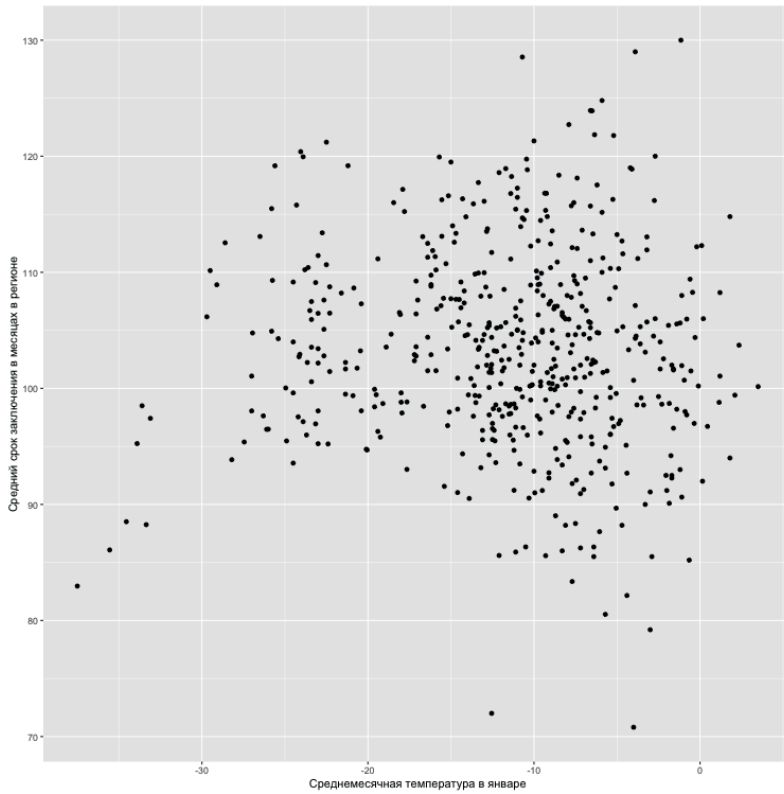

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа, зависимая переменная — средние сроки приговоров в месяцах по регионам
Table 2. Results of regression analysis, dependent variable — average sentence lengths in months by region

	B	Станд. ошибка	p-value
Константа	97,985	4,216	0,000
Уровень убийств в регионе (лаг в 1 год)	21,816	0,025	0,025
Раскрываемость преступлений (лаг в 1 год)	0,0116	0,081	0,886
Годовые фиктивные переменные		да	
Количество наблюдений		523	
R ² /скорректированный R ²		0,054/0,04	

Контрольная группа: 2013 год. Стандартные ошибки группируются на уровне региона.

Влияние уровня убийств в регионе на строгость судебных приговоров: внутрирегиональные сравнения

Для того чтобы определить, как влияет изменение уровня убийств в регионе на строгость судебных решений внутри этого же региона, помимо кластеризации на уровне суда используются фиксированные эффекты на уровне региона и года для контроля неизменных во времени региональных характеристик и общегодовых тенденций, влияющих на судебную практику (табл. 3).

Без учета эффекта взаимодействия между уровнем убийств в регионе и строгостью судебных приговоров модель демонстрирует, что существует тенденция к тому, чтобы с ростом количества убийств в регионе повышались сроки наказания ($B = 17,36$, $p\text{-value} = 0,076$). Однако при учете эффекта взаимодействия между уровнем убийств и рецидивизмом оказывается, что с ростом уровня убийств в регионе строже наказываются лишь рецидивы ($B = 15,12$, $p\text{-value} = 0,119$), а не все преступления в целом ($B = 15,12$, $p\text{-value} = 0,119$), что может объясняться их особым характером. Вероятно, такие преступления носят не аффективный характер, что мотивирует судей назначать более суровые наказания. Стоит отметить и то, что на уровне ре-

гиона раскрываемость преступлений также не оказывает никакого эффекта на строгость наказаний ($B = -0,033$, $p\text{-value} = 0,248$).

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа, зависимая переменная — сроки тюремного заключения в месяцах

Table 3. Results of regression analysis, dependent variable — prison sentences in months

	Модель 1			Модель 2		
	B	Станд. ошибка	p-value	B	Станд. ошибка	p-value
Уровень убийств в регионе (лаг в 1 год)	17,36	9,777	0,076	15,12	9,705	0,119
Раскрываемость преступлений (лаг в 1 год)	-0,033	0,029	0,248	-0,033	0,029	0,253
Наличие отягчающих обстоятельств	4,037	0,323	0,000	4,025	0,323	0,000
Наличие смягчающих обстоятельств	-2,922	0,526	0,000	-2,903	0,525	0,000
Жертва является женщиной	4,511	0,333	0,000	4,511	0,333	0,000
Обвиняемая — женщина	-14,31	0,319	0,000	-14,30	0,319	0,000
Судья женщина	-1,145	0,307	0,000	-1,147	0,319	0,000
Наличие у обвиняемого детей	1,544	0,296	0,000	1,545	0,296	0,000
Частичное признание вины	-5,775	0,417	0,000	-5,772	0,417	0,000
Полное признание вины	-6,389	0,394	0,000	-6,382	0,393	0,000
Преступление является рецидивом	14,47	0,393	0,000	13,20	0,725	0,000

Уровень убийств в регионе (лаг в 1 год) * преступление явля- ется рецидивом	-	-	-	13,07	6,467	0,043
Количество наблюдений				20 265		
Частичный R ² /пол- ный R ²		0,238/0,306			0,238/0,306	

Контрольная группа: преступление не является рецидивом, отсутствие судимости, отсутствие отягчающих/смягчающих обстоятельств, нет детей, мужчина судья/обвиняемый/жертва, отсутствие признания вины. Стандартные ошибки группируются на уровне суда.

68

Для устранения возможной эндогенности в данном случае в качестве инструмента будет также использоваться среднемесячная температура в январе. Однако в силу наличия фиксированных эффектов на уровне региона и года, мы можем включить в модель не только региональные данные, но и характеристики кейсов, то есть спецификация модели будет идентична предыдущей (табл. 4).

Тест на силу инструмента говорит о том, что среднемесячная температура и в рамках региона является релевантным инструментом для замены уровня убийств в регионе (F-статистика = 377,6, p-value < 0,001). Однако тест Ву-Хаусмана и в этом случае не позволяет нам принять гипотезу об эндогенности (p-value = 0,590). Это значит, что оценки, полученные в обычной регрессии с фиксированными эффектами (табл. 4), могут считаться состоятельными.

Влияние строгости судебных приговоров на уровень убийств в регионе: межрегиональные сравнения

Результаты регрессии на агрегированных региональных данных, где в качестве зависимой переменной выступает уровень убийств в регионе, показывают, что ни высокая раскрываемость (p-value = 0,322), ни высокие средние сроки приговоров (p-value = 0,538) не влияют на количество убийств в регионе (табл. 4). Модели с лагами в два и три года демонстрируют аналогичные результаты.

Мультиколлинеарности в модели не наблюдается (VIF < 1,8). Тест Бройша-Пагана показывает наличие гетероскедастичности (p-value

< 0,001), поэтому использовались робастные оценки коэффициентов, кластеризованные на уровне региона, для учета корреляции внутри наблюдений.

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа, зависимая переменная — уровень убийств в регионе
Table 4. Results of regression analysis, dependent variable — murder rate in the region

	В	Станд. ошибка	p-value
Константа	-0,0286	0,1052	0,786
Средний срок тюремного заключения (лаг в 1 год)	0,0002	0,0004	0,538
Раскрываемость преступлений (лаг в 1 год)	-0,0004	0,0004	0,322
Коэффициент Джини (лаг в 1 год)	0,1025	0,1986	0,606
Безработица (лаг в 1 год)	0,0129	0,0040	0,001
ВРП в ценах 2019 года на 10 000 населения региона (лаг в 1 год)	0,0000	0,0001	0,482
Годовые фиктивные переменные		да	
Количество наблюдений		448	
R ² /скорректированный R ²		0,424/0,412	

Контрольная группа: 2014 год. Стандартные ошибки группируются на уровне региона.

Заключение

Результаты исследования демонстрируют, что логика сдерживания (Becker 1968) частично проявляется в российской судебной практике: судьи склонны ужесточать наказания в регионах с высокой преступностью. Об эффекте нормализации говорить на этом временном отрезке не приходится. Логика сдерживания прослеживается дополнительно и в том, что рецидивы наказываются строже в регионах с более высоким уровнем убийств. Это может объяснять-

ся тем фактом, что подобные преступления, вероятно, отличаются по своей природе, не являясь аффективными, что принимается в расчет судьями. Эта тенденция наблюдается и в рамках региона — при повышении уровня убийств именно рецидивы наказываются строже.

Тем не менее остальные предположения, основанные на теории сдержек, не подтвердились. Во-первых, в рамках региона по мере увеличения количества убийств строже наказываются только рецидивы, а не все подобные преступления. Во-вторых, строгость наказания и уровень раскрываемости преступности не выполняют компенсаторную функцию. При росте раскрываемости сроки приговоров не изменяются. В-третьих, ни раскрываемость, ни средние сроки приговоров не оказывают значимого влияния на уровень преступности. Это может быть связано с уже описанной особенностью преступности в России, а именно с влиянием на нее алкоголя (Андриенко 2001) — в этом случае речь уже не идет о калькулировании издержек от совершения преступления. В исследованиях предыдущих периодов значимая связь между количеством убийств и раскрываемостью, однако, была установлена, что может свидетельствовать о смене характера преступности за эти годы.

70

Кроме того, возможно, был достигнут «предел» эффективности сдерживания, то есть дальнейшее увеличение, например, сроков наказания уже не может каким-либо образом повысить воспринимаемые издержки, так как они уже достаточно существенны. В пользу этого объяснения говорит тот факт, что процент обвинительных приговоров в России и так крайне высок¹ и эта информация обсуждается в СМИ², что не может не влиять на формирование образа судебной системы.

В целом результаты анализа показывают, что действия судебной системы не согласованы с их последствиями, так как стратегия повышения строгости наказаний не оказывает сдерживающего эффекта. При этом более длительные сроки тюремного заключения могут приводить к излишней нагрузке на пенитенциарную систему. Эффективная стратегия требует смещения ресурсов с карательной системы на изучение и искоренение причин преступности.

Принимая во внимание ограничения исследования, следует подчеркнуть, что для анализа были использованы лишь официальные

1 Траектория уголовного дела. Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге (2017). https://enforce.spb.ru/images/infographics/IRL_trajectory_2017.pdf (дата обращения: 05.05.2025)

2 Суды повышают приговороспособность. Адвокаты проанализировали статистику ВС РФ (2024). <https://www.kommersant.ru/doc/6865059?ysclid=mb3rbeig4z313033907> (дата обращения: 05.05.2025)

данные, опубликованные судами. Это означает, что, во-первых, рассматриваются только зарегистрированные преступления, а во-вторых, только те дела, приговоры по которым были опубликованы. Частично это компенсируется тем, что серьезные преступления регистрируются лучше (Андриенко 2001).

Кроме того, некоторые детали преступлений невозможно учесть (например, нельзя учесть возраст обвиняемого, поскольку даты рождения не публикуются в текстах судебных решений (Zhuchkova, Kazun 2023)). Также мы не можем контролировать все социокультурные и экономические региональные различия, что отчасти восполняется кластеризацией стандартных ошибок на уровне региона и суда и построением многоуровневых моделей.

В дальнейшем исследование можно было бы расширить на другие виды насильственных преступлений с менее серьезными последствиями, чтобы проследить, проявляется ли на них эффект нормализации, или они также подчиняются логике сдерживания. Также требует дополнительного изучения влияние увеличения строгости наказаний на уровень рецидивизма (Loeffler, Nagin 2022).

71

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает свою благодарность научному руководителю к.с.н. А. П. Казуну за помощь в процессе проведения исследования и ценные комментарии.

The author expresses gratitude to the research supervisor, A. P. Kazun, for his assistance throughout the research process and for his valuable comments.

Список источников / References

Андриенко Ю. В. (2001) В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход. *Higher School of Economics Economic Journal*, 5, pp. 194–220. EDN: SLUWMK

— Andrienko Y. V. (2001) In Search of an Explanation for the Rise in Crime in Russia During the Transition Period: A Criminometric Approach. *Higher School of Economics Economic Journal*, 5(2), pp. 194–220. — in Russ.

Волченко О. В., Широканова А. А. (2016) Применение многоуровневого регрессионного моделирования к междоугольным данным (на примере генерализованного доверия). *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М)*, 43, с. 7–62. EDN: ZDEEIP

— Volchenko O. V., Shirokanova A. A. (2016) Application of Multilevel Regression Modeling to Cross-National Data (Using the Example of Generalized Trust). *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*, 43, pp. 7–62. — in Russ.

Abramovaite J., Bandyopadhyay S., Bhattacharya S., Cowen N. (2023) Classical deterrence theory revisited: An empirical analysis of Police Force Areas in England and Wales. *European Journal of Criminology*, 20(5), pp. 1663–1680. <https://doi.org/10.1177/14773708211072415>

Andrienko Y., Shelley L. (2005) *Crime, Violence, and Political Conflict in Russia* (Understanding civil war, pp. 87–118). World Bank; JSTOR. <http://www.jstor.org/stable/resrep02484.8>

Becker G. S. (1968) Crime and Punishment: An Economic Approach. *Journal of Political Economy*, 76(2), pp. 169–217. <https://doi.org/10.1086/259394>

Bun M. J. G., Kelaher R., Sarafidis V., Weatherburn D. (2020) Crime, deterrence and punishment revisited. *Empirical Economics*, 59(5), pp. 2303–2333. <https://doi.org/10.1007/s00181-019-01758-6>

Chalfin A., McCrary J. (2017) Criminal Deterrence: A Review of the Literature. *Journal of Economic Literature*, 55(1), pp. 5–48. <https://doi.org/10.1257/jel.20141147>

Chervyakov V. V., Shkolnikov V. M., Pridemore W. A., McKee M. (2002) The changing nature of murder in Russia. *Social Science & Medicine*, 55(10), pp. 1713–1724. [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(01\)00299-4](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(01)00299-4)

Cooney M., Burt C. H. (2008) Less Crime, More Punishment. *American Journal of Sociology*, 114(2), pp. 491–527. <https://doi.org/10.1086/592425>

Drago F., Galbiati R., Vertova P. (2009) The Deterrent Effects of Prison: Evidence from a Natural Experiment. *Journal of Political Economy*, 117(2), pp. 257–280. <https://doi.org/10.1086/599286>

Ehrlich I. (1973) Participation in Illegitimate Activities: A Theoretical and Empirical Investigation. *Journal of Political Economy*, 81(3), pp. 521–565. <https://doi.org/10.1086/260058>

Engelen P.-J., Lander M. W., Van Essen M. (2016) What determines crime rates? An empirical test of integrated economic and sociological theories of criminal behavior. *The Social Science Journal*, 53(2), pp. 247–262. <https://doi.org/10.1016/j.sosci.2015.09.001>

Fragkouli K., Boumba V., Vougiouklakis T. (2016) Survey of medico-legal investigation of homicide in the region of Epirus (Northwest Greece). *Journal of Forensic and Legal Medicine*, 37, pp. 39–44. <https://doi.org/10.1016/j.jflm.2015.10.003>

Goodwin G. P., Gromet D. M. (2014) Punishment. *WIREs Cognitive Science*, 5(5), pp. 561–572. <https://doi.org/10.1002/wcs.1301>

Grogger J. (1991) Certainty vs. Severity of punishment. *Economic Inquiry*, 29(2), pp. 297–309. <https://doi.org/10.1111/j.1465-7295.1991.tb01272.x>

Hayward K. (2007) Situational Crime Prevention and its Discontents: Rational Choice Theory versus the “Culture of Now”. *Social Policy & Administration*, 41(3), pp. 232–250. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2007.00550.x>

Hendley K. (2009) “Telephone Law” and the “Rule of Law”: The Russian Case. *Hague Journal on the Rule of Law*, 1(02), pp. 241. <https://doi.org/10.1017/S1876404509002413>

- Heyes A., Saberian S. (2019) Temperature and Decisions: Evidence from 207,000 Court Cases. *American Economic Journal: Applied Economics*, 11(2), pp. 238–265. <https://doi.org/10.1257/app.20170223>
- Hou Y., Wang P. (2020) Unpolluted decisions: Air quality and judicial outcomes in China. *Economics Letters*, 194, pp. 109–369. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2020.109369>
- Lochner L. (2007) Individual Perceptions of the Criminal Justice System. *The American Economic Review*, 97(1), pp. 444–460. <https://doi.org/10.1257/000282807780323505>
- Loeffler C. E., Nagin D. S. (2022) The Impact of Incarceration on Recidivism. *Annual Review of Criminology*, 5(1), pp. 133–152. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-030920-112506>
- Lysova, A. V., Shchitov N. G., Pridemore W. A. (2012) Homicide in Russia, Ukraine, and Belarus. B: M. C. A. Liem & W. A. Pridemore (Ред.), *Handbook of European Homicide Research* (pp. 451–469). Springer New York. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-0466-8_29
- Meade B., Steiner B., Makarios M., Travis L. (2013) Estimating a Dose-Response Relationship Between Time Served in Prison and Recidivism. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 50(4), pp. 525–550. <https://doi.org/10.1177/0022427812458928>
- Mrug S., Madan A., Cook E. W., Wright R. A. (2015) Emotional and Physiological Desensitization to Real-Life and Movie Violence. *Journal of Youth and Adolescence*, 44(5), pp. 1092–1108. <https://doi.org/10.1007/s10964-014-0202-z>
- Nagin D. S., Cullen F. T., Jonson C. L. (2009) Imprisonment and Reoffending. *Crime and Justice*, 38(1), pp. 115–200. <https://doi.org/10.1086/599202>
- Peer E., Gamliel E. (2013) Heuristics and biases in judicial decisions. *Court Review*, 49, p. 114.
- Prudkov P. N., Rodina O. N. (2019) Cold temperatures, stress, and violence. *Heliyon*, 5(5), pp. e01619. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2019.e01619>
- Rhodes W., Gaes G. G., Kling R., Cutler C. (2018) Relationship Between Prison Length of Stay and Recidivism: A Study Using Regression Discontinuity and Instrumental Variables With Multiple Break Points. *Criminology & Public Policy*, 17(3), pp. 731–769. <https://doi.org/10.1111/1745-9133.12382>
- Tittle C. R. (1969) Crime Rates and Legal Sanctions. *Social Problems*, 16(4), pp. 409–423. <https://doi.org/10.2307/799950>
- Wermink H., Nieuwebeerta P., Ramakers A. A. T., De Keijser J. W., Dirkzwager A. J. E. (2018) Short-Term Effects of Imprisonment Length on Recidivism in the Netherlands. *Crime & Delinquency*, 64(8), pp. 1057–1093. <https://doi.org/10.1177/0011128716687290>
- Wheeler S., Mann K., Sarat A. (1980) Sentencing the White-Collar Offender. *American Criminal Law Review*, 17.
- Wilson J. Q., Herrnstein R. J. (1986) *Crime and human nature: The definitive study of the causes of crime* (1. Touchstone ed). Simon und Schuster.
- Zhuchkova S., Kazun A. (2023) Exploring Gender Bias in Homicide Sentencing: An Empirical Study of Russian Court Decisions Using Text Mining. *Homicide Studies*, pp. 10887679231217159. <https://doi.org/10.1177/10887679231217159>

Приложения

Таблица 1. Описательные статистики по переменным для регрессии на неагрегированных данных

Переменная	Минимум	Максимум	Среднее	Медиана	N
Срок тюремного заключения	24	240	102.6	102	20410
Количество убийств на 1000 человек населения региона (лаг в 1 год)	0,023	0,483	0,096	0,083	20265
Процент раскрытых дел от количества дел, зарегистрированных за год в регионе (лаг в 1 год)	4,624	80,65	49,502	49,309	20406
Преступление является рецидивом	0	1	0,23	0	20410
Наличие отягчающих обстоятельств	0	1	0,57	1	20410
Наличие смягчающих обстоятельств	0	1	0,91	1	20410
Жертва является женщиной	0	1	0,17	0	20410
Обвиняемой является женщиной	0	1	0,18	0	20410
Судья является женщиной	0	1	0,48	0	20410
Признание вины (1 — частичное, 2 — полное)	0	2	1,30	2	20410
Наличие у обвиняемого детей	0	1	0,27	0	20410
Год	2013	2019	-	-	20410

Название суда	1893 наименования	20410
Регион	76 наименований	20410

Таблица 2. Описательные статистики по переменным для регрессии на агрегированных данных

Переменная	Минимум	Максимум	Среднее	Медиана	N	
Количество убийств на 1000 человек населения региона	0,022	0,4412	0,0814	0,0691	523	
Средние сроки тюремного заключения в регионе (лаг в 1 год)	72	130	103,41	103,32	453	
Процент раскрытых дел от количества дел, зарегистрированных за год в регионе (лаг в 1 год)	4.624	80.66	49,502	49,309	527	75
Коэффициент Джини (лаг в 1 год)	0,308	0,488	0,383	0,381	527	
Уровень безработицы (лаг в 1 год)	0,80	19,40	6,01	5,6	527	
ВРП на 10 000 человек (лаг в 1 год)	13,71	621,61	57,04	41,42	528	
Год	2014	2019	-	-	529	
Регион		76 наименований			529	

Об авторе / About the author

Амшаринская Станислава Юрьевна — стажер-исследователь Центра комплексных исследований социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация. Научные интересы: количественные методы в социальных науках, эмпирические исследования права, социальная политика.

<https://orcid.org/0009-0006-6520-8867>. E-mail: samsharinskaya@hse.ru

Amsharinskaya Y. Stanislava — research assistant at the Center for Comprehensive Social Policy Research at the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. Research interests: quantitative methods in social sciences, empirical studies of law, social policy.

<https://orcid.org/0009-0006-6520-8867>. E-mail: samsharinskaya@hse.ru

Выпивать и наказывать: социально-экономические детерминанты насильственной преступности в регионах России

Ангелина И. Щетинина*

<https://orcid.org/0009-0008-4852-0757>

Антон П. Казун*

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>

* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Рекомендация для цитирования:

Щетинина А. И., Казун А. П. (2025)
Выпивать и наказывать: социально-
экономические детерминанты
насильственной преступности
в регионах России. *Социология власти*,
37 (4): 77-100
EDN: KSSWNK

For citation:

Shchetinina A. I., Kazun A. P.
(2025) Drinking and Punishing:
Socioeconomic Determinants of
Violent Crime in Russia's Regions.
Sociology of Power, 37 (4): 77-100

Поступила в редакцию: 09.04.2025;
прошла рецензирование: 30.06.2025;
принята в печать: 07.07.2025
Received: 09.04.2025; Revised:
30.06.2025; Accepted: 07.07.2025

© Authors, 2025

This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

Резюме: Несмотря на тенденцию к снижению, уровень насильственных преступлений (убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и пр.) в России остается сравнительно высоким. В статье ставится вопрос о том, какие социально-экономические факторы, показавшие свою значимость в международных исследованиях, влияют на уровень насильственной преступности в регионах России. Мы акцентируем внимание на трех основных детерминантах: экономическом развитии региона, проблеме алкоголизма и сдерживающем эффекте раскрываемости преступлений. Исследование базируется на данных официальной статистики Генеральной прокуратуры РФ за 2011-2021 годы. Для анализа использовались динамические панельные модели (System GMM), позволяющие учитывать эндогенность и инерционность показателей криминальной статистики. Результаты указывают на статистически значимую отрицательную корреляцию между уровнем ВРП и насильственной преступностью, что подтверждает гипотезу о снижении стимулов к насилию с ростом благосостояния. В то же время уровень безработицы не показал значимого эффекта в объяснении анализируемых видов преступлений. Мы показываем, что существенную роль играет

потребление алкоголя: рост числа выявленных больных алкоголизмом связан с увеличением числа насильственных преступлений, особенно убийств по неосторожности. Кроме того, повышение раскрываемости по конкретному типу преступления снижает его распространенность в последующие периоды, что согласуется с теорией преступления как рационального выбора Г. Беккера. Основываясь на полученных выводах, можно предположить, что сокращение преступности в России связано с качеством работы правоохранительных органов, политикой в сфере потребления алкоголя, а также перспективами развития экономики в целом.

Ключевые слова: ВРП, детерминанты преступности, динамические панельные модели, потребление алкоголя, регионы России, сдерживание преступности, убийства

Drinking and Punishing: Socioeconomic Determinants of Violent Crime in Russia's Regions

*Angelina. I. Shchetinina**

<https://orcid.org/0009-0008-4852-0757>

*Anton P. Kazun**

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>

* National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract: Despite a downward trend, the level of violent crime in Russia—including homicides and intentional infliction of serious bodily harm—remains comparatively high. This article examines the socio-economic factors—previously identified as significant in international studies—that influence violent crime rates across Russian regions. The analysis focuses on three primary determinants: regional economic development, alcohol abuse, and the deterrent effect of crime detection. The study relies on official statistics from the General Prosecutor's Office of the Russian Federation for the period from 2011 to 2021. To address issues of endogeneity and the persistence of criminal behavior over time, we employ dynamic panel models (System GMM). The results reveal a statistically significant negative correlation between gross regional product (GRP) per capita and violent crime, supporting the hypothesis that increased economic well-being reduces incentives for violent behavior. In contrast, regional unemployment levels show no significant explanatory power for the types of crimes under investigation. We find that alcohol consumption plays a substantial role: a higher incidence of newly diagnosed alcohol dependence is associated with increased levels of severe violence, particularly in cases of involuntary manslaughter. Additionally, higher detection rates for specific categories of violent crime are linked to lower future crime incidence, in line with Gary Becker's rational choice theory of crime. Based on these findings, we argue that the reduction of violent crime in Russia is shaped by the effectiveness

of law enforcement, public policy on alcohol consumption, and broader prospects for regional economic development.

Keywords: GRP, determinants of crime, dynamic panel models, alcohol consumption, regions of Russia, crime deterrence, homicides

Введение

По данным Управления ООН по наркотикам и преступности (2021), Россия занимает первое место по количеству умышленных убийств на 100 тысяч населения среди стран Европы¹. Хотя с 2015 по 2021 год уровень таких преступлений стабильно снижался с 11,46 до 6,77 на 100 тысяч населения, этот показатель остается высоким в сравнении с другими странами. Близкие значения наблюдаются в США, Уганде и Парагвае. Такой высокий уровень насильственной преступности оказывает негативное влияние на качество жизни граждан (Miller et al. 1993), снижает восходящую экономическую мобильность (Sharkey, Torrats-Espinosa 2017) и приводит к серьезным последствиям для здоровья населения (Mayne et al. 2018; Rosen et al. 2019; Yunus et al. 2019). Например, большие опасения по поводу безопасности связаны со снижением физической активности, которое имеет негативные эффекты на ментальное здоровье и самооценку здоровья в целом (Meyer et al. 2014).

Несмотря на важность этой проблемы, в научной литературе все еще относительно мало исследований, которые комплексно, с применением современных эконометрических методов изучали бы факторы, связанные с насильственной преступностью в России. Многие работы концентрируются преимущественно на объяснении общего уровня преступности, не делая четкого разграничения между экономическими, наркотическими и насильственными преступлениями, а также между разными видами преступлений внутри каждой из категорий (Buonanno, Leonida 2009; Khan et al. 2015; Kizilgol, Selim 2017). Данное различие представляется методологически важным, поскольку социальные и экономические факторы, связанные с принятием решений о совершении того или иного типа преступления, могут значительно отличаться.

В настоящем исследовании ставится цель изучить взаимосвязи между социально-экономическими показателями и уровнем насильственной преступности по трем ключевым категориям насильственных преступлений — убийствам и покушениям на убий-

1 Victims of intentional homicide// United Nations Office on drugs and crime: [Электронный ресурс]. URL: <https://dataunodc.un.org/dp-intentional-homicide-victims> (дата обращения: 25.03.2025).

ство, умышленному причинению тяжкого вреда здоровью, а также умышленному причинению тяжкого вреда здоровью, повлекшему по неосторожности смерть потерпевшего. Кроме того, мы стараемся продемонстрировать сдерживающую роль раскрываемости преступлений. Работа основывается на опыте теоретических и эмпирических исследований, в рамках которых неоднократно отмечалось, что факторы дохода и занятости, потребление алкоголя и качество работы правоохранительных органов могут играть особую роль для объяснения и для предотвращения насильственной преступности. Исследование опирается на статистические данные Генеральной прокуратуры РФ, охватывающие период 2011–2021 годов.

Теоретическая рамка и международный опыт

80

Анализ насильственных преступлений может происходить в рамках различных теорий, которые условно можно разделить на три группы: экономические подходы, делающие акцент на выгодах и издержках, социологические подходы, фокусирующиеся на социальных причинах преступности, а также различные узкоспециализированные концепции, акцентирующие внимание на отдельных факторах, например алкоголизме или миграции. Ниже мы коротко опишем каждое из этих направлений.

Ключевым исследованием, сформировавшим представление о преступлении как о результате рационального выбора, является работа Гэри Беккера «Преступление и наказание: экономический подход» (Becker 1968). В ней предложена модель, где индивид сравнивает ожидаемые выгоды от криминальной деятельности с рисками (штрафы, тюремное заключение). Если выгоды превышают издержки, то рациональный индивид совершает преступление. Исаак Эрлих дополнил модель, отметив, что ограниченные экономические возможности (например, отсутствие работы или низкий легальный доход) повышают вероятность вовлечения в преступную деятельность (Ehrlich 1973).

Согласно экономической теории сдерживания, любые меры, повышающие вероятность и тяжесть наказания, снижают привлекательность криминальной деятельности (Becker 1968). В эмпирических исследованиях для оценки сдерживающего эффекта используют показатели уровня раскрываемости преступлений (Saridakis, Spengler 2012), численность полицейских (Buonanno, Leonida 2009), а также количество полицейских автомобилей (Bhorat et al. 2017). При этом в краткосрочной перспективе раскрываемость часто эндогенна по отношению к преступности (Entorf, Spengler 2000). Высокий уровень преступности может перегружать систему право-

охранительных органов, снижая эффективность работы полиции и раскрываемость, в то время как высокая раскрываемость может сдерживать правонарушения (McCandless et al. 2016). Таким образом, необходим аккуратный учет причинно-следственных связей. Модели с фиксированными (fixed effects) или случайными эффектами (random effects) в таком случае могут давать смещенные оценки, поэтому рекомендуется использовать динамические модели Ареллано и Бонда (Arellano, Bond 1991), Ареллано и Бовера (Arellano, Bover 1995), Бланделл и Бонда (Blundell, Bond 1998), позволяющие учесть проблему эндогенности в панельных данных.

Социологические теории преступности больше внимания уделяют различным социально-экономическим мотивам совершения преступлений, не привязывая их напрямую к рациональной kalkulации выгод и издержек. Коэн и Фелсон (Cohen, Felson 1979) представили популярную объяснительную модель, где для совершения преступления требуются три элемента: мотивированный преступник, подходящая цель и отсутствие защитника. Эта модель известна также как теория рутинной активности, поскольку она напрямую связывает уровень преступности с тем, как устроены повседневные практики граждан. Например, изменения повседневного образа жизни в виде роста занятости приводит к тому, что люди чаще бывают вне дома, что повышает риски столкновения с определенными видами преступности — краж со взломом (поскольку человек реже бывает дома) и насильственных преступлений (поскольку человек чаще контактирует с незнакомцами) (Engelen et al. 2016; Bhorat et al. 2017). Таким образом, в логике этой теории безработица может выступать как фактором роста криминальной активности, так и фактором дополнительного надзора.

Вторая влиятельная социологическая концепция — теория социальной дезорганизации. Шоу и Маккей (Shaw, McKay 1942) объясняли, как бедность, миграция и культурная неоднородность подрывают социальные связи, что повышает вероятность возникновения преступности. Впоследствии эту тему развили Бурсик (Bursik 1988), Корнхаузер (Kornhauser 1978), Чарис и Рональд (Charis, Ronald 2017), обращая внимание на то, что социальное разобщение приводит к снижению эффективности неформального контроля за отклоняющимся поведением. Эта теория также связывается с процессом урбанизации. Ранние исследования показали, что риски преступлений выше в городах, в том числе из-за преобладания домохозяйств, возглавляемых женщинами (Myers 1982; Glaeser, Sacerdote 1999). Это происходит из-за упрощения доступа к жертвам: в таких домохозяйствах меньше людей (проще оказаться в ситуации без свидетелей) и женщине-жертве может быть сложнее дать отпор автору насилия. Однако имеются и свидетельства того, что в небольших

населенных пунктах проблемы с преступностью более значимы, чем в крупных городах (Ackerman, Murray 2004; Tarling, Dennis 2016; Engelen et al. 2016).

Другой известный социальный теоретик Роберт Мертон ввел понятие «напряжения» (strain) (Merton 1968). Он утверждал, что люди, не имеющие возможностей достигать социально одобряемых целей (например, финансового благополучия) через легитимные инструменты (например, образование, работа и пр.), могут охотнее прибегать к нелегальным средствам. Уровень неравенства доходов (Hsieh, Pugh 1993) и относительной депривации (Tarling, Dennis 2016; Rufrancos et al. 2013) могут рассматриваться как факторы, провоцирующие криминальную активность, в том числе насильственную. В работе Пратт и Каллен (Pratt, Cullen 2005) показана устойчивая связь между доходным неравенством и преступностью на макроуровне. Хан (Han 2010), Буткус (Butkus et al. 2019) и другие авторы находили аналогичную зависимость, хотя некоторые работы (например, Saridakis 2004) дают смешанные результаты, особенно для тяжких преступлений.

82

Потребление алкоголя в литературе рассматривается как один из значимых факторов преступлений против личности. Ряд исследований (Collins 1981; Seto 1995; Chalub, Telles 2006; Duarte, Cotrim 2000) показывает, что агрессивное поведение и нарушение когнитивного контроля под воздействием алкоголя повышают вероятность насилия. В Бразилии около половины убийств сопровождалось состоянием алкогольного опьянения (Duarte, Cotrim, 2000). Saridakis (2004) и Butkus et al. (2019), анализируя расходы населения на алкоголь или уровень его потребления на душу населения, констатируют прямую зависимость между алкоголизацией общества и ростом тяжких преступлений. Ту же зависимость мы можем видеть и на российских данных. По данным судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, в состоянии алкогольного опьянения на момент совершения преступлений находилось 71% осужденных по ч. 1 ст. 105 УК РФ в 2023 году, 61% — по ч. 1 ст. 108 (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны), 68% — ч. 4 ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего), 71% — ч. 1 ст. 117 (истязание)¹. Zhuchkova & Kazun (2023) также демонстрируют, что убийства в России часто происходят под воздействием алкоголя.

1 Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год // Судебный департамент при Верховном суде РФ: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 29.04.2024).

В СМИ насильственные преступления нередко связывают с миграцией и этнической гетерогенностью населения. Однако исследования в разных странах не дают однозначных выводов (Aoki, Todo 2009; Stowell 2007; Chalfin 2014). Приток иммигрантов иногда повышает преступность (Kleemans, Magtuder 2018; Egger 2022), однако в ряде исследований не было выявлено значимого эффекта, порой же эффект миграции даже оказывался позитивным (Bell, Machin 2011; Bell et al. 2013; Reid et al. 2005). Исследователи подчеркивают, что ключевым фактором становится социальная интеграция ново-прибывших, их уровень занятости и образования, что позволяет снизить риски роста преступности.

Методологические аспекты анализа преступности

Исследователи нередко объединяют все насильственные преступления в единый показатель (Tarling, Dennis 2016; Buonanno, Montolio 2008; Engelen et al. 2016). Это лучше, чем анализировать общий уровень преступности, но все же может приводить к существенным искажениям результатов. Например, Cherry & List (2002) и Andresen & Linning (2012) указывают на опасность подобной агрегации: убийства, причинение тяжкого вреда здоровью и изнасилования могут объясняться разными факторами. Аналогично Widner et al. (2011) и Saridakis (2004) показывают, что доход, образование или другие социально-экономические факторы оказывают разнонаправленное влияние на убийства и кражи.

В России данные о детализированных категориях преступлений, включая убийства и покушения на убийство (ст. 105, 30 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) и причинение смерти по неосторожности (ч. 4 ст. 111), доступны в официальной статистике Генпрокуратуры РФ — Портале правовой статистики¹. Эти данные тоже являются агрегированными, потому мы не видим ситуации на уровне отдельных кейсов. Кроме того, Андриенко (2003) справедливо отмечает, что учет зарегистрированных преступлений может быть неполным, что может приводить к искажениям. Allen

1 Паспорт показателя // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/indicator_passport (дата обращения: 25.03.2025). Показатели преступности России // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 25.03.2025). Показатели преступности России // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения: 25.03.2025).

(2007) и Hart & Rennison (2003) поднимают ту же проблему для стран Запада. Однако для тяжких насильственных преступлений (убийств) разрыв между фактическими и зарегистрированными случаями обычно минимален (убийство сложно не зарегистрировать), чего не скажешь про экономические или наркотические преступления.

Ключевая методологическая проблема для анализа подобных данных — это эндогенность (ситуация, когда переменные влияют друг на друга в обе стороны) и автокорреляция (влияние прошлых значений переменной на ее же будущие значения) (Saridakis 2004; Entorf, Spengler 2000; Greenberg 2020). В подобных условиях исследователи применяют динамические панельные модели: difference GMM (generalized method of moments) (Arellano, Bond 1991) или system GMM (Arellano, Bover 1995; Blundell, Bond 1998), которые позволяют контролировать фиксированные эффекты региона и учитывать лаг зависимой переменной (Fajnzylber 2002, Saridakis, Spengler 2012). В частности, Buonanno & Montolio (2008) на данных Испании, Bhorat et al. (2017) для ЮАР, Butkus et al. (2019) для стран ЕС и Tarling & Dennis (2016) для Великобритании применяли панельные регрессионные методы (fixed/random effect) и динамические спецификации.

Гипотезы

Проведенный нами анализ литературы позволяет сформулировать несколько гипотез, а также составить набор контрольных переменных, которые требуется учитывать при анализе. Хотя практически для каждой из упомянутых выше переменных можно сформулировать гипотезу, в настоящем исследовании мы сфокусируемся на пяти ключевых вопросах.

Вслед за классическими исследованиями (Becker 1968; Ehrlich 1973) мы предполагаем, что более высокие доходы снижают мотивацию к преступлениям. Следует отметить, что этот эффект может быть менее выражен для насильственных преступлений, однако в данной работе мы не работаем с экономическими и наркотическими правонарушениями, оставляя их для дальнейших исследований. Мы ожидаем, что более высокий ВРП предполагает большее количество шансов для извлечения легального дохода и возможностей для трудоустройства, что отрицательно связано с насильственными преступлениями (Widner et al. 2011).

Гипотеза 1. При прочих равных, уровень насильственной преступности ниже в тех регионах, где выше уровень экономического развития, выраженный в ВРП на душу населения.

Аналогичным образом может работать занятость. Как показано в ряде работ, безработица повышает шансы вовлечения в криминальную активность (Buonanno, Montolio 2008; Butkus et al. 2019).

Гипотеза 2. При прочих равных, уровень насильственной преступности ниже в тех регионах, где ниже уровень безработицы.

Далее рассмотрим влияние одного из ключевых социальных факторов, связанных с насилием в России, — потребление алкоголя. Международные исследования однозначно демонстрируют, что рост потребления алкоголя ведет к увеличению насильственных преступлений (Collins 1981; Seto 1995; Chalub, Telles 2006).

Гипотеза 3. При прочих равных, уровень насильственной преступности выше в тех регионах, где выше доля людей, признанных в качестве страдающих от алкоголизма.

В данном исследовании мы опирались на официальные данные о людях, страдающих от алкоголизма, поскольку он представляется наиболее консервативной и сопоставимой для регионов оценкой, хотя фиксирует лишь официально выявленные случаи, а не все фактическое потребление. Следует отметить, что этот показатель имеет ограничения: в некоторых регионах обращение в медицинские учреждения с симптомами алкоголизма особенно стигматизировано, поэтому больные могут не обращаться за помощью или же быть зарегистрированы не по коду F10.2 по МКБ. Такие больные не попадут в статистику, а степень недорегистрации может достаточно сильно разниться между регионами. Лучшими показателями были бы розничные продажи алкогольной продукции на душу населения в литрах этанола или продажа алкогольных напитков в расчете на душу населения в натуральном выражении, предоставляемые Федеральной службой по контролю за алкогольным и табачным рынками. Однако на момент анализа данные по этому показателю за весь период не были доступны.

85

После проверки этих базовых взаимосвязей между уровнем экономического благополучия и насильственной преступностью мы сфокусируемся на вопросе о ключевой механике предотвращения преступлений — эффекте сдерживания. Как показано в работах (Entorf, Spengler 2000; Buonanno, Leonida 2009), рост раскрываемости и ужесточение наказаний должны уменьшать преступность, что в полной мере соответствует концепции Беккера.

Гипотеза 4. При прочих равных, уровень насильственной преступности ниже в тех регионах, где выше уровень раскрываемости таких преступлений в предыдущем периоде.

Как мы отмечали ранее, при поиске ответа на этот вопрос важно будет учесть проблему эндогенности и автокорреляции. Более того, нам важно показать, что механика влияния раскрываемости на преступность связана именно с рациональным выбором преступника. По этой причине мы ожидаем, что:

Гипотеза 5. При прочих равных, уровень раскрываемости должен иметь более выраженный сдерживающий эффект для умышленных насильственных преступлений, чем для непредумышленных.

Согласно теории сдерживания, можно ожидать, что преступник, имеющий умысел на совершение преступления, может остановиться, если считает, что шансы на его поимку высоки. Однако эта логика не должна работать для непредумышленных преступлений, которые совершаются под влиянием эмоций или случайного стечения обстоятельств, не предполагающих рационального расчета.

Хотя мы не формулируем отдельных гипотез относительно остальных социально-экономических факторов, все же мы также считаем важным контролировать уровень неравенства в регионе, влияние которого показывали Hsieh & Pugh (1993), Pratt & Cullen (2005), а также плотность населения (Glaeser, Sacerdote 1996; Entorf, Spengler 2000; Tarling, Dennis 2016) и внутреннюю миграцию (Aoki, Todo 2009; Egger 2022). Последний фактор, как показывают исследования, является сложным и требует учета не только количественных, но и качественных характеристик мигрантов (Bell, Machin 2011; Bell et al. 2013; Reid et al. 2005; Ozden et al. 2018). Учет качественных характеристик миграции — отдельная исследовательская задача. По этой причине в рамках данной работы фактор миграции контролируется, но не рассматривается как самостоятельный.

Данные и методология

Мы используем ежегодные региональные данные по 83 субъектам Российской Федерации за период с 2011 по 2021 год. Основными источниками послужили официальная статистика Генеральной прокуратуры РФ¹, включающая сведения о зарегистрированных преступлениях различных типов, данные Федеральной службы государственной статистики и информация Министерства здравоохранения, доступная через ЕМИСС.

В соответствии с целью анализа особый интерес представляют три индикатора насильственной преступности: *убийство* (убийства и покушения на убийство по ст. 30, 105–107 УК РФ), *тяжкий вред здоровью* (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по ст. 111 УК РФ) и *убийство по неосторожности* (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть по неосторожности, ч. 4 ст. 111 УК РФ). Индикаторы нормированы на 10 тыс. жителей соответствующего региона.

1 Помимо исходных данных, на Портале правовой статистики доступна инфографика о динамике преступлений, а также их географии (http://crime-stat.ru/offenses_map). По этой причине в настоящей статье для экономии места мы не приводим карт с распространением преступности по регионам России и диаграмм с динамикой по конкретным видам преступлений, которые можно найти на сайте.

Выбор этих конкретных видов преступлений объясняется их серьезностью и сравнительно большей полнотой регистрации в органах внутренних дел, что снижает риск существенных искажений статистики. Индикатор *убийство по неосторожности* важен для проверки гипотезы 5 о механике работы раскрываемости как сдерживающего фактора.

В качестве социально-экономических и демографических факторов были взяты ВРП на душу населения, уровень безработицы, коэффициент Джини, плотность населения, доля городского населения, миграционный прирост на 10 тысяч жителей, а также показатель числа впервые выявленных больных алкоголизмом и алкогольным психозом. Для оценки сдерживающих мер использовались коэффициенты раскрываемости преступлений по каждой рассматриваемой категории. При этом показатели были введены в модель с лагом, чтобы избежать непосредственной взаимозависимости с количеством зарегистрированных правонарушений в текущем периоде. Описательные характеристики переменных представлены в Приложении 1. В Приложении 2 приводится корреляционная матрица для используемых переменных.

Применяемая в работе эмпирическая модель строилась в формате динамической панельной регрессии, где для каждой из трех категорий насильственных преступлений задавалось уравнение с логарифмом текущего уровня преступности в левой части и включением лага зависимой переменной в правой части. Единицей анализа является регион-год. Такая спецификация учитывает высокую инерционность криминальных показателей, то есть предполагает, что повышенный уровень преступности в предыдущем периоде увеличивает его значение в текущем. Все социально-экономические переменные, кроме миграции и индикаторов раскрываемости, использовались в логарифмах.

Оценка данной системы уравнений проводилась методом GMM, рекомендованным в литературе для использования при возможной эндогенности объясняющих факторов. В частности, применен вариант *system GMM*, который, в отличие от *difference GMM*, более точно учитывает специфику панельных данных при относительно высоком показателе устойчивости зависимой переменной во времени. Выбранный нами метод использует прошлые значения переменных как инструменты, чтобы убрать смещения, связанные с инертностью показателей и обратной причинно-следственной связью. Дело в том, что количество преступлений в год как показатель в существенной степени зависит от уровня преступности в том же регионе в предыдущие годы, а потому интересующие нас показатели (раскрываемость, алкоголизм и пр.) могут как влиять

на преступность, так и реагировать на нее. Метод GMM позволяет снизить такое смещение и сделать выводы более надежными.

Проверка валидности инструментов осуществлялась с помощью теста Хансена, а отсутствие автокорреляции второго порядка проверялось тестом Ареллано-Бонда. Все модели system GMM строились в двух спецификациях (one-step GMM и two-step GMM), в статье будут представлены только результаты two-step GMM, которая считается более предпочтительной в данной задаче, но результаты у обеих спецификаций получились аналогичными.

Результаты

88 Результаты анализа представлены в Таблице 1. Анализ показал, что регионы с более высоким уровнем ВРП на душу населения характеризуются более низким уровнем насильственных преступлений (Гипотеза 1 подтверждается). Однако уровень безработицы (Гипотеза 2) никак не связан с интересующими нас индикаторами. Доля населения, страдающего от алкогольной зависимости, как мы и прогнозировали, повышает уровень насильственных преступлений (Гипотеза 3), причем выше всего эффект для умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

Таблица 1. Результаты 2-step System GMM для объяснения уровня убийств, убийств по неосторожности, а также умышленного причинения тяжкого вреда здоровью

Table 1. Results of 2-step System GMM for explaining the rates of homicide, manslaughter, and intentional aggravated assault

	Убийство (y)	Убийство по не- осторожности (y)	Тяжкий вред здоровью (y)
Раскрываемость (y, t-1)	-0,658 *** (0,175)	-0,488 *** (0,061)	-0,588 *** (0,065)
ВРП на душу	-0,108 ** (0,036)	-0,225 ** (0,064)	-0,050 * (0,024)
ln (unempl.)	0,049 (0,049)	0,007 (0,090)	0,007 (0,031)
ln (alcohol)	0,102 *** (0,023)	0,267 *** (0,068)	0,086 *** (0,024)

у (t-1)	0,655 *** (0,061)	0,439 *** (0,086)	0,801 *** (0,084)
FE региона	Да	Да	Да
FE года	Да	Да	Да
Контроли:	Да	Да	Да
N	913	913	913

Примечание: у (t-1) значение зависимой переменной в предыдущий период, контрольные переменные — коэффициент Джини, доля городского населения, плотность населения, миграция. Значение раскрываемости приведено для соответствующей зависимой переменной. Единица анализа: регион-год. Уровни значимости: *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$; * — $p < 0,05$.

Проведенный анализ также позволяет увидеть значимый эффект сдерживания (Гипотеза 4). Чем выше уровень раскрываемости соответствующего типа преступлений, тем меньшее число преступлений происходит в следующем году. Это показывает, что эффективная работа правоохранительных органов обладает сдерживающим эффектом. Также мы видим, что эффект сдерживания для переменной *убийство по неосторожности*, оставаясь значимым, имеет более низкий коэффициент, что мы предсказывали в Гипотезе 5. Это может объясняться тем обстоятельством, что наш индикатор — это непредумышленные убийства, совершенные тем не менее в результате умышленных действий по причинению вреда здоровью другому человеку. Таким образом, результаты не противоречат предложенному нами объяснительному механизму, но сам механизм нуждается в дополнительной проверке.

Результаты исследования показывают, что динамика насильственных преступлений в российских регионах обладает устойчивым характером и в значительной степени определяется ранее сформировавшимся уровнем преступности. Статистически значимый и положительный коэффициент при лаге зависимой переменной у (t-1) показывает, что прошлый уровень преступности оказывает долгосрочное влияние на текущие показатели. Этот результат подкрепляет теоретические предпосылки динамических панельных моделей, где высокая устойчивость преступности рассматривается как базовое условие.

В Приложении 3 мы приводим результаты анализа с использованием более стандартного подхода — регрессии с детерминированным индивидуальным эффектом, который демонстрирует устойчивость найденных закономерностей в части ВРП на душу населения и раскрываемости, при этом переменная о влиянии уровня алкоголизма в этой спецификации незначима. Однако, как уже отмечалось выше, данный тип модели не является оптимальным для проведения анализа в связи с тем, что лагированные переменные будут коррелировать со случайным членом, потому основные выводы мы делаем на результатах GMM.

Обсуждение результатов

90 Среди социально-экономических факторов наиболее существенным детерминантом выступает ВРП на душу населения. Устойчиво отрицательный знак коэффициента ($-0,108$ для убийств и $-0,050$ для тяжкого вреда здоровью) при данном показателе подтверждает гипотезу о том, что рост экономических возможностей и благосостояния населения снижает стимулы к тяжким формам насилия. Причем эффект негативной эластичности оказался более выраженным (коэффициент $-0,225$) для убийств по неосторожности, что указывает на то, что в экономически более развитых регионах реже возникают условия, при которых межличностные конфликты перерастают в непреднамеренную гибель потерпевшего. Этот вывод соотносится с теми теоретическими представлениями, согласно которым наличие альтернативной занятости и высокая стоимость рабочего времени уменьшают предрасположенность к агрессивному поведению.

Уровень безработицы в итоговых спецификациях оказался статистически незначимым (коэффициенты близки к нулю: $0,049$ для убийств; $0,007$ для остальных составов), что не подтверждает гипотезу, часто встречающуюся в литературе, о детерминантах преступлений против личности. Это может быть связано с особенностями показателя безработицы¹ в РФ, структурой российской экономики в анализируемый период или с тем, что тяжкие формы насилия, такие как убийства, обусловлены скорее личными конфликтами, злоупотреблением алкоголем и другими нематериальными факторами,

1 Следует принять во внимание, что в официальной статистике уровень безработицы отражает только зарегистрированных безработных и не учитывает скрытую и неполную занятость, поэтому может занижать реальный масштаб проблем на рынке труда и слабее коррелировать с криминогенной ситуацией в регионах.

чем отсутствием доступа к легитимным способам заработка. Коэффициент Джини, который использовался как контрольная переменная, также был незначимым. Однако эти факторы следует проверить применительно к объяснению экономической преступности.

Важным результатом работы является подтверждение гипотезы о существенной роли алкоголя. Во всех моделях переменная, отражающая число впервые выявленных больных алкоголизмом, положительно и статистически значимо влияет на все три категории насильственных преступлений. Наибольший эффект вновь наблюдается для *убийств по неосторожности*, что вполне логично: состояние опьянения делает поведение менее предсказуемым и может провоцировать убийства, при том что прямой умысел отсутствует. Сравнивая силу факторов, можно отметить, что вклад алкоголизма (0,102 для убийств) по абсолютной величине сопоставим с влиянием экономического благосостояния (-0,108), а в случае с убийствами по неосторожности алкогольный фактор (0,267) даже немного превосходит экономический (-0,225). Установление данной закономерности позволяет сформулировать рекомендации для социальной политики: меры по сокращению злоупотребления спиртным способны снизить число тяжких конфликтов, возникающих на бытовой почве, особенно конфликтов, в результате которых кто-то умирает.

91

Наконец, результаты тестирования теории сдерживания подтверждают предпосылки экономического подхода к преступности, где серьезность и неотвратимость наказания играют сдерживающую роль. В данной работе не рассматривается серьезность наказания, однако из научной литературы в целом следует, что именно неотвратимость является ключевым инструментом сдерживания. Выявленное отрицательное и значимое влияние на убийства (коэффициент -0,658) и причинение тяжкого вреда здоровью (коэффициент -0,588) указывает на то, что индивиды, осознавая высокий риск разоблачения, более склонны воздерживаться от умышленных агрессивных действий. При этом для убийств по неосторожности этот эффект выражен слабее (-0,488), что служит дополнительным подтверждением гипотезы о меньшей «рациональности» неосторожных преступлений, когда субъект не планирует исхода с летальным результатом и, следовательно, не оценивает потенциальные издержки столь тщательно.

В настоящем исследовании комплексно оценены факторы насильственной преступности, что имеет как методологическую, так и практическую значимость. Во-первых, мы применили эконометрический подход для анализа трех конкретных категорий насильственных преступлений в российском региональном разрезе, что позволило учесть возможную эндогенность, автокорреляцию и проблему агрегирования данных. Во-вторых, получены содержательные результаты, которые позволяют сделать выводы, важные для со-

циальной политики. Грамотная политика, связанная со снижением уровня алкоголизма в обществе, может привести к сокращению количества насильственных преступлений. Кроме того, качественная работа СК РФ, полиции и иных правоохранительных ведомств по раскрытию и профилактике преступлений имеет существенное значение для сдерживания будущих преступлений.

Важно указать на то, что данное исследование несвободно от некоторых ограничений. Во-первых, мы работаем с официальной статистикой, которая отражает только уровень официально зарегистрированных преступлений. Хотя в случае с убийствами и случаями причинения тяжкого вреда здоровью статистике вполне можно доверять, часть латентных преступлений может оставаться скрытой от глаз исследователей (например, пропавшие без вести, незарегистрированные кейсы). Во-вторых, в силу естественных ограничений доступных данных мы работали с данными на уровне регионов, а не на уровне муниципалитетов или отдельных кейсов. Некоторые эффекты могут сглаживаться и не наблюдаться на региональном уровне. Решением проблемы может быть проведение подобного анализа на данных о судебных решениях, позволяющих анализировать ситуации на уровне кейса. В-третьих, в модель включены не все переменные, которые потенциально могут иметь значение, такие как особенности культурных норм в регионе, а также информация о фактической строгости наказания за соответствующие преступления, являющаяся вторым важным элементом сдерживания. Другим значимым фактором, который требуется учесть в будущих исследованиях, является динамика миграции, как внутренней, так и международной¹. В-четвертых, несмотря на корректный подбор моделей

92

1 Анализ миграционного аспекта преступности особенно важен в контексте обострившейся в последнее время дискуссии о том, насколько часто в России преступления совершаются гражданами других стран. См. например, доклад Центра анализа мигрантских тенденций «Мигрантский криминал», март 2025 г. [<https://camt2025.ru/migrant.pdf>], где делается идущий вразрез с основной научной литературой вывод о более высокой доле мигрантов, совершающих преступления. Однако для проведения комплексного анализа вопроса о связи между трудовой миграцией и преступностью в нашем случае будет недостаточно посмотреть на агрегированные данные на уровне регионов. Так, для точной нормализации данных о доле мигрантов, совершающих преступления (по сравнению с долей российских граждан), следовало бы учитывать возраст, пол и социально-экономический статус преступников (поскольку генеральная совокупность жителей России и иностранных граждан, приезжающих на заработки, сильно различается по этим параметрам). В перспективе эту задачу можно реализовать на уровне отдельных кейсов с использованием данных текстов судебных решений (Жучкова и др. 2025).

для работы с панельными данными, проблема эндогенности наших ключевых переменных все равно не решена в полной мере. В дальнейшем можно усилить анализ добавлением инструментальных переменных или же анализом ситуаций, выступающих в качестве естественного эксперимента. Наконец, наш анализ ограничен периодом с 2011 по 2021 год и не учитывает шоков 2022 года, а также не в полной мере учитывает долгосрочные последствия шоков пандемии COVID-19. Оценка влияния шоков требует специального исследования.

Заключение

Настоящее исследование позволяет сделать довольно простой вывод — уровень насилия в обществе связан с социально-экономическими факторами, которые предсказуемы (как с точки зрения теории, так и на основе эмпирики), а также в целом управляемы. Благополучие имеет значение. Мы показали, что чем богаче регион, тем меньше в нем убийств и случаев причинения тяжкого вреда здоровью. Конечно, повышение уровня жизни — не самый простой способ борьбы с преступностью, но сама по себе взаимосвязь важна для понимания последствий тех или иных экономических явлений.

93

Также мы показали, что чем серьезнее проблемы населения с алкоголем, тем выше уровень насилия. Хотя этот индикатор позволяет сделать вполне понятные выводы, безусловно, сама антиалкогольная политика должна быть продуманной и умеренной, поскольку у нас пока нет экспериментальных подтверждений того, что цены на алкогольную продукцию или условия ее распространения прямо влияют на насильственные преступления.

Наконец, мы продемонстрировали, что качество правоприменения имеет значение — чем лучше расследуются преступления, тем меньше их совершают. Причинно-следственную связь в данном случае также еще требуется дополнительно проверить. Однако сама по себе взаимосвязь уже указывает на то, что работа правоохранителей важна для сдерживания будущих преступлений. Таким образом, результаты нашего исследования могут служить в качестве инструмента коррекции как социальной политики, так и политики в сфере правоприменения.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10073 «Разработка и апробация методики автоматизированного анализа текстов приговоров российских судов для социально-правовых исследований (на примере насильственных преступлений)» (см. подробнее: <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>).

The article was written on the basis of grant No. 23-78-10073 from the Russian Science Foundation “Development and testing of a methodology for automated analysis of the texts of verdicts of Russian courts for socio-legal research (using violent crimes as an example)” (see more details: <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>).

Список источников / References

Андрienко Ю. В. (2003) Экономика преступления: теоретическое и эмпирическое исследование определяющих факторов преступности (диссертация). М. EDN: MDLAKC

— Andrienko Yu. V. (2003) Economics of Crime: Theoretical and Empirical Study of the Determinants of Crime (dissertation). Moscow. (in Russ.)

Жучкова С. В., Девятников В. Ю., Казун А. П., Белов М. Д., Сидорова О. И. (2025) Тексты судебных приговоров как источник данных для эмпирических исследований права в России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 2, с. 170–192. EDN: GZHDTO. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2575>

94

— Zhuchkova S. V., Devyatnikov V. Yu., Kazun A. P., Belov M. D., Sidorova O. I. (2025) Court Sentencing Texts as a Data Source for Empirical Legal Studies in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2, pp. 170–192. (in Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2575>

Ackerman W. V., Murray A. T. (2004) Assessing Spatial Patterns of Crime in Lima, Ohio. *Cities*, 21(5), pp. 423–437. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2004.07.008>

Allen W. D. (2007) The Reporting and Underreporting of Rape. *Southern Economic Journal*, 73(3), pp. 623–641. <https://www.jstor.org/stable/20111915>

Andresen M. A., Linning S. J. (2012) The (In)appropriateness of Aggregating Across Crime Types. *Applied Geography*, 35(1–2), pp. 275–282. <https://doi.org/10.1016/j.ap-geog.2012.07.007>

Arellano M., Bond S. (1991) Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations. *The Review of Economic Studies*, 58(2), pp. 277–297. <https://doi.org/10.2307/2297968>

Arellano M., Bover O. (1995) Another Look at the Instrumental Variable Estimation of Error-Components Models. *Journal of Econometrics*, 68, pp. 29–51. [http://dx.doi.org/10.1016/0304-4076\(94\)01642-D](http://dx.doi.org/10.1016/0304-4076(94)01642-D)

Aoki Y., Todo Y. (2009) Are Immigrants More Likely to Commit Crimes? Evidence from France. *Applied Economics Letters*, 16(15). <https://doi.org/10.1080/13504850701578892>

Becker G. S. (1968) Crime and Punishment: An Economic Approach. *Journal of Political Economy*, 76(2), pp. 169–217. <http://dx.doi.org/10.1086/259394>

Bell B., Fasani F., Machin S. (2013) Crime and Immigration: Evidence from Large Immigrant Waves. *Review of Economics and Statistics*, 95(4), pp. 1278–1290. https://doi.org/10.1162/REST_a_00337

- Bell B., Machin S. (2011) *The Impact of Migration on Crime and Victimization*. London, UK.
- Blundell R., Bond S. (1998) Initial Conditions and Moment Restrictions in Dynamic Panel Data Models. *Journal of Econometrics*, 87(1), pp. 115–143. [https://doi.org/10.1016/S0304-4076\(98\)00009-8](https://doi.org/10.1016/S0304-4076(98)00009-8)
- Bhorat H. et al. (2017) *The Socio-Economic Determinants of Crime in South Africa: An Empirical Assessment*. Cape Town: Development Policy Research Unit, University of Cape Town.
- Bond S. R., Hoeffler A., Temple J. R. W. (2001) GMM Estimation of Empirical Growth Models. *SSRN Working Paper*, ID 290522.
- Buonanno P., Montolio D. (2008) Identifying the Socio-Economic and Demographic Determinants of Crime Across Spanish Provinces. *International Review of Law and Economics*, 28(2), pp. 89–97. <https://doi.org/10.1016/j.irl.2008.02.005>
- Buonanno P., Leonida L. (2009) Non-Market Effects of Education on Crime: Evidence from Italian Regions. *Economics of Education Review*, 28(1), pp. 11–17. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2007.09.012>
- Bursik R. J. Jr. (1988) Social Disorganization and Theories of Crime and Delinquency: Problems and Prospects. *Criminology*, 26(4), pp. 519–552. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1988.tb00854.x>
- Butkus M., Matuzevičiūtė K., Mačiulytė-Šniukienė A. (2019) Do Economic Conditions Still Cause Crime? Some Comforting Empirical Evidences from EU Panel. *Zbornik radova Ekonomskog fakulteta u Rijeci: Časopis za Ekonomsku Teoriju i Praksu*, 37(2), pp. 603–628. <https://doi.org/10.18045/zbefri.2019.2.603>
- Chalub M., Telles L. E. (2006) Alcohol, Drugs and Crime. *Brazilian Journal of Psychiatry*, 28, pp. S69–S73. <https://doi.org/10.1590/S1516-44462006000600004>
- Charis E. K., Ronald W. (2017) New Directions in Social Disorganization Theory. In *Recent Developments in Criminological Theory*, Routledge, pp. 265–294. <https://doi.org/10.1177/0022427803256238>
- Cohen L. E., Felson M. (1979) Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach. In *Classics in Environmental Criminology*, Routledge, pp. 203–232. <https://doi.org/10.2307/2094589>
- Duarte P. C. A. V., Cotrim B. H. R. S. C. (2000) *Álcool e violência: um estudo dos processos de homicídio julgados nos tribunais do Juri de Curitiba-PR entre 1995 e 1998*. (in Portuguese).
- Ehrlich I. (1973) Participation in Illegitimate Activities: A Theoretical and Empirical Investigation. *Journal of Political Economy*, 81(3), pp. 521–565. <https://ssrn.com/abstract=961495>
- Entorf H., Spengler H. (2000) Socioeconomic and Demographic Factors of Crime in Germany: Evidence from Panel Data of the German States. *International Review of Law and Economics*, 20(1), pp. 75–106. <https://doi.org/10.2139/ssrn.155274>
- Engelen P. J., Lander M. W., van Essen M. (2016) What Determines Crime Rates? An Empirical Test of Integrated Economic and Sociological Theories of Criminal Behavior. *The Social Science Journal*, 53(2), pp. 247–262. <https://doi.org/10.1016/j.sos-cij.2015.09.001>

- Glaeser E. L., Sacerdote B. (1999) Why Is There More Crime in Cities? *Journal of Political Economy*, 107(S6), pp. S225–S258. <https://doi.org/10.1086/250109>
- Glaeser E. L., Sacerdote B., Scheinkman J. A. (1996) Crime and Social Interactions. *The Quarterly Journal of Economics*, 111(2), pp. 507–548. <https://doi.org/10.2307/2946686>
- Greenberg D. F. (2020) Studying New York City’s Crime Decline: Methodological Issues. In *Understanding New York’s Crime Drop*, Routledge, pp. 154–188.
- Rufrancos H. et al. (2013) Income Inequality and Crime: A Review and Explanation of the Time-Series Evidence. *Sociology and Criminology — Open Access*, 1(1), pp. E103–E103. <https://doi.org/10.4172/2375-4435.1000103>
- Han L. (2010) *Economic Analyses of Crime in England and Wales* (dissertation). University of Birmingham.
- Hart T. C., Rennison C. M. (2003) *Reporting Crime to the Police, 1992–2000*. Washington, DC: US Department of Justice, Office of Justice Programs.
- Hsieh C. C., Pugh M. D. (1993) Poverty, Income Inequality, and Violent Crime: A Meta-Analysis of Recent Aggregate Data Studies. *Criminal Justice Review*, 18(2), pp. 182–202. <https://doi.org/10.1177/073401689301800203>
- Kizilgol O., Selim S. (2017) Socio-Economic and Demographic Determinants of Crime by Panel Count Data Analysis: The Case of EU-28 and Turkey. *Journal of Business Economics and Finance*, 6(1), pp. 31–41. <https://doi.org/10.17261/Pressacademia.2017.383>
- Kleemans M., Magruder J. (2018) Labor Market Responses to Immigration: Evidence from Internal Migration Driven by Weather Shocks. *Economic Journal*, 128(613), pp. 2032–2065. <https://doi.org/10.1111/eoj.12510>
- Kornhauser R. R. (1978) *Social Sources of Delinquency: An Appraisal of Analytic Models*.
- McCandless R. et al. (2016) *Do Initiatives Involving Substantial Increases in Stop and Search Reduce Crime? Assessing the Impact of Operation BLUNT 2*. Home Office Report.
- Miller T. R., Cohen M. A., Rossman S. B. (1993) Victim Costs of Violent Crime and Resulting Injuries. *Health Affairs*, 12(4), pp. 186–197. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.12.4.186>
- Merton R. K. (1968) *Social Theory and Social Structure*. Simon and Schuster.
- Myers S. L. Jr. (1982) Crime in Urban Areas: New Evidence and Results. *Journal of Urban Economics*, 11(2), pp. 148–158. [https://doi.org/10.1016/0094-1190\(82\)90025-0](https://doi.org/10.1016/0094-1190(82)90025-0)
- Ozden C., Testaverde M., Wagner M. (2018) How and Why Does Immigration Affect Crime? Evidence from Malaysia. *The World Bank Economic Review*, 32(1), pp. 183–202. <https://doi.org/10.1093/wber/lhx010>
- Pratt T. C., Cullen F. T. (2005) Assessing Macro-Level Predictors and Theories of Crime: A Meta-Analysis. *Crime and Justice*, 32, pp. 373–450. <https://doi.org/10.1086/655357>
- Reid L. W. et al. (2005) The Immigration–Crime Relationship: Evidence Across US Metropolitan Areas. *Social Science Research*, 34(4), pp. 757–780. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2005.01.001>
- Rosen T. et al. (2019) Violence in Older Adults: Scope, Impact, Challenges, and Strategies for Prevention. *Health Affairs*, 38(10), pp. 1630–1637. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2019.00577>
- Saridakis G. (2004) Violent Crime in the United States of America: A Time-Series

Analysis Between 1960–2000. *European Journal of Law and Economics*, 18, pp. 203–221. <https://doi.org/10.1023/B:EJLE.0000045082.09601.b2>

Saridakis G., Spengler H. (2012) Crime, Deterrence and Unemployment in Greece: A Panel Data Approach. *The Social Science Journal*, 49(2), pp. 167–174. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1430906>

Stowell J. I. (2007) *Immigration and Crime: The Effects of Immigration on Criminal Behavior*. New Americans.

Tarling R., Dennis R. (2016) Socio-Economic Determinants of Crime Rates: Modelling Local Area Police-Recorded Crime. *The Howard Journal of Crime and Justice*, 55(1–2), pp. 207–225. <https://doi.org/10.1111/hojo.12157>

Widner B., Reyes-Loya M. L., Enomoto C. E. (2011) Crimes and Violence in Mexico: Evidence from Panel Data. *The Social Science Journal*, 48(4), pp. 604–611. <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2011.03.003>

Yunus R. M., Hairi N. N., Choo W. Y. (2019) Consequences of Elder Abuse and Neglect: A Systematic Review of Observational Studies. *Trauma, Violence & Abuse*, 20(2), pp. 197–213. <https://doi.org/10.1177/1524838017692798>

Zhuchkova S., Kazun A. (2023) Exploring Gender Bias in Homicide Sentencing: An Empirical Study of Russian Court Decisions Using Text Mining. *Homicide Studies*, Article 10887679231217159. <https://doi.org/10.1177/10887679231217159>

Приложение 1. Описательные статистики

Appendix 1. Descriptive statistics

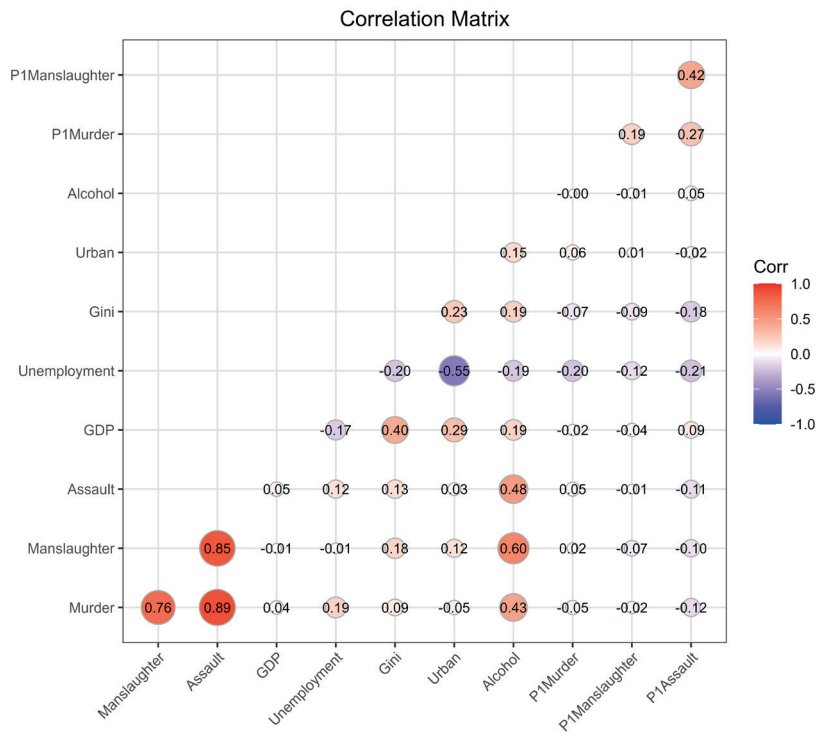
Переменная	Obs.	Min.	Mean	Max.	St. Dev.
<i>murder</i>	913	0,09	0,876	4,86	0,580
<i>manslaughter</i>	913	0	0,460	2,77	0,325
<i>assault</i>	913	0,02	2,318	18,39	1,817
<i>gini</i>	913	0,33	0,380	0,50	0,026
<i>unemployment</i>	913	0,80	6,633	48,1	4,426
<i>gdp</i>	913	63 570	567 534,4	9 149 623	845 421,3
<i>urban</i>	913	0,28	0,703	1	0,129
<i>density</i>	913	0,07	132,176	5 075,08	664,730
<i>migration</i>	913	–22,3	–0,519	23,9	5,416

<i>alcohol</i>	913	0	8,109	49,95	5,260
<i>p1mur</i>	913	0,25	0,865	1,5	0,138
<i>p1mansl</i>	913	0	0,960	3	0,237
<i>p1assault</i>	913	0,29	0,896	1,44	0,102

Источник: расчеты авторов, Федеральная служба государственной статистики, Генеральная прокуратура РФ

Приложение 2. Корреляционная матрица

Appendix 2. Correlation matrix

Источник: расчеты авторов

Примечание: самые высокие корреляции наблюдаются между различными типами преступлений, которые являются в наших моделях отдельными зависимыми переменными.

Приложение 3. Коэффициенты OLS-регрессий с FE

Appendix 3. OLS regression coefficients with FE

	murder (y)	manslaug-ter (y)	assault (y)
Раскрываемость (y, t-1)	-0,551 ***	-0,530 ***	-0,684 ***
ВРП на душу	-0,301 ***	-0,545 ***	-0,364 **
ln (unempl.)	0,053	0,147 **	0,045
ln (alcohol)	0,019	0,091 *	0,001
y (t-1)	0,434 ***	0,132	0,448 ***
FE региона	Да	Да	Да
FE года	Да	Да	Да
Контроли:	Да	Да	Да
Nº	913	913	913

99

Источник: расчеты авторов

Примечание: y (t-1) значение зависимой переменной в предыдущий период, контрольные переменные — коэффициент Джини, доля городского населения, плотность населения, миграция. Значение раскрываемости приведено для соответствующей зависимой переменной. Единица анализа: регион-год.

Уровни значимости: *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$; * — $p < 0,05$.

Об авторах / About the authors

Ангелина Игоревна Щетинина — стажер-исследователь Лаборатории управления школой Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0009-0008-4852-0757>. E-mail: aischetinina@hse.ru

Angelina. I. Shchetinina — Trainee Researcher at the Laboratory for School Leadership, Institute of Education, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation.

<https://orcid.org/0009-0008-4852-0757>. E-mail: aischetinina@hse.ru

Антон Павлович Казун — кандидат социологических наук, директор Института анализа предприятий и рынков, доцент факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научные интересы: социология права, институциональная экономика.

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>. E-mail: akazun@hse.ru

Anton P. Kazun — PhD in Sociology, Director of the Institute for Industrial and Market Studies, Associate Professor, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics. Research interests: sociology of law, institutional economics.

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>. E-mail: akazun@hse.ru

Моральная карьера женщин, осужденных за совершение убийства: нарративный анализ

Анна А. Луликян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0004-1142-5263>

Рекомендация для цитирования:
Луликян А. А. (2025) Моральная карьера женщин, осужденных за совершение убийства: нарративный анализ. *Социология власти*, 37 (4): 101-137
EDN: NEVQGC

For citation:
Lulikyana A. A. (2025) The Moral Career of a Woman Convicted of Homicide: a Narrative Analysis. *Sociology of Power*, 37 (4): 101-137

Поступила в редакцию: 23.04.2025;
прошла рецензирование: 20.07.2025;
принята в печать: 30.07.2025
Received: 23.04.2025; Revised:
20.07.2025; Accepted: 30.07.2025

© Author, 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Женщины, осужденные по части 1 статьи 105 УК РФ «Убийство», примерно в трети случаев на суде утверждают, что совершили убийство в рамках самообороны. Это входит в противоречие с решением суда, вменяющим вину в совершении умышленного убийства. Судебные приговоры хоть и представляют позицию женщины по отношению к убийству, но в весьма искаженном виде, что прежде всего связано с институциональными условиями дачи показаний. Таким образом, остается неясным, как относится женщина к совершенному убийству: суд постановил, что она виновна, но что она думает о своем поступке и себе самой? Чтобы ответить на данный вопрос, было проведено шесть биографических и три экспертных интервью. Для анализа предлагается использование теоретической рамки «моральной карьеры» Ирвинга Гофмана, которая позволяет проследить процесс трансформации «Я» женщин и переживание испорченной социальной идентичности (стигмы). Результатом исследования стала реконструкция моральной карьеры женщин, совершивших убийство, с выделением нарративов самообвинения и самооправдания. Автор высказывает предположение, что склонность женщин к самообвинению или самооправданию объясняется не столько успешностью сложившейся после освобождения жизни, сколько обретением или хотя бы надеждой на обретение иной идентичности, отличной от идентичности убийцы и способной конкурировать с ней. В случае с женщинами такой сильной

идентичностью становится идентичность матери, позволяющая подчеркнуть свою «нормальность», тем самым противопоставляя ее идентичности убийцы; при этом закономерным способом спасительного отделения этой идентичности от себя становится самообвинение.

Ключевые слова: убийство, совершенное женщиной, нарратив, моральная карьера, стигма, идентичность, самооправдание, самообвинение

The Moral Career of a Woman Convicted of Homicide: a Narrative Analysis

Anna A. Lulikyan

Higher School of Economics National Research University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0004-1142-5263>

Abstract: Women convicted under Article 105 Part 1 of the Criminal Code (“Homicide”) of the Russian Federation, in about one third of cases, claim in court that they committed the homicide in self-defense. This contradicts the court decisions finding them guilty of premeditated murder. The court verdicts, although presenting the women’s positions on the homicide, are distorted, primarily due to the institutional conditions of testimony. Thus, it remains unclear how the women feel about the homicide: the court has ruled that she is guilty, but how do they feel about their act and themselves? To answer this question, six biographical and three expert interviews were conducted. For the analysis, the concept of moral career proposed by E. Goffman is employed, which allows us to trace the process of transformation of women’s “self” and the experience of damaged social identity (stigma). The result of the study is the reconstruction of the moral career of women who committed homicide, highlighting the narratives of self-blame and self-justification. The author suggests that whether a woman leans toward self-blame or self-justification depends less on how successful her post-prison life is, and more on whether she has found — or hopes to find — an alternative identity. This new identity must be strong enough to compete with the identity of a “killer”. For some women, the identity of a mother becomes this alternative. It allows them to present themselves as “normal” and to separate themselves from the label of a “killer”.

Keywords: homicide committed by a woman, narrative, moral career, stigma, identity, self-justification, self-accusation

Введение

Убийство представляет собой одно из самых ярких проявлений девиантного поведения. Его весьма трудно изучать непосредственно, поэтому исследователь обычно имеет дело с интерпретациями убийства. Интерпретацией убийства занимаются как минимум сам человек, совершивший убийство, и правоохрани-

тельные органы, ведущие расследование. Причем, исходя из своих целей, акторы предлагают разные репрезентации убийства. Так, убийца старается осмыслить произошедшее и найти способ самооправдания (Uniacke 1994); правоохранительные органы же содействуют вынесению обоснованного судебного решения, в связи с чем ищут доказательства вины убийцы (Brookman, Innes 2013). Несмотря на указанное противоречие, репрезентации имеют и пересечения. С одной стороны, судебный приговор содержит показания человека, совершившего убийство. С другой стороны, сам текст приговора становится внешним, авторитетным описанием личности преступника и его действий. Закрепляя определенную интерпретацию событий, приговор может влиять на самовосприятие осужденного, заставляя его принять навязанный извне образ себя и переосмыслить совершенный поступок. В этой работе мы сконцентрируемся именно на последнем, поскольку первому уже было уделено внимание в одной из наших предыдущих статей, посвященных анализу судебных приговоров (Луликян, Жучкова 2024).

В фокусе нашего исследования — убийства, совершенные женщинами, более редкий и менее других изученный вид такого рода преступлений. Предыдущие исследования показали, что структура и характер убийств, совершаемых мужчинами и женщинами, имеют фундаментальные различия (Jensen 2001), поэтому целесообразно выделять убийства, совершенные женщинами, в отдельную категорию. Более того, «женские убийства» представляют особый социологический интерес из-за двойной девиации, поскольку убийца нарушила не только закон, но и гендерные ожидания (Сабирова 2012).

Интерпретация убийства, совершенного женщиной, а также его предыстория и влияние на последующую жизнь является нетривиальной задачей. Анализ убийства, как правило, ведется на стыке социологий права, семьи, морали, эмоций, гендера, девиантности, насилия и теории конфликта. Чтобы учесть все вышеуказанные аспекты и предложить некоторое комплексное видение убийств, совершенных женщинами, мы будем использовать интегративную рамку «моральной карьеры» Ирвинга Гофмана.

Убийство во многом детерминирует дальнейшую жизнь человека: поскольку это преступление, обладающее низкой латентностью (Penney 2014), совершивший убийство, скорее всего, будет обнаружен и затем подвергнут судебному разбирательству, во время которого будет заключен под стражу, а после приговорен на некоторый срок лишения свободы. В России женщин, совершивших убийство, направляют в колонии общего режима и, как правило, при отбытии части наказания переводят в колонии-поселения.

В крайне регламентированном пространстве колонии возможности удовлетворения базовых потребностей весьма ограничены, что, в свою очередь, приводит к снижению качества жизни (Макух, Глазов 2023). Кроме того, женщины, совершившие убийство, как правило, обладали низким социально-экономическим статусом еще до него (Lysova 2023), и после освобождения их положение лишь усугубляется, поскольку социальную адаптацию, помимо прочего, усложняет судимость (Ростовская и др. 2024; Кравцова и др. 2022).

В нашем исследовании мы сфокусируемся на идентичности женщины не столько как «осужденной», сколько как «убийцы». Чтобы проследить процесс формирования и осмысления этой идентичности, мы обратились к ключевым этапам биографии: детству и юности, непосредственно эпизоду убийства, досудебному расследованию и судебному разбирательству. Вопрос конструирования и осознания женщиной себя как «убийцы» уже изучался в США (Biggers 1979; Stevens 1999; Kethineni 2001; Meyer, Oberman 2010), но практически не представлен в российской социологии. Кроме того, настоящая работа предлагает взгляд на то, как женщина живет с идентичностью «убийцы» уже после освобождения. Поскольку эмпирической базой данной работы послужили интервью женщин, уже отбывших наказание за убийство, следует понимать, что мы имеем дело со специфической моральной карьерой, где все пройденные этапы жизни некоторым образом сформировали «Я» человека.

104

Теоретические основания изучения моральной карьеры женщин, осужденных за совершение убийства

Моральную карьеру можно определить как «институциональные аспекты жизненной траектории» женщины, совершившей убийство, которые «оказывают влияние на “Я” женщины и «на то, как она судит о самой себе и о других» (Гоффман 2019, с. 158). Так, женщина, совершившая убийство, вероятно, самостоятельно выносит некоторое моральное суждение о своем поступке и себе, однако под влиянием судебной и пенитенциарной системы ее «Я» неизбежно проходит определенную трансформацию. Публично она объявляется «убийцей» и «осужденной», и обе эти стигмы оставляют неотвратимый след на всей жизни человека. Происходит так называемая «криминализация» биографии: убийство не только делит жизнь женщины на «до» и «после», но и становится тем событием, вокруг которого пересобирается вся биография, и именно с этим событием соотносятся «и детство, и настоящее, и даже будущее» (Сабилова 2012, с. 81).

Моральную карьеру можно реконструировать на основе жизненного пути любого человека применительно к его идентичности (Reid, Ramarajan 2021; Schervish 2016), но исследователи обычно сосредотачивались на моральной карьере представителей девиантных групп (Radcliffe 2011; Malpass et al. 2009). Возможно, это отчасти связано с тем, что отправной точкой для анализа и уже классическим примером является реконструкция моральной карьеры душевнобольного пациента, произведенная Гофманом в работе «Тотальные институты» (Goffman 1961). Гофман, однако, рассматривает лишь две стадии моральной карьеры — допациентскую и пациентскую — оставляя экспациентскую за скобками. Гофман отмечает схожесть карьер постояльцев любых тотальных институтов, будь то психиатрическая лечебница, тюрьма или армия.

Как правило, именно арест полицией знаменует окончание допациентской стадии и переход к пациентской, когда подозреваемый помещается в ИВС (изолятор временного содержания), а далее в СИЗО (следственный изолятор). Соответственно, если арест происходит практически сразу после убийства — а по опыту анализа приговоров можно утверждать о том, что это скорее так (Луликян, Жучкова 2024) — у совершившей убийство практически не остается времени на самостоятельное осмысление убийства, и вся последующая рефлексия проходит уже под давлением институциональных условий.

105

Непосредственно моральный аспект моральной карьеры нередко опускается в исследованиях (Scott, Hardie-Bick 2022), но нам кажется особенно важным сосредоточиться именно на нем. Ведь в контексте убийства имеет место стигматизация, при которой человек проявляет не просто нетипичные (Becker 1963), а наиболее постыдные (Goffman 1963) качества, и именно они встраиваются в идентичность индивида и становятся основой для его восприятия другими (Link, Phelan 2001). Осознаваемая постыдность совершенного поступка может приводить и к самостигматизации (Jacobsson 2002): человек, живший «как все», неожиданно обнаруживает себя убийцей, но при этом, будучи социализированным «как все», стремится обвинить убийцу. На болезненность переживания себя как «ненормального» и рождающейся из этого самостигматизации указывает и Гофман (Goffman 1963). Таким образом, самостигматизация может проявиться после совершения убийства и подкрепиться в результате интериоризации внешней стигматизации (Vogel et al. 2013). Тем не менее даже потрясения такого масштаба не избавляют индивида от работы лица, то есть от действий по поддержанию и защите своего «Я» для представления себя в социально одобряемом свете (Goffman 1967). Более того, такие потрясения подталкивают к работе лица в ее наиболее интенсивном виде, требуя предельно оборонитель-

ной ориентации. Складывается внутреннее противоречие между личным и институциональным: женщина как моральный субъект стремится отразить убийство, но как обвиняемая и подозреваемая она должна понять, как представить произошедшее в наиболее выгодном для себя свете правоохрательным органам.

Суд, в конечном итоге выносящий решение по ч. 1 ст. 105 УК РФ женщине, совершившей убийство, тем самым постановляет, что оно было совершено умышленно, т.е. в ситуации, когда «лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия)» и «предвидело возможность наступления общественно опасных последствий». Женщины обычно соглашались с этим и признают вину, сообщая, что они действительно совершили убийство, но вместе с тем почти всегда отмечают, что убивать не хотели¹. Наиболее частым мотивом убийства в рамках судебного разбирательства сами женщины указывают самооборону, однако суд обычно решает, что мотив — личная неприязнь (Луликян, Жучкова 2024). Апелляция к самообороне может быть как отражением реальности, так и стратегией защиты, которая может выстраиваться как адвокатом, так и подсудимой. В этой работе мы исходим из того, что и интерпретация суда, и показания самой женщины в условиях суда могут значительно отличаться от того, как женщина на самом деле относится к совершенному убийству. В рамках судебного разбирательства процедурно предопределено столкновение как минимум двух нарративов: *нарратив обвинения* со стороны прокурора и в конечном итоге суда, что выражается в обвинительном приговоре², а также *нарратив оправдания* со стороны женщины, стремящейся снизить срок наказания. Таким образом, изучение текстов приговоров не позволяет ответить на вопрос о том, как совершенное убийство женщина объясняет сама себе, поскольку сами приговоры являются продуктом системы и отражают прежде всего ее специфику, а не взгляды ее участников.

Альтернативным источником данных для решения исследовательской проблемы стало интервьюирование женщин, освободившихся после отбытия срока за убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Поскольку они уже вышли из заключения, а социологическое интервью едва

1 Это было выяснено на основе совокупности приговоров, вынесенных с 2017 по 2021 год. Подробнее см. в статье: (Луликян, Жучкова 2024).

2 Шансы получить оправдательный приговор в России — 0,15%. Исключений всего три: дела против силовиков, суды присяжных и частное обвинение. Если быть точным. URL: <https://tochno.st/materials/shansy-poluchit-opravdatelnyy-prigovor-v-rossii-015-isklyucheni-vsego-tri-dela-protiv-silovikov-sudy-prisyazhnykh-i-chastnoe-obvinenie-rasskazyvaem-na-etikh-primerakh-kak-ustroena-palochnaya-sistema>

ли может существенным образом повлиять на их жизнь, можно предположить, что это повысило шансы получить искренние ответы. Также, вероятно, в колонии они периодически размышляли о событии, из-за которого там оказались. В то же время важно понимать, что их «Я» прошло неизбежную трансформацию в ходе институционального воздействия со стороны судебной и пенитенциарной системы, вследствие чего интервьюирование женщин на данном этапе жизни едва ли поможет описать непосредственное отношение женщин к своему поступку — этого «непосредственного отношения» на экспациентской стадии уже не существует. Чтобы подчеркнуть эту двойственность, и был введен концепт моральной карьеры: женщина стремится сохранить свое «Я» и свое личное отношение к поступку, совершенному ею, но институты стремятся вменить ей свой нарратив и нередко берут верх. Разворачивание этих двух противоречивых процессов мы можем видеть на основе биографического нарратива.

Методология

Специфика биографического (нарративного) интервью

107

Эмпирической базой исследования стали биографические нарративы, каждый из которых представляет собой «особый тип текстовых данных, <...> имеющих повествовательную природу с содержательно и риторически считываемой авторской позицией» (Троцук 2023, с. 34–35). Убийства, квалифицируемые по ч. 1 ст. 105, чаще всего совершаются из личной неприязни и почти всегда предполагают, что убийца и убитый были знакомы некоторое время до убийства (Луликян, Жучкова 2024), что расширяет нарратив во временном отношении: для понимания убийства необходимо помещение убийства в контекст всей жизни женщины. В противовес судебным приговорам, ситуация интервью создает условия, при которых женщина может рассказать свою историю сама, от первого лица, отобрав определенные события, предшествующие убийству и следующие за ним, которые она сама считает важными, — для этого предназначена первая фаза *свободного нарратива*.

Однако для получения полной картины о произошедшем убийстве интервьюеру недостаточно запустить нарративный импульс. После завершения свободного нарратива необходимо проведение *нарративного расспрашивания* — это вторая фаза нарративного интервью, согласно его классической структуре по Ф. Шютце и Г. Розенталь (Рождественская 2012). Нарративное расспрашивание направлено на уточнение кажущихся важными интервьюеру деталей, а также заполнение нарративных пробелов — периодов жизни, кото-

рые информантка упустила из рассказа, но про которые, возможно, будет готова рассказать при интервенции интервьюера. Нарративное расспрашивание охватывает три уровня: поведенческий, эмоциональный и когнитивный, т.е. относительно событий задаются вопросы о том, что информантка делала, чувствовала и думала. Также интервью предполагает вопросы об уровне осведомленности информантки с собственным приговором и отношением к нему: насколько он кажется ей справедливым, насколько она согласна с изложенным и прочее.

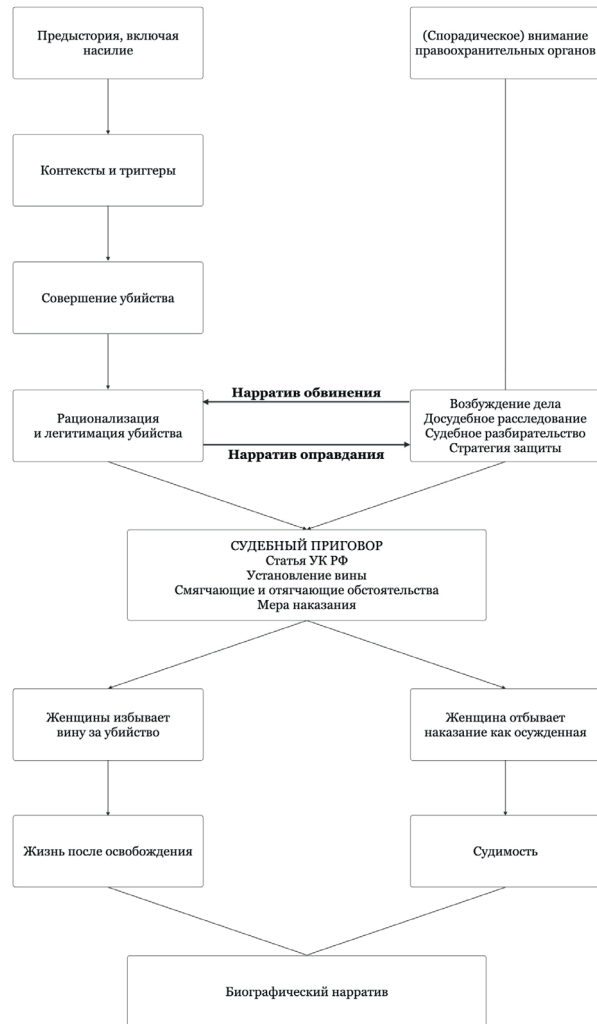
Третья фаза интервью — *метафорическое суммирование всей жизни* самой информанткой — не была включена в гайд в явном виде, однако ближе к концу интервью информантки были склонны сами приходить к выводам о своей жизни и отмечать ключевые изменения, которые с ними произошли в результате обсуждаемых событий.

Таким образом, в ходе интервью продуцируется нелинейный нарратив. Сначала становится известно об эпизоде убийства и о том, что непосредственно ему предшествовало, и только затем — о личной жизни задолго до убийства и уже после освобождения. В интервью наводится фокус на убийство с самого начала, и это же событие используется для структуризации всей биографии женщин. Это неизбежно влияет на конечный нарратив: вероятно, он был бы другим, с иными акцентами, если бы нарративный импульс был задан более широко.

Концептуальный аппарат

Рамка «моральной карьеры» позволяет одновременно проследить две стороны, из которых складывается любая карьера: личную и институциональную. Две вертикальные линии, характеризующие обе указанные стороны, можно наблюдать на рисунке 1.

Рисунок 1. Концептуальная схема исследования
Picture 1. Conceptual scheme of the research

После установления факта убийства правоохранительные органы принимают соответствующие процессуальные меры, объявляя женщину подозреваемой, а далее — обвиняемой и подсудимой. В ходе их деятельности в отношении женщины транслируется нарратив обвинения, который встречается с нарративом оправдания с ее стороны. Нарратив оправдания адресован не только правоохранительной системе, но и самой себе и окружению, однако именно пересечение этих нарративов находит отражение в досудебном и судебном процессе. Все сходится в судебном приговоре, где си-

стемой суммируются все институциональные и личные аспекты карьеры, которые должны быть учтены при назначении наказания за совершенное убийство. В колонии женщина отбывает наказание, и одновременно с тем избывает собственную вину, продолжая рефлексировать над своей жизнью и после освобождения. Все наши интервью были проведены после освобождения, где в зависимости от сроков пребывания на свободе, рода занятий на текущий момент и глубины рефлексии она формирует определенный биографический нарратив.

Сбор данных

110 Данное поле является труднодоступным, из-за чего было решено обратиться к помощи специализированных некоммерческих организаций. Руководительницы двух НКО, базирующихся в Пермском крае, согласились оказать помощь в организации интервью. Одна организация представляет собой центр для женщин — жертв домашнего насилия, отбывавших наказание за совершенное преступление против жизни и здоровья своих близких. Другая — центр социальной поддержки, помогающий бездомным. Поскольку нередко женщинам, отбывавшим наказание за убийство, после освобождения некуда идти¹, фактически они становятся бездомными и вынуждены рассчитывать на стороннюю помощь. Один из форматов помощи, реализуемый центром социальной поддержки, — это предоставление проживания в доме милосердия/трудовом доме, я посещала его дважды для проведения интервью. Всего в первый выезд я провела три очных интервью, во второй — два; одно интервью было проведено онлайн. Все интервью были проведены наедине.

Для лучшего понимания контекста были также взяты три полуструктурированных экспертных интервью: одно с руководительницей Центра помощи женщинам, одно с прокурором и одно с психиатром, которая имела опыт участия в психиатрической экспертизе обвиняемых.

1 «Большинство мужчин на свободе встречают близкие. Женщину — никто». Фонды, которые помогают заключенным и отбывшим срок // Милосердие.ru. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/bolshinstvo-muzhchin-na-svobode-vstrechayut-blizkie-zhenshhinu-nikto-fondy-kotorye-pomogayut-zaklyuchennym-i-otbyvshim-srok/>

Таблица 1. Выборка женщин, осужденных за совершение убийства
Table 1. Sample of women convicted of homicide

Имя (изменено)	Статья УК РФ	Год убийства	Пол жертвы	Отношения с жертвой
Ксения	ч. 1 105	2016	Мужской	Знакомые
София	ч. 1 105	2001	Женский	Интимные
Инга	ч. 1 105	1998	Мужской	Интимные
Карина	ч. 1 105	2006	Мужской	Знакомые
	ч. 2 105	2014	Мужской	Интимные
Ольга	ч. 1 105	2003	Мужской	Знакомые
Анна	ч. 1 105	2018	Мужской	Интимные

В таблице 1 приведены сведения об информантках (*все имена изменены*). Всего было проведено шесть биографических интервью. Была использована целевая выборка (однородных случаев): единственным критерием отбора информанток было отбытие наказания по ч. 1 ст. 105. В выборке встречаются судимости до или после убийства по таким статьям, как грабеж, хулиганство, неуплата алиментов, а также еще одно убийство по ч. 2 ст. 105. Из соображений конфиденциальности годы рождения женщин не приведены.

111

Ограничения

Поскольку получить доступ к информанткам мне помогали некоммерческие организации, проинтервьюировать удалось лишь тех женщин, которые в какой-то момент жизни в той или иной степени были реципиентами помощи от этих НКО. Как следствие, в выборку попали главным образом женщины с низким социально-экономическим статусом, поскольку, вероятно, те, чье социально-экономическое положение лучше, могли рассчитывать на помощь семьи. Несмотря на то что низкий социально-экономический статус является типичным для женщин, осужденных за совершение убийства (Яковлев 2015), это накладывает важное ограничение на интерпретацию результатов: в результате мы практически не имеем доступа к стратегиям совладания с ситуацией у женщин из других социально-экономических страт.

Другим ограничением является то, что я говорила только с женщинами, которые уже отбыли срок за убийство, причем они могли быть на момент проведения интервью на свободе как несколько дней, так и несколько лет. Попасть в колонию для проведения интервью мне не удалось. Интервьюирование освободившихся женщин неизбежно сопряжено с ретроспективными искажениями: события прошлого реконструируются сквозь призму пережитого тюремного опыта и текущей жизненной ситуации, что может смещать акценты в нарративе. Кроме того, малый объем выборки не позволяет сделать надежные выводы о группе осужденных за убийство женщин, однако дает возможность глубоко проанализировать качественное разнообразие их траекторий и способов осмысления собственной биографии.

Наконец, еще одним ограничением является то, что в гайде не были предусмотрены вопросы касательно пребывания в колонии. Поскольку исследование изначально было направлено на подробное обсуждение убийства и непосредственно связанных с ним событий, закономерно, что спросить про все аспекты жизни не представлялось возможным из-за ограничений по длительности интервью и нежелания повышать когнитивную нагрузку на информантов. Однако фрагментарно эта информация в интервью все же представлена.

112

Методологическая рефлексия

Первая трудность связана с выбором нарративного интервью как инструмента сбора данных. Свободного нарратива не всегда можно достичь: успех первой фазы сильно зависит от характеристик интервьюируемого человека, нарративные навыки развиты у всех в разной мере, из-за чего существует риск превращения нарративного интервью в полуструктурированное (Александрова и др. 2023). Из-за различия в уровне нарративных навыков и в стилях наррации интервью получились разными по длительности (от 30 минут до двух часов), структуре и содержанию.

Нельзя не упомянуть проблемы, связанные с сенситивностью. И само убийство является травмирующим опытом (в особенности если был убит близкий человек), и столкновение с судебной и пенитенциарной системами оказывает глубоко травмирующее воздействие. Сфокусированная беседа об убийстве — событии, поделившем их жизнь на до и после — порой становилась нелегким испытанием для женщин. Я пыталась снизить сенситивность тем, что была не только активным слушателем, но и сострадателем, открыто высказывая негативные эмоции и оценки там, где это полагается. Предполагаю, что я не получила ответы по поводу некоторых дета-

лей не столько из-за недоверия ко мне как к интервьюеру, сколько из-за того, что обсуждаемые убийства произошли достаточно давно. В процессе интервьюирования преимущественно я чувствовала кооперацию, за исключением одного интервью, где противоречий и нарративных пробелов оказалось довольно много.

Вместе с тем мой гайд был построен так, что нарративный импульс был предназначен запустить свободный нарратив об убийстве — если бы я просила информанток рассказать об их жизни в целом, это, скорее всего, было бы более мягким началом, но могло размыть фокус интервью. Отказ от эвфемизмов был частью моего исследовательского подхода: убийство есть убийство, а не «событие», «произошедшее» и прочее. Мне кажется, что, как ни странно, сенситивность в случае общения с моими информантками снижала как раз прямота: таким образом интервьюер показывает, что не боится их и не боится обсуждать тот аспект их жизни, который хоть и является морально порицаемым, но в то же время уже стал частью их самих.

Этические вопросы

113

Я получила письменное согласие на интервью от всех женщин, с которыми проводила интервью. Однако следует указать, что некоторые информантки на момент проведения интервью проживали в помещениях, предоставленных НКО. Соответственно, необходимо учитывать влияние авторитета гейткиперов в лице руководительниц НКО. По тому, как складывалась беседа, я не чувствовала, что эти женщины не хотели разговаривать со мной, тем не менее я допускаю, что в иных обстоятельствах они могли бы отказаться от интервью. Кроме того, на момент проведения интервью у меня не было уверенности, что удастся найти в свободном доступе их судебные приговоры, поэтому я не предупреждала о такой возможности. Но у меня получилось найти три приговора женщин, которых я интервьюировала, и я оповестила их о намерении привлечь приговоры к анализу с соблюдением правил анонимности.

Анализ данных

Были использованы такие методы кодирования, как кодирование *in vivo*, кодирование процессов, концептуальное кодирование и драматургическое кодирование (Saldaña 2016). Это позволило подсветить как личное — поведение, в т.ч. в конфликтах, идентичность — так и институциональное, в которое некоторым образом (стратегическим или спонтанным) встраивалось личное.

Допациентская стадия

Допациентская стадия охватывает всю жизнь человека вплоть до попадания в тотальный институт и включает в себя социальную идентичность, роли, поведение и отношения человека во «внешнем» мире (Goffman 1961). В данном разделе мы опишем образование, профессии семейные и личные отношения наших информанток.

Социальный статус

В целом для совершивших убийство женщин характерен низкий социально-экономический статус (Луликян, Жучкова 2024). Это отражается прежде всего в уровне образования (школьное 9–11 классов или среднее профессиональное), а также в типе профессиональной занятости (уборщица, посудомойка, продавщица, телятница, работница массового завода и пункта приема металла, обслуживающий персонал в санатории или отсутствие работы вовсе). Стоит учесть, что статус некоторых женщин формировался в условиях экономической и социальной нестабильности, ведь их юность и молодость пришлось на 90-е годы, период, характеризующийся экономическим упадком, трансформацией рынка труда и ухудшением качества правоприменения, что ограничивало их возможности для социальной мобильности (Семенова 2002). В Пермском крае, с которым в основном была связана жизнь информанток, ситуация была особенно критической:

«Родителям по три месяца, по четыре не давали зарплату вообще. Мама начала подрабатывать на рынке. А потом я втянулась. Пошла зарабатывать. То есть вот эта, наверное, *финансовая независимость ранняя дала знать, что если я могу сама зарабатывать, что я могу позволить что-то больше*¹. Наверное, это испортило. Так немножко и покатилося, понеслось. Такое, в не очень удачное время, наверное, выросли» (София).

Испорченное «Я»

Во фрагменте выше просматривается «криминализация» биографии, проявляющаяся в переоценке прошлого с позиций преступления (Сабирова 2012): ранний выход на работу связывается причинно-следственным образом с будущим убийством. Информантка предполагает, что работа с четырнадцати лет ее «испортила», что интересным образом перекликается с концептом стигмы как «ис-

1 Здесь и далее в цитатах курсив авторский.

порченной идентичности» (Goffman 1963): информанткой подразумевается, что было испорчено непосредственно ее «Я», а не ее восприятие другими людьми.

Есть ситуации, где проводимые причинно-следственные связи между прошлой жизнью и будущим убийством представляются более очевидными — например, в случае с соответствующим окружением:

«Ну и знакомые у меня были во всех кругах. Ну и ээки. Ну ээки на 90-е годы такие авторитетные были знакомые. Ну я выбрала почему-то не КГБ, не депутатов, а ээков (*смеется*). Вот с ними, наверное, было интереснее. На тот момент я была молодая и как-то все это закрутилось, закрутило» (Карина).

Используемые глаголы «покатилось, понеслось», «закрутилось, закрутило» могут указывать не только на стремительность изменений, но и на источник изменений в виде некоторой внешней по отношению к индивиду силы, действующей по своей внутренней логике. Это можно интерпретировать как снятие личной ответственности с целью защиты своего «лица». Однако можно проследить и иной подход к своему «лицу», выражающийся во взятии полной ответственности за свой социально неодобряемый образ жизни, что входит в противоречие с основами работы лица: «Ну и, в общем, я скажу, что во всем виновата пьянка. Человек сам себе судьбу устраивает» (Анна).

115

Возможно, что такое принятие ответственности за свою неудачную «судьбу» является частью большого нарратива самообвинения, возникающего из стремления избавиться от стигмы убийцы (Goffman 1963), что будет подробнее рассмотрено позже. Наши информантки приводят, по сути, вариации аргументов к одному и тому же тезису: их «Я» было испорчено еще задолго до убийства. Остановимся подробнее на сюжете, связанном с алкоголем как одним из возможных факторов преступления.

Алкогольная зависимость

По всей видимости, массовый алкоголизм 90-х (Зульфиаева, Гүрүев 2021) не обошел стороной и информанток: они отмечали, что начали в той или иной мере систематическое употребление алкоголя еще в подростковом возрасте: «Да нет, я пила... Вообще начала рано даже еще. Да, я лет с пятнадцати стала» (Анна). При этом причиной алкоголизма может быть банальная скука (Orcutt 1984), выражающаяся в отсутствии целей и амбиций, в низком уровне притязаний к жизни:

Р: В общем, в моей жизни виноват алкоголизм. Не знаю, как сказать. Не было стремления к чему-то в жизни.

И: А почему так получилось?

Р: Не знаю. Может, вот это вот все алкоголизм. Не надо... Ну к чему-то же люди стремятся. У меня никакого стремления» (Анна).

«Вот тогда, честно сказать, нет (не пыталась найти работу). Мама (сожителя) помогала. То есть мы не голодали, одежда у нас была, и как бы. <...> Потом, ну, он (сожитель) как бы инвалид, плохо ходил, но пил. Из-за туберкулеза он тоже пенсию получал. Но, естественно, пенсии хватало ненадолго. <...> Да я не скажу (как часто выпивала). Я-то, конечно, не так, как он. А он каждый день, да» (Инга).

Женщины приписывают разное значение алкоголю, однако по их биографиям можно заметить, что нередко именно алкоголь знакомил их с будущей жертвой убийства. Так, информантки отмечали, как познакомились со своими сожителями через «субульниц» и продолжали регулярное употребление в общей компании с родственниками, знакомыми и, как выразилась одна информантка, «сходили с ума».

Другая информантка, будучи пьяной в молодом возрасте, совершила разбой для того, чтобы получить дополнительную порцию алкоголя. Так ее посадили на первый срок, во время отбывания которого у нее завязались романтические отношения с девушкой, которую она убила после освобождения, что привело ее ко второму сроку:

«С алкоголем, да, не дружила. На тот момент я разбомбила свой собственный, ну не свой собственный, а киоск, где я работала. Сама работала, у меня сменщица была, у меня были выходные. Я пришла чё-то взять, она мне не дала. Вот я там стекло или выбила, или что-то, короче, пару бутылок схватила, вот ушла. Это, в принципе, первый мой срок» (София).

Ухудшение отношений с близкими

Рубежом в моральной карьере женщин становится момент, после которого отношения с будущей жертвой начинают устойчиво ухудшаться. Хотя это не всегда приводит к убийству, в большинстве случаев именно затяжной конфликт предшествует преступлению (Луликян, Жучкова 2024). И роль алкоголя, разумеется, не ограничивается тем, чтобы познакомить исполнителя убийства и будущую жертву — она заключается также и в том, чтобы привести их к точке, когда в отношениях начинают преобладать негативные

эмоции. Из исследований известно, что алкоголь повышает уровень агрессии (Pridemore 2004) и отключает «социальные тормоза», что приводит к чрезмерным реакциям на воспринимаемые провокации и проявляется в асоциальном поведении (Heath, Hardy-Vallée 2015). Эти эффекты ситуативны и связаны с единичными эпизодами употребления алкоголя, однако имеют свойство накапливаться, формируя устойчивый паттерн агрессивного поведения. Так, в некоторый момент начинает фундаментальным образом меняться то, что женщина и близкий человек думают друг о друге, что, соответственно, меняет и сами отношения, и зачастую в них появляется насилие.

Виктимизация

Отношение к насилию у женщин выстраивается во многом исходя из собственного опыта проживания насилия. Например, одна информантка находилась в ситуации длительного насилия со стороны как первого, так и второго мужа:

«Он (первый муж) выпивал, я выпивала. Потом, ну, не знаю, не устраивала меня жизнь с ним. Все, я ушла. Встретила вот этого вот, которого убила (второго мужа). Думала, нормально. Тоже ничего хорошего. Все было хорошо, как родила, все, как подменили. Собственность как будто я его. Начал издеваться, бить. <...> Один раз только меня беременную (бил). Приревновал. Беспочвенно, не знаю. Меня все ревнуют. Я не знаю, почему. <...> Ну вот *такой* он стал в последний год. Я не знаю. Я спряталась в бане, нашел — на руках несет. Я говорю: «Что, сначала бьешь, потом на руках носишь?» Сколько раз убегала из дома, догонял. Возвращал. <...> В Новый год всю меня избил. У меня лица вообще не было. Даже шишка эта осталась» (Анна).

117

Показательно, как информантка до сих пор не может осмыслить это насилие: «беспочвенно», «я не знаю», «ну вот такой он стал». Другая информантка, пережившая тяжелый опыт насилия, вероятно, тоже пребывала в некоем смысловом вакууме, пока ей не была предложена интерпретация ее близким человеком:

«Я пережила изнасилование. И в итоге я за этот год, который потеряла по больницам, я принимала таблетки, хотела умереть. <...> И когда я вернулась, я лечилась, у меня брат старший покойный был, его убили на Кавказе, погиб он. Он мне сказал, что ты возвращаешься в город хищников — это Санкт-Петербург — ты либо будешь добычей опять, либо ты становишься сама хищником. Ну, выбирай. <...> И, наверное, что-то произошло внутри, в голове, по-

тому что я захотела... То есть я не захотела быть больше добычей, а я захотела управлять общей ситуацией» (Карина).

Такое представление об устройстве мира — по сути, игра с нулевой суммой: чтобы выиграть, нужно быть сильным, что порой проявляется в том числе и через насилие. Таким образом, одним из способов справиться со стигмой жертвы для женщин становится рокировка ролей, и они, несмотря на собственный негативный опыт, готовы сами применять насилие.

Нормализация насилия

«Ну тоже я дома сидела у них, а он ушел. Там пил. Я бутылкой с водой, типа водки, ему по голове настучала. Он вообще никакой был. <...> Я сидела дома, а он ушел с ребенком в магазин. Приезжает машина, ребенка привозят незнакомые мне люди. Я говорю: «А где у нас папа?» В магазине спит. Ну у него брат, по-моему, был. Я сына оставила с ним. Пошла, палку взяла. И его стукнула в магазине до крови» (Анна).

118

Описанное насилие со стороны информантки едва ли может сравниться по тяжести последствий с регулярными избиениями со стороны мужа, но это уже отражает определенную негативную динамику в их отношениях и изменения в ее репертуаре действий. В результате складывается ситуация асимметричного, но все же взаимного насилия. Рассмотрим ситуацию, в которой физическую агрессию проявляла именно женщина, а не ее партнер:

«Р: Как бы хорошее у нее тоже было. Но это просто тип людей, которые... которому всю жизнь нужно внимание, недостаточно одного. Мы даже с ней об этом разговаривали. Я говорю: “Как ты так можешь?” Вот ты, говорю, живешь со мной, спишь, живешь со мной, да, и, блин, ходишь налево. Она говорит: «Блин, я тебя люблю, но вот я не могу, мне надо, чтобы вот еще кто-то, кому-то я нравилась, чтобы вот востребованность была». <...> Ну в начале 2000-го она вышла (из колонии), да. Мы прожили 2000 год (вместе). Были ссоры, да.

И: Но доходило ли до физического чего-то? То есть ты могла на нее поднять руку?

Р: Да.

И: Могла на нее поднять руку?

Р: Да.

И: А она на тебя?

Р: Ну... (пауза) Как бы сказать, что меня кто-то когда-то бил, я такого не скажу» (София).

Информантка признает, что прибегала к физическому насилию, но сама его жертвой не становилась, как она поясняет далее: «А не за что было, наверное, на меня-то поднимать руку». По всей видимости, подозрение в изменах она воспринимала как психологическое насилие в свой адрес, что подталкивало ее к совершению физического насилия в ответ в качестве наказания, ведь было *за что*. Переход конфликта в физическую плоскость на фоне деградации отношений создает условия, при которых убийство оказывается финальным и закономерным этапом в цикле насилия.

Можно предположить, что измены воспринимались информанткой особенно болезненно именно из-за их несправедливости, так как сама она оставалась верным и любящим партнером. Вера в то, что проступок партнера должен быть уравновешен наказанием, отсылает к концепции веры в справедливый мир (Dalbert 2009): чтобы восстановить моральный баланс и защитить свое «Я», жертва предательства берет на себя роль карающей инстанции. Тем не менее нормализация насилия может складываться не только из собственного опыта проживания и применения насилия, но и в результате наблюдения за насилием со стороны близких по отношению к другим:

119

«...первое убийство вообще в своей жизни, которое я увидела, это было его убийство. Он (муж) на моих глазах убил мужчину, можно так сказать. <...> Там был нож, топор, он сначала перерезал артерию ему и пошел спать, лег читать книжку, лег дальше. Оставил меня вообще в непонимании, что происходит. А он так спокойно к этому отнесся. Ну, говорит, *он заслужил это*, чё ты, не переживай, утром разберемся. <...> Это было на моих глазах, я видела, что тот человек, то есть на тот момент я сопоставила все факты: за что он его убил, как он себя вел, кем был он, кем был тот, и мог ли тот говорить то, что он на тот момент сказал тому, кому он это говорил. Ну то есть *по закону эков*» (Карина).

В этом эпизоде отчетливо прослеживается механизм нормализации убийства через апелляцию к альтернативной системе справедливости. Таким образом, к моменту убийства женщины могут подходить с уже сложившимися представлениями о том, что существуют ситуации, в которых применение радикальных форм физического насилия может быть заслуженным, и, соответственно, сами интерпретируют причиненное в их адрес насилие через принцип справедливости и применяют его по этому же обоснованию по отношению к другим.

Институциональный контекст

Отметим, что в нарративе только одной информантки фигурирует полиция еще до совершения убийства. Она пыталась вызвать

ее в тот период, когда участились избиения от ее мужа: «Вот когда уже последний раз уже, все, думала, побои сниму, милиция трубку не взяла. А он выхватил у меня из рук телефон и разбил». Она сталкивалась с полицией раньше, когда пыталась совершить суицид и сообщила об этом первому мужу, а тот вызвал полицию, из-за чего ее заключили в психоневрологический диспансер.

У этой информантки был также опыт взаимодействия со скорой помощью: «Просто, знаете, один раз он просто взял по голове сковородкой стукнул. Сидит на кухне мама и [неразборчиво]. Его мама и [неразборчиво], смотрят и улыбаются. <...> Ну, чё там, вызвала скорую еще, чтобы, что там, я же не знаю, кровь остановил. Приехал мужчина скорой, фельдшер. “Она с лестницы упала”. А я чё? Молчу. Ну как можно с лестницы, фельдшер ведь тоже не дурак...» Можно предположить, что насилие, совершаемое при свидетелях, тем более институциональных, и при этом остающееся безнаказанным, оставляло женщину в состоянии еще большей незащитности, чем если бы этих свидетелей не было.

Биография информантки, прошедшей путь от психоневрологического диспансера до колонии, иллюстрирует эффект «вращающихся дверей», когда опыт пребывания в одном тотальном институте повышает риск попадания в другой. Это подтверждается и историей другой участницы исследования, имевшей сначала условный срок, затем реальный за разбой и, наконец, за убийство. В данном случае мы наблюдаем кумуляцию стигм: к моменту совершения преступления женщина уже обладает набором характеристик (диагноз, зависимости, судимость), которые маркируют ее как носителя «испорченной идентичности» (Goffman 1963). Эти стигмы имеют свойство не просто суммироваться, а взаимно усиливать друг друга, закрепляя за женщиной статус девианта еще до совершения убийства.

Убийство и арест

«Пришла с работы, и там соседка... Сосед на мою дочку хотел изнасиловать¹. У меня была оборона. Я его убила. Дочка гуляла у меня пятилетняя. Ну, на улице. А потом домой зашла покушать. Двери она не закрыла, и он зашел к ней домой. Дочка у меня уже плакала от него. Шум, гам там. Ну, он что-то кинул на ее, я сразу залетела домой. И, конечно же, взяла нож, кинула ему в спину. Ну, я сразу скорую и милицию позвала, но они не приехали. Ну, я просто испугалась за дочку. <...> Я не боялась (за себя), но за дочку — да» (Ксения).

1 Речь записана максимально близко к тому, как она была произнесена информанткой.

«31-го (декабря) был такой конкретный рабочий день. Мы просто вымотались. Ну да, конечно, мы выпили шампанского, но не сказать, что я была прямо там, чтобы не помнить. Там был еще молодой человек, он в принципе друг, не друг. Больше-то, наверное, он был мой знакомый. Я вот сейчас не вспомню, где мы как встретились снова. Он пришел к нам, он поругался с женой со своей, пришел к нам Новый год отмечать тоже. Вот. И в какой-то момент, короче, в общем, я их застала. Не совсем прямо уже он дошел до постели, но все подходило к этому. Видимо, вот это было последнее. <...> Ну, естественно, *аффект очень сложно у нас в стране доказать*. Я считаю, что это было именно это состояние» (София).

«И, значит, в один прекрасный день приходит к нему друг, они начинают выпивать, в общем. <...> Я просто зашла к ним, сделала замечание, говорю, ребят, давайте потише. Тут, значит, его друг что-то психанул и ушел. Я как бы на кухне, все, заходит, значит, этот сожитель мой. И, в общем, просто *ни с того ни с сего начинает меня бить по лицу, по голове*. В общем... “Ты кто такая? Какое ты имеешь право выгонять моих друзей?” В общем, все такое. Я просто... А мы жили на первом этаже. Я просто выбегаю, бегу на пятый этаж. Ну, пытаюсь попасть к соседям, чтобы уговорить его. Мне никто просто не открывает, представляете? Хотя я кричу, реву, там, что меня бьют, все такое. Хотя соседи меня знали. Ну, все равно же прожили какое-то время. Вот. И потом, значит, он догоняет меня на пятом этаже. Ну, хватает, естественно, меня никто не пускает. И пинает меня вниз по лесенкам с пятого этажа ногами. Я даже встать не успевала. Все, затаскивает меня домой. И получается так, что я уже захожу на кухню. Захожу на кухню, он идет за мной. Пока идет за мной, значит, он меня снова бьет, пинает, кулаками. В итоге я стою на кухне, кухня маленькая. И получилось так, что он от меня как бы отворачивается и хочет, ну, видимо, выйти в коридор. И в этот момент просто я ничего не готовила, просто лежит на столе нож. Я беру нож и в спину его ударяю» (Инга).

121

«Больше двух недель, а сплетня эта развивается по городу. Меня уже просто по имени начинают узнавать. Ах ты, типа, та самая (Карина). И мне это не очень нравится, как вы понимаете. Вот и все. И вот этот электрик, он просто услышал вот эту вот всю ситуацию. <...> Я ухаживала за стариками, бабушка с дедушкой. Я приходила раз в неделю, готовила им кушать, убиралась и уходила. И это было вот именно у этих деда с бабкой на квартире. <...> Да, и он вот пришел, вот это мне говорит. В психиатрии именно этот момент называется *состоянием аффекта*. Потому что *этот момент не помнится*. Это какие-то доли секунды. Я переспросила его, что он сказал. Он

сказал и повторил это три раза. И после третьего раза, знаете, как будто затмило рассудок. Вот я ударила его ножом, который был у меня в руках, так как я готовила. Он упал, поменялся во взгляде, потому что только что он так с презрением на меня смотрел и говорил вот это вот название. Тут он меняется во взгляде, у него такие опешенные глаза. Я вытащила нож, переступила через него, *говорю: "сам крыса"*, и ушла» (Карина).

«Когда 9-го числа начал опять бить, я уже не знаю, куда бежать. Зимой... Опять догонит, думаю, куда я уже, не знаю, или полено взять. Я не знаю, почему за нож схватилась. Он начал нож выхватывать у меня из руки, я еще того больше испугалась. Думаю, сейчас выхватит у меня нож, и меня зарежет. И я как-то вырвалась спонтанно. Даже не смотрела. Я не думала, что я его убью. Я не знаю. Я думала, просто его пораню. У меня мыслей не было убивать. Просто думала, ну, вот так *вот я ткну, и все*. Вообще я не думала, что это смертельно. *Чтобы только отстал*. <...> (9-го числа), наверное, больно уже совсем стало. По старым побоям прилетало. Ну вот уже от безысходности. Схватилась за нож, не знаю, чего, думала, остановится. Взяла, чтобы напугать. Он начал выхватывать у меня нож. Я испугалась. Я побежала нож прятать, чтобы он у меня не отобрал, даже не знала, что я его убила» (Анна).

«Это, ну, знакомый отчима. Он мне говорит, давай выпьем, да выпьем. Я ему говорю, да я не пью. А как раз в этот момент я не пила. Угу. Потом мама пришла. Пришла, меня попросила за молоком сходить. Я сходила, молоко купила, хлеб купила, думаю, все. Захожу обратно в дом. В дом, ну, в квартиру, то есть захожу. Все, и это... Мама ушла к знакомым, ей потому что позвонили. И он опять это начал *домогаться*. Ну и это, я увидела это у нас на кухне. Пустая бутылка была. Я ему по голове стукнула» (Ольга).

Как мы видим, контексты совершения убийства довольно разнообразны, но при этом просматривается схожая объяснительная линия. Так, в качестве названных мотивов в основном фигурируют оборона и аффект, что показывает стремление оправдать свои действия, поскольку оборона предполагает сопоставимый ответ на угрозу, а аффект — помутнение сознания, делающее практически невозможным контроль своих действий. Не раз встречается мысль о том, что совершать убийство женщины не хотели и их действия были спровоцированы обстоятельствами. На спонтанность совершения убийства косвенно может указывать оружие убийства — нож. Однако женщины в основном утверждают, что не думали о том, что смогут убить: причиненное тяжкое физическое насилие в их представлении должно было быть средством, а не самоцелью.

В двух случаях женщины твердо придерживались версии, что совершили убийство из аффекта, который определяется по закону как состояние сильного душевного волнения, а информантками описывается как «момент, который не помнится», «когда затмило рассудок», когда «действительно где-то вот эти шторы опустились так, что просто провал в памяти». Поэтому представляется интересным сравнить реакцию женщин на совершенное убийство уже, собственно, после прихода в сознание.

«Я не хотела ее убивать вообще. Я сама хотела с собой покончить, когда я узнала, что ее нет». Однако в другом случае женщина просто «переступила» через труп и ушла с места преступления. Безусловно, важно учесть то, что в первом случае жертвой убийства была девушка информантки, а во втором — просто коллега. Тем не менее кажется противоречивым, что женщина, не желая убивать кого-то, после осознания, что все же убила, приняла это с видимой легкостью. Первая информантка буквально не узнала себя в своем поступке: «когда я знакоилась с делом, я следователю сказала, говорю: “я не могла это сделать”, потому что ну очень жестко, очень жестоко. Мне кажется, нормальный человек в нормальном состоянии просто даже не способен на такое». На этом примере мы можем видеть тяжелое переживание расхождения между требованиями к себе и представлением о своем «Я» как о нормальном человеке и новой идентичностью (Goffman 1963).

123

У Гофмана также есть ремарка о том, что индивиды становятся пациентами тотальных институтов из-за предательства близкого окружения (Goffman 1961); в случае с «женскими» убийствами дело доходит до крайностей, поскольку, по всей видимости, типичное начало пациентской стадии характеризуется предательством самой себя. Так, почти все женщины отмечали, что после убийства сами вызывали скорую и полицию или даже шли в полицию сами:

«Ну, вижу, что он еще, наверное, думала, что живой, надо спасти его. И все. Позвонила, говорю, в милицию и скорую. Ну, они не приехали никто. И уже утром подъехали сюда к нам. Я все рассказала, но они... Как они сказали... “Может, это... До тебя он был убитый”. Я сказала: “нет”. Вот так я сказала. Да, призналась. Бог-то видит. Если я чё-нибудь навру, Бог меня накажет. Я все по-честному рассказала. И все. Меня... Потом закрыли» (Ксения).

Женщины не пытались скрыть преступление даже в том случае, если не пытались спасти жертву — как, например, когда после убийства женщина «переступила» через труп, то есть явно не выказывала сожаление по поводу совершенного. Помимо возможных моральных объяснений этому, как мне кажется, следует иметь в виду версию, что женщины были сильно дезориентирова-

ны, поскольку оказались в новой для себя ситуации, поэтому пространство для стратегического мышления действительно очень ограничено и решения принимаются импульсивно, на основе первых доступных поведенческих реакций. Мы можем видеть этому подтверждение и в том, как строилась их стратегия защиты в дальнейшем.

Заключение под стражу, судебное разбирательство и стратегия защиты

После прибытия на место преступления и оценки ситуации со слов женщины полиция забирает ее в отделение и помещает в изолятор временного содержания, где проводится первый допрос. Дальнейшие допросы продолжаются уже в следственном изоляторе.

«Потом стали допрашивать. Все рассказала. И все. Допросили первый раз, потом опять, потом через неделю опять меня стали допрашивать. Ну, я на одном и том же все стояла. Адвокат был. Ну, простой такой. Я отказалась, а он все равно настаивал. Ему немного заплатили, тыща... тыща восемьсот» (Ксения).

«Дежурный (адвокат). Я даже во время суда сразу от нее отказалась. Я понимаю, если бы я там ей деньги какие-то заплатила, она бы еще боролась, может быть. Тут видно, что она, во-первых, уже, как говорится, немолодая, в возрасте. Мне кажется, ей просто уже... просто наплевать. Лишь бы отработать, как говорится» (Инга).

«Он (адвокат) меня не защищает. Ну, как сказать? Делает свою работу, но защищать особо не защищает. Как сказать-то, блин?» (Анна).

По всей видимости, предоставленные государством адвокаты не внушали доверия информанткам. Женщины опасались, что те не станут защищать их интересы должным образом или даже усугубят их положение. Нанять платного адвоката у них не было возможности, а государственный, по их мнению, не будет работать качественно. Поэтому одной из стратегий защиты становился отказ от адвоката вообще.

Более предпочтительная стратегия защиты для них заключалась в том, чтобы сделать ставку на искренность: они думали, что если расскажут, как все было на самом деле, это поможет им смягчить срок наказания. Но на суде они обнаружили, что честный рассказ о собственных действиях не означает, что судом эти действия будут интерпретированы так же, как и ими, и потерпели неудачу:

«Ну, по сути, да, мне делали экспертизу, потому что я следователю то же самое же говорила. Ну, естественно, аффект очень сложно у нас в стране доказать. Я считаю, что это было именно это состояние. Но доказать это я не смогла» (Ольга).

«Ну, во-первых, мой процесс был вообще комичен. Это потом я, когда... Тогда я была первый раз, я не понимала вообще, чё происходит, потому что я говорю им правду, да, я убила, но неумышленно. Вот для меня было основное. Я в суде как ни пыталась сказать, что я не строила план, я не умышляла, я не замышляла его убивать. Я не шла с мыслью, сейчас он придет, скажет, а я его убью. Никакого мотива у меня не было. Никакие материальные средства я от него не поимела. Какое умышленное?» (Карина).

Вероятно, здесь можно обнаружить расхождение в трактовке умышленного убийства в праве и в обыденном сознании: информанткам представляется, что умысел предполагает тщательно спланированное заранее убийство, в то время как судебная система принимает сиюминутный умысел за равный по силе.

125

«И: Но вы не пытались под оборону?

Р: Нет.

И: Вы даже не пытались?

Р: Нет. Как? Хотели.

И: Кто хотел?

Р: Ну, как бы я хотела. У меня же на лице все написано. То есть там синий, желтый, зеленый, красный. Но суд этого во внимание вообще ничего не принял. <...> Там все было и так видно, но почему, как бы, допустим, состояние аффекта, да? <...> Ну, это, в общем, я это рассказывала и на суде, и все, ну, то есть это ни на что не повлияло. Ну да, я сказала, что я, конечно, сама себя защищаю. Я ж не буду стоять, когда меня бьют» (Инга).

На примере этого нарратива можно проанализировать, почему женщинам не удастся убедительно представить свою версию событий в суде, даже если оставить в стороне вопрос о возможном обвинительном уклоне. Даже в процессе интервью, ситуации гораздо менее стрессовой, чем судебное разбирательство, их нарративы не были консистентными. Так, во фрагменте выше в качестве мотивов информанткой называлась самооборона, аффект, а позже — обида: «Мне кажется, что его (ножа) и не было там. А тут вот откуда-то он взялся, и у меня вот на почве всей этой обиды, как говорится. <...> Ну, конечно, обидно, ни за что когда тебя бьют». Однако самооборона все же предполагает страх, а не обиду. Вероятно, подобная непо-

следовательность присутствовала и в судебных показаниях женщины. Возможно, ее версия была искренней, однако нелогичная смена мотивов снижает убедительность объяснений, тогда как суд требует четкой и устойчивой линии защиты. Отражение подобного распадающегося нарратива обнаруживается и в приговорах, где на разных этапах дела женщинами зачастую назывались разные мотивы (Луликян, Жучкова 2024). Возможно, разочаровавшись в своих навыках аргументации и не имея достойной помощи, они уже сами способствовали разрешению дела не в свою пользу:

«На суде я сказала, что да, я виновата. Наказывайте меня, как вы считаете нужным. То есть я ничего не отрицала. Там я наоборот. Как бы да, да, да. Посадите меня, в общем-то. Все равно я уже знала, что все равно посадят» (Инга).

В целом женщины ожидали даже больший срок наказания, чем в итоге им назначали, — у них были примерные знания о том, сколько дают за убийство в их регионе:

126

«У нас вот, по 10 всем дают, по 9 лет. А в других вот регионах, в Башкирии по 7 лет дают <...> Да, я вообще думала, что *мне надо было 12*. Я уже была готова к этому. Я, видать, слышала, что 12 (у кого-то было). Все уже, думала, 12. Адвокат сказал 9–10. Судья решил 8,5» (Анна).

Любопытно, что в этом фрагменте информантка соотносит свой срок с «типичными» наказаниями за убийство в разных регионах, фактически игнорируя индивидуальные смягчающие и отягчающие обстоятельства, которые в каждом деле могут существенно менять итоговый приговор. Хотя в России нет систематических исследований региональных различий в суровости наказания за убийство, зарубежные работы действительно указывают на существование такой вариативности между регионами (Cooney, Burt 2008). Помимо этого, суровость ожидаемого наказания может объясняться представлением о репрессивности судебной системы, которое, возможно, существовало еще до знакомства с системой изнутри и укрепилось в процессе взаимодействия с ней, а также может быть следствием моральной оценки своего поступка как заслуживающего такого наказания.

Экспациентская стадия

Нередко после освобождения заключенным некуда идти, поскольку родственники обрывают с ними связи еще во время их заключения.

Однако даже если опция возврата домой и существует, она все еще может представляться непривлекательной. Нежелание возвращаться в старое социальное окружение имеет понятные причины, и возможность начать новую жизнь с новыми людьми, сконструировав новое «лицо» и новый образ жизни, радикально отличающиеся от старого, дает надежду на избавление от стигмы:

«Я к старой жизни не хочу. Меня беспокоит то, что я опять начну пить. <...> Мне не надо друзей. Просто в друзьях ошибалась очень много. Так же, как и в мужьях. Так что ни мужей, ни друзей. Хочется одной» (Анна).

Информантка заметила, что была одна и все предыдущие годы в колонии. В действительности, недоверие к себе может приводить к страху брать ответственность за свою жизнь — более надежным представляется наличие внешнего контроля, и такой предлагается специализированными НКО. Поскольку НКО сотрудничают с колониями, часто о них заключенные узнают еще от социального отдела в последней; соответственно, в некотором смысле выход из колонии означает «перевод» в шелтер или дом милосердия¹. Можно предположить, что нахождение в сообществе людей с похожим статусом в некотором смысле облегчает жизнь постояльцев: там, где стигматизированы все, не стигматизирован никто, соответственно, здесь можно чувствовать себя «нормальной» и не прибегать к чрезмерной «работе лица».

127

Обычно в таких местах женщины проводят от нескольких недель до нескольких месяцев, воспринимая это время как возможность встать на ноги в финансовом плане и собраться с силами для встречи с семьей и детьми:

«Я еще боюсь ему (ребенку) звонить, не звонить, писать, не писать. Потому что сама еще не чувствую ног под землей. Ни кола, ни двора нет. Он скажет, мама, приезжай — не приехать, не забрать его» (Анна).

1 Шелтеры ни к чему не обязывают своих постояльцев, проживание в них бесплатно, чего нельзя сказать о домах милосердия, где проживание обеспечивается за счет труда проживающих там людей. Так, некоторые из жителей домов милосердия работают на официальной работе, но зарплату в личное пользование не получают, поскольку она удерживается владельцами домов милосердия. Некоторые эксперты сравнивают такую систему с рабской или тюремной.

Работа зачастую становится для женщин главным источником надежды на новую жизнь, но при этом шансы на интересную и хорошо оплачиваемую работу, очевидно, невысоки. При этом, как подчеркивают сотрудники НКО, одной только занятости недостаточно для успешной реинтеграции — жизнь после тюрьмы не сводится к работе. Соответственно, когда новая жизнь оказывается не столько вдохновляющей, сколько трудной, и женщины не находят места в том мире, в который вышли, риск рецидива возрастает. Так, по данным интервью и отчетов НКО, после отбытия срока за убийство некоторые женщины вновь попадали в колонию — за неуплату алиментов, хулиганство или даже совершение нового убийства. Однако если им удастся найти значимый смысл на свободе (семью, работу, поддержку окружения), новая жизнь без преступлений становится реальностью.

«После первого срока (за разбой) я действительно скучала по тем местам. Меня здесь никто не понимал, мне не хватало того общения. Да. Второго срока (за убийство) мне хватило, чтобы понять, что нечего там делать. В принципе, вообще. Ни год, ни два, ни десять <...> Но постепенно, потихоньку как-то это, жизнь наладилась. Семья, дети сейчас...» (София).

128

«Семья» и «дети», упоминаемые информанткой, представляются необходимыми атрибутами нормальной жизни. Нормализация «лица» чрезвычайно важна: эта же информантка подчеркивала, что сама из «благополучной семьи» и что теперь считает, что однополюсные отношения бесперспективные, поскольку они не позволяют создать семью, а именно это является предназначением каждой женщины.

Ситуация интервью и любая иная социальная ситуация, предполагающая некоторую саморепрезентацию, требует от женщин интенсивной работы лица, поскольку они помнят, что совершили убийство, и знают, что это знают другие, либо же боятся, что об этом могут догадаться. В этом смысле длительное нахождение в шелтерах, пунктах обогрева и домах милосердия стратегически выгодно, поскольку требует приложения меньших усилий, ведь там тоже проживают люди, имеющие сходный социальный опыт. Если ситуация требует, лицо приходится сохранять за счет выдвижения других идентичностей, и в этом женщинам помогает позиционирование себя как состоявшейся матери. Например, информантка подчеркивала, что, несмотря на регулярное употребление алкоголя дома с сожителем и его родственниками, она выполняла родительские обязанности в полной мере:

«Ну как бы дети-то ни в чем не нуждались. Всегда у меня чистые, накормленные, все накормленные, дома порядок. В этом смысле

я вообще... Сейчас я у других, когда смотрю, люди вроде такие из хороших семей, а дети ходят как [неразборчиво]. У меня такого никогда не было. Для меня это очень неприятно» (Анна).

Женская идентичность как неотъемлемая характеристика может становиться для них важным ресурсом и опорой. Есть основания полагать, что становится важной и категория чистоты: эта же информантка отмечала, что, когда ехала в шелтер, думала, что там будет «будет хуже» и «будет бомжатник», другая информантка в палатке рассказывала о том, как после ареста просидела в обезьяннике с «бомжами вонючими». По всей видимости, осознавая, к какой категории людей они теперь причислены, они нарочито стигматизируют отбывавших наказание или потерявших дом — людей с похожей социальной судьбой — чтобы показать на контрасте, что их собственная социальная идентичность была испорчена несправедливо и их ни в коем случае нельзя ставить в один ряд с другими стигматизированными людьми, несмотря на определенное сходство.

Нарратив vs Судебный приговор

129

До настоящего момента мы анализировали нарративы женщин, не подвергая сомнению их содержание. Это сознательный исследовательский шаг, ведь целью этой работы была реконструкция убийства и последующего судебного процесса в представлении самой женщины, совершившей его. Однако учитывая притязания на честность, вновь и вновь артикулируемые женщинами в ходе интервью, представляется любопытным сравнить то, как представлены показания в нарративах женщин и в их судебных приговорах¹. Так, все женщины утверждали, что не меняли показаний в процессе судопроизводства и что рассказывали на суде то же, что рассказали и в интервью. Мною будут приведены сопоставления по убийствам, произошедшим в 2010-х годах (и потому опубликованным).

Наибольшее расхождение можно обнаружить в случае информантки, которая утверждала, что совершила убийство соседа, домогавшегося ее пятилетней дочери. В тексте приговора в контексте данных ей показаний не упоминается дочь; также дочь не упоминается и судом, а суд учитывает наличие малолетних детей как смягчающее обстоятельство. Более того, в показаниях, данных инфор-

¹ Согласно ст. 245 УПК РФ, приговоры записываются секретарем судебного заседания, поэтому возможны искажения показаний обвиняемых, несмотря на обязанность секретаря излагать все «полно и правильно».

манткой на суде, указывается, что она убила сожителя, а не соседа, и поводом стала ссора, а не оборона. При этом в деле указано, что она была пьяна, но в интервью она подчеркнула, что вернулась домой прямо с работы и поэтому, по ее словам, не могла находиться в состоянии опьянения. Также информантка говорила о том, что вызвала полицию и скорую сразу же после совершения убийства, но они не приехали, в то время как в приговоре содержится информация о том, что информантка и ее знакомый, распивавший с ней алкоголь, осознали, что сожитель был убит, только спустя сутки — на следующую ночь.

Другой нарратив и приговор скорее сошлись, однако информантка не упоминала о том, что зачинателем ссоры была она, а не жертва. Так, в интервью информантка делилась тем, что ее «все ревнуют», но не упоминала о том, что она также могла приревновать своего мужа. На предварительном следствии же она рассказала о том, что ссора началась с ее подозрения в измене мужа. Что касается мотива, информантка говорила, что убила из самообороны, но на суде говорила не только о защите самой себя, но и о злости — проблематичность такой неконсистентности уже была раскрыта ранее.

130

Третье убийство было совершено в соучастии: приговор постановил, что женщина убила мужа вместе с их общим знакомым. В интервью утверждалось, что убийство она не совершала, и, судя по тексту приговора, она также не признала свою вину в суде. Существенным отличием является то, что она заявляла, что не трогала мужа вообще, но давала показания о том, что била мужа молотком по голове, что в итоге суд посчитал существенным вкладом в телесные повреждения, из-за которых наступила смерть.

Самооправдание vs Самообвинение

Женщины, совершившие убийство, часто одновременно и оправдывают себя, и обвиняют, и это видно по тому, как они рассказывают о случившемся. Несмотря на попытки представить свои действия как вынужденные и достойные снисхождения, в суде они получают строгий обвинительный приговор, который заставляет их по-новому посмотреть на себя и свой поступок. Может быть, то, что они не смогли доказать свою правоту, означает, что они на самом деле не правы? Может быть, не вина ведет к назначению наказания, а наказание делает человека виноватым? Процесс реинтерпретации убийства запускается с начала взаимодействия с правоохранительными органами и продолжается во время их пребывания в заключении. Таким образом, легитимизируется нарратив институтов:

«Какие мысли... то, что я гадина самая последняя. (*Смеется.*) Самая грешная на Земле. Ну как, самооборона, но все равно же... убила. Я убила человека. Какого, боже мой, снисхождения (мне ждать)?» (Анна).

По всей видимости, оценка событий прошлого «Я» начинает происходить с позиций настоящего «Я». Если так, возможно, что эта тенденция уходит еще глубже. Например, во фрагменте ниже описание, показывающее склонность женщины к обвинению себя еще в прошлом, может отражать на самом деле образ мыслей, присущий женщине не на тот момент, а сейчас:

«Я в тот момент (суда) считала, что я виновата, что так мне и надо, в общем, как говорится. За свои поступки надо отвечать. Хоть как-то тебя избивали, и все равно» (Инга).

Разумеется, искреннее самообвинение могло иметь место и сразу после совершения убийства, однако можно предположить, что именно в ходе институционального воздействия на «Я» женщин самообвинение вышло на первый план. Тем не менее у некоторых женщин может преобладать самооправдание, что будет выражаться в большем расхождении между саморепрезентацией и реальностью, например, в умолчании деталей, что создает нарративные пробелы и меняет восприятие всей ситуации. Таким образом, женщины могут скорее признавать свое «Я» как убийц, открыто осуждая эту часть себя, либо же вовсе отрицать эту идентичность, переопределяя ситуацию так, будто бы убийство было необходимостью, и тем самым представляя себя в более выгодном свете. Тем не менее, несмотря на различия в отношении к своему поступку, одно остается универсальным — опыт убийства предполагает больший менеджмент себя, поскольку эта идентичность становится неотъемлемой как в личном, так и в социальном смысле:

131

«Вот возьми проститутку: она перешла черту, что можно за день-ги спать, и для нее сейчас не составляет труда. То есть перешагнув раз эту черту, уже не существует этой границы, она стерта. То есть смысл в том, будешь ли ты контролировать себя, перейти ее или нет. Ну, то есть вот сейчас я, например, живу спокойной жизнью. То есть я поменяла все вообще в своей жизни. Я убрала весь блатной мир из своей жизни. Но если ситуация, которая, например, затронет моих близких... для меня это не будет проблемой защитить своего близкого, то есть способом, то есть убить человека. Для меня это уже не страх, для меня это пройденный этап, но все зависит от меня,

сделаю я это или нет. Вот. Но сам барьер, его нет. Поэтому я говорю, убийца, он, ну, он убийца» (Карина).

Заключение

В этой работе мы пытались проследить моральную карьеру женщин, совершивших убийство, а именно то, как убийство, судебная и пенитенциарная система сконституировали «Я» женщин. Поскольку эмпирическим источником данных послужили данные биографических интервью, во многом требовалась двойная интерпретация рассказанного женщиной: как ее взгляда на произошедшее и как саморепрезентация в рамках интервью. Несмотря на то что не всегда это удавалось разделить, мы все же можем выстроить моральную карьеру в хронологическом порядке.

Низкий социально-экономический статус, специфическое социальное окружение, алкогольная зависимость, виктимизация и нормализация насилия, опыт пребывания в тотальных институтах — лишь некоторые элементы карьеры, во многом, как может показаться в ретроспективе, предопределяющие судьбу женщины, ведущие ее к убийству близкого человека или знакомого.

Убийства совершались для самообороны или из-за аффекта, однако нарративы женщин относительно мотивов убийства не отличаются консистентностью и в процессе интервью, и в судебных приговорах. Скорее всего, это стало результатом того, что женщины предпочитают защищать себя сами в суде, отказываясь от помощи государственных адвокатов. Однако избираемая ими стратегия искренности обычно не имеет успеха, и они получают приговор по более тяжкой статье.

После освобождения они могут поехать домой, если, например, поддерживают связь с семьей; в ином случае они могут воспользоваться помощью от НКО и остановиться в шелтере или доме милосердия. Последнее место способствует адаптации к новой жизни весьма ограниченно, поскольку предельно схоже с тотальным институтом.

Женщины хотели бы избавиться от стигмы убийцы, но понимают, что это невозможно. Стратегиями совладания со стигмой становятся подчеркивание своей женской идентичности, связанной с исполнением роли матери, и отделение себя от других стигматизированных групп, к которым они тем не менее фактически относятся.

Несмотря на то что всем проинтервьюированным женщинам был вынесен приговор по одной и той же статье, отношение к своему поступку у всех разное. Каждый нарратив — уникальное сплетение самообвинения и самооправдания, адресованного к разным периодам своей жизни. Однако можно заключить, что женщины

все же способны вынести вердикт сами себе, склоняясь в большей степени то к самообвинению, то к самооправданию.

Такой контраст в видении вины кажется еще более удивительным в контексте того, что каждая женщина проходит, как мы могли проследить, достаточно типичную карьеру еще до убийства и сталкивается со схожими проблемами после освобождения. Можно было бы предположить, что основным различием в том, что женщины думают о себе и своем поступке, становится то, насколько успешно женщины смогли справиться с возникающими проблемами. Если женщина после освобождения смогла организовать свою жизнь так, чтобы в ней присутствовали хотя бы атрибуты «нормальной» жизни, она будет стремиться отделить себя от прошлой идентичности, обвиняя себя в прошлом. Однако если ей никак не удастся организовать эту «нормальную» жизнь, она может столь же обоснованно заниматься самообвинением, поскольку убийство во многом и является причиной отсутствия нормальной жизни. По всей видимости, склонность к самообвинению или самооправданию является производной по отношению к идентичностям. Мало что можно противопоставить идентичности убийцы; например, профессиональная идентичность здесь едва ли может помочь в определении себя, поскольку профессиональные карьеры женщин, как правило, не были успешными и до убийства, а после ситуация только усугубилась. Поэтому на арену выходит идентичность, связанная с базовой женской идентичностью, — идентичность матери.

133

Если женщина состоится как мать или будет хотя бы иметь надежду на это, именно эта идентичность может стать достаточно сильной, чтобы составить конкуренцию идентичности убийцы. Соответственно, идентификация себя через материнство приведет к большему осуждению себя как убийцы. Однако в случае, если женщина не обрела иную идентичность, она скорее будет защищать имеющуюся — идентичность убийцы. Можно заключить, что хотя бы какая-то социальная идентичность, даже испорченная, лучше, чем отсутствие сильной идентичности вовсе.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10073 «Разработка и апробация методики автоматизированного анализа текстов приговоров российских судов для социально-правовых исследований (на примере насильственных преступлений)» (см. подробнее: <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>).

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10073 “Development and approbation of the

algorithm for automated analysis of the court decisions texts for socio-legal studies (based on cases of violent crimes)” (see more details: <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>).

Благодарности / Acknowledgments

Автор также хочет выразить признательность всем женщинам, которые дали интервью, и руководительницам НКО, которые помогли найти информанток. Отдельно хочу поблагодарить профессора НИУ ВШЭ Елену Юрьевну Рождественскую, которая помогала мне на всех этапах исследования.

The author also wishes to express her gratitude to all the women who gave interviews and to the heads of NGOs who helped find informants. The author would like to especially thank Elena Rozhdestvenskaya, a professor at the HSE, who helped her at all stages of the research.

Список источников / References

134

Гофман И. (2000) *Представление себя другим в повседневной жизни* / Пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле.

— Goffman I. (2000) *The Presentation of Self in Everyday Life*. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole. 304 p. (in Russ.)

Гоффман Э. (2019) *Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений* / Пер. с англ. А. С. Салина; под ред. А. М. Корбутова. М.: Элементарные формы.

— Goffman E. (2019) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. Moscow: Elementarnye formy. (in Russ.)

Зульфиаева Ж. А., Гурьев Б. О. (2021) Алкоголизм в России как социальная проблема. *Инновации. Наука. Образование*, (40), с. 261–264. EDN: RZQDHD

— Zulfibaeva Zh. A., Guruev B. O. (2021) Alcoholism in Russia as a Social Problem. *Innovations. Science. Education*, (40), pp. 261–264. (in Russ.)

Кравцов, А. Н., Лисовская И. В., Ясавеев И. Г. (2022) «Эта система делает только будущих эзков»: проблематизация дискурса исправления бывшими заключенными. *Мир России. Социология. Этнология*, 31(4), с. 79–99. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-79-99>

— Kravtsova A. N., Lisovskaia I. V., Yasaveev I. G. (2022) “This system only makes future prisoners”: Problematization of the Correction Discourse by Former Prisoners. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 31(4), pp. 79–99. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-79-99>. (in Russ.)

Луликян А. А., & Жучкова С. В. (2024) Почему женщины убивают? Эмпирическая типология убийств, совершенных женщинами в России. *Мир России*, 33(2), с. 115–141. EDN: DTTHLZ. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-115-141>

- Lulikyan A. A., Zhuchkova S. V. (2024) Why do women kill? An empirical typology of murders of women in Russia. *World of Russia*, 33(2), pp. 115-141. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-115-141>
- Макух Н. О., Глазова А. С. (2023) Особенности экзистенциальной исполненности личности осужденных женщин и мужчин средней взрослости. *Психология и право*, 13(4), с. 24–36. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130402>
- Makukh N. O., Glazova A. S. (2023) Existential Fulfillment Characteristics of Convicted Women and Middle-Aged Men. *Psikhologiya i pravo*, 13(4), pp. 24–36. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130402>. (in Russ.)
- Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Русанова Е. И. (2024) Осужденные женщины, пребывающие в исправительных колониях: социально-демографическая структура и проблемы социальной адаптации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2), с. 233–265. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.4>
- Rostovskaia T. K., Vasil'eva E. N., Rusanova E. I. (2024) Female Inmates in Penal Colonies: Socio-Demographic Structure and Social Adaptation Challenges. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 27(2), pp. 233–265. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.4>. (in Russ.)
- Сабирова Г. А. (2012) «Непростые рассказы о себе и зоне»: ответы и вызовы нормативным представлениям в историях жизни женщин с опытом заключения. В Е. Л. Омельченко (ред.) *До и после тюрьмы. Женские истории* (с. 105–140). СПб.: Алетейя.
- Sabirova G. A. (2012) “Difficult Stories about Oneself and the Zone”: Challenges to Normative Views in Life Stories of Formerly Incarcerated Women. In E. L. Omel'chenko (Ed.), *Before and After Prison: Women's Stories* (pp. 105–140). Saint Petersburg: Aleteiia. (in Russ.)
- Семенова В. В. (2002) Социальный портрет поколений. *Россия реформирующаяся*, (2), с. 184–212. EDN: JGXWBT
- Semenova V. V. (2002) Social Portrait of Generations. *Russia Reforming*, (2), pp. 184–212. (in Russ.)
- Яковлев Д. Ю. (2015) Криминологическая характеристика личности женщин, совершивших преступления против жизни. *Пробелы в законодательстве. Юридический журнал*, (4), с. 236–239. EDN: TZXQYX
- Iakovlev D. Iu. (2015) Criminological Characteristics of Women Who Committed Crimes Against Life. *Gaps in Legislation. Legal Journal*, (4), pp. 236–239. (in Russ.)
- Becker H. S. (1963) *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. Free Press, Glencoe.
- Biggers T. A. (1979) Death by Murder: A Study of Women Murderers. *Death Studies*, 3(1), pp. 1–9. <https://doi.org/10.1080/07481187908253326>
- Brookman F., Innes M. (2013) The Problem of Success: What is a “Good” Homicide Investigation? *Policing and Society*, 23(3), pp. 292–310. <https://doi.org/10.1080/10439463.2013.771538>
- Cooney M., Burt C. H. (2008) Less Crime, More Punishment. *American Journal of Sociology*, 114(2), pp. 491–527. <https://doi.org/10.1086/592425>
- Dalbert C. (2009) Belief in a Just World. In *Handbook of Individual Differences in Social Behavior* (pp. 288–297).

Goffman E. (1961) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New York: Anchor Books.

Goffman E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity*. New York: Prentice-Hall.

Goffman E. (1967) *Interaction Ritual: Essays on Face to Face Behavior*. New York: Anchor Books.

Heath J., Hardy-Vallée B. (2015) Why Do People Behave Immorally When Drunk? *Philosophical Explorations*, 18(3), pp. 310–329. <https://doi.org/10.1080/13869795.2015.1031958>

Jacobsson L. (2002) The Roots of Stigmatization. *World Psychiatry*, 1(1), p. 25. <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC1489825/>

Jensen V. (2001) *Why Women Kill: Homicide and Gender Equality*. Lynne Rienner Publishers.

Kethineni S. (2001) Female Homicide Offenders in India. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 25(1), pp. 1–24. <https://doi.org/10.1080/01924036.2001.9678661>

Link B. G., Phelan J. C. (2001) Conceptualizing Stigma. *Annual Review of Sociology*, 27(1), pp. 363–385. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.363>

Lysova A. (2023) *Female Perpetrators of Intimate Partner Homicide*. In *Perceptions of Female Offenders*, Vol. 2: How Stereotypes and Social Norms Affect Criminal Justice Responses (pp. 59–73). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-45685-5_4

Malpass A., Shaw A., Sharp D., Walter F., Feder G., Ridd M., Kessler D. (2009) “Medication Career” or “Moral Career”? The Two Sides of Managing Antidepressants: A Meta-Ethnography of Patients’ Experience of Antidepressants. *Social Science & Medicine*, 68(1), pp. 154–168. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2008.09.041>

Malle B. F. (2021) Moral Judgments. *Annual Review of Psychology*, 72(1), pp. 293–318. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010420-033042>

Meyer C. L., Oberman M. (2008) *When Mothers Kill: Interviews from Prison*. New York University Press.

Orcutt J. D. (1984) Contrasting Effects of Two Kinds of Boredom on Alcohol Use. *Journal of Drug Issues*, 14(1), pp. 161–173. <https://doi.org/10.1177/002204268401400112>

Penney T. L. (2014) Dark Figure of Crime (Problems of Estimation). In *The Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice* (pp. 1–6). DOI: 10.1002/9781118517383.wbeccj248

Pridemore W. A. (2004) Weekend effects on binge drinking and homicide: the social connection between alcohol and violence in Russia. *Addiction*, 99(8), pp. 1034–1041. DOI: 10.1111/j.1360-0443.2004.00762.x

Radcliffe P. (2011) Motherhood, Pregnancy, and the Negotiation of Identity: The Moral Career of Drug Treatment. *Social Science & Medicine*, 72(6), pp. 984–991. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2011.01.003>

Reid E., Ramarajan L. (2021) Seeking Purity, Avoiding Pollution: Strategies for Moral Career Building. *Organization Science*, 33(5), pp. 1909–1937. <https://doi.org/10.1287/orsc.2021.1516>

Schervish P. G. (2016) Making Money and Making a Self: The Moral Career of Entrepreneurs. In *Handbook on Wealth and the Super-Rich* (pp. 132-154). Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781784714448.00013>

Scott S., Hardie-Bick J. (2022) Moral career. In *The Routledge international handbook of Goffman studies* (pp. 74-84). Routledge.

Stevens D. J. (1999) Interviews with women convicted of murder: Battered women syndrome revisited. *International Review of Victimology*, 6(2), pp. 117-135. <https://doi.org/10.1177/026975809900600203>

Uniacke S. *Permissible killing: The self-defence justification of homicide*. Cambridge University Press, 1994.

Vogel D. L., Bitman R. L., Hammer J. H., Wade N. G. (2013) Is stigma internalized? The longitudinal impact of public stigma on self-stigma. *Journal of counseling psychology*, 60(2), p. 311. DOI: 10.1037/a0031889

Об авторе / About the author

Анна Айковна Луликян — стажер-исследователь, Международный центр изучения институтов и развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Научные интересы: социология права; убийства, совершенные женщинами; анализ судебных приговоров; эмпирические исследования права.

137

<https://orcid.org/0009-0004-1142-5263>. E-mail: alulikyan@hse.ru

Anna A. Lulikian — Research Intern, International Center for the Study of Institutions and Development, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. Research interests: sociology of law; homicides committed by women; analysis of court verdicts; empirical research of law.

<https://orcid.org/0009-0004-1142-5263>. E-mail: alulikyan@hse.ru

Влияние гендера обвиняемых и судей на исход дел по протестам: эмпирическое исследование судебных решений по делам по ст. 20.2 КоАП РФ в Москве

Ли́ка В. Капу́стина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0002-7204-4996>

Со́фья С. Пе́дченко

Независимая исследовательница, Москва, Российская Федерация

Рекомендация для цитирования:
Капустина Л. В., Педченко С. С.
(2025) Влияние гендера обвиняемых и судей на исход дел по протестам: эмпирическое исследование судебных решений по делам по ст. 20.2 КоАП РФ в Москве. *Социология власти*, 37 (4): 138-162
EDN: PPKXAQ

For citation:
Kapustina L. V., Pedchenko S. S.
(2025) The Impact of the Gender of Defendants and Judges on the Outcome of Protest Cases: An Empirical Study of Court Decisions under Article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in Moscow. *Sociology of Power*, 37 (4): 138-162

Поступила в редакцию: 03.03.2025;
прошла рецензирование: 24.06.2025;
принята в печать: 14.08.2025
Received: 03.03.2025; Revised:
24.06.2025; Accepted: 14.08.2025

© Authors, 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Социально-правовые исследования последовательно фиксируют феномен «женской скидки» — тенденцию к более мягкому наказанию женщин-обвиняемых по сравнению с мужчинами. Однако литература о судах в недемократических странах свидетельствует, что при рассмотрении дел, связанных с интересами режима, паттерны принятия решений могут отличаться. Мы анализируем 15 229 судебных решений по наиболее распространенным частям (2, 5, 6.1, 8) статьи 20.2 КоАП РФ, вынесенных в Москве в 2017–2024 годах, чтобы ответить на вопрос, наблюдается ли эффект «женской скидки» в делах о протестах. При использовании регрессионного анализа, контроля легальных и экстралегальных факторов, а также включения фиксированных эффектов на год судебного решения и суд, мы демонстрируем, что «женская скидка» наблюдается на всех этапах вынесения судебного решения по административным делам о протестах (прекращение дела, назначение более мягкого или сурового наказания, размер назначенного наказания), кроме возможности назначения штрафа менее минимального. Наши модели учитывают также и гендер судей, однако он

оказывает значимое влияние на вынесение судебного решения только при принятии решения о возможности назначения штрафа менее минимального. Исследование вносит вклад в литературу на стыке эмпирических правовых исследований и изучения судов в авторитарных режимах, демонстрируя, что даже в контексте политических дел такой экстралегальный фактор, как гендер обвиняемых, оказывается значимым фактором вынесения судебных решений.

Ключевые слова: «женская скидка», гендерная предвзятость в исследованиях вынесения приговоров, принятие судебных решений, протесты, суды в авторитарных режимах

The Impact of the Gender of Defendants and Judges on the Outcome of Protest Cases: An Empirical Study of Court Decisions under Article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in Moscow

Lika V. Kapustina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0002-7204-4996>

Sofia S. Pedchenko

Independent researcher, Moscow, Russian Federation

139

Abstract: Socio-legal studies have consistently documented the phenomenon of the “female discount”—a tendency for female defendants to receive more lenient punishments than male defendants. However, the literature on courts in authoritarian regimes suggests that decision-making patterns may differ in cases involving state interests. We analyze 15,229 court decisions under the most common parts (2, 5, 6.1, 8) of Article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, issued in Moscow from 2017 to 2024, to determine whether the “female discount” effect is observed in political cases. Using regression analysis, controlling for legal and extralegal factors, and including fixed effects for the year of the court decision and the court, we demonstrate that the “female discount” is observed at all stages of judicial decision-making in administrative protest cases (case dismissal, imposition of a more lenient or severe punishment, and the amount of the imposed penalty), with the exception of the possibility of imposing a fine less than the minimum. Our models also include judges’ gender; however, it has a significant impact on judicial decision-making only when deciding whether to impose a fine less than the minimum. This study contributes to the literature on empirical legal research and the study of courts in authoritarian regimes by demonstrating that even in the context of political cases in authoritarian regimes, extralegal factors in judicial decisions, and in particular the gender of the defendants, are a significant factor in judicial decisions.

Keywords: female discount, gender bias in sentencing research, judicial decision-making, protests, courts in authoritarian regimes

Введение

Статистика и исследования показывают, что женщины составляют лишь небольшую долю от осужденных и заключенных в тюрьмах по всему миру, реже, чем мужчины, совершают преступления, а также получают более мягкие наказания даже при контроле легальных факторов и обстоятельств преступления (Bontrager, Barrick, Stupi 2013; Van Slyke, Bales 2013; Fridel 2019; Shields, Cochran 2020). Однако эффект «женской скидки» (female discount) отличается в зависимости от вида и обстоятельств преступления (Rodriguez, Currey, Lee 2006). Это демонстрируют и российские данные: женщины получают более мягкие наказания в ряде уголовных преступлений за исключением наркотических дел (Chatsverykova 2017).

Мы предполагаем, что есть и другие случаи, когда эффект «женской скидки» будет отсутствовать — например, при рассмотрении дел, затрагивающих интересы политического режима. В любом политическом режиме судьи не оказываются изолированы от политики, но это особенно верно для авторитарных режимов (Moustafa 2014, p. 289), к которым исследователи относят и Россию (Gel'man 2021). Хотя в соответствии с общими трендами мы можем ожидать проявления «женской скидки» к женщинам-обвиняемым в современной России за публичную политическую активность, которая преследуется уголовно, женщины могут подвергаться столь же суровым наказаниям. Это демонстрируют приговоры по обвинению в организации экстремистского сообщества бывших сотрудников Штабов Навального¹: 9,5 лет для Лилии Чанышевой², 9 лет для Ксении Фадеевой, 9 лет для Вадима Останина³.

Но получение «женской скидки» зависит от тех, кто выносит судебные решения. Оказывает ли влияние на исход судебных решений гендер судей? Литература в этой области гораздо обширнее, и демонстрирует противоречивые результаты: в то время как часть исследований показывает, что женщины-судьи в целом выносят более «мягкие» решения в отношении обвиняемых (Songer, Crews-

1 По решению Московского городского суда признана экстремистской организацией.

2 «Соратнице Навального Чанышевой ужесточили наказание до 9,5 года лишения свободы». 2024. Коммерсантъ. <https://tinyurl.com/3rbmw256> (2 марта 2025 г.)

3 «Суд приговорил экс-главу штаба Навального в Томске к девяти годам». 2024. РБК. <https://tinyurl.com/563svc68> (23 ноября 2025 г.)

Meyer 2000; McCall 2008), более сложные с точки зрения методологии исследования демонстрируют менее однозначные результаты (Boyd, Epstein, Martin 2010; Yiwei Xia et al. 2019). Насколько нам известно, до недавней работы Жучковой и Казуна исследования российских судебных решений не учитывали в своих моделях гендер судей (Zhuchkova, Kazun 2023). Коллеги обнаружили, что мужчины-судьи оказываются в среднем строже к обвиняемым в убийстве, однако этот эффект работает, только если убийца является мужчиной. Чтобы учесть возможные эффекты взаимодействия гендера участников судебного процесса и ответить на второй вопрос исследования, наши модели также учитывают гендер судей.

Авторитарные режимы опасаются протестов, так как они могут повлиять на политическую стабильность режима и теоретически привести к его смене (Reuter, Robertson 2015). Поэтому, чтобы проверить, продолжает ли наблюдаться «женская скидка» даже в особенных делах, мы анализируем решения по наиболее часто применяемой к протестующим статье — 20.2 КоАП РФ («Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования») — и ее распространенным частям (2, 5, 6.1, 8) в Москве с 2017 по 2024 год. Мы сфокусированы на Москве, так как именно в столице проходили самые массовые протестные акции прошедших десятилетий, и на нее зачастую же приходилась наибольшая доля протестующих среди российских городов в акциях 2011–2021 гг.¹ Используя ряд регрессионных моделей, мы оцениваем влияние гендера обвиняемых² и судей на решения о виновности, типе и размере наказания с учетом легальных и экстралегальных факторов³.

141

Наше исследование вносит свой вклад в дискуссию о влиянии гендера при вынесении судебных решений посредством изучения этих эффектов в рамках политических дел. Являются ли гендерные эффекты настолько устойчивыми, что проявляются даже то-

- 1 «Протестная мобилизация-2021: Кто вышел на митинги и почему». 2021. Фонд Либеральная Миссия. <https://tinyurl.com/4yrgbxy> (5 июня 2025 г.)
- 2 Здесь и далее вместо длинной формулировки «лицо, в отношении которого ведется административное производство» мы используем как синонимичное термин «обвиняемый», хотя с точки зрения права его корректнее употреблять в рамках уголовного процесса.
- 3 В соответствии с литературой мы различаем легальные факторы — те, которые, согласно праву, могут повлиять на выносимое решение (смягчающие, отягчающие обстоятельства, невозможность назначения ареста по тем или иным причинам, пр.), и экстралегальные факторы — незафиксированные в законодательстве, однако при эмпирической проверке зачастую влияющие на решения судей (гендер и возраст обвиняемого, характеристики судьи, некоторые обстоятельства дела, пр.).

гда, когда дело касается интересов авторитарного режима? Ответ на этот вопрос поможет продемонстрировать устойчивость эффектов «женской скидки» и гендерных различий в вынесении судебных решений.

Теории и гипотезы

Хотя существует множество подходов к гендеру, в рамках этого исследования мы понимаем гендер скорее как «социальный пол» (Здравомыслова, Темкина 2015, с. 220), как и некоторые другие ученые в области эмпирических правовых исследований (Четверикова 2014, с. 102). Кроме этого, наш подход не затрагивает гендерную самоидентификацию протестующих и ограничивается использованием категорий «мужчин» и «женщин», что, с одной стороны, связано с тем, что специфический «язык протокола» (Титаев, Шклярчук 2015) по административным правонарушениям и тексты судебных решений предполагают использование исключительно этих категорий («гражданин» и «гражданка»), а с другой — со сложившимся подходом к анализу гендерных отличий в правоприменении в отношении мужчин и женщин, речь о котором пойдет далее.

142

Как демонстрируют эмпирические исследования, в своих решениях судьи могут транслировать существующие социальные нормы и представления, связанные с гендером и гендерными ролями, в результате чего женщины зачастую получают более мягкие наказания по сравнению с мужчинами. Одна из наиболее ранних теорий, объясняющих это явление, — «теория рыцарства» (*chivalry theory*): согласно ей, судьи относятся к женщинам более снисходительно из-за патриархальных стереотипов (мужчин) судей (Armstrong 1977). Эмпирические данные того периода продемонстрировали, что замужние (Nagel, Cardascia, Ross 1981) и экономически зависимые женщины без истории задержаний, употребления алкоголя и наркотиков (Kruttschnitt 1982b, 1982a) получали более мягкие наказания. Напротив, перспектива «теория злой женщины» (*evil woman theory*) показывает, что женщины, совершившие преступление, которое идет вразрез с патриархальными нормами, могут наказываться даже более строго (Nagel, Hagan 1983).

Третья значимая в этом контексте теория — теория «фокусных опасений» (*focal concerns*): согласно ей, судьи принимают решение по делу, опираясь на представление о степени соответствия предполагаемого наказания размеру причиненного вреда, представления о защите общества и практических ограничениях и последствиях (Steffensmeier, Kramer, Streifel 1993). Женщины могут получать более мягкие наказания, так как судьи считают, что благодаря семье и социальным связям женщины менее опасны и сильнее подвержены

социальному контролю, а их суровое наказание может привести к негативным последствиям для общественных и государственных интересов (Steffensmeier, Ulmer 1998). Теория «фокусных опасений» ранее использовалась в социально-правовых исследованиях в России: Ирина Четверикова показала, что даже при контроле легальных факторов и тяжести преступления, женщины получают более мягкие приговоры по уголовным делам, но не в случае наркотических преступлений (Chatsverykova 2017). К аналогичным выводам приходят Светлана Жучкова и Антон Казун, протестировавшие упомянутые выше теории и показавшие феномен «женской скидки» в рамках решений по делам об убийствах в России — при контроле всех прочих факторов, женщины в среднем получают на 12 месяцев меньше (Zhuchkova, Kazun 2023).

В академической литературе явление отличающегося отношения к мужчинам и женщинам в рамках судебного процесса получило название *gender bias* (Williams 1999), хотя зачастую используется и более специфическое понятие — «женская скидка» (*female discount*). Далее мы используем именно его: кроме того, что политика традиционно представляется «мужским занятием», женщины составляют меньшую долю среди протестующих и лиц, в отношении которых ведется административное производство по делам о протестах. Мы предполагаем, что, как и в случае с уголовными преступлениями, здесь уместно говорить о «скидке», которая проявляется по отношению к более редким случаям правонарушений, совершенных женщинами.

143

Но будет ли сохраняться эффект «женской скидки» в делах, имеющих значение для государства? Исследователи подчеркивают, что нигде в мире судьи не свободны от политических ограничений, но это в большей степени характерно для авторитарных режимов (Moustafa 2014, p. 289). Правосудие в этих режимах зачастую имеет «двойственный» характер: в то время как работают обычные суды, отдельная ветвь судов или внесудебное насилие могут использоваться в интересах режима (Moustafa 2014, p. 291). Чтобы описать этот «двойственный» характер правосудия в России, исследователи использовали концепт «телефонного права», подчеркивая значимость неформальных практик в контексте вынесения судебных решений по «особым» делам (Solomon 2007; Ledeneva 2008; Hendley 2009, 2017).

Мы считаем, что протесты в России входят в эту категорию дел. Авторитарные режимы стремятся не допустить распространения политических протестов, потому что они угрожают стабильности режима (Reuter, Robertson 2015). Начиная с эпидемии коронавируса 2020 года, власти российских городов регулярно отказываются согласовывать протестные акции. Так, московские власти при отказе регулярно ссылаются на Указ мэра Москвы от 5 марта 2020

года¹, а в 2022 году заявили, что отменяют запрет на публичные мероприятия, когда ВОЗ объявит об окончании пандемии COVID-19². В результате отказа в согласовании акций происходит рост числа участников несанкционированных мероприятий: так, по данным ОВД-Инфо³, в 2022 году число задержаний на протестах в России достигло рекордных 20 тысяч⁴. В условиях, когда судебные дела представляют особый интерес для политического режима, судьи могут чувствовать себя особенно уязвимо (Moustafa 2014, p. 289), и поэтому не делать различий для разных категорий протестующих.

Ранее судебные решения по протестным делам уже становились предметом исследования, однако гендер участников судебного процесса не находился в поле интереса исследователей. Так, Ли попытался показать, что в авторитарных режимах судьи в рамках своей аргументации опираются не только на законы, но и на субъективные представления о «здравом смысле» (Lee 2023). Исследование Ву и Линь ближе к нашему методологическому подходу, однако касается демократического политического контекста и рассматривало такие экстралегальные факторы вынесения судебных решений, как характеристики протестов и правящей партии (Wu, Lin 2022). Недавняя работа Ренаты Мустафиной была посвящена уголовным делам по протестам в России, но изучала стратегии адвокатов (Mustafina 2022).

Поскольку мы предполагаем, что паттерны вынесения судебных решений в делах, где имеют значение интересы режима, могут отличаться, мы формулируем нашу основную гипотезу следующим образом:

H1: При контроле прочих факторов гендер обвиняемых не оказывает значимого влияния на судебные решения по делам о протестах.

Другой вопрос, который нас интересует, — оказываются ли в таком специфическом институциональном контексте значимы индивидуальные характеристики судей? Исследования, стремящиеся прояснить отличия в судебных решениях судей разного гендера, начали появляться в 1970-е (George, Weaver 2017). Теории такого рода предполагают, что судьи с определенными персональными характеристиками оказываются более чувствительны к тем или иным

1 Указ мэра Москвы «О введении режима повышенной готовности». 2020. <https://tinyurl.com/mpsxc9tc> (16 мая 2025 г.)

2 «Мэрия Москвы отменит запрет на публичные мероприятия, когда ВОЗ объявит о конце пандемии COVID-19». 2022. Коммерсантъ. <https://tinyurl.com/34abxdkt> (15 мая 2025 г.)

3 Организация внесена Минюстом РФ в реестр «иностраннных агентов».

4 «Задержания на публичных акциях. Данные за 2012–2024 годы». 2024. ОВД-Инфо. <https://tinyurl.com/4v5wz6su> (17 февраля 2025 г.)

вопросам, и это влияет на судебные решения: например, женщины-судьи в делах по гендерной дискриминации чаще поддерживают истцов (Boyd, Epstein, Martin 2010). Другие исследования демонстрируют, что женщины-судьи выносят в среднем более мягкие наказания в рамках уголовного процесса (Songer, Crews-Meyer 2000; McCall 2008). Но работает ли этот эффект в «особых» делах в авторитарных режимах? Аналогично предыдущей гипотезе, на этом этапе мы склоняемся к тому, что существует особый институциональный порядок вынесения судебных решений в авторитарных режимах, и формулируем вторую гипотезу так:

Н2: При контроле прочих факторов гендер судей не оказывает значимого влияния на судебные решения по делам о протестах.

Данные

Чтобы протестировать наши гипотезы, мы проанализировали судебные дела в первой инстанции по статье 20.2 КоАП РФ «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» в Москве за 2017–2024 годы, доступные на сайте Московского городского суда и районных судов г. Москвы. На этапе сбора данных мы обнаружили, что в 9% дел по этой статье в судах первой инстанции отсутствуют какие-либо документы. Но кроме этого, как мы предполагаем, из-за высокой нагрузки в российской судебной системе (Kashanin, Churakov 2021) сотрудники российских судов публикуют на сайтах последних карточки не всех дел. Так, исследователи из проекта «Если быть точным», разработавшие парсер судебных решений с сайтов российских судов, собирают 80–95% уголовных дел и 70–80% дел об административных правонарушениях в первой инстанции (по сравнению с числом окончанных дел данного типа по данным Судебного департамента). Хотя они отмечают, что разрыв может быть связан с различиями в подсчетах статистики или тем, что на сайтах судов регулярно отключается поиск по делам¹, мы считаем, что как минимум часть дел не публикуется из-за высокой нагрузки сотрудников аппаратов судов. В итоговую выборку вошли 15 229 дел по самым распространенным частям статьи 20.2 КоАП РФ (части 2, 5, 6.1, 8). Содержание и санкции по этим частям представлены в таблице 1 ниже.

145

1 «Как найти данные на сайтах судов. Пошаговая инструкция по работе с парсером „Если быть точным“». 2024. Если быть точным. <https://tinyurl.com/3hsbe46t> (14 мая 2025 г.)

Таблица 1. Информация о санкциях частей статьи 20.2 КоАП РФ, включенных в анализ

Table 1. Information about the sanctions of each Part of Article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation that are included in the analysis

Содержание статьи ¹	Штраф	Арест	Число дел
Часть 2 — организация мероприятия	От 20 до 30 тыс. руб.	До 10 суток	150
Часть 5 — нарушение участником порядка проведения мероприятия	От 10 до 20 тыс. руб.	Не назначается	10 829
Часть 6.1 — участие в несанкционированном собрании	От 10 до 20 тыс. руб.	До 15 суток	3768
Часть 8 — повторное правонарушение по ч. 1–6.1 статьи	От 150 до 300 тыс. руб.	До 30 суток	482

146

В моделях на назначение вида наказания мы не учитываем случаи, когда протестующим были назначены обязательные работы (N = 67). Согласно постановлению Конституционного суда РФ, они могут назначаться только в случае нанесения ущерба здоровью граждан или имуществу физических или юридических лиц². Московские суды в целом следуют этому постановлению, хотя как минимум в 41 случае по ч. 5, диспозиция которой не содержит таких признаков, протестующим были назначены обязательные работы.

Кроме отсутствия текстов судебных решений в части дел по статье 20.2 КоАП РФ на сайтах московских районных судов, вторым серьезным ограничением нашего анализа является отсутствие социально-демографической информации о протестующих. В текстах судебных решений несистемно присутствует информация об обвиняемых: в то время как в части решений приводится информация о семейном положении, наличии детей, образовании и работе, из других текстов она изъята. Это может быть связано с тем, что в отношении большинства протестующих ведется производство по части 5 статьи 20.2 КоАП РФ, по которой не назначается административный арест, а значит,

1 Приводятся сокращенные названия. С полными названиями частей можно ознакомиться в статье 20.2 КоАП РФ.

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П. 2013. <https://tinyurl.com/yme85anr> (2 марта 2025 г.)

их присутствие в суде необязательно. С другой стороны, изъятие этой информации может быть связано с практиками работы в конкретных судах. Так, в 50,5% случаев назначения штрафа в московских судах его размер был зашифрован, но доля судебных решений, в рамках которых обвиняемому был назначен штраф и этот штраф был зашифрован, варьируется от суда к суду: от 0% в Солнцевском районном суде до 98% в Головинском, с медианным значением 54%.

После автоматизированного сбора данных и обработки текстов судебных решений мы получили информацию о ряде переменных из карточек дел (имя судьи, часть дела, дата решения), в то время как другие данные были получены нами из текстов решений с помощью регулярных выражений (ключевые переменные — гендер обвиняемого, гендер судьи, а также контрольные — наличие адвоката или представителя, наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств). Описательные статистики по переменным базы данных приведены ниже (Таблица 2).

«Женская скидка» может проявляться еще до этапа судебного заседания. В последние годы участие женщин в протестных акциях росло: если среди участников московского «Марша миллионов» в 2012 году, по данным опроса участников, женщины составляли около 30%¹, то среди протестующих в январе 2021-го в Москве — уже около 45%². Одновременно с этим, фиксировалось увеличение доли женщин среди задержанных: от 25–31% на протестных акциях 2021 года до 51–71% в акциях 2022 года³. Аналогичный тренд увеличения доли женщин с 2021 года наблюдается и в судебных решениях по делам о протестах, но доля женщин среди обвиняемых в нашей базе данных значительно ниже, чем предыдущие цифры — всего лишь 20% (Изображение 1). Возможно, женщин чаще отпускают из ОВД без составления протокола об административном правонарушении. СМИ также пишут, что квалификация действий протестующих сотрудниками правоохранительных органов зачастую происходит случайно. Если это так, то дополнительные регрессионные модели показывают, что женщины имеют меньшие шансы на квалификацию их действий по более строгим (ч. 6.1, ч. 8) частям по сравнению с самой распространенной частью 5, но больше шансов быть привлеченными за организацию протестной акции (ч. 2).

- 1 «Социальный портрет протестного движения в Москве». 2012. ВЦИОМ. Новости. <https://tinyurl.com/bdcw7gxx> (5 апреля 2025 г.)
- 2 «Протесты 2021 года и протестное десятилетие 2011–2021 гг. Динамика и оценка численности». 2021. Фонд Либеральная Миссия. <https://tinyurl.com/58aeb4wh> (12 июня 2025 г.)
- 3 «Репрессии в России в 2022 году». 2022. ОВД-Инфо. <https://tinyurl.com/62knfwnr> (2 марта 2025 г.) Организация внесена Минюстом РФ в реестр «иностранных агентов».

Изображение 1. Доля мужчин и женщин среди протестующих, в отношении которых велось производство по ст. 20.2 КоАП РФ
Picture 1. The proportion of men and women among protesters who were prosecuted under Article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation

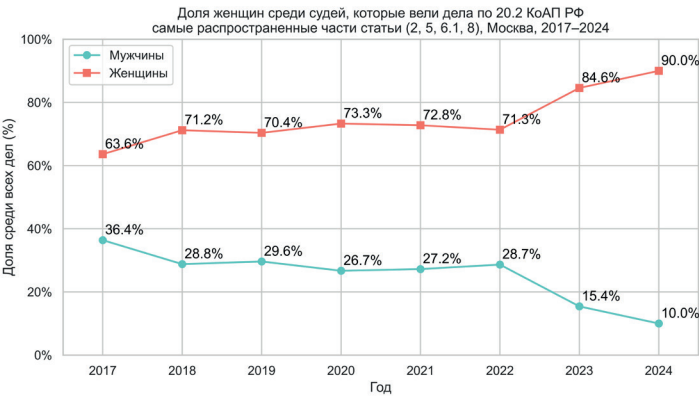
148

В последние десятилетия судейская профессия в России феминизировалась (Волков, Дмитриева, Титаев 2015, с. 101), и на конец 2022 года женщины составляют абсолютное большинство среди российских судей — 61%¹. Они также чаще специализируются на гражданском праве, и поэтому могут рассматривать больше дел по административным правонарушениям (Волков, Дмитриева, Титаев 2015, с. 149). В нашей выборке женщины рассматривали 71% дел о протестах, и это значение меньше отличается во временной динамике (Изображение 2). До 2019 года в российских судах дела к рассмотрению распределялись по судьям либо председателем суда, либо с помощью автоматизированной системы (Панеях, Титаев, Шклярчук 2018, с. 314). С 2019 года в российских судах использование автоматического распределения дел между судьями стало обязательным². Однако мы не можем достоверно утверждать, что рассматриваемые нами дела распределялись в московских районных судах случайно: нам неизвестно, какая из двух систем распределения дел работала в этих судах до 2019 года, а кроме того, на начало 2019 года система технически не позволяла распределять по судьям дела по административным правонарушениям (Капустин

1 «Среднестатистические председатель суда и судья — кто они?». 2022. Объединенная Пресс-служба судов Санкт-Петербурга. <https://t.me/SPbGS/13201> (23 ноября 2025 г.)

2 «В судах введут электронную систему распределения дел между судьями». Российская газета. 2019. <https://tinyurl.com/2hb5s4xr> (21 ноября 2025 г.)

2019). Поэтому нам следует учитывать как возможное ограничение то, что дела могли назначаться судьям к рассмотрению неслучайно.

Изображение 2. Доля судебных решений по ст. 20.2 КоАП РФ, рассмотренных женщинами-судьями, 2017–2024 гг.
Picture 2. Percentage of court decisions under Article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation considered by female judges, 2017–2024.

149

Чтобы получить более точные результаты, далее в наших моделях мы используем ряд фиксированных эффектов, включая фиксированные эффекты на год вынесения судебного решения. Как минимум, мы наблюдаем существенные изменения в строгости судов в зависимости от года. На графиках ниже приведены нормализованные размеры наказания в зависимости от санкции статьи, где 0 — это минимально возможный размер наказания, а 1 — максимально возможный¹ (Изображение 3). Мы видим, что с 2019 по 2022 год постепенно рос средний срок назначаемого ареста (от 0,52, т.е. половины возможного срока в 2019 году, до 0,66, двух третей возможного срока в 2022 году), а средний размер административного штрафа резко, более чем в два раза, вырос в 2022 году.

	defendant_female	judge_female	plead_guilty	has_advocate	was_in_court	mitigating_obstacles	can't_arrest	innocent	fine_or_arrest	arrest_ratio	fine_ratio	fine_below_min
count	15 229	15 229	15 229	15 229	15 177	15 229	15 229	15 229	14 965	1639	6493	6569

1 Например, по ч. 5 возможно назначение адм. штрафа в размере от 10 до 20 тысяч рублей. Если протестующему будет назначено 10 тысяч рублей штрафа, нормализованная переменная примет значение 0, если 15 тысяч — то 0,5, если 20 тысяч — то 1.

mean	0,204	0,714	0,026	0,432	0,612	0,028	0,017	0,009	0,112	0,623	0,349	0,012
std	0,403	0,452	0,16	0,495	0,487	0,166	0,129	0,097	0,315	0,247	0,386	0,107
min	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
25%	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,429	0	0
50%	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0,643	0,3	0
75%	0	1	0	1	1	0	0	0	0	0,786	0,5	0
max	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Таблица 2. Описательные статистики. Описание переменных
Table 2. Descriptive Statistics and Variable Descriptions¹

Изображение 3. Средние размеры наказаний (нормализованные) по ст. 20.2 КоАП РФ, Москва, 2017–2024 гг.
Picture 3. Average penalties (normalized) under Article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in Moscow from 2017 to 2024.

1) *defendant_female* — является ли обвиняемая женщиной (1) или нет (0); 2) *judge_female* — является ли судья женщиной (1) или нет (0); 3) *plead_guilty* — признал ли обвиняемый полностью или частично свою вину (1) или нет (0); 4) *has_advocate* — имеет ли обвиняемый защитника (адвоката) или представителя (1) или нет (0); 5) *was_in_court* — находился ли обвиняемый в судебном заседании по его делу (1) или нет (0); 6) *mitigating_obstacles* — были ли приняты во внимание судом смягчающие обстоятельства (1) или нет (0); 7) *cant_arrest* — есть ли обстоятельства, благодаря которым назначение административного ареста, согласно КоАП РФ, для

Результаты

Во всех моделях далее есть общие учтенные переменные: к ним относятся фиксированные эффекты на год решения, а также на суд, чтобы учесть возможное влияние такой важной и влиятельной фигуры, как его председателя (Панеях, Титаев, Шклярчук 2018; Kosaĭ, Blisa 2018), на решения рядовых судей. К легальным переменным, учтенным в модели, относятся части статьи 20.2 (part), наличие смягчающих обстоятельств (mitigating)¹, признание вины (plead_guilty). К экстралегальным переменным мы относим гендер судьи (judge_female) и гендер подсудимого (accused_female), наличие у подсудимого защитника или представителя² (has_advocate), в модели на размер штрафа — присутствие подсудимого в зале судебного заседания (was_in_court)³.

данного протестующего невозможно (1) или нет (0); 8) innocent — был ли протестующий признан виновным в совершении административного правонарушения (0) или производство по делу было прекращено (1); 9) fine_or_arrest — тип наказания: штраф (0) или арест (1), не учитываются редкие наказания: обязательные работы, предупреждение, а также случаи, когда тип наказания невозможно идентифицировать из текста судебного решения; 10) arrest_ratio — число суток ареста относительно минимально и максимально возможного по данной части статьи (принимает значения от 0 — минимально возможное число суток ареста, до 1 — максимально возможное); 11) fine_ratio — размер штрафа относительно минимально и максимально возможного по данной части статьи (принимает значения от 0 — минимально возможный штраф, 1 — максимально возможный штраф); 12) fine_below_min — назначен ли штраф менее минимального (1) или в пределах санкции части статьи (0).

- 1 Мы также изучили тексты решений на наличие там информации об отягчающих обстоятельствах, однако нашли лишь 17 случаев, когда судьи указывали на конкретные отягчающие обстоятельства, поэтому исключили эту переменную из анализа. Вероятно, это связано с тем, что наиболее распространенное отягчающее обстоятельство — повторное совершение однородного правонарушения — квалифицируется как правонарушение по ч. 8.1 ст. 20.2 КоАП РФ, а значит, не может учитываться как отягчающее обстоятельства по другим частям ст. 20.2 КоАП РФ (Статья 4.3 КоАП РФ).
- 2 Согласно ст. 25.5 КоАП РФ, лицо, в отношении которого ведется производство об административном правонарушении, может воспользоваться помощью защитника или представителя, при этом представителю не требуется обладать юридическим образованием и статусом адвоката (Статья 25.5 КоАП РФ). Переменная has_lawyer была кодирована нами как «1», если в тексте встречались индикаторы наличия защитника или представителя.
- 3 Согласно ст. 25.1 КоАП РФ, в случае рассмотрения дела об административном правонарушении, санкция статьи по которому предполагает арест, не может рассматриваться в отсутствие лица, в отношении которого ведется производство (Статья 25.1 КоАП РФ). Поэтому для моделей, предполагающих возможность назначения ареста (тип наказания, размер ареста), мы

Перед интерпретацией результатов моделирования (Таблица 3) отметим несколько важных моментов. Для модели № 2 мы оставили для рассмотрения части статьи, по которым возможно назначение административного ареста (части 2, 6.1, 8), а также исключили случаи, когда в соответствии с КоАП РФ назначение ареста невозможно (КоАП РФ 2001, Статья 3.9) (инвалидность I или II группы, наличие детей с инвалидностью и т.д., N = 258). В моделях на размер наказания (модели № 3, 4) зависимая переменная была нормализована с учетом санкции статьи, и принимает значения от 0 до 1. Такой подход позволяет анализировать наказание по всем частям статьи в рамках одной модели.

Согласно нашей первой гипотезе, гендер обвиняемого не будет влиять на судебные решения. Но при контроле легальных и экстра-легальных факторов судебных решений и включении фиксированных эффектов на год и суд, мы наблюдаем более снисходительное отношение к женщинам-протестующим. Если представить принятие судебного решения как последовательный процесс, то почти на всех этапах женщины получают более мягкие наказания (Изображение 4). Так, по сравнению с мужчинами-протестующими, в отношении женщин в два раза чаще прекращается административное производство по делу (что можно трактовать как фактическое признание невиновности), а когда судья может выбрать между более строгим (арест) и менее строгим (штраф) наказанием, к женщинам примерно в 2,5 раза менее вероятно будет применен арест вместо штрафа.

Аналогичная тенденция работает и при принятии решения о размере наказания. Так, если в отношении протестующей ведется дело по ч. 6.1 ст. 20.2 КоАП РФ, предполагающей назначение административного ареста до 15 суток, то в среднем она получит на 2,2 суток ареста меньше, чем мужчина (при прочих равных, на 16 п. п. меньше)¹. Но в случае с размером штрафа «женская скидка» уже не такая внушительная: если мы возьмем для сравнения самую распространенную часть 5, по которой назначается штраф от 10 до 20 тысяч рублей, то в среднем размер этой «женской скидки» составит 370 рублей (при прочих равных, для всех статей в среднем штраф для женщин будет на 3.7 п. п. меньше, чем для мужчин).

исключили эту переменную: при принятии этих решений лицо, которому вменялось правонарушение, обязано было присутствовать в зале суда.

1 Рассчитывается по следующей формуле: коэффициент регрессионной модели $\times$ (Мак. санкция – Min. санкция).

	Модель № 1: решение о винов- ности (0) или пре- кращении производ- ства (1) ¹	Модель № 2: тип наказа- ния — штраф (0)/арест (1) ²	Модель № 3: раз- мер ареста, нормал. ²	Модель № 4: размер штрафа, нормал. ¹	Модель № 5: назна- чение штрафа в пределах санкции статьи (0) или меньше меньшего (1) ¹
Тип модели	логисти- ческая	логистиче- ская	линейная	линейная	логистиче- ская
accused_fe- male ³	0,665** (0,244)	-0,900*** (0,191)	-0,160*** (0,023)	-0,037* (0,018)	-0,153 (0,426)
judge_fe- male ³	-0,097 (0,381)	-0,081 (0,168)	0,020 (0,030)	0,008 (0,028)	-0,669** (0,242)
plead_guilty		-0,110 (0,288)	-0,095** (0,032)	-0,028 (0,070)	0,566 (0,591)
has_advo- cate	0,298 (0,280)	0,406*** (0,110)	0,003 (0,023)	0,047 (0,023)	-0,095 (0,259)
mitigating		-0,606 (0,499)	-0,019 (0,045)	-0,124* (0,054)	2,08 (1,26)
was_in_ court	0,0005 (0,248)			-0,008 (0,019)	1,55*** (0,329)
part 2	-13,1*** (0,265)	-0,090 (0,465)	0,188*** (0,045)	0,037 (0,067)	3,34** (1,03)
part 6.1	-0,678 (0,604)			0,061 (0,043)	-0,386 (0,576)
part 8	-0,354 (0,633)	1,42*** (0,236)	-0,059* (0,028)	-0,040 (0,070)	3,89*** (0,727)
N	12766	4230	1631	6484	4265

Year and Court FE		yes			
R/Pseudo R^2	Pseudo R2: 0,14	Pseudo R2: 0,29	Adjusted R2: 0,32	Adjusted R2: 0,35	Pseudo R2: 0,27

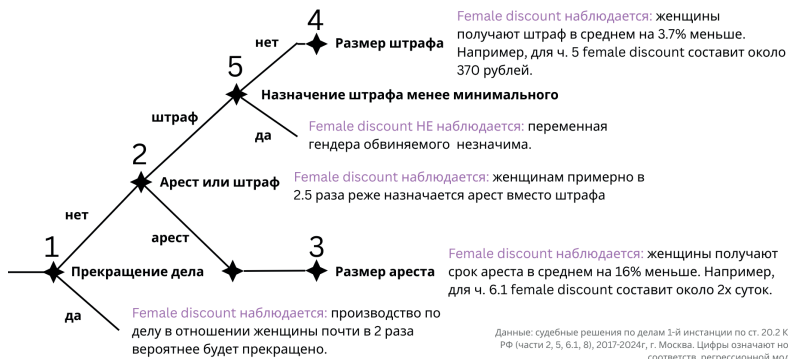
Таблица 3. Результаты регрессионного анализа. Заметки: ¹ — базовая категория — ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ; ² — базовая категория — ч. 6.1 ст. 20.2 КоАП РФ; ³ — базовая категория — мужчины; ⁴ — базовая категория — нет. Символы статистической значимости: * — значимы на 5% уровне, ** — значимы на 1% уровне, *** — значимы на 0,1% уровне. Рядом с коэффициентами приведены стандартные ошибки коэффициентов. Стандартные ошибки кластеризованы на уровне суда.

Table 3. Regression Analysis Results: Notes: ¹ — base category: Part 5 of Article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. ² — base category: Part 6.1 of Article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. ³ — base category: Men. ⁴ — base category: Not. Statistical significance symbols: * significant at the 5% level; ** significant at the 1% level; *** significant at the 0.1% level. Standard errors of the coefficients are given next to the coefficients. Standard errors are clustered at the court level.

154

Единственной моделью, свидетельствующей в поддержку первой гипотезы, оказывается модель № 5. Назначение штрафа менее минимального — редкий случай в делах по протестам (N = 76, это 1,15% дел, по которым был назначен административный штраф), хотя КоАП РФ позволяет судьям принимать такое решение при наличии исключительных обстоятельств. Наши данные показывают, что женщины и мужчины имеют одинаковые шансы на получение штрафа менее минимального. Однако это единственная модель, где статистически значимым оказывается гендер судьи: женщины реже назначают штраф менее минимального (мужчины-судьи назначают его в 1,82% случаев, когда назначают штраф, а женщины — в 0,85%, и это различие статистически значимо). Мы также дополнительно проанализировали модели в разбивке выборки по гендеру обвиняемых, и можем уточнить, что суровое отношение женщин-судей проявляется только по отношению к мужчинам-протестующим. Во всех остальных моделях регрессионное моделирование на подвыборках по гендеру протестующих не демонстрирует никаких статистически значимых эффектов гендера судей.

Механизмы работы female discount по делам о протестах

Изображение 4. Механизмы работы female discount, выявленные в рамках исследования

Picture 4. The study identified the mechanisms of the female discount

Таким образом, на основании результатов регрессионных моделей наша первая гипотеза об отсутствии эффекта гендера обвиняемого на выносимое судебное решение по делам о протестах отвергается, а вторая гипотеза — об отсутствии эффекта гендера судей — подтверждается.

Дискуссия

Литература в области sentencing research предлагает ряд моделей, объясняющих, почему мужчины и женщины получают разные наказания в зале суда (Armstrong 1977; Nagel, Hagan 1983; Steffensmeier, Nebert 1999). Исследования демонстрируют, что в большинстве случаев при контроле на прочие факторы женщины получают более мягкие наказания. Это явление получило в академической литературе название «женской скидки» (female discount), и обнаруживается и в российском контексте (Chatsverykova 2017; Zhuchkova, Kazun 2023). Однако в соответствии с литературой о судах в авторитарных режимах (Solomon 2007; Ledeneva 2008; Hendley 2009; Moustafa 2014; Hendley 2017) мы предполагали, что наблюдающийся в других случаях эффект «женской скидки» в случае дел по протестам может не работать.

Для ответа на поставленный вопрос мы собрали и проанализировали тексты судебных решений, до сих пор редко используемые в социально-правовых исследованиях в России (Жучкова и др. 2025). Анализ решений по наиболее распространенным частям статьи 20.2 КоАП РФ (2, 5, 6.1, 8), чаще всего вменяемых участникам

протестов, показал, что, при контроле прочих факторов, «женская скидка» существует почти на всех этапах процесса принятия судебных решений: от решения о прекращении производства по делу до размера назначенного наказания. Проявление «женской скидки» в особых делах, имеющих значение для режима, дополнительно демонстрирует очень устойчивый характер этого явления.

Интересно, что в единственной модели, где эта «скидка» не работает (решение о назначении штрафа менее минимального), мы наблюдаем различия на уровне гендера судей: мужчины-судьи чаще усматривают «исключительные обстоятельства» для назначения более мягкого наказания. Это входит в противоречие с существующей литературой, согласно которой женщины-судьи в среднем склонны выносить более мягкие наказания (Songer, Crews-Meyer 2000; McCall 2008). Можно было бы предположить, что женщины могут судить протестующих строже, так как они более уязвимы к рискам, связанным с нарушением политических норм (Esarey, Chirillo 2013), но анализ на подвыборках по гендеру обвиняемого показывает, что более суровое отношение женщин-судей проявляется только к мужчинам-протестующим. Дополнительный анализ также показывает, что мужчины-судьи не проявляют дополнительной снисходительности к женщинам-протестующим: таким образом, наши результаты можно скорее оценить с точки зрения эффекта «женской скидки» (более снисходительное отношение к женщинам в целом), нежели с позиций других теорий.

Мы также можем заметить общие паттерны между нашими кейсами и работой судов в России в целом. Так, лишь 144 дела по протестам в нашей базе данных завершилось прекращением производства по делу. Это меньше 1% от всех судебных решений в нашей базе данных, что схоже с паттернами уголовного процесса в России, где также менее 1% приговоров являются оправдательными, и заставляет нас вновь вспомнить об «обвинительном уклоне» российского правосудия (Панеях 2011).

Напомним читателям об ограничениях нашего исследования. Во-первых, мы исследуем только влияние гендера обвиняемых и судей в рамках судебного процесса, но женщины могут получать «скидку» на более ранних этапах. Так, доля женщин среди обвиняемых по делам о протестах существенно меньше, чем представленные ранее цифры о доле женщин среди участников протестных акций и задержанных. Возможно, женщин чаще отпускают после задержания без оформления протокола, или же по каким-то причинам дела в отношении женщин-протестующих реже публикуются на сайтах судов.

Наш анализ концентрируется только на административных делах по ст. 20.2 КоАП РФ, хотя одних протестующих могут при-

влекать к ответственности по другим статьям КоАП РФ (например, статье 19.3 — неповиновение сотруднику полиции, с 2022 года — статье 20.3.3 о дискредитации ВС РФ), а других — к уголовной ответственности. Некоторые медиа также отмечают, что квалификация действий протестующих может происходить произвольно. Наши данные охватывают судебные решения не в отношении всех задержанных на протестных акциях, а только тех, чьи действия были квалифицированы по ст. 20.2 КоАП РФ. Изучение уголовных дел по «протестным» статьям и административных дел, включающих признаки участия в протестных акциях, может стать одним из дальнейших направлений исследований.

Также, по нашей оценке, 9% карточек дел по ст. 20.2 КоАП РФ на сайте Мосгорсуда и районных судов г. Москвы не содержат в себе ни одной ссылки на судебные решения. Российские суды работают в условиях высокой нагрузки, и это может объяснять, почему не все тексты судебных актов публикуются на сайтах судов. В отдельных случаях мы встречали поврежденные файлы или недописанные постановления о назначении административного наказания. Другим ограничением исследования являются технические ограничения доступа к судебным решениям.

157

Наконец, еще одним ограничением наших данных является то, что судебные решения по административным делам часто публикуются с существенными изъятиями. В 50,5% случаев назначения штрафа его размер был зашифрован. Постановление Президиума ВС РФ прямо указывает судам не исключать из текстов судебных решений размеры штрафных санкций¹. Однако мы вынуждены учитывать, что районные суды города Москвы не всегда следуют этим указаниям при размещении текстов судебных решений. Последовательная работа с перечисленными выше ограничениями может помочь пролить новый свет на паттерны вынесения судебных решений и характер «женской скидки» на этих этапах.

Наше исследование демонстрирует: паттерны вынесения судебных решений по «особым» делам в авторитарных режимах сложнее, чем может показаться на первый взгляд (Moustafa 2014), и на их исходы также влияют другие экстралегальные факторы. Одновременно с этим эффект «женской скидки» гораздо устойчивее, чем мы могли считать до этого, и наблюдается даже в административных делах по протестам в современной России.

1 Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.09.2017. <https://tinyurl.com/mvxcxh5u> (11 ноября 2023 г.)

Финансирование / Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10073 «Разработка и апробация методики автоматизированного анализа текстов приговоров российских судов для социально-правовых исследований (на примере насильственных преступлений)», <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>

This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10073 “Development and approbation of an algorithm for the automated analysis of the court decisions for socio-legal studies (based on cases of violent crimes)”. For more details see <https://rscf.ru/project/23-78-10073>

Список источников / References

Волков В. В., Дмитриева А., Титаев К. Д. (2015) *Российские судьи: социологическое исследование профессии*. М.: Норма. EDN: WZSIBP

158

— Volkov V. V., Dmitrieva A., Titaev K. (2015) *Russian Judges as a Professional Group. A Sociological Study*. Moscow: Norma. (in Russ.)

Жучкова С. В., Девятников В. Ю., Казун А. П., Белов М. Д., Сидорова О. И. (2025) Тексты судебных приговоров как источник данных для эмпирических исследований права в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (2), с. 170–192. EDN: GZHDTO. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2575>

— Zhuchkova S. V., Vadim Yu. D., Kazun A. P., Belov M. D., Sidorova O. I. (2025) Text of Court Verdicts as a Data Source for Empirical Legal Studies in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (2), pp. 170–192. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2575> (in Russ.)

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. (2015) *12 лекций по гендерной социологии*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. EDN: YWPCTY

— Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2015) *12 Lectures on Gender Sociology*. St. Petersburg: European University in St. Petersburg Press. (in Russ.)

Капустин О. А. (2019) Организация автоматизированного распределения дел в Федеральном суде общей юрисдикции. *Закон и право*, 1, с. 129–134. EDN: YVNSOD. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10027>

— Kapustin O. A. (2019) Organization of Automated Case Allocation in the Federal Court of General Jurisdiction. *Law and Justice*, (1), pp. 129–134. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10027> (in Russ.)

Панеях Э. (2011) Траектория уголовного дела и обвинительный уклон в российском суде. *Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования*, с. 150–177.

- Paneyakh E. (2011) The Trajectory of a Criminal Case and the Conviction Bias in the Russian Court. In *Law and Law Enforcement in Russia: Interdisciplinary Studies*, pp. 150–177. (in Russ.)
- Панеях Э., Титаев К., Шклярук М. (2018) *Траектория уголовного дела: институциональный анализ*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. EDN: VPLHSC
- Paneyakh E., Titaev K., Shklyaruk M. (2018) *Trajectory of a Criminal Case: Institutional Analysis of Russian Criminal Justice System*. St Petersburg: European University in Saint-Petersburg Press. (in Russ.)
- Титаев К., Шклярук М. (2015) «Языком протокола»: исследование связи юридического языка с профессиональной повседневностью и организационным контекстом. *Социология власти*, 27(2), с. 168–206. EDN: UAXOHF
- Titaev K., Shklyaruk M. (2015) In Terms of Official Record: A Study of the Connections between Legal Language, Everyday Worklife and Organizational Context. *Sociology of Power*, 27(2), pp. 168–206. (in Russ.)
- Четверикова И. (2014) Роль семьи, профессиональной карьеры и пола подсудимых при вынесении приговоров российскими судьями. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 17(4), pp. 101–23. EDN: TDOSAZ
- Chetverikova I. (2014) The Impact of Family, Professional Status and Gender of Defendants on Sentencing Decisions by Russian Judges. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 17(4): 101–23. (in Russ.)
- Armstrong G. (1977) Females under the Law — “Protected” but Unequal. *Crime & Delinquency*, 23(3). <https://doi.org/10.1177/001112877702300202>
- Bontrager S., Barrick K., Stupi E. (2013) Gender and sentencing: A meta-analysis of contemporary research. *Journal of Gender, Race and Justice*, 16, pp. 349–72.
- Boyd C. L., Epstein L., Martin A. (2010) Untangling the Causal Effects of Sex on Judging. *American Journal of Political Science*, 54(2), pp. 389–411. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00437.x>
- Chatsverykova I. (2017) Severity and leniency in criminal sentencing in Russia: the effects of gender and family ties. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 41(3), pp. 185–209. <https://doi.org/10.1080/01924036.2016.1228073>
- Esarey J., Chirillo G. (2013) “Fairer Sex’ or Purity Myth? Corruption, Gender, and Institutional Context.” *Politics & Gender*, 9(4), pp. 361–89. <https://doi.org/10.1017/S1743923X13000378>
- Fridel E. E. (2019) Leniency for Lethal Ladies: Using the Actor-Partner Interdependence Model to Examine Gender-Based Sentencing Disparities. *Homicide Studies*, 23(4), pp. 319–43. <https://doi.org/10.1177/1088767919867420>
- Gel'man V. (2021) Constitution, Authoritarianism, and Bad Governance: The Case of Russia. *Russian Politics*, 6(1), pp. 71–90. <https://doi.org/10.30965/24518921-00601005>
- George T. E., Weaver T. G. (2017) The Role of Personal Attributes and Social Backgrounds on Judging. *The Oxford Handbook of U. S. Judicial Behavior*. Oxford University Press, pp. 286–302. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199579891.013.3>

Hendley K. (2009) "Telephone Law" and the "Rule of Law": The Russian Case. *The Hague Journal of the Rule of Law*, (1), pp. 241–261. <https://doi.org/10.1017/S1876404509002413>

Hendley K. (2017) *Everyday Law in Russia*. Cornell University Press.

Kashanin A., Churakov V. (2021) "Issue on 'Small' and Indisputable Cases in Russian Courts." *Global Jurist*, 21(1), pp. 273–303. <https://doi.org/10.1515/gj-2020-0019>

Kosař D. A., Blisa A. (2018) Court Presidents: The Missing Piece in the Puzzle of Judicial Governance. *German Law Journal*, 19(7), pp. 2031–76. <https://doi.org/10.1017/s2071832200023324>

Kruttschnitt C. (1982a) Respectable Women and the Law. *The Sociological Quarterly*, 23(2), pp. 221–234. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1982.tb01009.x>

Kruttschnitt C. (1982b) Women, Crime, and Dependency: An Application of the Theory of Law. *Criminology*, 19(4), pp. 495–513. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1982.tb00435.x>

Ledeneva A. (2008) Telephone Justice in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 24(4), pp. 324–350. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.24.4.324>

Lee F. L. F. (2023) Judges' Understanding of Protests and the Cultural Underpinnings of Legal Repression: Examining Hong Kong Court Verdicts. *Social & Legal Studies*, 32(3), pp. 464–484. <https://doi.org/10.1177/09646639221122443>

Mccall M. (2008) Structuring Gender's Impact. *American Politics Research*, 36, pp. 264–296. <https://doi.org/10.1177/1532673X07307969>

Moustafa T. (2014) Law and Courts in Authoritarian Regimes. *The Annual Review of Law and Social Science*, 10, pp. 281–299. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-110413-030532>

Mustafina R. (2022) Turning on the Lights? Publicity and Defensive Legal Mobilization in Protest-Related Trials in Russia. *Law & Society Review*, 56(4), pp. 601–622. <https://doi.org/10.1111/lasr.12631>

Nagel I. H., Cardascia J., Ross C. E. (1981) Sex differences in the processing of criminal defendants. *Women and crime*, 104, pp. 259–282.

Nagel I. H., Hagan J. (1983) Gender and Crime: Offense Patterns and Criminal Court Sanctions. *Crime and Justice*, 4, pp. 91–144. <https://doi.org/10.1086/449087>

Reuter O. J., Robertson G. B. (2015) Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes. *The Journal of Politics*, 77(1). <https://doi.org/10.1086/678390>

Rodriguez F. T., Curry R., Lee G. (2006) Gender Differences in Criminal Sentencing: Do Effects Vary Across Violent, Property, and Drug Offenses? *Social Science Quarterly*, 87(2), pp. 318–39. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2006.00383.x>

Shields R. T., Cochran J. C. (2020) The Gender Gap in Sex Offender Punishment. *Journal of Quantitative Criminology*, 36(1), pp. 95–118. <https://doi.org/10.1007/s10940-019-09416-x>

Solomon P. H. (2007) Courts and Judges in Authoritarian Regimes. *World Politics*, 60(1), pp. 122–145. <https://doi.org/10.1353/wp.0.0004>

Songer D. R., Crews-Meyer K. A. (2000) Does Judge Gender Matter? Decision Making in State Supreme Courts. *Social Science Quarterly*, 81(3), pp. 750–762.

- Steffensmeier D., Kramer J., Streifel C. (1993) Gender and imprisonment decisions. *Criminology*, 31(3), pp. 411–446.
- Steffensmeier D. J., Hebert C. (1999) Women and Men Policymakers: Does the Judge's Gender Affect the Sentencing of Criminal Defendants? *Social Forces*, 77(3), pp. 1163–1196. <https://doi.org/10.2307/3005975>
- Steffensmeier D. J., Ulmer J. T. (1998) The interaction of race, gender, and age in criminal sentencing: The punishment cost of being young, black, and male. *Criminology*, 36(4), pp. 763–798. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1998.tb01265.x>
- Van Slyke S. R., Bales W. D. (2013) Gender dynamics in the sentencing of white-collar offenders. *Criminal Justice Studies*, 26(2), pp. 168–196. <https://doi.org/10.1080/1478601X.2012.729707>
- Williams M. (1999) Gender and Sentencing: An Analysis of Indicators. *Criminal Justice Policy Review*, (40), pp. 471–491. <https://doi.org/10.1177/088740349901000401>
- Wu C., Lin A. M. (2022) Protesters on trial: examining factors influencing district court decisions in social protest litigation in Taiwan. *Social Movement Studies*, 21(6), pp. 833–853. <https://doi.org/10.1080/14742837.2021.1967130>
- Xia Y., Tianji C., Hua Z. (2019) Effect of Judges' Gender on Rape Sentencing: A Data Mining Approach to Analyze Judgment Documents. *China Review-an Interdisciplinary Journal on Greater China*, 19(2), pp. 125–149. <https://www.jstor.org/stable/26639660>
- Zhuchkova S., Kazun A. (2023) Exploring Gender Bias in Homicide Sentencing: An Empirical Study of Russian Court Decisions Using Text Mining. *Homicide Studies*. <https://doi.org/10.1177/10887679231217159>

Об авторax / About the authors

Капустина Ли́ка Влади́мировна — стажер-исследователь Международного центра изучения институтов и развития, аспирантка Аспирантской школы по социологическим наукам НИУ ВШЭ. Научные интересы: эмпирические правовые исследования, sentencing research, суды и судьи, сетевой анализ.
<https://orcid.org/0009-0002-7204-4996>. E-mail: lkapustina@hse.ru

Lika V. Kapustina — research assistant at the International Center for the Study of Institutions and Development, HSE, postgraduate student of Doctoral School of Sociology at HSE. Research interests: empirical legal studies, sentencing research, courts and judges, network analysis.
<https://orcid.org/0009-0002-7204-4996>. E-mail: lkapustina@hse.ru

Педченко Со́фья Серге́евна — выпускница бакалавриата по политологии НИУ ВШЭ (2023), независимая исследовательница. Научные интересы: социология права, политическое участие, социальные движения, идентичность.
E-mail: sspedchenko@gmail.com

Sofia S. Pedchenko — graduated in Political Science (HSE, 2023), an independent researcher. Research interests: sociology of law, political participation, social movements, identity.

E-mail: sspedchenko@gmail.com

Массовый редистриктинг и распределительная политика: эмпирический анализ на примере регионов России

ВАДИМ Ю. ДЕВЯТНИКОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0009-5278-7232>

Рекомендация для цитирования:
Девятников В. Ю. (2025) Массовый редистриктинг и распределительная политика: эмпирический анализ на примере регионов России. *Социология власти*, 37 (4): 163-185
EDN: PKAYRW

For citation:
Devyatnikov V. Y. (2025) Mass Redistricting and Distributive Politics: Evidence from Russia's Regions. *Sociology of Power*, 37 (4): 163-185

Поступила в редакцию: 19.04.2025;
прошла рецензирование: 11.07.2025;
принята в печать: 10.08.2025
Received: 19.04.2025; Revised:
11.07.2025; Accepted: 10.08.2025

© Author, 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Редистриктинг является важным инструментом политической борьбы, который обладает рядом характеристик, выделяющих его среди других способов создания неконкурентного электорального преимущества: скрытность и непровокативность. Этим обусловлено значительное внимание исследователей, прикованное в первую очередь к политическим последствиям редистриктинга. Тем не менее политико-управленческая и правовая стороны редистриктинга остаются менее изученными, что может ограничивать наше понимание электоральных процессов, особенно за пределами США, на материалах которых была выполнена большая часть статей на эту тему. Используя прошедшую в ряде регионов в период с 2019 по 2021 год электоральную реформу, сопровождающуюся массовым редистриктингом, текущая работа нацелена на установление политико-управленческих последствий редистриктинга как правовой процедуры на уровне регионов России. Для этой цели с помощью авторского алгоритма были собраны данные о качестве предоставляемых государством благ, а также об объеме их финансирования. С использованием метода событий, позволяющего интерпретировать результаты в каузальном ключе, была получена оценка влияния редистриктинга на качество предоставляемых благ и объем их финансирования. Результаты свидетельствуют о повышении запланированных расходов на образование за год до проведения выборов в муниципальных образованиях, в которых не менее чем на 25% и 50% УИКов

не было инкубентов. Полученные результаты не позволяют говорить о значительном влиянии массового редистриктинга на распределение финансовых ресурсов, выделяемых на предоставляемые государством блага. В то же время можно отметить наличие умеренных свидетельств в пользу предположения о том, что проведение реформы положительно сказалось на качестве предоставляемых благ.

Ключевые слова: редистриктинг, бюджетно-распределительная политика, электоральные исследования, региональные выборы, региональное законодательство

Mass Redistricting and Distributive Politics: Evidence from Russia's Regions

Vadim Y. Devyatnikov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0009-5278-7232>

Abstract: Redistricting is an important tool of political struggle, distinguished by several features that set it apart from other methods of creating a non-competitive electoral advantage: secrecy and non-provocativeness. These characteristics have led to significant scholarly attention, primarily focused on the political consequences of redistricting. However, the administrative and legal aspects of redistricting remain less studied, which may limit our understanding of electoral processes, especially outside the United States—the context of most existing research on the topic. Drawing on the electoral reform that took place in several Russian regions between 2019 and 2021 and was accompanied by mass redistricting, this study aims to examine the administrative and political consequences of redistricting as a legal procedure at the regional level in Russia. For this purpose, data were collected using a custom algorithm on the quality of public goods provision and the volume of their funding. Using the event study method, which allows for causal interpretation, the impact of redistricting on the quality and funding of public goods was assessed. The results indicate an increase in planned education expenditures in the year preceding elections in municipalities where at least 25% and 50% of precinct election commissions (PECs) did not have incumbents. The findings do not provide strong evidence of a significant impact of mass redistricting on the allocation of financial resources for publicly provided goods. However, there is moderate evidence to support the hypothesis that the reform had a positive effect on the quality of the goods provided.

Keywords: redistricting, distributive budget policy, electoral studies, regional elections, subnational legislation.

Введение

Конкретный способ нарезай избирательные округа может решить исход выборов. Поэтому к процедуре изменения границ

избирательных округов, называемой также редистрикtingом, приковано внимание многих исследователей и общественных деятелей, особенно в США, где планы перенарезки округов то и дело оказываются предметом судебных разбирательств (Grofman, Sergvas 2018). Однако в большей части литературы редистрикting рассматривается как феномен, имеющий сугубо политическую природу. Исследователи изучают его влияние на электоральные результаты действующих членов парламента — инкубентов, то есть политиков, уже занимающих свои должности и обычно обладающих преимуществом при переизбрании (Desposato, Petrosic 2003; Hood, McKee 2010; Ansolabehere 2000), на явку избирателей (Hayes, McKee 2018; Fujimura 2022; Hunt 2018), посвящают многочисленные труды разработке эффективных способов обнаружения джерримендеринга (Tapp 2019; Wang 2016; Ramachandran, Gold 2018), то есть редистрикtingа, нацеленного на создание дополнительного преимущества для какого-либо кандидата или партии. Правовая и политико-управленческая ипостаси редистрикtingа привлекают намного меньше внимания исследователей, хотя они могут улучшить понимание самого процесса редистрикtingа, а также пролить свет на его последствия в сферах, отличных от политической.

165

К тому же большая часть работ, посвященных изучению редистрикtingа, выполнена на материалах США или стран Западной Европы (в качестве исключения см.: Wong 2017), но практика регулярной перенарезки округов не является уникальной характеристикой консолидированных западных демократий, наоборот, редистрикting, регулярный или *ad hoc*, свойственен многим политическим режимам с выборами (Handley, Grofman 2008), в том числе гибридным режимам (Ibid.). Россия здесь не является исключением, ст. 18 Федерального закона № 67-ФЗ избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации прямо указывает на временный характер избирательных округов на всех уровнях избирательной системы, которые должны обновляться один раз в десять лет.

Но кроме предписанного законом регулярного пересмотра границ избирательных округов в период с 2019 по 2021 год в нескольких регионах России прошла электоральная реформа, в результате которой была увеличена доля депутатских мандатов, распределяемых по мажоритарной системе. В части регионов это было сделано за счет увеличения количества таких мандатов, вследствие чего возникла необходимость в проведении массового редистрикtingа, что создало отличную возможность для изучения различных последствий пересмотра границ избирательных округов. Текущая работа фокусируется на политико-управленческих последствиях

редистриктинга, прежде всего — как он отражается на финансировании предоставляемых государством благ и услуг. Такой выбор объясняется тем, что политические элиты региона, включая действующих депутатов законодательных собраний субъектов, с одной стороны, серией нормативно-правовых актов, в том числе постановлениями региональных парламентов, принимают решение о проведении редистриктинга и утверждают новые схемы избирательных округов, а с другой стороны, они же имеют весомое влияние на распределение бюджетных ресурсов внутри своих регионов. Это создает интересную ситуацию, когда принимающие решения лица, утверждающие решение о редистриктинге, могут быть заинтересованы в использовании инструментов перераспределения для смягчения его негативного влияния на свои электоральные результаты. Таким образом, изучение редистриктинга как политико-правовой практики способно углубить наше понимание его политико-управленческих последствий и объяснить конкретные параметры распределения бюджетных средств в периоды проведения электоральных реформ, сопровождающихся массовой перенарезкой округов.

166

Статья строится следующим образом: сначала мы опишем правовую часть процесса редистриктинга на региональном уровне в России, затем обратимся к существующим концепциям распределительной политики, после чего опишем дизайн исследования и полученные результаты. В заключительной части сформулируем основные выводы из текущего исследования, его ограничения и возможные будущие направления работы.

Процедура редистриктинга в России

В России процесс пересмотра границ избирательных округов регулируется все тем же Федеральным законом № 67-ФЗ, в соответствии с которым именно избирательная комиссия региона готовит новую схему избирательных округов, которая лишь утверждается в региональной легислатуре. В свою очередь, вопрос о количестве депутатов в законодательных собраниях и доле одномандатников относится к ведению региональных уставов (конституций) и законов о выборах депутатов в законодательное собрание субъектов, которые могут быть изменены решениями парламентов субъектов Федерации. Таким образом, для проведения электоральной реформы в том ее виде, которая состоялась в 2019–2021 гг., требуются одновременно как минимум два нормативно-правовых акта от регионального парламента, один из которых вносит поправки в устав региона или закон о выборах в парламент. Например, в 2021 году Новгородская областная дума приняла поправки (Закон Новгородской области № 687-

ОЗ) к закону «О выборах депутатов Новгородской областной думы», в результате которых было увеличено количество распределяемых по мажоритарной системе мандатов с «половины» (то есть с 16) до 20 и снижено с 16 до 12 количество мандатов, распределяемых по пропорциональной системе, а меньше чем через месяц постановлением (Постановление Новгородской областной думы № 12-ОД) была утверждена новая схема избирательных округов. Другим примером является Амурская область, где в 2021 году региональный парламент внес поправки (Закон Амурской области № 687-ОЗ) в Устав Амурской области, сократив численность депутатов с 36 до 27, причем в соответствии с поправками (Закон Амурской области № 691-ОЗ) к закону о Законодательном собрании Амурской области и «О выборах депутатов Законодательного собрания Амурской области» это сокращение было полностью обеспечено за счет мандатов, распределяемых по пропорциональной избирательной системе, в связи с чем в ней не проводился редистриктинг, из-за чего она не попала в нашу выборку. Таким образом, с нормативно-правовой точки зрения вопрос инициации реформы и утверждения ее конкретных параметров находится полностью в ведении регионального законодательного собрания, в то время как техническая подготовка к проведению реформы ложится на плечи избирательных комиссий. Пример Амурской области указывает на то, что решение задачи по увеличению доли одномандатников в парламенте региона не обязательно должно сопровождаться пересмотром границ избирательных округов. Это означает, что вопрос о конкретных путях достижения цели скорее всего является предметом обсуждений элит регионов, в части из которых депутатам удалось отстоять общее количество мест в парламенте.

167

Однако региональные власти, включая главу региона, имеют прямой контроль над формированием составов региональных избирательных комиссий. Так, в соответствии с Федеральным законом № 67-ФЗ половину членов региональной избирательной комиссии назначает действующий глава региона, вторую половину назначает законодательное собрание. Причем в обоих случаях не менее половины из них должны быть предложены политическими партиями, в то время как минимум два члена избирательной комиссии должны быть назначены по предложению ЦИК. Например, в 2016–2021 гг. в состав избирательной комиссии Новгородской области численностью 12 человек входили 6 представителей от разных партий, два представителя от муниципальных образований, глава и ее заместитель были предложены ЦИК, один член комиссии была выдвинута предыдущим ее составом. Таким образом, и «техническая» часть реформы, хоть и опосредованно, подконтрольна политическим лидерам региона.

Выборы и предоставляемые государством блага

Для достижения необходимого электорального результата элиты в электоральных автократиях также прибегают к стратегическому использованию инструментов социально-экономической политики (Magaloni 2006), равно как к разворачиванию патронажных сетей (Hicken 2011). Надо заметить, что в демократических режимах политики тоже прибегают к использованию финансирования, выделяемого на социальные программы и предоставление благ, для достижения своих политических целей (Lazagus 2009). Это наблюдение нашло свое отражение в теории деловых политических циклов, теории о селекторате и многих других теоретических наработках (Drazen 2000). В нашем же случае ключевой интерес представляют теории, объясняющие не сам факт распоряжения финансовыми средствами государства в целях удовлетворения политических интересов отдельных акторов или групп, а то, как именно это распределение будет происходить, какой логикой руководствуются лица, принимающие решения о распределении ресурсов и контроле за их использованием, в условиях электоральной борьбы.

168

Так, в литературе по дистрибутивной политике можно выделить два основных подхода к распределению ресурсов перед выборами (Golden, Min 2013). В рамках первого подхода наиболее рациональным является распределение средств в пользу тех территорий, которые демонстрируют наибольшую лояльность правящим партиям или политическим элитам, таким образом поощряя их и вознаграждая за поддержку, в то же время наказывая все другие территории, финансируя их по остаточному принципу (Hiskey 1999; Cox, McCubbins 1999). В этом случае победа в округе кандидата от доминирующей партии может рассматриваться как сигнал о лояльности электората. К этому можно добавить, что перераспределению ресурсов в предвыборный период в пользу избирательных округов, в которых выиграли лояльные режиму кандидаты, может также способствовать факт того, что эти кандидаты вновь будут участвовать в выборах. Действительно, если инкубент будет пробовать переизбраться, то в таком случае он будет мотивирован привлекать дополнительные ресурсы в свой избирательный округ перед выборами. Этого нельзя сказать о тех избирательных округах, которые хоть и избрали лояльного режиму кандидата, но остались без инкубента на грядущих выборах.

Второй подход указывает на то, что сомневающимися избирателей можно привлечь на свою сторону дополнительными благами (Dixit, Londregan 1996). Данный подход строится на том, что уверенных сторонников действующего режима нет смысла дополнительно мотивировать — они проголосуют за партию власти или канди-

дата от нее независимо от наличия или отсутствия дополнительных стимулов в виде улучшения качества предоставляемых благ. К примеру, как указывает в своей работе Миллер, электоральные автократии реагируют на результаты выборов посредством внесения изменений в социально-экономическую политику и перераспределения средств в пользу групп избирателей, которые проявили нелояльность, проголосовав за оппозиционного кандидата или партию (Miller 2015). В силу этого не имеет электорального смысла перераспределять ресурсы в пользу избирательных округов с сильной поддержкой инкумбента. В результате уязвимые члены партии должны, при прочих равных, получать больше ресурсов, чем члены партии, которые с электоральной точки зрения считаются устойчивыми. В контексте текущего исследования эта логика может иметь следующие следствия: если лица, принимающие решение о распределении финансирования, будь это лидеры фракций или сотрудники ведомств, верстающих бюджет, максимизируют количество представителей ныне доминирующей партии в парламенте, а также считают, что статус инкумбента является значимым и положительным фактором, влияющим на вероятность электорального успеха, то они будут перераспределять больше ресурсов в пользу тех административно-территориальных единиц, в которых нет инкумбента. Действительно, те из кандидатов, которые никогда не избирались от данного избирательного округа, могут не досчитаться голосов в свою пользу просто потому, что местные избиратели впервые увидели их фамилии в бюллетене, не имеют сложившегося представления о них, а также им сложно оценить качество работы кандидата на предыдущем посту, будь это выборная или административная должность. Даже тот кандидат, который на момент проведения выборов является действующим депутатом парламента, но на перевыборы решил пойти в новом для себя избирательном округе, все равно может испытывать дополнительные проблемы из-за отсутствия так называемого немасштабируемого эффекта инкумбента, который также называют *homestyle* (Ansolabehere et al. 2000). Таким образом, можно ожидать, что средства будут перераспределяться не только в пользу новых кандидатов, но также в пользу тех депутатов, которые по какой-то причине, к примеру, из-за электоральной реформы, были вынуждены поменять свой избирательный округ. Маркес Израэль с коллегами показывает на данных из России, что политики могут прибегать к различной комбинации этих двух стратегий в зависимости от экономической ситуации (Marques et al. 2016).

Таким образом, вслед за литературой мы предполагаем, что отсутствие инкумбента рассматривается лицами, координирующими принятие решений о выделении финансирования на те или

иные нужды и их распределение между разными административно-территориальными единицами, как ослабляющий фактор, требующий компенсации в виде выделения дополнительных ресурсов на предоставление благ, а также ужесточение контроля за их расходом. Несмотря на наличие альтернативной точки зрения, в качестве основной гипотезы принимается следующее утверждение:

Н1. Отсутствие инкумбента в муниципальном образовании приводит к увеличению финансирования на предоставление благ, равно как к улучшению их качества.

В силу того, что подготовка электоральной реформы втайне от региональных политических акторов представляется маловероятной, можно ожидать, что будущие кандидаты и лица, отвечающие за выделение и распределение финансирования, будут заранее адаптироваться к готовящимся изменениям, что должно привести к значимому экспериментальному эффекту до проведения электоральной реформы. В то же время сложно представить, что конечные параметры реформы, включающие в себя планы по нарезанию новых округов, были разработаны с большим опережением, за два или больше года до проведения реформы. В связи с этим была сформулирована вторая гипотеза:

Н2. Качество благ, равно как и объемы их финансирования, будут выше в муниципальных образованиях без инкумбента в период до проведения выборов.

Также можно ожидать, что кандидаты, не будучи инкумбентами на момент проведения выборов, в будущем будут иметь больше стимулов привлекать дополнительные средства в свои новые избирательные округа или часть избирательных округов по сравнению с теми кандидатами, которые остались со своими участковыми избирательными комиссиями (УИКаами). Таким образом, можно предположить, что в тех муниципальных образованиях, в которых имеются УИКи без инкумбентов, траты на финансирование благ в периоды после выборов будут выше вследствие наличия стимулов среди кандидатов-неинкумбентов заработать репутацию на новых территориях. В силу этих же обстоятельств можно ожидать ужесточения контроля за расходом средств в муниципальном образовании. Отсюда вытекает третья гипотеза:

Н3. Отсутствие инкумбента в муниципальном образовании приводит к увеличению финансирования на предоставление благ, равно как к улучшению их качества в периоды после проведения выборов.

У исследований в этой сфере существует ряд недостатков. Во-первых, основные теории дистрибутивной политики изучают способы распределения имеющихся ресурсов между различными группами людей, в то время как в случае с политически мотивированными решениями важной может представляться задача о распределении

средств между административно-территориальными единицами, а не конкретными группами. Это справедливо в силу того, что политические партии заинтересованы в том, чтобы выигрывать в отдельных избирательных округах, а не среди отдельных категорий избирателей. Во-вторых, большинство исследований используют в качестве объясняющей результат выборов переменной не конечный результат траты ресурсов в виде качества и количества предоставляемых благ, а именно траты на них. Как представляется, это несовершенная метрика, так как она не позволяет учесть уровень коррупции как важный фактор трансформации затраченных ресурсов в конечный результат. Так, можно представить, что партии и политические элиты в районах, которые они определили как важные для проведения избирательной кампании, будут не только тратить больше финансовых ресурсов на обеспечение этих районов, но и ужесточат контроль за расходованием этих средств. Поэтому в настоящем исследовании будут использованы как показатели качества предоставляемых государством благ, так и данные об их финансовом обеспечении.

Дизайн

171

В ряде регионов России в период с 2019 по 2021 год прошли электро-ральные реформы, которые изменили соотношение мандатов в региональных парламентах, распределяемых по пропорциональной и мажоритарной системам. Во всех случаях доля распределяемых по мажоритарной системе мандатов выросла, однако в некоторых регионах это было достигнуто за счет сокращения числа мандатов, распределяемых по пропорциональной системе. В других же регионах увеличили число депутатов и это увеличение полностью было обеспечено мажоритарными мандатами (это Республика Алтай, Республика Марий Эл, Хабаровский край, Приморский край, Костромская, Новгородская, Тульская и Мурманская области). Последнее неизбежно должно было повлечь массовой пересмотр границ старых избирательных округов, необходимый для формирования новых. Это открыло возможность для исследователей использовать метод событий (event study).

Суть этого дизайна сводится к тому, чтобы использовать модель с фиксированными эффектами на время и единицы анализа для получения оценки результата экспериментального воздействия. К этому добавляется набор переменных, которые указывают на разницу во времени между текущим периодом, за которой представлено измерение зависимой переменной для определенной единицы анализа, и периодом, в котором эта единица получила экспериментальное воздействие. Каждая из этих переменных является дам-

ми-переменной. При этом мы можем использовать наблюдения не только из двух периодов, но также и из всего множества периодов, как предшествующих экспериментальному воздействию, так и следующих за ним. Это позволяет получить оценку экспериментального воздействия в любой период времени, а также нивелировать проблему, связанную с получением этого воздействия в разные периоды времени. Более того, с помощью этой спецификации становится возможным протестировать предпосылку о параллельных трендах, при этом не потребуется дополнительно оценивать какие-либо модели, тест органично встроен в спецификацию.

Во многих исследованиях, в которых используется метод событий, имеет место предпосылка об отсутствии ожидания экспериментального воздействия. Отсутствие эффекта ожидания означает, что единицы анализа, подвергшиеся экспериментальному воздействию, не меняют своего поведения в ожидании этого воздействия. Когда выполняется предпосылка об отсутствии эффекта ожидания, можно использовать период до экспериментального воздействия в качестве базового периода и сравнивать другие периоды с этим периодом.

172

Однако в некоторых случаях эта предпосылка может не выполняться, например, когда о воздействии экспериментальной группе объявляется до того, как это воздействие происходит, и единицы анализа могут отреагировать на объявление, изменив свое поведение. В этом случае необходимо тщательно выбирать базисные периоды, чтобы избежать систематической ошибки. Если у нас есть представление о том, когда единицы анализа могут узнать о готовящемся воздействии и начать менять свое поведение, мы можем использовать этот период в качестве фактического начала воздействия, а периоды до этого — в качестве контрольных периодов. В случае текущего исследования это означает, что лица, принимающие решения о распределении бюджетов, могут заранее узнать о параметрах готовящейся электоральной реформы и начать действовать в соответствии с ее ожиданием еще в предшествующий экспериментальному воздействию период. Для реализации метода событий необходимо оценить следующую модель:

$$Y_{it} = \alpha_i + \gamma_t + \sum_{l=-T}^T \beta_l D_{it}^l + e_{it}$$

где Y_{it} представляет из себя значение зависимой переменной для единицы анализа i в период времени t ; α_i — фиксированный эффект для каждой единицы i , в данном случае для каждого муниципального образования, который призван учесть его неизменяе-

мые во времени характеристики; Y_t — фиксированный эффект на период t , который призван учесть специфичные для каждого периода шоки; D_{it}^l представляет из себя дамми-переменную для l , где l — разница во времени между периодом текущего наблюдения и периода, в котором единица анализа получила экспериментальное воздействие. К примеру, если l равна -4, то в текущий период t , данные за который представлены Y_{it} , единица анализа из экспериментальной группы еще не получила экспериментальное воздействие, но получит его через четыре периода. Случай же, когда переменная l равна 2, говорит о том, что единица анализа из экспериментальной группы получила экспериментальное воздействие два периода назад. Когда период, за который представлено значение зависимой переменной, совпадает с периодом, в котором данная единица анализа получила экспериментальное воздействие, l равна 0. Для единиц анализа из контрольной группы значения всех дамми-переменных D_{it}^l равны 0 в любой период времени. β_l — коэффициент при дамми-переменной D_{it}^l ; Суммирование произведения $\beta_l D_{it}^l$ происходит по значениям от $-T$ до T , где T — количество периодов после экспериментального воздействия. В данной спецификации предполагается, что количество периодов до экспериментального воздействия равно количеству периодов после, однако это не обязательно должно быть так. В текущем исследовании периодов до экспериментального воздействия гораздо больше. Наконец, e_{it} — случайная ошибка. В данной спецификации ключевой интерес представляют коэффициенты при D_{it}^l , которые и указывают на наличие экспериментального эффекта, а также его магнитуду. Благодаря использованию целого набора дамми-переменных мы можем получить оценку экспериментального воздействия в каждый относительный период l , как до экспериментального воздействия, так и после него. К примеру, если коэффициент β_2 окажется значимым и положительным, то это означает, что по прошествии двух периодов после экспериментального воздействия все еще можно наблюдать экспериментальный эффект. Наоборот, если коэффициент β_{-2} окажется значимым и положительным, то это может указывать либо на эффект ожидания, либо на нарушение предпосылки о параллельных трендах. Отличить их можно с помощью опоры на теоретические рассуждения относительно того, насколько задолго до экспериментального воздействия может наблюдаться эффект ожидания. К примеру, в данной работе предполагается, что эффект ожидания не может проявиться далее чем за один период до экспериментального воздействия, то есть при l равной -1. Значимость коэффициентов при D_{it}^l в случае, если $l \leq -2$ будет рассматриваться как свидетельство против предпосылки о параллельных трендах.

В исследовании использовались четыре уровня отсечения наблюдений в экспериментальную и контрольную группы. Так, наблюдения из некоторого избирательного округа определялись в экспериментальную группу если: 1) хотя бы один УИК из этого округа не имел на выборах после реформы инкумбента; 2) хотя бы 25% УИКов из этого избирательного округа были лишены своего инкумбента; 3) хотя бы 50% УИКов из этого избирательного округа были лишены своего инкумбента; 4) хотя бы 75% УИКов из этого избирательного округа были лишены своего инкумбента. Для каждого уровня отсечения был оценен одинаковый набор моделей; Y_{it} — значение зависимой переменной, которая будет отражать либо качество предоставляемых благ (это может быть качество дорог в районе, состояние дошкольных образовательных учреждений и так далее), либо объем финансирования на предоставление этих благ. Мы описываем результаты оценки моделей только на уровнях отсечения в 25% и 75%, которые представляются наиболее репрезентативными для случаев с низкой и высокой долей УИКов без своих инкумбентов. Результаты оценки остальных моделей можно найти в приложении.

Данные

Для реализации исследования были собраны данные о результатах выборов в региональные парламенты тех регионов, в которых прошла электоральная реформа. Это было сделано с помощью авторского алгоритма по парсингу региональных страниц государственной автоматизированной системы ГАС «Выборы». Также с помощью алгоритма по парсингу базы данных муниципальных образований Росстата (БДМО) были собраны данные о качестве предоставляемых благ на уровне муниципальных образований. В качестве показателей, репрезентирующих качество предоставляемых благ были выбраны: 1. Доля протяженности автодорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения. 2. Доля муниципальных дошкольных образовательных учреждений, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общем числе муниципальных дошкольных образовательных учреждений. 3. Отношение одиночного протяжения уличной канализационной сети, которая заменена и отремонтирована за отчетный год, к одиночному протяжению уличной канализационной сети. 4. Отношение одиночного протяжения уличной водопроводной сети, которая заменена и отремонтирована за отчетный год, к одиночному протяжению уличной водопроводной сети. 5. Отношение протяженности тепловых и паровых сетей, которые были заменены и отремонтированы

за отчетный год, к протяжению тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении. Эти показатели были выбраны, потому что они одни из немногих показателей муниципальной статистики, которые, во-первых, репрезентируют услуги, предоставляемые непосредственно жителям муниципальных образований, а во-вторых, имеют лучшую по сравнению с другими индикаторами степень наполнения данных, позволяющую использовать их для анализа. Несмотря на это, в некоторых моделях нам не удалось получить оценки коэффициентов из-за пропусков в данных.

Также в рамках текущего исследования было необходимо собрать данные о тратах на предоставляемые государством блага, заложенные в бюджетах муниципальных образований. Так, с помощью уже упомянутого алгоритма из БДМО были извлечены данные о фактическом исполнении бюджетов муниципальных образований по следующим статьям расходов: 1. Жилищно-коммунальное хозяйство. 2. Дорожное хозяйство. 3. Образование. Далее, были собраны данные о запланированных расходах по этим статьям. Для этого вручную с сайтов муниципальных образований была собрана информация о параметрах бюджетов, изложенных в принятых местными советами депутатов законопроектах о бюджете. В случаях, когда текст законопроектов был недоступен, использовались первые поправки к законам о бюджетах муниципальных образований, в которых содержалась информация об интересующих нас параметрах. Все данные по финансированию благ были дисконтированы к 2013 году, а также, в целях учета различий в численности населения муниципальных образований, поделены на число жителей районов, к которым они относятся. Таким образом, любой из показателей финансирования благ представляет из себя количество рублей 2013 года, выделенных на душу населения в определенном муниципальном образовании.

175

В таблице 1 представлены результаты сравнения наблюдений из контрольной и экспериментальной групп по ключевым социально-экономическим и электоральным характеристикам. Социально-экономические характеристики приведены для наблюдений, попавших в контрольную и экспериментальную группы при уровне отсека в 25%. Значения среднемесячной заработной платы были взвешены на количество населения. В свою очередь, электоральные характеристики представляют средние значения, взвешенные на количество зарегистрированных избирателей. Как можно заметить, две группы наблюдений практически не отличаются друг от друга: в муниципальных образованиях из экспериментальной группы в среднем проживает больше людей, средние зарплаты там несколько выше по сравнению с контрольной группой, примерно на 14,2%, а доля женщин и лиц старше трудоспособного возраста отличается

менее чем на 1%. Переходя к электоральным характеристикам, мы можем наблюдать еще большую схожесть между контрольной и экспериментальной группами. Так, средняя доля голосов за В. В. Путина на выборах Президента РФ в 2018 году различается между УИКах из контрольной и экспериментальной групп менее чем на 1%, аналогично обстоят дела с долей голосов за «Единую Россию» на выборах в ГД РФ и в региональные legislatures. Это может указывать на то, что инкубенты при выборе избирательного округа в период после реформы либо вовсе не руководствовались электоральными соображениями, либо преследовали смешанные стратегии. Такая схожесть контрольной и экспериментальной групп дает нам дополнительное основание интерпретировать полученные результаты как прямое следствие проведенной реформы.

Результаты

176

В таблицах 2 и 4 представлены результаты оценки моделей с показателями качества предоставляемых услуг в виде зависимой переменной с отсечением в экспериментальную группу на уровнях 25% и 75% соответственно. В столбцах с названиями от -5 до 2 представлены коэффициенты при дамми-переменных, указывающих на разницу во времени между периодом, в котором была получена оценка, и периодом, в котором к единице анализа было применено экспериментальное воздействие. Важно отметить, что значимость любого из коэффициентов при дамми-переменных -5, -4 и -3 указывает на нарушение предпосылки о параллельных трендах, в то время как значимость коэффициентов при дамми-переменных -1, 0, 1 и 2 указывает на наличие экспериментального эффекта. Как можно заметить, в целях избежания мультиколлинеарности пропущенной оказалась дамми-переменная -2. Она была выбрана не случайно, так, в силу гипотезы H2 предполагается, что экспериментальное воздействие может иметь упреждающий эффект.

В уже упомянутой таблице 2 значимыми оказались лишь два коэффициента при дамми-переменных для периодов 1 и 2 после экспериментального воздействия. Оба коэффициента принадлежат модели с состоянием дошкольных учреждений в качестве зависимой переменной и являются отрицательными, что указывает на то, что в первые два года после проведения электоральной реформы и выборов доля дошкольных образовательных учреждений, здания которых требуют ремонта, снижается примерно на 25%. В модели с уровнем отсечения в 75% (табл. 4) не нашлось достаточно наблюдений для оценки коэффициентов при дамми-переменных для периодов 1 и 2 в моделях с состоянием дошкольных учреждений

и объемом ремонта тепловой сети, в то же время коэффициенты дамми-переменных в других моделях нигде незначимы.

В таблице 3 можно увидеть результаты оценки моделей с показателями финансирования (запланированного или фактического) предоставляемых государством благ. Аналогично анализу качества предоставляемых благ, мы считаем, что наблюдение относится к экспериментальной группе в случае, если не менее 25% УИКов в муниципальном образовании осталось без своего инкумбента. Как можно заметить, значимыми оказываются коэффициенты только в моделях с расходами на образование в качестве зависимой переменной. В модели с фактическими расходами значимым оказался коэффициент при дамми-переменной на период -5, что не позволяет нам интерпретировать значимость коэффициента при переменной 2 в силу нарушения предпосылки о параллельных трендах. В модели с запланированными расходами на образование значимым оказался коэффициент при дамми-переменной на период -1; этот результат указывает на то, что в муниципальных образованиях, попавших в экспериментальную группу, за год до выборов расходы на образование выросли примерно на 1250 рублей на человека. Это можно интерпретировать в пользу того утверждения, что лица, принимающие решение о выделении финансирования, заранее направляют больше средств в избирательные округа, которые в результате электоральной реформы лишились своего инкумбента. Стоит отметить, что аналогичные результаты были обнаружены в моделях при уровне отсечения в экспериментальную группу в одно наблюдение (табл. 7).

177

В случае с отсечением наблюдений в экспериментальную группу на уровне 75% (табл. 5) для модели с запланированными расходами на образование вновь нашлись значимые коэффициенты, на этот раз при дамми-переменных на периоды -5 и -4, сигнализирующие о нарушении предпосылки о параллельных трендах. Свидетельства нарушения предпосылки можно обнаружить и в модели с фактическими расходами на образование, где значимым оказался коэффициент при переменной -5.

Обсуждение

Результаты указывают на слабую взаимосвязь между отсутствием в муниципальном образовании прежних инкумбентов и качеством предоставляемых государством благ. Ни в одной из моделей не нашлось значимых коэффициентов при дамми-переменных для периодов -1 и 0, что указывает на отсутствие эффекта за год до и в год проведения выборов. Однако значимыми оказались коэффициенты при дамми-переменной на периоды 1 и 2 в моделях с состоянием дошкольных учреждений, причем эффект оказался положительным,

подтверждая предположение, изложенное в гипотезе Н3. Еще одним открытием стало увеличение запланированного финансирования образования в муниципалитетах без инкумбента за год до проведения выборов, что соответствует нашему ожиданию, изложенному в гипотезе Н2. Тем не менее значимость коэффициента при переменной -1 лишь в двух моделях не дает серьезных оснований говорить о подтверждении выдвинутой гипотезы. Более того, отсутствие значимых коэффициентов при переменных 0, 1 и 2 не позволяет говорить о сколь-нибудь значительном влиянии проведенной реформы на планируемые и фактические расходы на предоставление благ. Таким образом, мы можем утверждать, что электоральная реформа не оказала заметного влияния на финансирование предоставляемых государством благ. В то же время мы наблюдаем повышение качества предоставляемых благ в первые несколько лет после проведения реформы, которое можно связать с усиленной работой нового избранного депутата, который таким образом пытается заработать себе репутацию.

178

Первое и, возможно, самое главное ограничение касается генерализуемости полученных нами выводов относительно эффекта инкумбента. Дело в том, что мы не можем точно назвать причины того, почему электоральные реформы с изменением числа мандатов, распределяемых по мажоритарной системе, прошли в тех, а не иных регионах. Было бы вполне логично ожидать, что это как-то связано с электоральными перспективами партии власти на грядущих выборах. Из-за этого мы не можем экстраполировать полученные нами результаты на всю Россию, а также на выборы других уровней.

Еще одно важное ограничение касается сделанных нами предположений. Так, кроме предпосылки о параллельных трендах, которую мы уже упоминали выше, мы также задействовали предпосылку о том, что назначение в экспериментальную или контрольную группы не связано с потенциальными значениями зависимых переменных. В данном случае наличие такой предпосылки не должно стать значительной проблемой в силу того, что в исследовании в качестве зависимых переменных используются социально-экономические и финансовые показатели, в то время как назначение в экспериментальную и контрольную группы скорее всего связано с различными политическими факторами, к примеру, с долей сторонников той или иной партии на УИКе. Конечно, можно предположить, что кандидаты имели возможность повлиять на исход перенарезки округов и при этом старались получить новые УИКи в муниципальных образованиях с высокими тратами на блага или же с высоким качеством предоставляемых благ, руководствуясь той логикой, что они обладают большими шансами на электоральный успех в таких районах. Однако уверенность в положительной взаи-

мосвязи между качеством предоставляемых благ и готовностью голосовать за определенную партию требует проведения нетривиальных социологических исследований, что кажется чрезмерным в условиях наличия открытой электоральной информации, которая может быть намного более релевантной. Таким образом, несмотря на наличие причин сомневаться в том, что эта предпосылка устоит, предположение о ее верности кажется разумным.

Еще одним ограничением может стать тот факт, что использованные в работе индикаторы качества предоставляемых благ по большей части измеряют состояние городской инфраструктуры или же объем ее финансирования. Это означает, что в случае, если связь между отсутствием инкумбента и динамикой качества предоставляемых благ, свойственных сельской местности, отличается от таковых в урбанизированных районах регионов, то полученные оценки будут представлять взаимосвязь между переменными интересами именно в городской среде.

Заключение

В текущем исследовании была предпринята попытка выявить связь между отсутствием инкумбента на выборах депутатов в региональные парламенты ряда регионов и качеством предоставляемых государством благ, равно как объемом их финансирования, для этого был использован метод событий. В результате оценки моделей оказалось, что почти во всех случаях коэффициенты интереса оказывались незначимы. Исключением стали модели с состоянием дошкольных учреждений в качестве зависимой переменной, а также модели с запланированными расходами на образование. Это может указывать на то, что массовый редистриктинг через отсутствие инкумбентов в избирательных округах повышает финансирование предоставляемых государством благ. В то же время наблюдается повышение их качества, однако в этом случае конкретный механизм остается неопределенным. Полученные результаты могут говорить о том, что на региональном уровне в России при распределении бюджетных ресурсов приоритет отдается более электорально уязвимым избирательным округам, в которых избиратели впервые столкнулись с новыми инкумбентами, однако в текущей работе были обнаружены лишь слабые свидетельства в пользу этой гипотезы.

В рамках исследования было предложено несколько возможных объяснений наблюдаемым данным, тем не менее это лишь предположения, которые требуют дальнейшей верификации с опорой на эмпирический материал. Так, представляется интересным изучение поведения депутатов региональных законодательных со-

браний в ходе обсуждений и принятия бюджетов регионов, а также обсуждение поправок к законам о бюджетах. Полезным может оказаться также исследование поправок к бюджетам регионов в ходе второго чтения: кто их внес, какова суть поправок и были ли они в итоге поддержаны парламентом? Ответы на эти вопросы позволяют лучше понять динамику взаимодействия между депутатами региональных законодательных собраний, а также между законодательной и исполнительной ветвями власти.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

The study was conducted within the framework of the HSE Fundamental Research Program.

Список источников / References

180

- Ansolabehere S., Snyder J. M., Stewart C. (2000) Old voters, new voters, and the personal vote: using redistricting to measure the incumbency advantage. *American Journal of Political Science*, 44 (1), pp. 17–34. <https://doi.org/10.2307/2669290>
- Cox G., McCubbins M. (1986) Electoral politics in a redistributive game. *Journal of Politics*, 48, pp. 370–389. <https://doi.org/10.2307/2131098>
- Desposato S., Petrocik J. (2003) The variable incumbency advantage: new voters, redistricting, and the personal vote. *American Journal of Political Science*, 47 (1), pp. 18–32. <https://doi.org/10.1111/1540-5907.00002>
- Dixit A., Londregan J. (1996) The determinants of success of special interests in redistributive politics. *Journal of Politics*, 58 (4), pp. 1132–1155. <https://doi.org/10.2307/2960152>
- Drazen A. (2000) The political business cycle after 25 years. *NBER Macroeconomics Annual*, 15, pp. 75–117. <https://doi.org/10.1086/654407>
- Fujimura N. (2022) The trade-off between equal representation and electoral participation: the effect of redistricting on voter turnout. *Representation*, 58 (4), pp. 547–563. <https://doi.org/10.1080/00344893.2021.1964584>
- Golden M., Min B. (2013) Distributive politics around the world. *Annual Review of Political Science*, 16, pp. 73–99. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-052209-121553>
- Grofman B., Cervas J. R. (2018) Can state courts cure partisan gerrymandering: lessons from *League of Women Voters v. Commonwealth of Pennsylvania* (2018). *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 17 (4), pp. 264–285. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3181092>
- Handley L., Grofman B. (2008) *Redistricting in Comparative Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Hayes D., McKee S. (2006) The participatory effects of redistricting. *American Journal*

- of *Political Science*, 53 (4), pp. 1006–1023. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2009.00413.x>
- Hiskey J. T. (1999) *Does democracy matter?* Pittsburgh: University of Pittsburgh.
- Hicken A. (2011) Clientelism. *Annual Review of Political Science*, 14, pp. 289–310. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.031908.220508>
- Hood M. V., McKee S. C. (2010) Stranger danger: redistricting, incumbent recognition, and vote choice. *Social Science Quarterly*, 91 (2), pp. 344–358. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2010.00696.x>
- Hunt C. R. (2018) When does redistricting matter? Changing conditions and their effects on voter turnout. *Electoral Studies*, 54, pp. 128–138. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2018.05.007>
- Lazarus J. (2009) Party, electoral vulnerability and earmarks in the U.S. House of Representatives. *Journal of Politics*, 71, pp. 1050–1061. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1125290>
- Magaloni B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. New York: Cambridge University Press.
- Miller M. K. (2015) Elections, information, and policy responsiveness in autocratic regimes. *Comparative Political Studies*, 48 (6), pp. 691–727. <https://doi.org/10.1177/0010414014555443>
- Marques I. I., Nazrullaeva E., Yakovlev A. (2016) Substituting distribution for growth: the political logic of intergovernmental transfers in the Russian Federation. *Economics & Politics*, 28 (1), pp. 23–54. <https://doi.org/10.1111/ecpo.12070>
- Tapp K. (2019) Measuring political gerrymandering. *The American Mathematical Monthly*, 126 (7), pp. 593–609. <https://doi.org/10.1080/00029890.2019.1609324>
- Ramachandran G., Gold D. (2018) Using outlier analysis to detect partisan gerrymanders: a survey of current approaches and future directions. *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 17 (4), pp. 286–301. <https://doi.org/10.1089/elj.2018.0503>
- Wang S. S.-H. (2016) Three tests for practical evaluation of partisan gerrymandering. *Stanford Law Review*, 68, pp. 1263–1321. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2671607>
- Wong S. H. W. (2019) Gerrymandering in electoral autocracies: evidence from Hong Kong. *British Journal of Political Science*, 49 (2), pp. 579–610. <https://doi.org/10.1017/S0007123416000685>

Приложение

Результаты оценки моделей в спецификации метода событий

Таблица 6. Коэффициенты при дамми-переменных, указывающих на относительное время до (после) экспериментального воздействия, в моделях с качеством предоставляемых общественных благ с уровнем отсечения в одно наблюдение

Table 6. Coefficients for dummy variables indicating the relative time before (after) the experimental intervention in models of the quality of provided goods with a one-observation cutoff level

Зависимая переменная	-4	-3	-1	0	1	2
Качество дорог	-0,228 (3,086)	0,923 (3,032)	2,295 (3,033)	3,082 (3,031)	2,839 (3,321)	5,395 (3,772)
Состояние дошкольных учреждений	-4,275 (3,890)	-1,218 (3,965)	-3,259 (5,150)	-6,932 (4,143)	-17,229* (7,686)	-12,674 (7,194)
Объем ремонта канализационной сети	0,011 (0,012)	0,005 (0,011)	0,001 (0,012)	-0,008 (0,011)	-0,017 (0,020)	-0,013 (0,019)
Объем ремонта тепловой сети	-0,008 (0,013)	0,002 (0,013)	-0,016 (0,013)	-0,005 (0,014)	NA	NA
Объем ремонта водопроводной сети	-0,002 (0,012)	-0,003 (0,012)	-0,001 (0,013)	-0,001 (0,012)	-0,007 (0,016)	-0,007 (0,022)

Уровни значимости: *** 0,001; ** 0,01; * 0,05

Таблица 7. Коэффициенты при дамми-переменных, указывающих на относительное время до (после) экспериментального воздействия, в моделях с объемом финансирования общественных благ с уровнем отсеечения в одно наблюдение.

Table 7. Coefficients for dummy variables indicating the relative time before (after) the experimental intervention in models of the funding volume of goods with a one-observation cutoff level

Тип расходов	Зависимая переменная	-5	-4	-3	-1	0	1	2
Фактические	Дорожное хозяйство	59,32 (207,8)	109,62 (205,7)	-56,89 (225,3)	281,47 (230,4)	208,70 (217,0)	286,32 (345,9)	294,69 (387,5)
	ЖКХ	236,92 (851,7)	59,76 (842,0)	-94,14 (922,2)	-213,69 (942,5)	-410,23 (891,0)	-166,12 (1428,3)	-298,72 (1542,1)
	Образование	2135,42*** (603,8)	405,99 (596,8)	1233,51 (653,6)	1130,85 (668,2)	1259,66* (632,2)	932,99 (1013,4)	2596,89* (1094,8)
	Дорожное хозяйство	64,77 (363,9)	-106,46 (344,1)	-163,65 (338,1)	9,72 (337,9)	-148,60 (344,2)	57,61 (460,5)	-325,29 (563,5)
Запланированные	ЖКХ	172,35 (1481,8)	-47,46 (1405,3)	151,01 (1415,5)	-597,01 (1415,6)	-358,27 (1455,0)	-467,75 (1952,5)	136,55 (2379,0)
	Образование	35,76 (475,4)	272,77 (455,5)	406,72 (458,2)	1313,11** (458,3)	375,25 (471,3)	-348,81 (631,2)	699,17 (771,9)

183

Таблица 8. Коэффициенты при дамми-переменных, указывающих на относительное время до (после) экспериментального воздействия, в моделях с качеством предоставляемых общественных благ с уровнем отсеечения в 50%

Table 8. Coefficients for dummy variables indicating the relative time before (after) the experimental intervention in models of the quality of provided goods with a 50% cutoff level

Зависимая переменная	-4	-3	-1	0	1	2
Качество дорог	-2,169 (4,724)	0,657 (4,689)	0,231 (4,688)	0,453 (4,722)	-0,050 (4,889)	1,803 (5,588)
Состояние дошкольных учреждений	-8,566 (7,528)	0,351 (7,529)	-9,503 (10,867)	-6,962 (7,786)	NA	NA

Объем ремонта канализационной сети	0,031 (0,024)	0,020 (0,019)	0,011 (0,021)	0,014 (0,020)	-0,007 (0,018)	0,009 (0,027)
Объем ремонта тепловой сети	-0,004 (0,025)	0,016 (0,025)	-0,017 (0,025)	-0,003 (0,025)	0,000 (0,025)	0,000 (0,025)
Объем ремонта водопроводной сети	-0,001 (0,027)	-0,001 (0,028)	0,010 (0,032)	-0,001 (0,026)	-0,006 (0,032)	NA

Уровни значимости: *** 0,001; ** 0,01; * 0,05

Таблица 9. Коэффициенты при дамми-переменных, указывающих на относительное время до (после) экспериментального воздействия, в моделях с объемом финансирования общественных благ с уровнем отсеечения в 50%

Table 9. Coefficients for dummy variables indicating the relative time before (after) the experimental intervention in models of the funding volume of goods with a 50% cutoff level

184

Тип расходов	Зависимая переменная	-5	-4	-3	-1	0	1	2
	Дорожное хозяйство	-482,08 (367,0)	-115,78 (361,2)	-278,04 (408,5)	62,22 (430,3)	-204,45 (399,0)	-717,83 (812,5)	-549,92 (686,9)
Фактические	ЖКХ	391,46 (1490,5)	370,81 (1452,6)	359,80 (1639,8)	118,79 (1725,8)	181,25 (1621,0)	1123,58 (3356,7)	1093,05 (2499,5)
	Образование	3252,29** (1057,9)	663,54 (1030,9)	1864,72 (1163,7)	1727,98 (1224,8)	3318,54** (1150,7)	749,92 (2383,0)	3857,59* (1774,7)
	Дорожное хозяйство	-803,74 (652,7)	-673,42 (624,9)	-849,27 (586,8)	-874,89 (587,2)	-859,70 (589,5)	-303,45 (708,4)	-1204,47 (892,5)
Запланированные	ЖКХ	138,01 (2744,2)	312,75 (2455,0)	462,20 (2393,7)	-390,28 (2394,9)	-393,19 (2471,5)	-154,85 (2989,3)	275,01 (3761,9)
	Образование	-1749,37* (851,3)	-1332,46 (772,7)	-809,67 (774,2)	880,89 (774,7)	-1470,69 (799,5)	-1477,56 (965,9)	55,37 (1217,4)

Уровни значимости: *** 0,001; ** 0,01; * 0,05

Об авторе / About the author

Девятников Вадим Юрьевич — стажер-исследователь Международного центра изучения институтов и развития НИУ ВШЭ, аспирант Аспирантской школы по политическим наукам НИУ ВШЭ в Москве. Научные интересы: электоральные исследования, электоральные автократии, региональные выборы.

<https://orcid.org/0009-0009-5278-7232>. E-mail: vdevyatnikov@hse.ru

Vadim Y. Devyatnikov — a research assistant at the International Center for the Study of Institutions and Development at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) and a PhD student at the HSE University Doctoral School of Political Science in Moscow. Research interests: electoral studies, electoral autocracies, and regional elections. <https://orcid.org/0009-0009-5278-7232>. E-mail: vdevyatnikov@hse.ru

Институциональный кризис градостроительного зонирования в России

Татьяна В. Гудзь*

<https://orcid.org/0000-0001-8855-4136>

Роман В. Бабейкин*

<https://orcid.org/0000-0002-5999-376X>

Наталья В. Самоловских**

<https://orcid.org/0000-0002-7326-7780>

186

Рекомендация для цитирования:

Гудзь Т. В., Бабейкин Р. В., Самоловских Н. В. (2025) Институциональный кризис градостроительного зонирования в России. *Социология власти*, 37 (4): 186-214
EDN: RJDRJU

For citation:

Gudz T. V., Babeikin R. V., Samolovskikh N. V. (2025) The Institutional Crisis of Urban Zoning in Russia. *Sociology of Power*, 37 (4): 186-214

Поступила в редакцию: 05.03.2025;
прошла рецензирование: 28.06.2025;
принята в печать: 20.08.2025
Received: 05.03.2025; Revised:
28.06.2025; Accepted: 20.08.2025

© Authors, 2025

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

** Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация

Резюме: Исследование посвящено институциональному кризису градостроительного зонирования в России, который проявляется в разрыве между его официальным предназначением как механизма регулирования застройки и фактической правоприменительной практикой. Теоретическая рамка исследования базируется на положениях неинституциональной теории, включая дискурсивный подход, который позволяет объяснить, каким образом градостроительное зонирование, будучи формально выраженным в нормативном правовом акте (правилах землепользования и застройки), в реальной правоприменительной практике в целом трансформируется в инструмент ситуативного администрирования. Выдвинутая гипотеза заключается в том, что отсутствие четкого нарратива о градостроительном зонировании в официальном

дискурсе способствует размытости его институционального статуса. Это выражается в утрате нормативной автономности, зависимости от функционального зонирования генерального плана и подчиненности управленческой логике упрощения административных процедур. Ключевые исследовательские вопросы включают анализ институциональной коммуникации между уровнями власти, разграничение зонирования как института и инструмента, а также выявление информационной асимметрии в правоприменении. В работе применены методы дискурс-анализа, включающие анализ нормативных актов, пояснительных записок законопроектов, ведомственных актов, публичных докладов и аналитических отчетов. Фактический дискурс изучен на основе глубинных интервью с экспертами, опроса органов местного самоуправления и государственной власти субъектов РФ, судебной практики, анализа правил землепользования и застройки, изменений в них, индивидуальных актов применения специальных процедур. Анализ проводится через призму ключевых нарративов, таких как упрощение административных процедур, снижение регуляторных барьеров и централизация полномочий в градостроительной сфере. Результаты показывают, что градостроительное зонирование теряет институциональную субъектность, превращаясь в инструмент административного воздействия, не обеспечивающий определенность регулирования и предсказуемость землепользования и застройки.

187

Ключевые слова: градостроительное зонирование, правила землепользования и застройки, функциональное зонирование, генеральный план, перераспределение муниципальных полномочий, централизация полномочий, институциональный кризис, дискурсивный институционализм

The Institutional Crisis of Urban Zoning in Russia

Tatiana V. Gudz*

<https://orcid.org/0000-0001-8855-4136>

Roman V. Babeikin*

<https://orcid.org/0000-0002-5999-376X>

Natalia V. Samolovskikh**

<https://orcid.org/0000-0002-7326-7780>

* National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

** Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract: This study focuses on the institutional crisis of zoning in Russia, understood as a legal and administrative institution, which manifests in the gap between its official purpose as a mechanism for regulating construction and its actual law enforcement practice. The theoretical framework of the research is based on the principles of neo-institutional theory,

including a discursive approach that explains how zoning—formally established as a regulatory legal act—is transformed in practice into a tool of ad hoc administration. The proposed hypothesis suggests that the absence of a clear narrative on zoning in official discourse contributes to the institutional uncertainty surrounding it. This results in the loss of regulatory autonomy, dependence on the functional zoning of the general plan, and subordination to the bureaucratic logic of administrative simplification. The key research questions include an analysis of institutional communication between different levels of government, the distinction between zoning as an institution and as a tool, and the identification of information asymmetry in law enforcement. The study employs discourse analysis methods, including the examination of legal acts, explanatory notes to draft laws, departmental acts, public reports, and analytical reviews. Empirical discourse is explored through in-depth expert interviews, surveys of local self-government bodies and state authorities of the Russian Federation, judicial practices, an analysis of land use and development rules, their amendments, and individual acts applying special procedures. The analysis is conducted through the lens of key narratives such as the simplification of administrative procedures, the reduction of regulatory barriers, and the centralization of powers in urban planning. The results indicate that zoning is losing its institutional agency, transforming into an instrument of administrative regulation that fails to ensure regulatory certainty and predictability in land use and development.

188

Keywords: zoning, land use and development rules (zoning ordinance), functional zoning, general plan, redistribution of municipal powers, centralization of powers, institutional crisis, discursive institutionalism

Введение

В 2025 году исполняется двадцать лет со дня принятия Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ), что дает основания для анализа значимости и эволюции его ключевых институтов. Одним из них является градостроительное зонирование (далее — также зонирование, оба термина используются как равнозначные). Зонирование формирует нормативно закрепленный порядок регулирования землепользования и застройки — устанавливает использование земельных участков и предельные параметры застройки, процедуры внесения изменений в такое регулирование. Эта рамка выполняет ключевые институциональные функции: ограничивает произвольность решений, обеспечивает согласованность текущего и планируемого использования, снижает неопределенность строительных изменений и формирует предсказуемую среду для всех — от органов власти и профессиональных акторов до собственников земельных участков. Именно эта способность градостроительного зонирования координировать интересы, удерживать стабильность правил, снижать транзакционные издержки

делает его институтом, формирующим регулятивные ожидания и задающим ориентиры изменения городских территорий.

При этом регулирование землепользования и застройки осуществляется как непосредственно через нормативные правовые акты различного уровня (ГрК РФ, региональные законы, местные акты — правила землепользования и застройки, далее — ПЗЗ), так и одновременно с этим через индивидуальные правовые акты органов, осуществляющих муниципальные полномочия (предоставление разрешений на условно разрешенный вид использования (далее — УРВИ), на отклонение от предельных параметров застройки).

В официальном дискурсе градостроительное зонирование в России остается неопределенным и незаметным. Несмотря на то что ГрК РФ выделяет ему значимое место в структуре закона, отсутствие артикулированной вербализации этого института в законодательских инициативах, профессиональном дискурсе создает ситуацию, в которой зонирование большинством значимых акторов считается и воспринимается скорее как сопутствующий (технический) инструмент, чем как ключевой институт регулирования застройки, определяющий стабильные «правила игры» для всех.

Если рассматривать эту проблематику в рамках неоинституционального подхода, то можно предположить, что индивиды, их мировоззрение и идеи повлияли на характер работы указанного института, а следовательно, отсутствие четкого нарратива о зонировании способствовало и размытости его идеологического статуса. Официальный дискурс в целом строится вокруг ключевых нарративов о необходимости снижать административные барьеры и одновременно концентрировать ресурсы на уровне субъектов РФ, чтобы обеспечить более эффективное управление проектами на территориях и, таким образом, гарантировать спланированную результативность национального проекта¹. В данном случае важно оценить, какие нарративы отсутствуют, какие доминируют и как это соотносится с фактической ситуацией правоприменения (влияет на правоприменительную практику). Если градостроительное зонирование не формируется в официальном дискурсе как самостоятельный институт и подчиняется функциональному зонированию генерального плана и задачам административной оптимизации, то оно *утрачивает свою институциональную субъектность*. В этом случае зонирование становится инструментом, лишь обеспечиваю-

1 Имеется в виду национальный проект «Жилье и городская среда». В настоящее время с 01.01.2025 реализуется национальный проект «Инфраструктура для жизни», в который в том числе вошли федеральные проекты «Жилье» и «Формирование комфортной городской среды».

щим функционирование другого института — территориального планирования.

Выявление разрыва между формальным и фактическим дискурсом может прояснить, в каких ситуациях градостроительное зонирование проявляется как институт, как инструмент или одновременно как инструмент и институт, каким образом устроена институциональная коммуникация между уровнями власти и можно ли говорить о наличии информационной асимметрии, а также как проявляется принципало-агентская проблема в отношениях федеральных органов исполнительной власти (далее — ФОИВ) и органов местного самоуправления (далее — ОМСУ), органов государственной власти (далее — ОГВ) субъектов РФ и ОМСУ в сфере регулирования землепользования и застройки.

Институциональный взгляд на трансформацию института регулирования землепользования и застройки

190

Институциональная теория получила свое развитие в рамках многих социальных наук, включая экономику, социологию, публичное право. В контексте данной работы представляет интерес анализ институтов через призму функционирования органов публичной власти, предполагающий их понимание, с одной стороны, как управленческих структур, формируемых этими органами (Williamson 1998, p. 16), а с другой — как наборов правил, которыми определенные структуры оперируют при принятии решений (Ostrom 1986, p. 5). Первый подход уже нашел отражение в актуальных исследованиях правовых аспектов осуществления градостроительной деятельности в России (Громова 2015; Нанба 2016; Гудзь 2024). При этом взгляд на трансформацию институтов в сфере градостроительной деятельности, с точки зрения сторонников широкой трактовки институциональной теории, требует более глубокого изучения, что связано с тем, что набор «правил игры» может меняться динамически и не всегда находить прямое отражение в изменении правовой нормы.

В логике классического институционализма институты определяются как находящиеся в состоянии равновесия; постулируется, что их трансформация является следствием воздействия на них извне (Thoenig 2003, p. 129). Однако присутствие принципало-агентской проблемы, указывающей на наличие информационной асимметрии между руководством органов власти и непосредственными администраторами управленческих процедур (Niskanen 1968, p. 299), равно как и роль, которую сила вменения правовой нормы в моменте играет в работоспособности формальных институтов (Os-

from 2004, pp. 114–116), определяют лимиты экзогенной трансформации институциональной среды; аналогичное видение проявлено в большинстве актуальных публикаций по теме (Fürstenberg 2016, p. 57; Koning 2016, pp. 648–649; Lægreid 2020, p. 425). Исследования, проведенные в логике концепции постсоциалистической трансформации, также продемонстрировали важность учета внутренних факторов в изменении работы институтов (Chavance 2008, p. 60); поздняя же критика постсоциализма вовсе показала, что внутренние факторы также определяют частичный откат к предыдущему состоянию как возможный вектор изменения институтов (Muller 2019, pp. 545–546; Cima 2022, p. 1373).

Анализ внутренних предпосылок к формированию определенных институтов, в свою очередь, делает критически важным исследование состава, целей и убеждений акторов, обеспечивающих их функционирование. Здесь актуальным становится обращение к положениям неoinституциональной теории. В рамках неoinституционализма сложилось несколько трактовок отношений отдельных акторов и институтов, которые базово можно свести к неoinституционализму рационального выбора (экономическому неoinституционализму), а также историческому, социологическому и дискурсивному неoinституционализму. Неoinституционализм рационального выбора (равно как исторический и социологический) делает акцент на главенствующей роли институтов в формировании поведения акторов, тогда как дискурсивное направление скорее сфокусировано на роли индивида в формировании институтов (Hadler 2015, p. 189). Если в логике исторического институционализма институты меняются волнообразно, ввиду чего возникает приоритет в исследовании мотивов определенных социальных групп — «драйверов» изменений (Peters 2005, p. 1276), то в рамках дискурсивного подхода признается важная роль и прочих акторов, ведь институты формируются через достижение консенсуса (Fetters 1993, p. 4). То есть в рамках дискурсивного понимания неoinституционализма релевантным становится включение в исследуемую группу акторов правоприменителей норм (Rogenhofer 2024, p. 12).

В контексте дискурсивного подхода существенным является дискурс-анализ, позволяющий исследовать не только сами идеи, положенные в основу института, но и процессы взаимодействия, в ходе которых эти идеи передаются от субъекта к субъекту, тем самым приводя к постепенному изменению социальной структуры (Shad 2015, p. 7). То есть воплощенные в дискурсе идеи акторов определяют, как формируются институты, как они развиваются и изменяются в результате развития (Peters 2005, p. 1293).

Осмысление проблематики трансформации российской системы регулирования градостроительной деятельности традиционно

ведется с точки зрения анализа письменных источников (нормативные правовые акты) как идеологами ГрК РФ (Трутнев 2019), так и значимыми экспертами в сфере (Бандорин 2011; Бандорин 2016; Гудзь 2024). В логике данного исследования дискурс-анализ является наиболее подходящим методом для выявления того, как акторы вербализуют свое понимание законодательных норм и фактического состояния регулирования.

Бессистемный характер внесения изменений в ГрК РФ, фрагментарное разграничение функций ФОИВ в градостроительной деятельности и наделение субъектов РФ широким перечнем дискреционных полномочий позволяют косвенно утверждать о наличии конфликта между сложившейся моделью непересекающихся полномочий и новой управленческой моделью, сформировавшейся в ходе реализации национальных проектов (Гудзь 2024, с. 193–194). При этом мотивы агентов изменений на сегодняшний день изучены только косвенным образом (см.: Бабейкин 2024, с. 192–193; Бедерсон 2024, с. 74–75; Гудзь 2024, с. 191); не существует исследований, систематизирующих позиции как представителей ключевых регуляторов (Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (далее — Минстрой России), Министерство экономического развития Российской Федерации (далее — Минэкономразвития России), Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — Росреестр) и ведущих федеральных экспертов, так и правоприменителей — служащих ОГВ субъектов РФ и ОМСУ.

С другой стороны, перспективным оказывается и исследование того, как сам институт градостроительного зонирования мог повлиять на правоприменителей, так как считается, что институты сами по себе способны определять целеполагание деятельности акторов (Ferris 1993, p. 5). Такое понимание свойственно сторонникам социологического подхода, полагающим, что под воздействием институтов акторы могут менять свое поведение, адаптируясь к ним (Jenson 2010, pp. 77–78; von Billerbeck 2020, pp. 92–93). Если обратиться к видению идеологов ГрК РФ, то очевидно, что и они во многом рассматривали институт градостроительного зонирования аналогичным образом (Трутнев 2010, с. 129–130; Высоковский 2015, с. 408–410). Логично предположить, что за более чем 20 лет существования градостроительное зонирование могло сформировать определенную культуру регулирования на местном уровне¹.

1 Стоит сделать оговорку, что говорить о полном оформлении такой привычки нельзя — неформальная культура меняется значительно медленнее формальных институтов (Shad 2015, p. 8) — однако первые изменения уже

Поэтому высказанную ранее в работе гипотезу видится релевантным проверить с позиции дискурсивного институционализма. Для этого необходимо провести систематизацию позиций представителей ключевых регуляторов, ведущих федеральных экспертов и правоприменителей о роли градостроительного зонирования в управлении развитием территорий. Анализ будет направлен на выявление того, как различные группы акторов формулируют свое понимание законодательных норм, а также каким образом их интерпретации отражаются в существующих практиках и в фактическом состоянии регулирования землепользования и застройки.

Проявление официального и фактического дискурсов о градостроительном зонировании

Под официальным дискурсом в статье понимается совокупность риторик, формальных и неформальных правил, используемых представителями ОГВ и связанными с ними акторами, для легитимации и обоснования принимаемых решений. Этот дискурс создается определенными акторами, которые обладают властными полномочиями и имеют возможность влиять на формирование правовых норм и их общественное восприятие.

193

Официальный дискурс рассматривается главным образом на основе текстов законопроектов о внесении изменений в ГрК РФ и пояснительных записок к ним (всего 44 внесения изменений в части градостроительного зонирования с 2004 года). Кроме того, исследуются официально опубликованные стенограммы заседаний Правительства РФ за период с 2022 по 2024 год. Также изучаются ведомственные акты, в частности, результаты проверок Минстроя России и Минэкономразвития России. Наконец, анализируются тексты опубликованных на сайтах Минстроя России, Минэкономразвития России и Росреестра публичных презентаций, докладов, методических рекомендаций и планов деятельности (21 документ), а также стандартов и аналитических докладов институтов развития в лице ВЭБ.РФ и ДОМ.РФ (27 документов).

Под фактическим дискурсом будем понимать совокупность практик, вербальных и невербальных коммуникаций, действий и решений, которые определяют реальное функционирование гра-

могут быть видны, так как правоприменение формируется на стыке формальных институтов (норм) и неформальных практик (привычки) (Уваров 2022, с. 56); видится, что подобное отношение к правоприменению в рамках неинституциональной теории позволит преодолеть определенную предвзятость, свойственную исследователям постсоциалистических порядков (в части такой критики см.: Волкова 2024, с. 12).

достроительного зонирования как института в конкретном социально-управленческом контексте. В отличие от официального дискурса, который закреплён в нормативных документах и публичных заявлениях, фактический дискурс формируется в процессе повседневного правоприменения, взаимодействия акторов и адаптации норм (трансформации целей и содержания) к реальным условиям. Фактический дискурс в рамках работы оценён с использованием комплексной методологии, включающей проведение глубинных интервью экспертов и опроса органов публичной власти.

При разработке выборки для интервью были учтены различные группы акторов, обладающие разными взглядами на роль ПЗЗ. В выборку вошли институциональные эксперты, представители девелопмента, лидеры проектных компаний, регуляторы (ФОИВ), руководители функциональных подразделений и члены коллегиальных органов власти ОМСУ и ОГВ субъектов РФ, а также руководители профильных подведомственных учреждений (19 интервью).

Опрос был направлен на сбор количественной статистики, необходимой для подтверждения проблем, связанных с применением градостроительного зонирования как для органов, непосредственно осуществляющих полномочия в этой сфере, так и для заинтересованных правоприменителей. Также использовались формы сбора статистики издания индивидуальных правовых актов по специальным процедурам, что позволяло соотнести отдельные результаты опросов с данными статистики. В опросе приняло участие 355 ОМСУ, в том числе представители местных администраций муниципальных образований разного размера; также были получены ответы от 32 представителей ОГВ субъектов РФ и их подведомственных организаций. Данные опроса представляют собой относительные показатели, полученные от респондентов из профильного подразделения (при ответе на большинство вопросов респондентам было предложено выбрать соответствующее значение на шкале от 1 до 5) и систематизированные по группам респондентов в зависимости от размера муниципального образования и принадлежности к ОМСУ или ОГВ субъекта РФ. Как правило, заполненная анкета отправлялась после проверки руководителем подразделения.

Отсутствие вербализации и статус градостроительного зонирования как «невидимого» института

В официальном дискурсе градостроительное зонирование не позиционируется как *самостоятельный* институт регулирования землепользования и застройки, что подтверждается отсутствием фокуса

внимания законодателя на раскрытии его потенциала. Из 44 федеральных законов, вносивших изменения в главу ГрК РФ о зонировании, ни один не был направлен на развитие этого института, однако они содержали корректировки в правовой контекст работы с ним: упрощение (сокращение) процедур, с одной стороны, и введение новых (согласование архитектурно-градостроительного облика объекта) — с другой. Изменения были противоречивыми с точки зрения принципа публичности и гласности (внедрение общественных обсуждений наряду с публичными слушаниями для расширения возможности участия, но постепенное сокращение случаев, когда их проведение требуется) и вводили новые институты, стимулирующие изъятия из общего регулирования.

Дополнительным индикатором отсутствия концептуального подхода к работе с зонированием является включение значительной части норм о нем в законопроекты на этапе внесения поправок¹, что исключает их связь с пояснительными записками и свидетельствует об отсутствии заранее сформированной позиции законодателя. Это означает, что градостроительное зонирование на федеральном уровне не рассматривается как самостоятельный объект регулирования и институционального развития. Его отдельные аспекты получают развитие в зависимости от функций конкретных регуляторов и доминирующего на данный момент времени управленческого контекста (национальный проект, земельная или административная реформа, комплексное развитие территорий (далее — КРТ), амнистии (дачная, гаражная, лесная) и подобное).

195

Анализ результатов контрольно-надзорной деятельности Минэкономразвития России и Минстроя России в отношении ОГВ субъектов РФ показывает, что в большинстве случаев характер проводимых проверок является формально-бюрократическим. Это выражается в преимущественном контроле за соблюдением процедуры принятия градостроительной документации (генеральный план, ПЗЗ, документация по планировке территории (далее — ДПТ)), ее структуры, а также использования определенных формулировок в региональных и муниципальных актах.

Федеральные регуляторы по-разному позиционируют роль зонирования, что дополнительно размывает его статус. Для Минстроя России как федерального регулятора градостроительной деятельности, за исключением территориального планирования, подотчетным агентом в целом являются ОГВ субъектов РФ, с которыми он

1 Например, возможность утверждать ПЗЗ местной администрацией, если это предусмотрено законом субъекта РФ, ряд изменений для специальных процедур (УРВИ, отклонение от предельных параметров застройки).

взаимодействует и сотрудничает, тогда как утверждение ПЗЗ является муниципальным полномочием. Вопросы градостроительного зонирования не входят в сферу деятельности Минэкономразвития России, но тем не менее его подзаконные акты вторгаются в регулирование градостроительного зонирования¹. Росреестр, в свою очередь, последовательно вербализует практически все элементы градостроительного зонирования — территориальные зоны, границы земельных участков, зоны с особыми условиями использования территорий (далее — ЗОУИТ), виды разрешенного использования (далее — ВРИ), изменение ВРИ — выступая одновременно как правоприменитель и как оператор кадастра недвижимости. Таким образом, для Росреестра зонирование одновременно является институтом и инструментом. Росреестр при осуществлении своих полномочий обязан руководствоваться ПЗЗ как нормативным правовым актом, обеспечивающим осуществление своих полномочий по администрированию земельно-имущественных отношений и кадастровому учету. Инструментальная сущность деятельности Росреестра проявляется в ведении Единого государственного реестра недвижимости как свода достоверных сведений, в том числе о земельных участках, о границах территориальных зон. Такая деятельность связана с администрированием публичных карт и формированием баз данных, что предопределяет статус Росреестра как ключевого генератора достоверных сведений о землепользовании и монополиста на такую информацию, и не подразумевает его вторжения в идеологизацию градостроительного зонирования. Между тем Росреестр подкрепляет статус градостроительного зонирования как технического документа.

В рамках административного управления каждый федеральный регулятор работает в границах своего формального мандата, вследствие чего вопросы, лежащие на стыке компетенций в градостроительном зонировании, не подвергаются системной рефлексии. Подтверждением этому служат не только непосредственные изменения в ГрК РФ, но и другие законы и ведомственные акты самих ФОИВ. Аналогично центрированность на повышении технической эффективности регулирования в границах предмета собственного ведения читается и во всех проанализированных материалах ФОИВ. Одновременно побуждение к межведомственному взаимодействию официально не декларируется и самим Правительством РФ.

1 Приказ Минэкономразвития России от 09.01.2018 № 10, включающий требования к описанию и отображению территориальных зон в рамках единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования.

Все регуляторы едины в позиционировании доступности информации о пространственных данных в целом и землепользовании в частности. Активно транслируется многообразие платформ и открытых данных, а также их постоянное развитие и совершенствование, в том числе с технической точки зрения. Однако этот процесс остается в рамках административной реформы, ориентированной прежде всего на граждан и бизнес: акцент делается на полноту информации и удобство ее поиска.

Таким образом, отсутствие концептуального видения градостроительного зонирования на федеральном уровне и преобладание фрагментарного, реактивного подхода к его «регулированию» говорит о размытости его институционального статуса и подчиненности текущим регуляторным задачам ФОИВ в рамках их компетенций.

Фактический дискурс выстраивается вокруг доминирующей роли генеральных планов и их восприятия как долгосрочного документа планирования (даже стратегического), устанавливающего вектор пространственного развития на 20 и более лет, и на фоне закрепляемой практикой проектирования политики разрастания городов (Головин 2021). Это формирует идеологию закрепления будущего, где градостроительное зонирование воспринимается как подчиненный инструмент, обеспечивающий реализацию генерального плана.

197

«Правила землепользования и застройки, как инструмент реализации генерального плана, устанавливают параметры, дифференцируя их там, где мы в настоящее время имеем территории, для которых дополнительное развитие инфраструктуры генеральным планом не предусмотрено» (институциональный эксперт).

Поэтому генеральные планы рассматриваются как основа градостроительного зонирования и оставляют зонированию роль лишь «следующего» за функциональными зонами. Судебная практика, определившая статус генерального плана как нормативного акта¹,

1 См. п. 1.1 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 58 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании нормативных правовых актов» и действующий сейчас п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами».

также закрепляет необходимость полного соответствия градостроительного зонирования положениям генерального плана¹.

«Судебная практика на сегодняшний день нас привела к тому, что стали просто сравнивать генеральный план и правила землепользования и застройки, и даже если, не дай бог, там территориальная зона чуть-чуть выходит за границу функциональной зоны генерального плана, то все говорят, что ничего менять нельзя, <...> хотя в Градостроительном кодексе написано вроде только с учетом генерального плана. И у нас в департаменте мы все равно до сих пор придерживаемся мнения, что должно быть с учетом, а не в соответствии, но, к сожалению, другие органы контролирующие, прокуратура, так не считают» (представитель подразделения ОМСУ, осуществляющего функции по градостроительному зонированию).

Молчание федерального регулятора по этому поводу может расцениваться правоприменителями как его согласие с позицией суда о соотношении ПЗЗ и генерального плана, несмотря на то что соответствующие нормы в ГрК РФ не изменялись.

198

«Даже решение судов на эту тему было, когда отказывали в силу того, что в генплане что-то не то сделано, и даже суд говорил о том, что ПЗЗ должны полностью соответствовать генплану» (представитель представительного ОМСУ).

Такое производное положение градостроительного зонирования сопровождается отсутствием полноценного профессионального дискурса о методологии проектирования и необходимой информации для осуществления муниципальных полномочий по подготовке проектов зонирования, их проверке. В фактическом дискурсе градостроительное зонирование воспринимается не как институт, а как инструмент, обеспечивающий приведение конкретных проектных решений на отдельных территориях в соответствие с положениями и идеологией генерального плана.

Этот подход находит подтверждение в результатах опроса респондентов: среди оснований для внесения изменений в ПЗЗ называются приведение документа в соответствие генеральному плану, изменение границ территориальных зон, размещение земельных участков в разных территориальных зонах, установление или изменение предельных параметров, изменение ВРИ, устранение несоответствий с ЗОУИТ, судебные акты и акты прокурорского надзора,

1 П. 57 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2018), утвержденного Президиумом ВС РФ 14 ноября 2018 г.

а также необходимость размещения объектов капитального строительства различного значения. По сути, первые два и последнее основания выступают прокси-механизмом приведения ПЗЗ в соответствие генеральному плану. В данной ситуации и Росреестр, и ОМСУ оказываются заложниками административной нагрузки, вызванной идеологической ошибкой в соотношении генерального плана и ПЗЗ, что провоцирует массовый поток изменений в ПЗЗ.

Решая эту проблему, Росреестр фактически перестраивает систему регулирования через инструментальные требования, ориентированные на кадастровый учет. Взаимодействие между Росреестром и Минстроем России по зонированию формируется в логике принципало-агентской модели, где Минстрой России выступает в роли принципала, формально определяющего выработку и реализацию политики и направления регулирования зонирования, а Росреестр — в роли агента, ответственного за администрирование земельно-имущественных отношений и кадастровый учет.

«Росреестр, который вырабатывает политику с точки зрения гражданского оборота недвижимости <...> в отличие от других ФОИВ, стоит как орган, который не совсем и политику-то вырабатывает, а как орган контроля и регистрации: “Мы придумали классификатор и жестко стоим на том, чтобы при регистрации в ячейку попал земельный участок и дал соответствующий ВРИ”. Тут никакой политики и нет, по большому счету» (представитель ФОИВ).

199

Специальный закон¹ и ведомственные акты, включая классификатор ВРИ, держат в постоянном напряжении ОМСУ, требуя от них адаптации к задачам Росреестра. Перекос в «кадастровую» технологизацию зонирования отражается на структуре квалификаций служащих, и такой сдвиг подтверждается изменением структуры кадровых квалификаций. При остром кадровом запросе на градостроителей равный по объему спрос формируется на кадастровых инженеров для взаимодействия с территориальными органами Росреестра. В условиях ограниченности штатных структур ОМСУ и ОГВ субъектов РФ делается выбор в пользу кадастровых инженеров, что лишает их возможности формировать эффективный квалифицированный кадровый состав для решения градостроительных задач.

При этом, несмотря на декларируемую открытость пространственных данных, муниципалитеты не получают необходимой

1 Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ.

информации в нужных объемах и форматах. Это приводит к формированию сложной агентской структуры, в рамках которой зонирование оказывается под влиянием двух регуляторов с разными функциональными приоритетами. С одной стороны, Росреестр реализует кадастровые функции, которые напрямую влияют на содержание зонирования. С другой стороны, приоритеты зонирования и его правоприменение остаются недостаточно институционализированными в межведомственном дискурсе, что создает разрыв между регулированием учета сведений градостроительного зонирования в кадастре недвижимости и проектной логикой определения границ территориальных зон. В результате ОМСУ одновременно ожидают получить нормативно-методическую поддержку от Минстроя России и информационную от Росреестра. Это искажает принципало-агентские отношения, создавая ситуацию, в которой ОМСУ вынуждены адаптироваться к разным политикам регулирования, не всегда согласованным между собой.

Таким образом, с одной стороны, градостроительное зонирование утрачивает свою нормативную автономию, подчиняясь полностью генеральному плану, с другой — на фоне информационной асимметрии набирают силу технические способы решения проблем, где приоритет отдается формальной «чистоте» сведений реестра и сокращению административной нагрузки. Этот процесс логично перетекает в доминирующий нарратив о необходимости снижения административных барьеров.

Нарративы упрощения административных процедур и снижения административных барьеров

Официальный дискурс о градостроительном зонировании формируется через нарративы упрощения административных процедур и снижения административных барьеров. В случаях, когда можно обратиться к текстам пояснительных записок, допустимо выделить следующие выражения, соседствующие с понятием градостроительного зонирования либо тесно связанными с ним понятиями, например, ПЗЗ, территориальные зоны: «отмена избыточных процедур», «устранить препятствия», «снижение административных барьеров», «оптимизация государственного регулирования», «упрощенный порядок», «сокращение сроков и процедур», «оптимизировать процедуры», «инвестиционный климат», «улучшение предпринимательского климата», «единые требования».

Анализ пояснительных записок позволяет зафиксировать главную риторику, формируемую в лексике административной реформы, включающую сокращение сроков и процедур, снижение административных барьеров и другие аспекты упрощения право-

применительной практики. При этом отсутствует словесная формула, которая позволяла бы говорить о внимании к конкретным проблематикам правоприменения в градостроительном зонировании. Тем не менее внесение изменений в ПЗЗ связывают с представлениями об административных барьерах и законодательно закрепляют решение, направленное на «автоматическое» изменение градостроительного зонирования при изменении функциональных зон¹. Здесь градостроительное зонирование в контексте административной реформы скорее выступает инструментом снижения бюрократической нагрузки. При этом в вопросе освоения или преобразования территорий акцент смещается в сторону развития других инструментов — изъятий из общего регулирования градостроительным зонированием. Об этом свидетельствуют предлагаемые законопроекты и пояснительные записки к ним, которые демонстрируют концептуальное желание вовлекать в градостроительную деятельность, в том числе жилищное строительство, все больше «депрессивных» территорий.

Минстрой России активно продвигает КРТ как стратегический инструмент трансформации городских территорий, предоставляя правовую и информационную поддержку субъектам РФ и организуя образовательные и дискуссионные мероприятия, посвященные его преимуществам². В повестке практически всех крупных строительных и градостроительных форумов неизменно присутствует секция, посвященная КРТ, что свидетельствует о его институциональном продвижении в качестве флагманского механизма преобразования недвижимости и воздействия на изменение качества городской среды. Однако при этом отсутствует альтернативный нарратив, который бы предлагал развитие градостроительного зонирования на принципах устойчивого развития и предсказуемости строительных изменений.

Таким образом, акцент формального дискурса смещается на развитие других институтов, например КРТ, которые выводят значительные территории из-под действия ПЗЗ. В сочетании с риторикой о ПЗЗ как об административных барьерах это формирует установку на отказ совершенствовать регулирование застройки на основе градостроительного зонирования. В правоприменительной практике замещение открытого и продолжительного процесса на «гибкое» регулирование в результате либерализации законодательства не при-

1 Речь идет о введении в ГрК РФ единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования.

2 См., например, <https://minstroyrf.gov.ru/trades/kompleksnoe-razvitieterritoriy/5-normativnaya-baza/> (дата обращения: 26.02.2025)

вело к снижению количества изменений в ПЗЗ, что подтверждается статистическими данными.

Результаты опроса показывают, что инициативы по внесению изменений в ПЗЗ во всех группах городов исходят от широкого круга акторов: ОГВ субъектов РФ, ОМСУ, девелопмента, представителей общественности, владельцев индивидуального жилья. Таким образом, зонирование выступает прежде всего инструментом, который разные группы акторов используют для достижения собственных целей. Для ОГВ субъектов РФ и муниципалитетов зонирование становится инструментом размещения объектов капитального строительства, реализации национальных проектов и решения инфраструктурных задач. Для девелопмента зонирование выступает инструментом достижения своих экономических целей — получения более выгодных параметров застройки (увеличение этажности, плотности, изменение использования земельного участка и пр.), что повышает экономическую отдачу проектов.

Однако для муниципальных правоприменителей градостроительное зонирование имеет двойственную природу и свои особенности. С одной стороны, ОМСУ подчиняются ему, следуя устоявшимся нормам и процедурам, и в этом смысле зонирование выступает полноценным институтом, формирующим их профессиональные привычки, стандарты поведения и представления о «правильном» развитии территории. Рутинное следование процедурам — от подготовки изменений в ПЗЗ до опубликования результатов публичных слушаний — снижает риски оспаривания решений и воспринимается как безопасная административная практика. Это приводит к снижению уровня критического анализа запросов на изменение зонирования, так как правоприменители воспринимают свою роль как «автоматическое» выполнение предписаний. Цитата ниже подтверждает восприятие зонирования как процедуры, которую необходимо «обслуживать» вне зависимости от ее содержания.

«Вот эта первая цифра — то есть количество инициатив по корректировке град документации — гигантская. В общей логике того, чему учила нас классическая градостроительная наука, и того, к чему мы все стремимся — что генплан это такая вещь на 25 лет, но раз в 5 лет можно было бы зайти на корректировку. Но ничего подобного. Вот у меня в регионе, в агломерации, вот такие цифры реально, и это ад. Ад для нас, управленцев, то есть это большое количество сопровождающей работы» (представитель ОГВ субъекта РФ, в т.ч. осуществляющего функции по градостроительному зонированию).

Именно этот формальный подход объясняет многочисленные изменения в ПЗЗ, в том числе в пользу более высокой и плотной

застройки. Нормы, закрепляющие такие параметры как признаки экономического развития, формируют у правоприменителей устойчивые идеологические установки: «чем выше и плотнее застройка, тем лучше для города». Таким образом, зонирование влияет не только на процедуры, но и на ценностные ориентиры, направляя решения муниципалитетов в определенное русло¹.

С другой стороны, через применение специальных процедур (предоставления разрешений на УРВИ, отклонение от предельных параметров застройки) зонирование используется ОМСУ как инструмент. Анализ распределения публичных слушаний по видам документации (генеральный план, внесение изменений в него, ПЗЗ и внесение изменений в них, ДПТ, специальные разрешения) показывает устойчивую закономерность: в большинстве муниципалитетов наибольший удельный вес занимают слушания, связанные именно с градостроительным зонированием и специальными процедурами. Во всех типах муниципальных образований — от крупнейших городов до малых городов и сельских поселений — слушания по проектам ПЗЗ, внесению в них изменений, а также по вопросам предоставления разрешений на УРВИ и отклонения от предельных параметров формируют основной массив обсуждений. Для крупных и крупнейших городов характерна явная концентрация слушаний на специальных процедурах: разрешения на УРВИ и отклонения составляют значительную часть всех случаев рассмотрения. В средних и малых городах, а также в сельских поселениях пропорции несколько иные, однако тенденция сохраняется: вопросы, связанные с изменениями ПЗЗ и получением специальных разрешений, стабильно занимают первое место по популярности на всех слушаниях.

203

Специальные процедуры в руках ОМСУ превращаются в инструмент ситуационного регулирования — корректировки правового режима земельного участка без внесения изменений в ПЗЗ. Статистика разрешений на УРВИ за 2017–2022 годы показывает важную и мало проговариваемую тенденцию: использование специальных процедур радикально отличается от задуманного. В крупнейших и крупных городах значимая масса запросов концентрируется вокруг многоквартирной застройки (МКД). Вторая заметная категория — разрешения на индивидуальное жилищное строительство (ИЖС). Другие запрашиваемые ВРИ — общественное питание, религиозное использование, сервисы и подобное присутствуют в стати-

1 В качестве подобного примера в территориальном планировании можно привести убеждение — чем шире дороги, тем выше пропускная способность, значит, нужно расширять дороги.

стике закономерно, они являются по своей природе конфликтными по отношению к соседним земельным участкам. Но доля МКД и ИЖС подтверждает, что именно жилищная застройка — как высотная, так и индивидуальная — стала главным полем применения специальных процедур с искаженной целью их применения. Муниципалитет может манипулировать ситуацией в принятии нужного решения — либо «блокировать» рассматриваемый проект на публичных слушаниях, либо, напротив, добиваться желаемых параметров застройки через те же публичные слушания. При этом такое поведение формирует высокие издержки на проведение процедур по выдаче разрешений на УРВИ. Только в 39 крупных и крупнейших городах России, от которых были получены данные о фактическом количестве выданных за 2017–2022 годы разрешений¹, их число составило почти 5200 актов. С учетом процедур по организации и проведению публичных слушаний этот объем превышает более 15 тысяч административных действий ОМСУ, при этом 2/3 от этого объема приходится на руководителей ОМСУ (принятие решений о проведении публичных слушаний, общественных обсуждений, издание решения о предоставлении или отказе такого разрешения).

204

Отношения между Минстроем России и ОМСУ, а также между Минстроем России и Росреестром демонстрируют классическое проявление принципно-агентской проблемы. Минстрой России как принципал из-за информационной асимметрии по отношению к ОМСУ (агентам) не может оценить ни масштабы применения специальных процедур на уровне муниципалитетов, ни фактическое применение Классификатора ВРИ, администрируемого Росреестром. Это создает второй уровень агентской проблемы — когда Росреестр, обладая полномочиями по утверждению Классификатора ВРИ, действует как агент по отношению к Минстрою России, который отвечает за цели градостроительного зонирования.

В рамках фактического дискурса эффектом либерализации законодательства выступает значимый объем изъятий, который формируется не только в результате масштабного использования специальных процедур (УРВИ и отклонение от предельных параметров), но и КРТ². Вместе с этим применение изъятий из общих

1 Данные собраны авторами статьи в рамках ТЗ-258 «Состояние и направления совершенствования правового регулирования общественных отношений в сфере градостроительной деятельности в российских городах», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

2 Число решений о КРТ жилой застройки, нежилой застройки, о комплексном развитии незастроенных территорий, принятых на муниципальном уровне (227 решений о КРТ, или 88% от общего количества проанализиро-

правил несет большие риски неопределенности будущих публичных обязательств.

В этой логике нарративы упрощения и снижения административных барьеров формируют практику, в которой зонирование используется прежде всего как инструмент достижения собственных целей акторов: в одних случаях — через изменение целей применения УРВИ, в других — через технологизацию зонирования, а в третьих — через возможность капитализировать девелоперские проекты благодаря рутинизации процедур внесения изменений в ПЗЗ.

Централизация полномочий субъекта РФ в градостроительной сфере

В официальном дискурсе централизация, подразумевающая в том числе концентрацию полномочий на уровне субъекта РФ, позиционируется как необходимый и обоснованный шаг для повышения эффективности управления территориальным развитием. Централизация рассматривается как способ сосредоточения финансовых, кадровых и управленческих ресурсов на уровне субъекта РФ, что позволяет увеличить темпы и масштаб реализации национальных проектов, в том числе за счет обеспечения согласованности градостроительных решений на всех уровнях управления, оптимизации процессов планирования и реализации спланированных мероприятий. Предполагается, что служащие ОГВ субъектов РФ обладают соответствующей компетенцией в вопросах планирования и реализации сложных инфраструктурных проектов субъекта РФ, выходящих за границы одного муниципалитета. Одновременно нарратив строится вокруг необходимости обеспечения единообразия в подходах к формированию условий для эффективной реализации проектов, мероприятий национального проекта, что предполагает выработку унифицированных правил, процедур проектирования и требований к разработчикам¹.

205

ванных решений о КРТ), значительно превышает число соответствующих решений, принятых на региональном уровне (31 решение о КРТ, или 12% от общего количества проанализированных решений о КРТ). См. Результаты мониторинга практик регулирования и реализации проектов комплексного развития территорий жилой застройки в субъектах Российской Федерации в 2021–2024 гг. Фонд «Институт экономики города». https://www.urbanomics.ru/sites/default/files/monitoring_krt_zhiloi_zastroiki_2024.pdf (дата обращения: 24.02.2025)

- 1 Например, Классификатор ВРИ, НИР «Формирование алгоритма и методологии разработки объемно-пространственных регламентов территорий

Таким образом, в условиях отсутствия критериев перераспределения муниципальных полномочий эффективность приобретает нормативное значение, выступая оправданием или тем самым критерием для концентрации муниципальных полномочий на региональном уровне. В риторике, сопровождающей перераспределение полномочий, субъектам РФ приписывается позитивный образ — уровня власти, обладающего необходимыми ресурсами и компетенциями. Этому противопоставляется образ ОМСУ как агентов с ограниченными ресурсами, которые не могут справиться с градостроительными задачами, где требуются особые подходы, знания в планировании и регулировании застройки.

Сейчас в более чем 40 субъектах РФ перераспределены муниципальные полномочия в области градостроительной деятельности; из них полномочия по утверждению ПЗЗ переданы на региональный уровень в 23 субъектах, а предоставление разрешений на УРВИ и отклонение от предельных параметров — в 17. При этом полномочия по проведению публичных слушаний не перераспределялись и везде остались на уровне ОМСУ. Избирательный характер перераспределения автоматически создает разрыв между полномочиями, которые эффективно работают только на одном уровне власти. Передача субъектам РФ полномочий по утверждению ПЗЗ отражает прежде всего стремление к управленческому контролю, а не повышению эффективности осуществления муниципальных полномочий по регулированию застройки. Закрепление этой функции за исполнительной, а не законодательной ветвью власти региона объясняется упрощением администрирования изменений в зонирование.

В результате для ОГВ субъектов РФ градостроительное зонирование становится инструментом контроля и администрирования смежных процессов (соответствие его функциональному зонированию, обеспечение отсутствия препятствий для размещения объектов регионального и федерального значения), а не полноценным институтом регулирования. При этом, оставляя публичные слушания на местном уровне, относя их к рутинным, но вместе

поселений и городских округов» (короткая ссылка <https://clck.ru/3Gqrar> дата обращения: 27.02.2025), Методические рекомендации по комплексному развитию территорий жилой застройки (<https://minstroyrf.gov.ru/trades/kompleksnoe-razvitie-territoriy/4-metodicheskie-rekomendatsii-po-realizatsii-proektov-kompleksnogo-razvitiya-territoriy/> дата обращения: 27.02.2025), в рамках поручения Президента РФ Пр-2217, п. 1.4 по разработке единых требований к структуре и содержанию мастер-планов развития городов и квалификационных требований к их разработчикам как квинтэссенции проявления официального дискурса.

с этим ресурсно затратным полномочиям, регионы оказываются в положении информационной зависимости от ОМСУ. Эта информационная асимметрия усиливается из-за многочисленных изъятий (КРТ) и отклонений от общего правила в рамках индивидуальных решений, что приводит к эффекту неосведомленности о состоянии регулирования застройки.

Снова возникает и принципало-агентская проблема: ОМСУ, обладая большим фактическим доступом к информации и практическим опытом применения ПЗЗ, действуют как агенты, решения которых регион не может объективно оценить. Отсутствие мониторинга правоприменения и нормоконтроля в сфере регулирования землепользования и застройки со стороны ОГВ препятствует институциональному обучению: ОГВ субъектов РФ остаются в позиции информационной и экспертной зависимости (от действий агентов-ОМСУ).

Сопоставление данных по квалификационному составу подразделений, занимающихся градостроительным зонированием, показывает, что организационные структуры органов государственной власти субъектов РФ практически не отличаются от структур профильных подразделений муниципалитетов, прежде всего — крупных и крупнейших городов. Во всех анализируемых группах территорий — от ОГВ субъектов РФ до малых городов и сельских поселений — доминируют специалисты со следующими квалификациями: градостроители, архитекторы, кадастровые инженеры, землеустроители, юристы, а также в меньшей степени представлены экономисты и инженеры строительного профиля. Распределение этих профессий по уровням власти не демонстрирует значимых преимуществ региональных органов власти, которыми объясняется перераспределение полномочий по градостроительному зонированию. На практике они сталкиваются с теми же кадровыми ограничениями, что и муниципалитеты: дефицитом специалистов — градостроителей, недостаточным числом служащих с междисциплинарной подготовкой. Обладание ОГВ субъектов РФ информацией, информационными системами, более тесными отношениями с Росреестром не дают вклада в эффективное осуществление полномочий по зонированию, не компенсируют и не замещают проблемы, авторизированные процессом перераспределения муниципальных полномочий.

207

«Накопив некоторый проектный и управленческий капитал, связанный с зонированием, были перераспределены полномочия, и на сегодня непонятна эта история абсолютно. Когда мне приходилось выступать, и я нашего губернатора на это ориентировала и говорила: «(имя и отчество губернатора), не надо нашу модель транслировать и навязывать. Давайте будем

в риторике, что у нас так, но это не значит, что все так смогут, потому что есть города действительно с сильнейшим органом управления этими процессами <...> и мертвая областная архитектура» (представитель ОГВ субъекта РФ, осуществляющего в т. ч. функции по градостроительному зонированию).

Таким образом, нарратив о повышении эффективности ОГВ субъектов РФ в сфере регулирования землепользования и застройки за счет перераспределения муниципальных полномочий не находит подтверждения на практике и, более того, скорей говорит об обратном — потенциальном снижении уровня эффективности осуществления полномочий в этой сфере. Концентрация муниципальных полномочий, а следовательно, и ресурсов, на региональном уровне ограничивает ОМСУ в возможности влиять на политики землепользования и участие местных сообществ в принятии градостроительных решений, что подрывает публичность и гласность зонирования.

Заключение

208

Проведенный анализ формального и фактического дискурсов о градостроительном зонировании в рамках неоинституционального подхода проявил ряд ключевых проблем и тенденций.

Во-первых, градостроительное зонирование в его текущем виде не обладает полноценной институциональной субъектностью, что выражается в отсутствии нормативной автономности, независимого механизма регулирования и признания его роли в официальном дискурсе.

Во-вторых, разрыв между формальным дискурсом и реальным правоприменением свидетельствует о наличии институционального кризиса градостроительного зонирования, выражаемого в разрыве между его нормативным предназначением для регулирования застройки и правоприменительной практикой.

В-третьих, вопреки декларируемой оптимизации регулирования фактическое регулирование становится менее прозрачным и более непредсказуемым, менее устойчивым и более уязвимым, и зависимым от ситуативных решений и давления отдельных акторов.

Кроме того, анализ выявил следующие структурные проблемы.

Официальный дискурс маскирует институциональный кризис, создавая иллюзию управляемости и стабильности регулирования землепользования и застройки. Роль ФОИВ в трансформации субъектности зонирования прежде всего проявляется в искажениях принципало-агентских отношений — как между федеральными регуляторами (Минэкономразвития России, Минстрой России, Рос-

реестр), так и между этими же регуляторами и ОМСУ. Идеологический вакуум, возникший из-за отсутствия единых методических основ для градостроительного зонирования, восполняется практикой отдельных ФОИВ: каждый действует в соответствии с теми задачами, которые стоят в конкретный момент времени перед ним согласно его компетенции. В результате Минэкономразвития России действует в логике территориального планирования, Росреестр — в рамках кадастрового учета, Минстрой России — в логике выбора инструментов для реализации целей и показателей национальных проектов. Муниципалитеты в градостроительном зонировании оказываются в агентской зависимости одновременно от всех регуляторов, не имея возможности осуществлять собственную политику регулирования землепользования и застройки.

Односторонняя, многоканальная (от трех регуляторов) коммуникация сверху вниз не только не позволяет ОМСУ сформулировать проблему в градостроительном зонировании, но и делает невозможным определение адресата обращения с этой проблемой. Отсутствие адекватной обратной связи также ограничивает возможности регуляторов увидеть и оценить последствия межведомственной рассогласованности в градостроительном зонировании. С одной стороны, отсутствие каналов институциональной коммуникации между уровнями власти не позволяет ФОИВ оценивать реальное правоприменение в целом, а ОМСУ получать методическое обеспечение. С другой — отсутствие методического контроля и нормоконтроля позволяет органам, осуществляющим муниципальные полномочия в области градостроительной деятельности, изменять цели и назначение используемых правовых средств градостроительного зонирования.

209

Таким образом, выявленные структурные противоречия указывают на необходимость реформирования системы градостроительного зонирования, направленного на реконструкцию его нормативной автономности, выстраивания эффективных механизмов межведомственного взаимодействия федеральных регуляторов и обеспечения муниципалитетов организационно-правовыми механизмами, гарантирующими возможность осуществления полномочий по градостроительному зонированию на должном уровне, а также восстановления роли ОМСУ в управлении землепользованием и регулировании застройки.

Финансирование / Funding

В данной статье использованы результаты проектов ТЗ-258 «Состояние и направления совершенствования правового регулирования общественных отношений в сфере градостроительной деятель-

ности в российских городах» и ТЗ-155 «Методология мониторинга нормотворческой и правоприменительной практики в сфере градостроительной деятельности», выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 и 2023 годах.

This article draws on the results of research projects TZ-258 “State and Directions for Improving the Legal Regulation of Public Relations in the Field of Urban Planning in Russian Cities” and TZ-155 “Methodology for Monitoring Rule-Making and Law Enforcement Practices in the Field of Urban Planning.” Both projects were carried out within the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics in 2022 and 2023.

Благодарности / Acknowledgments

Авторы благодарят Минстрой России за содействие в организации сбора информации, органы местного самоуправления и органы государственной власти субъектов РФ — за участие в опросах, экспертов — за готовность открыто поделиться своими взглядами, а коллег факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ — за методическую поддержку и проведение интервью.

The authors thank the Ministry of Construction of Russia for facilitating data collection, local self-government bodies and regional public authorities of the Russian Federation for participating in the survey, the experts for their willingness to openly share their views, and colleagues from the Faculty of Urban and Regional Development at HSE University for methodological support and conducting the interviews.

Список источников / References

Бабейкин Р. В. (2024) Оценка эффективности региональных практик централизации управления в сфере градостроительной деятельности в России. *Государственное управление. Электронный вестник*, 106, с. 183–199. <https://doi.org/10.24412/4xd54757>

— Babeykin R. V. (2024) Evaluation of the effectiveness of regional practices of centralization of management in the sphere of urban development in Russia. *Public administration. Electronic Bulletin*, 106, pp. 183–199. <https://doi.org/10.24412/4xd54757> (in Russ.)

Бандорин Л. Е. (2011) Разрешенное использование земельных участков. Дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.06. М., 2011. — 227 с.

— Bendorin L. E. (2011) Permitted use of land plots. PhD dissertation in Law (specialization 12.00.06 — Land law). Moscow, 2011. 227 p. (in Russ.)

Бандорин Л. Е. (2016) О перераспределении полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области земельных отношений. *Экологическое право*, 6, с. 8–14. EDN: XIQHNH

— Bendorin L. E. (2016) On the redistribution of powers of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local governments in the field of land relations. *Environmental law*, 6, pp. 8–14. (in Russ.)

Бедерсон В., Минаева Э. (2024) Свои люди — сочтемся: условия централизации муниципальных полномочий в градостроительной сфере. *Социологическое обозрение*, 2 (23), с. 67–89. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-67-89> EDN: AETTRI

— Bederson V., Minaeva E. (2024) Our people — let's settle accounts: conditions for the centralization of municipal powers in the urban development sphere. *Russian Sociological Review*, 2 (23), pp. 67–89. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-67-89> (in Russ.)

Волкова Н. (2024) Градостроительная реформа: (не)правовое регулирование в российских городах. *Социологическое обозрение*, 2 (23), с. 11–38. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-11-38> EDN: PXSYYJ

— Volkova N. (2024) Urban development reform: (non)legal regulation in Russian cities. *Russian Sociological Review*, 2 (23), pp. 11–38. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-11-38> (in Russ.)

Высоковский А. А. (2015) *Александр Высоковский. Том 1. THEORY*. Grey Matter.

— Vysokovsky A. A. (2015) *Alexander Vysokovsky. Volume 1. THEORY*. Gray Matter. (in Russ.)

Планирование разрастания. Пространственная политика городов России (Текст): анализ. докл. / А. В. Головин, Т. В. Гудзь, Г. В. Витков, И. В. Карасельникова, Н. А. Косолапов; при участии Р. В. Гончарова, Е. А. Котова, В. А. Молодцовой, Ю. В. Кульчицкого, Р. В. Бабейкина, Д. Д. Дужик, Д. В. Парфеновой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 248 с. EDN: XNXTZF

— *Planning for sprawl. Spatial policy of Russian cities* (Text): research paper / A. V. Golovin, T. V. Gud'z', G. V. Vitkov, I. V. Karasel'nikova, N. A. Kosolapov; R. V. Goncharov, E. A. Kotov, V. A. Molodcova, Yu. V. Kul'chickiy, R. V. Babeykin, D. D. Duzhik, D. V. Parfyonova; Higher School of Economics (HSE). М.: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki (Editorial House of the Higher School of Economics), 2021. 248 p. (in Russ.)

Громова Д. В. (2015) Перераспределение полномочий в области градостроительной деятельности. *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд*, 33, с. 1–8. EDN: TWLJNP

— Gromova D. V. (2015) Redistribution of powers in the field of urban development. *Modern Trends in Economics and Management: A New Look*, 33, pp. 1–8. (in Russ.)

Гудзь Т. В., Бабейкин Р. В., Самоловских Н. В. (2024) Тенденции в перераспределении муниципальных полномочий в области градостроительной деятельности. *Закон*, 2, с. 184–195. EDN: ZONWND. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-2-184-195>

Gud'z' T. V., Babeikin R. V., Samolovskikh N. V. (2024) Trends in the redistribution

of municipal powers in the field of urban planning. *Law*, 2, pp. 184–195. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-2-184-195> (in Russ.)

Гудзь Т. В., Солдатова Л. В., Самоловских Н. В. (2023) Принципы градостроительного зонирования в судебной практике. *Правоприменение*, 3, с. 105–115. EDN: JAW-MYK. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7\(3\).105-115](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7(3).105-115)

— Gudz' T. V., Soldatova L. V., Samolovskikh N. V. (2023) Principles of urban zoning in judicial practice. *Law enforcement*, 3, pp. 105–115. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7\(3\).105-115](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7(3).105-115) (in Russ.)

Нанба С. Б. (2016) Перераспределение полномочий: соотношение федерального и регионального регулирования. *Журнал российского права*, 6, с. 32–40. EDN: WD-CPVB

— Nanba S. B. (2016) Redistribution of powers: the relationship between federal and regional regulation. *Journal of Russian Law*, 6, pp. 32–40. (in Russ.)

Трутнев Э. К. (2019) Градорегулирование: Правовое обеспечение градостроительной деятельности: альтернативные модели законодательства и программа исправления его ошибок. Фонд «Институт экономики города».

— Trutnev E. K. (2019) *Urban planning: Legal support for urban planning: alternative models of legislation and a program to correct its errors*. Institute of Urban Economics Foundation. (in Russ.)

212

Трутнев Э. К., Бандорин Л. Е. (2010) Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации. Ответы на проблемные вопросы градостроительной деятельности. Проспект. EDN: QSMNGJ

— Trutnev E. K., Bandorin L. E. (2010) *Commentary on the Urban Planning Code of the Russian Federation. Answers to problematic issues of urban planning*. Prospect. (in Russ.)

Уваров А. А. (2022) О принципах мониторинга правоприменения. *Мониторинг правоприменения*, 1 (42), с. 56–60. EDN: PHGLYX

— Uvarov A. A. (2022) On the principles of monitoring law enforcement. *Monitoring of Law Enforcement*, 1 (42), pp. 56–60. (in Russ.)

Chavance B. (2008) Formal and Informal Institutional Change: the Experience of Postsocialist Transformation. *The European Journal of Comparative Economics*, 5 (1), pp. 57–71.

Cima O., Sovova L. (2022) The End of Postsocialism (as We Knew It): Diverse Economies and the East. *Progress in Human Geography*, 46 (6), pp. 1369–1390. <https://doi.org/10.1177/03091325221127295>

Ferris J. M., Tang S.-Y. (1993) The New Institutionalism and Public Administration: An Overview. *Journal of Public Administration Research and Theory*, J-PART, pp. 4–10.

Fürstenberg K. (2016) Evolutionary Institutionalism. *Politics and the Life Sciences*, 35 (1), pp. 48–60. <https://doi.org/10.1017/pls.2016.8>

Hadler M. (2015) Institutionalism and Neo-institutionalism: History of the Concepts. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (2nd edition)*, 12, pp. 186–189.

Jenson J., Merand F. (2010) Sociology, Institutionalism and the European Union.

- Comparative European Politics*, 8 (1), pp. 74–92. <https://doi.org/10.1057/cep.2010.5>
- Koning E. A. (2016) The Three Institutionalisms and Institutional Dynamics: Understanding Endogenous and Exogenous Change. *Journal of Public Policy*, 36 (4), pp. 639–664. <https://doi.org/10.1017/S0143814X15000240>
- Lægreid P. (2020) Public Administration Research in Norway: An Organisational and Institutional Approach to Political Organisations (pp. 421–438). In: Bouckaert G., Werner J. (eds.). *European Perspectives for Public Administration*, Leuven University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvv417th.26>
- Müller M. (2019) Goodbye, Postsocialism! *Europe-Asia Studies*, 71 (4), 533–550. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1578337>
- Niskanen W. A. (1968) The Peculiar Economics of Bureaucracy. *The American Economic Review*, 58 (2), Papers and Proceedings of the Eightieth Annual Meeting of the American Economic Association, pp. 293–305.
- Ostrom E. (1986) An Agenda for the Study of Institutions. *Public Choice*, 48, pp. 3–25.
- Ostrom E. (2004) The Quest for Meaning in Public Choice. *American Journal of Economics and Sociology*, 63 (1), pp. 105–147. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.2004.00277.x>
- Peters B. G., Pierre J., King D. S. (2005) The Politics of Path Dependency: Political Conflict in Historical Institutionalism. *The Journal of Politics*, 67 (4), pp. 1275–1300. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2005.00360.x>
- Rogenhofer J. M. (2024) A Pluralistic Conception of Laws as Social Institutions. In: Jackson, P. T. (ed.). *Decisiveness and Fear of Disorder. Political Decision-Making in Times of Crisis*. University of Michigan Press.
- Shad W. (2015) *Defining Institutions: Exploring institutional change. The Contribution of Co-production to Shaping Institutions*. International Institute for Environment and Development.
- Thoenig J.-C. (2003) Institutional Theories and Public Institutions: Traditions and Appropriateness (pp. 127–148). In: Peters G., Pierre J. (eds). *Handbook of Public Administration*. Sage. <https://doi.org/10.4135/9780857020970.n8>
- von Billerbeck S. (2020) Sociological Institutionalism (pp. 91–110). In: Oksamytna K., Karlsrud J. (eds). *United Nations Peace Operations and International Relations Theory*. Manchester Hive.
- Williamson O. E. (1998) *The Economic Institutions of Capitalism*. Free Press.

Об авторах / About the authors

Гудзь Татьяна Васильевна — кандидат экономических наук, приглашенный преподаватель, Высшая школа урбанистики им. Высоковского факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ. Научные интересы: публичная политика городского развития, регулирование землепользования и застройки, адаптация и переосмысление культурного наследия в городе.

<https://orcid.org/0000-0001-8855-4136>. E-mail: gudz.tv@hotmail.com

Tatiana V. Gudzy — Cand. Sci. (Economics), Visiting Lecturer, Vysokovsky Graduate

School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University. Research interests: urban development policy, land-use regulation, adaptive reuse and reinvention heritage in urban contexts.

<https://orcid.org/0000-0001-8855-4136>. E-mail: gudz.tv@hotmail.com

Бабейкин Роман Валерьевич — эксперт, Высшая школа урбанистики им. Высоковского факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ. Научные интересы: государственное и муниципальное управление, разграничение и перераспределение полномочий, регулирование землепользования и застройки, городское планирование.

<https://orcid.org/0000-0002-5999-376X>. E-mail: rbabeikin@hse.ru

Roman V. Babeikin — expert, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University. Research interests: public administration, delineation and redistribution of powers, land use regulation, urban planning.

<https://orcid.org/0000-0002-5999-376X>. E-mail: rbabeikin@hse.ru

214

Самоловских Наталья Владимировна — соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева. Научные интересы: нормотворчество, регулирование землепользования и застройки, городские конфликты.

<https://orcid.org/0000-0002-7326-7780>. E-mail: nvsamolovskikh@gmail.com

Natalia V. Samolovskikh — PhD candidate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. Research interests: law-making, land use regulation, urban conflicts.

<https://orcid.org/0000-0002-7326-7780>. E-mail: nvsamolovskikh@gmail.com

В горах так не принято: множественность нормативных систем в Северной Осетии

Полина М. Осипова*

<https://orcid.org/0009-0004-9148-422X>

Владимир Д. Чураков*

<https://orcid.org/0000-0002-1351-1083>

Сергей В. Виноградов*

<https://orcid.org/0000-0001-8621-3637>

Олег Д. Пырсииков*

215

* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Рекомендация для цитирования:
Осипова П. М., Чураков В. Д.,
Виноградов С. В., Пырсииков О. Д.
(2025) В горах так не принято:
множественность нормативных
систем в Северной Осетии.
Социология власти, 37 (4): 215-248
EDN: YNBXY

For citation:
Osipova P.M., Churakov V.D., Vinogradov
S.V., Pyrsikov O.D. (2025) This Is
Not Allowed in the Mountains: The
Multiplicity of Normative Systems in
North Ossetia. *Sociology of Power*, 37 (4):
215-248

Поступила в редакцию: 01.03.2025;
прошла рецензирование: 07.05.2025;
принята в печать: 22.09.2025
Received: 01.03.2025; Revised:
07.05.2025; Accepted: 22.09.2025

© Authors, 2025
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Цель исследования — уточнение особенностей и характеристика взаимодействия нормативных систем Брайана Таманаха с целью использования этой модели для более детального анализа пересечения социальных порядков. В ходе исследования используются интервью, собранные во время двух экспедиций в Северную Осетию в августе 2023 и октябре 2024 года. На основе результатов кодирования интервью были выявлены элементы и схемы взаимодействия нормативных систем. Эти системы включают такие элементы, как декларируемые нормы, их источники, институты реализации норм, отношение к ним и порядок их реализации на практике. Многие элементы встречаются в нескольких системах одновременно и взаимно пересекаются, что создает сложную сеть нормативных систем. Границы между нормативными системами могут быть строгими и нестрогими. В первом случае есть ясное понимание, что в определенной ситуации применяется конкретная нормативная система и никакая другая. При

нестрогих границах возможно обращение к двум или более нормативным системам. Однако даже строгие границы между нормативными системами динамичны и могут меняться со временем и в зависимости от субъекта их применения. В местах пересечений или строгих границ между нормативными системами возможны различные формы их взаимодействия. Институты реализации норм одной системы могут исполнять нормы другой, даже если эти нормы находятся в противоречии (например, помощь администрации города в ремонте крыши самовольной постройки). Или, напротив, институты разных нормативных систем могут соперничать за право реализовывать свои собственные нормы (учреждения судмедэкспертизы и родственники покойного мусульманина).

Ключевые слова: правовой плюрализм, полиюридизм, нормативные системы, Северный Кавказ, Северная Осетия

This Is Not Allowed in the Mountains: The Multiplicity of Normative Systems in North Ossetia

Polina M. Osipova*

<https://orcid.org/0009-0004-9148-422X>

Vladimir D. Churakov*

<https://orcid.org/0000-0002-1351-1083>

Sergey V. Vinogradov*

<https://orcid.org/0000-0001-8621-3637>

Oleg D. Pyrsikov*

* National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract: The purpose of the study is to identify the elements and characteristics of the interaction of Brian Tamanaha's normative systems for a more detailed analysis of the intersection of social orders. The research uses interviews collected during two expeditions to North Ossetia. Based on the results of coding interviews collected by the authors in August 2023 and October 2024, the authors identified elements and patterns of interaction between normative systems. These systems include elements such as the declared norms, their sources, institutions for the implementation of norms, attitudes towards them, and the procedure for their implementation in practice. Many elements occur in several systems at the same time, intersect with each other, creating a complex network of regulatory systems. The boundaries between regulatory systems can be strict and lax. In the first case, there is a clear understanding that a specific normative system is applied in a certain situation and no other. If the boundaries are not strict, it is possible to refer to two or more regulatory systems. Even strict boundaries between regulatory systems are dynamic and can change over time and depending on the subject of their application. In places where regulatory systems intersect or have

strict boundaries, various forms of their interaction are possible. The institution of implementing the norms of one system can comply with the norms of another, even if these norms are in conflict. Or, on the contrary, institutions of different regulatory systems may compete for the right to implement their own norms.

Keywords: legal pluralism, normative systems, North Caucasus, North Ossetia

Введение

Северная Осетия — регион Северного Кавказа, характеризующийся сложным переплетением нормативных систем, регулирующих поведение местных жителей. Традиции, глубоко укоренившиеся в социальной жизни республики, иногда не соответствуют правилам поведения, принятым в других регионах России, а также нормам официального позитивного права. Национальная и религиозная гетерогенность населения республики делает сосуществование различных систем социальных норм максимально наглядным: в жизни современного Владикавказа можно обнаружить черты традиционных форм взаимодействия, черты урбанизированного регионального центра и соседских сообществ высокой солидарности, а также места сосуществования (зачастую синкретического) множества этнических и религиозных культур, наряду с точками локализации институтов федеральной власти в национальной республике. Поэтому мы считаем этот регион подходящим для проведения эмпирических исследований феномена плюрализма разных нормативных порядков, моделей их сосуществования, стратегий разрешения конфликтов и т.д.

217

Хотя феномен сосуществования множества различных нормативных систем в одном социальном пространстве можно обнаружить с самых древних времен (Таманаша 2021, pp. 19–54), теоретические концепции правового плюрализма начали формироваться только в 60-х гг. XX века. В первую очередь популярность плюралистичных концепций была связана с тем, что она предлагала альтернативу господствовавшему «юридическому централизму» (Griffiths 1986) — то есть тенденции сводить право к единственной официальной системе норм, исходящих от государства. Такая система с небольшими ограничениями должна обладать свойствами унифицированности, иерархичности, всеобъемлемости, монополистичности и верховенства (Таманаша 2024, pp. 895–896). Однако юридический позитивизм оказался не способен всецело охватить наблюдаемые в обществе реальные взаимодействия граждан, их коммуникацию между собой и с государством. Во многих случаях модель поведения, предусмотренная государственным правом, не является до-

минирующей и рассматривается лишь как один из вариантов действий, к которым можно прибегнуть для обеспечения соглашений или разрешения конфликта.

Целью исследования является уточнение элементов и соотношения нормативных систем, предложенных Брайаном Таманаха, с целью использования этой модели для детального анализа пересечения социальных порядков на основе интервью, собранных во время двух экспедиций в г. Владикавказ, г. Беслан и ряд осетинских сел (Ногир, Михайловское, Фарн, Нар). Проведенные эмпирические исследования правового плюрализма в Республике Северная Осетия продемонстрировали как необходимость конкретизации указанной концепции Брайана Таманаха, так и широкий потенциал для ее развития и использования в последующих исследованиях. В ряде случаев четкое разграничение нормативных систем может отсутствовать, в результате чего люди склонны обращаться одновременно или последовательно к разным системам в целях достижения нужного результата.

Нужно отметить, что эмпирические исследования правового плюрализма на Северном Кавказе в целом слабо представлены в научной литературе.

218

В связи с этим полученные данные во время наших экспедиций в Северную Осетию позволяют по-новому оценить взаимодействие выделенных Б. Таманаха нормативных систем и предложить ряд уточнений к теории правового плюрализма, которые необходимы для более четкого определения концептуальной теоретической рамки, подходящей для использования в последующих исследованиях правового плюрализма на Северном Кавказе.

На основании анализа интервью охарактеризовано взаимодействие нормативных систем и выделены дополнительные элементы внутри них (декларируемые нормы, их источники, институты реализации норм, отношение к ним и порядок их реализации).

В первой части статьи представлен исторический обзор теоретических подходов к определению правового плюрализма, выявляются философско-правовые основания разногласий по этому вопросу, а также обосновывается обращение к концепции Б. Таманаха как стратегия уклонения от философско-правовой проблематики в эмпирических социолого-правовых исследованиях правового плюрализма. Во второй части представлен обзор эмпирических исследований правового плюрализма на Северном Кавказе. Третья часть содержит описание методологии и данных проведенного исследования. В заключительном разделе анализируются полученные эмпирические данные и обосновывается необходимость конкретизации концепции плюрализма нормативных систем Б. Таманаха как эмпирически продуктивной теоретической основы для последующих исследований.

Понятие правового плюрализма

Доминирующий в юридических работах взгляд на право можно охарактеризовать как правовой монизм или централизм. Право обычно рассматривается как система норм, создаваемых или признаваемых государством и подкрепляемых силой государственного принуждения. Эта непреложная догма усваивается юристами если не в рамках школьного курса обществознания, то на первом курсе университета, формируя их базовый концептуальный аппарат и оптику взгляда на социальные отношения.

В недавней статье Брайан Таманаха лаконично охарактеризовал центральные черты, определяющие монистический взгляд в юриспруденции (Таманаха 2024, pp. 895–896), — государственное право рассматривается как:

1. *Унифицированное* — правовая система государства воспринимается как единое целое;
2. *Иерархичное* — в рамках этой единой системы существует строгая иерархия;
3. *Ссеобъемлющее* — правовая система охватывает все общество, претендует на урегулирование любых отношений;
4. *Монополистичное* — государственное право является единственной формой права в обществе;
5. *Обладающее верховенством* — в случае коллизии сила государственных законов всегда выше любых других нормативных систем.

219

Вместе с тем такое общее теоретическое описание, широко разделяемое юристами, плохо работает в качестве полевой исследовательской оптики: перечисленные характеристики государственного права являются скорее не фактическим описанием существующих социальных отношений, а их идеализированным образом, транслируемым самим государством. Ситуации, когда право систематически проигрывает другим нормативным системам в борьбе за упорядочение общественных отношений, либо игнорируются юристами, либо расцениваются как проявления «правового нигилизма» и свидетельства «низкой правовой культуры». Джон Гриффитс называл идеологическим представлением, что «закон есть и должен быть законом государства, единым для всех лиц, исключаящим все другие законы» — монистический взгляд на право является мифом, идеалом, претензией и иллюзией, которые отражают лишь «моральные и политические притязания современного национального государства» (Griffiths 1986, pp. 3–4). Строго говоря, эта идеология может даже не являться определяющей для реального правоприменения — на принятие официальных решений не меньшее влияние могут оказывать нормы и ценности, не санкционированные госу-

дарством, а характеризующие «низовой» взгляд на право местных государственных служащих (Merry 1986; Chua, Engel 2019).

Хотя критику правового монизма можно обнаружить еще в работах юристов начала XX века (например, в концепции «живого права» австрийского правоведа Ойгена Эрлиха (Эрлих 2024) или в институциональной теории права итальянского юриста Санти Романо (Romano 2018)), термин «правовой плюрализм» становится общепринятым в академической литературе в 1960-е годы (Tamanaha 2021, p. 1). Появляются академические исследования плюрализма в правовых порядках прошлого (van den Bergh 1969), при колониальных режимах и в постколониальных обществах (Bentsi-Enchill 1969; Hooker 1975). Эти работы посвящены плюрализму как фактическому положению дел — вопросам рецепции обычного права и признанию государством юрисдикции местных судов над отдельными группами лиц в случае их споров между собой, но что еще важнее — они выполнены, выражаясь словами Дж. Гриффитса, «под знаком унификации» и отражают понимание правового плюрализма в «слабом» смысле — как наличия разных систем норм для разных групп населения (Griffiths 1986, pp. 5, 8). Как право определяются только те институты и нормы, которые или напрямую создаются государством, или признаются им.

Появление юридических исследований по теме во многом было связано с ростом внимания к феномену правового плюрализма в антропологических исследованиях по теме, проводимых в рамках подхода, сформулированного еще в 1926 году Брониславом Малиновским в работе о праве у племен тробрианцев (Малиновский 2015). Работы Б. Малиновского, М. Глакмана (Gluckman 1967) и Э. Хобеля (Hoebel 1954) популяризировали подход, согласно которому право не является уникальным продуктом современных государств, тем самым подготовив почву для изучения современных правовых обычаев и институтов, существующих параллельно с государственным правом.

В 1960-х годах выходят знаковые работы М. Смита (Smith 1966) и Л. Поспишила (Pospisil 1967), исследующие множественность правовых систем в одном обществе. В центре анализа оказываются не только крупные политические образования, но и небольшие организованные социальные поля, продуцирующие собственные обычаи и правила, создающие средства принуждения к их соблюдению¹. Тем не менее Поспишил в монистическом ключе характеризу-

1 М. Смит приравнивает по публичности и корпоративности: Соединенные Штаты, город Санта-Моника, Римско-католическую церковь, племена бушменов, доминирующую касту в индийской деревне, славянскую

ет правовые системы в обществе как иерархию «правовых уровней», привязываемых к социальным группам, а Смит считает социальной основой для правовых систем не иерархичные, но структурно гомологичные корпорации. Все это вызывает затруднения в случае анализа современных «сложных» обществ, предполагающих, по выражению М. Галантера, наличие «множества ассоциаций и сетей, пересекающихся и проникающих друг в друга, более раздробленных и менее сплоченных» (Галантер 2014, с. 411).

Серьезным прорывом в поиске эвристически продуктивной оптики для исследования правового плюрализма становится статья Салли Фальк Мур (Moore 1973). Она выявляет недостаток концептуального языка Поспишила и Смита — стремление «привязать» локус негосударственного нормотворчества к конкретным «правовым уровням» социального порядка или отдельным корпорациям. Вместо этого она предлагает сфокусироваться на процессуальном аспекте — полуавтономности, т.е. способности генерировать правила, обычаи и символы, притом что они остаются уязвимыми для внешних правил, решений и иных сил более широкого социального окружения (Ibid., p. 720). Социальные поля, обладающие свойством полуавтономности, не обязательно являются корпоративной группой — полуавтономным полем может быть и «арена, на которой несколько корпоративных групп взаимодействуют друг с другом» (Ibid., p. 722). Полуавтономные социальные поля могут пересекаться, накладываться и менять свою взаимную конфигурацию — главное внимание следует уделить не их месту в структуре общества, а самой их способности спонтанно генерировать правила и принуждать к конформизму, оставаясь при этом проницаемыми для государственного нормативного вмешательства. Непредвиденные последствия подобного вмешательства во многом и составляют научный интерес С. Ф. Мур — статья демонстрирует провалы целенаправленной «социальной инженерии государства» при столкновении с полуавтономными полями (Ibid., p. 743).

На базе материалов, собранных в полевых исследованиях среди племен джагга (окрестности Килиманджаро, Танзания) в 1968 и 1969 годах, Мур анализирует последствия государственного регулирования полуавтономных социальных полей (прежде всего, связанных с родовыми и соседскими отношениями). Попытки правительства Танзании законодательным путем провести социальные реформы

деревенскую общину, университеты, средневековые гильдии, хартерные компании и многие другие структуры — все они «обеспечивают рамки, в которых определяются и реализуются юридические аспекты социальных отношений» (Smith 1966, pp. 116, 119).

продемонстрировали, что «соседско-родовой комплекс» (lineage-neighborhood complex) имеет более эффективный контроль над своими членами, чем государство и его законы (Ibid., p. 744). Законодательная отмена частной собственности на землю, создание системы «ячеек десяти домов» (ten-house cells) и упразднение института вожества в равной степени наткнулись на тенденцию полуавтономного поля бороться с внешним вмешательством посредством игнорирования норм государственного права или их расширительного толкования на местах (Ibid., pp. 729–742). Созданные государством юридические права и обязанности оказались лишь еще одним (далеко не определяющим) ресурсом в сложившейся среди соседей и родственников системе распределения власти, привилегий и покровительства.

Отдельным достоинством концептуального языка С. Ф. Мур является его универсальная применимость к самым разнообразным отношениям. В этой же статье, помимо соседско-родового комплекса племен джагга, она рассматривает в качестве полуавтономного социального поля элитный сегмент швейной индустрии в Нью-Йорке (Ibid., pp. 723–729). Существование нормативных порядков характерно не только для постколониальных сообществ, но и для обыденной городской жизни в самом центре диктующего свой суверенный порядок государства. Бригадир швейного цеха, агент профсоюза и менеджер шоурума в Нью-Йорке обходятся с нормами государственного права так же, как балози (лидеры ячейки), бывшие вожди и главы семей в окрестностях Килиманджаро, — обходят формальные запреты и игнорируют законы, принуждают к исполнению «внеправовых» договоренностей и применяют «внеправовые» санкции, чаще обращаются к юридическим правам как к ресурсу для шантажа в личных переговорах, чем как к объекту судебной защиты.

Другой важной вехой в развитии исследований правового плюрализма, отразившей смещение научного интереса от изучения правовой периферии (т.е. обычного права бывших колоний и развивающихся стран) к анализу правовых систем развитых государств, стал выход в 1981 году работы Марка Галантера, посвященной правосудию в США (Галантер 2014). Галантер предложил отказаться от парадигмы правового централизма, характеризующей разрешение споров как центристское движение — стремление получить «доступ к правосудию» посредством выноса разбирательства за пределы изначальной социальной среды конфликта и передачи его в руки авторитетных государственных органов. Более адекватной ему кажется центробежная модель, согласно которой урегулирование конфликтов осуществляется «в тени закона» — путем переговоров сторон внутри социальной среды, где случился кон-

фликт (Там же, с. 392–393). Государственные суды в центробежной модели выступают скорее в роли распределителя «переговорных фондов» — обеспечиваемые государственным принуждением юридические права и процессуальные действия используются сторонами как переговорные «козыри», но само судебное разбирательство если и запускается, то обычно не доводится до конца в силу дороговизны и неэффективности (Там же, с. 397). Процесс урегулирования конфликтов на «внутреннем форуме» (в семье, корпорации, коммерческой сети) Галантер описывает как «локальное правосудие» (*indigenous ordering*) с применением «неписаного закона» (*indigenous law*) — местных социальных норм (Там же, с. 406–407). Процветание «неписаных законов» в США Галантер иллюстрирует ссылкой на обширный перечень литературы, посвященной различным полуавтономным социальным полям (от религиозных и этнических общин до спортивных коллективов и коммерческих рынков) (Там же, с. 410).

С популяризацией понятия «правовой плюрализм» после выхода в 1998 году обзорной работы Салли Энгл Мерри (Merri 1988) происходит масштабная экспансия этого языка описания в различные области исследований (Tamanaha 2021, pp. 1–2). Этот процесс не мог обойтись без концептуальных сложностей — с самого начала в среде исследователей правового плюрализма разгорелся серьезный теоретический спор относительно границы правового и неправового в области социального контроля. Если право создается не только государством, но может также «самозарождаться» в полуавтономных социальных полях, то где проходит его граница с неправовыми социальными нормами? Можно ли говорить о правилах застолья или неформальных требованиях к одежде как о «неписаном законе», сложившемся в полуавтономном поле осетинской национальной культуры? Является ли это адекватным языком описания или скорее путает исследователей? Любой ли обычай соразмерен в своем правовом характере государственным законам?

Салли Фальк Мур в своей оценке крайне осторожна — в статье о полуавтономных социальных полях она специально оговаривается, что они порождают социальные нормы, и избегает слова «право», резервируя его лишь для государственных законов (Moore 1973, p. 727). Джон Гриффитс, во всем остальном высоко оценивающий идеи Мур, эту позицию счел проявлением правового централизма, так как у Мур граница правового привязывается к государственному признанию (Griffiths 1986, p. 37). В своей статье-манифесте он провозглашает необходимость «сильного» понимания правового плюрализма — как социального факта, не зависящего от государственного признания и отражающего множественность реальных нормативных систем, являющихся источниками «права» в социальном порядке (Griffiths

1986, pp. 38–39). Этот подход станет доминирующим в исследованиях по правовому плюрализму, но окажется слишком широким в своем определении «права» — Мур констатирует, что правовой плюрализм как понятие стал собранием «всякой всячины» (*omnium gatherum*), объединяющим исследования неформальных договорных обязательств в небольших сообществах фермеров с глобальным торговым регулированием процесса производства кукол Барби (Моогс 2014). Столь широкое понимание «правового» ведет лишь к концептуальной неразберихе. После критики в чрезмерной инклюзивности Гриффитс и сам отказался от своего изначального проекта правового плюрализма в его радикальной версии (Griffiths 2006).

Строго говоря, набиравшая с 1970-х годов обороты дискуссия о правовом плюрализме в самых существенных своих вопросах натолкнулась на проблемы, составляющие центральный разлом юридического дискурса на протяжении тысячелетий и особую остроту приобретшие в XX веке — в эпоху тоталитаризма, мировых войн, кратного разрастания государственных полномочий в социальной сфере и государственного вмешательства в экономические процессы. Спор о правовом плюрализме уперся в более общий спор о природе права.

Сам по себе факт сосуществования множества нормативных систем (систем, подчиняющих действия людей своим правилам, устанавливающих фокальные точки для взаимных ожиданий, институционализирующих пути разрешения конфликтов, создающих форумы для восстановления справедливости и механизмы принуждения к соблюдению решений), кажется, не оспаривается даже самыми радикальными легистами, правовыми монистами, централистами и прочими апологетами государства от мира юриспруденции. Сложно отрицать факт массового строительства во дворах Владикавказа хадзаров¹, не всегда соответствующих нормам земельного права РФ, однако с равным успехом можно представить себе как исследование, оценивающее это явление с позиций монистической юридической теории (как проявление правового нигилизма и свидетельство низкой правовой культуры), так и статью, характеризующую его в духе «сильного» правового плюрализма (как способ низовой самоорганизации и создание локального форума для решения конфликтов). Спор заключается в нормативной оценке социальных фактов и в ответе на вытекающие из них политико-

1 Хадзары — постройки во дворах многоэтажных домов Владикавказа, выполняющие функции отправления коллективных ритуалов, проведения застолий и являющиеся важным элементом социальной инфраструктуры для соседей (Штырков 2022).

философские вопросы. Какова природа власти и как она связана с легитимностью? В чем заключается роль обладающих этой властью лиц и институтов в установлении нормативного порядка и где проходят границы подобного регулирования? Каково пространство свободы и саморегуляции и что предполагает ценностный идеал верховенства права?

Все это — вопросы нормативной философии, а не дескриптивной социологии, но так вышло, что категории, которыми активно оперирует последняя, оказываются ценностно нагружены и несвободны от идеологической оценки фактов. Право — это, по выражению В. А. Четвернина, «положительная коннотация, используемая для легитимации социального порядка, институтов, законов, привязаний и полномочий» (Четвернин 2020, с. 4, 10). Академическая позиция главного современного сторонника правового плюрализма Б. Таманаха — «принимать в качестве “правового” все, что идентифицируется как “правовое” социальными акторами» (Таманаха 2014, с. 167) — это в определенном смысле нормативная позиция, требование демократизировать процессы наделения социальной реальности положительными коннотациями.

Но в то же время подход Таманаха — это попытка избежать концептуальных проблем философии права в дескриптивных социологических исследованиях правового плюрализма как сферы пересечения, наложения и конфликта разных нормативных систем. Преследуя эту цель, в своей знаковой статье 2007 года Б. Таманаха предложил модель для описания и анализа социальной реальности, разграничивающую шесть систем нормативного регулирования, активно обсуждаемых в литературе о правовом плюрализме: 1) официальные правовые системы; 2) обычные/культурные нормативные системы; 3) религиозные/культурные нормативные системы; 4) экономические/капиталистические нормативные системы; 5) функциональные нормативные системы; 6) общественные/культурные нормативные системы (Там же, с. 168–182).

Представляется, что обращение к данной концептуальной схеме может быть эмпирически продуктивно для анализа правового плюрализма как феномена социальной жизни. Уточнение моделей сосуществования разных нормативных систем, выявление условий возникновения конфликтов между ними и стратегий их разрешения, описание механизмов восприятия и использования данных систем отдельными людьми — все это перспективные направления для последующих исследований, которые позволят не только лучше понять специфику правового регулирования в регионах с высокой этнической и религиозной гетерогенностью, но и сделать социальную теорию более чувствительной к феномену правового плюрализма.

Между тем общая теоретическая рамка, предложенная Таманаха, требует конкретизации, как минимум в отношении отдельных проявлений правового плюрализма в определенных сообществах (в том числе регионах). В настоящей статье предлагается уточнение модели Б. Таманаха на основе эмпирического исследования, проведенного авторами в Республике Северная Осетия — Алания в 2023–2024 гг. Анализ данного материала позволяет проблематизировать отдельные аспекты сосуществования нескольких нормативных систем в общем социальном пространстве, наметив ряд исследовательских проблем, которые могут быть положены в основание последующих социолого-правовых исследований Северного Кавказа.

Краткий обзор эмпирических исследований правового плюрализма на Северном Кавказе

226

По замечанию Константина Казенина, правовой плюрализм на Северном Кавказе изучается преимущественно историками. В фокусе их исследовательского внимания — вопрос, какие исторические причины способствовали появлению и сосуществованию нескольких правовых систем (Казенин 2014, с. 184). Ряд этнографических исследований подробно описывает системы разрешения споров на современном Северном Кавказе (Казенин 2017, с. 244–246).

К. Казенин показал потенциал применения современной институциональной теории в изучении правового плюрализма (Казенин 2014). Примером стал анализ взаимодействия институциональных регуляторов в земельной реституции в одном из сельских поселений Дагестана. В отношении земель отсутствовали силовые способы обеспечения неформальных норм. Действие неформальных механизмов объяснялось заинтересованностью жителей в их существовании (Там же, с. 186–193).

В другом исследовании на материалах 120 интервью и фокус-групп были показаны особенности конфликтов на примере Махачкалы как столицы Дагестана и Карачаевска как райцентра Карачаево-Черкесии (Стародубровская, Казенин 2014). Как отмечают исследователи, среди причин повышенного числа конфликтов — культурная дифференциация и межпоколенческий разлом. Процессы модернизации увеличивают количество столкновений. К примеру, часть городской молодежи становится более религиозной, что приводит к конфликтам со старшим поколением (Там же, с. 79–82).

Евгений Варшавер и Екатерина Круглова предложили понятие «коалиционный клинч», которое описывает противостоящий исламскому традиционный порядок разрешения конфликтов (Варшавер, Круглова 2015). Исследователи проанализировали интервью

с агентами, вовлеченными в урегулирование конфликтов. В основном конкурирующие и «пересобирающиеся» группировки выполняют практически те же функции, что и исламское право (Там же, с. 96-101).

Казенин выявил условия применения неформальных правовых механизмов (Казенин 2016). Автор рассматривает особенности реституции в Пригородном районе Северной Осетии и в Новолакском районе Дагестана. Неформальные правовые механизмы работают в спорах между чеченцами или между ингушами. Но между чеченцами и дагестанцами (лакцами), ингушами и осетинами неформальные правовые способы решения споров не используются. Это происходит из-за отсутствия общих исламских авторитетов или старейшин. Неформальные правовые механизмы работают в этнически гомогенной среде (Там же, с. 147-152).

В диссертации Егора Лазарева исследуется, как вооруженный конфликт в Чечне повлиял на сосуществование официального права, шариата и традиционных норм (Lazarev 2018). Автор опирается на данные опроса, полуструктурированные интервью с представителями власти, религиозными и традиционными лидерами, а также на базу данных гражданских и уголовных дел, рассмотренных в официальных судах (Lazarev 2018, р. 3).

227

За последние десять с лишним лет было опубликовано относительно небольшое количество социально-правовых и эмпирических исследований правового плюрализма в России. Большинство из них выполнено К. Казениным и его коллегами. Авторы, как правило, опираются на полуструктурированные и экспертные интервью. В этой связи оценка полученных эмпирических данных в Северной Осетии и развитие теории Б. Таманаха должно способствовать изучению феномена правового плюрализма в отношении регионов Северного Кавказа. И это должно быть сделано не на примере отдельных конфликтов, а в комплексной взаимосвязи существующих институтов и «правовых» явлений.

Методы и результаты

Наше исследование построено на интервью, собранных в августе 2023 г. и в октябре 2024 г. в экспедициях в Республику Северная Осетия — Алания (г. Владикавказ, г. Беслан, с. Ногир, с. Михайловское, с. Фарн, с. Нар)¹.

1 Экспедиции были организованы в рамках проекта «Открываем Россию заново» (Студенческие экспедиции «Открываем Россию заново») // Выс-

Северная Осетия была выбрана как регион, интуитивно предполагающий взаимодействие различных нормативных систем. Это представление обусловлено несколькими причинами. Во-первых, Кавказ сам по себе имеет традиции, не связанные с официальным правовым регулированием (подробнее об этом см. предыдущий раздел). Во-вторых, в отличие от большинства других республик Северного Кавказа в Осетии ислам не является доминирующей религией, большая часть населения придерживается православия или традиционных верований, что также влечет за собой особенности во взаимодействии нормативных систем. В-третьих, Северная Осетия в последнее время переживает «туристический бум», что не всегда совместимо со сложившимися в Осетии традициями. В частности, на улице местные жители могут сделать замечание, если считают, что человек нарушает какие-либо традиционные правила (наличие шорт, длинные волосы у мужчин, курение девушек и т.п.). Данный феномен не распространен широко, однако в интервью отмечались такие случаи.

228

Но, когда просто человек стоит курит или просто идет там в шортах с какой-то прической, я вообще не понимаю, каким образом он мешает кому-то. Просто он идет, просто не ведет себя каким-то образом вызывающе. Для меня это странно. Я слышал о таком. Сейчас что-то мне слабо верится, что вот с таким потоком туристов и людей, которые из разных регионов страны приезжают по-разному, которые там выглядят и ведут себя тоже по-разному, чтобы вот эти люди, которые какое-то время назад этим занимались, действительно, может быть, с какой-то степенью эффективности это делали (юрист, м., г. Владикавказ).

Наконец, исследования свидетельствуют о наличии в Осетии специфических институтов, отражающих «неофициальные» представления осетин об общественной жизни (Штырков 2022; Туаллагов 2023; Туаллагов 2022; Канукова, Кулумбеков 2015; Дзанагова, Бетева, Хадиков 2018).

Всего было собрано 138 интервью (67 в августе 2023 г.; 71 в октябре 2024 г.), из них в исследовании мы использовали 50 (33 интервью, проведенных в августе 2023 г.; 17 — в октябре 2024 г.). Использовались два метода интервью: полуструктурированные интервью в соответствии с гайдом, разработанным в рамках «кабинетного» этапа ис-

шая школа экономики. URL: <https://foi.hse.ru/openrussia/> (дата обращения: 25.02.2025).

следования; интервью с экспертами (юристы, в том числе адвокаты, полицейские, журналисты, представители органов власти и т.д.).

Информанты рекрутировались на улице — для уличных интервью, а также методом «снежного кома» через «гейткиперов» в Республике Северная Осетия — Алания». Как правило, полуструктурированные интервью собирались в «поле»; экспертные интервью — через «гейткиперов». Тем не менее в некоторых исключительных случаях экспертные интервью проводились в «поле», если информант явно отвечал требованиям исследования и «шел на контакт», а информанты для полуструктурированных интервью отбирались через «гейткиперов».

При сборе уличных интервью учитывался территориальный фактор (в г. Владикавказ). Интервьюеры распределяли между собой зоны поиска информантов — «сторонки» — неформальное разделение г. Владикавказа на районы. Тем не менее в силу разного размера районов и количества людей, проживающих или пребывающих в них, большая часть интервью была взята в центральной сторонке.

Кроме того, фиксировался основной род деятельности интервьюируемых лиц. Также важно отметить, что подавляющее большинство опрошенных живет в Северной Осетии всю жизнь либо большую часть жизни (довольно часто встречалась ситуация, когда информант уезжал в крупные города, прежде всего — в Москву, но затем возвращался в Осетию).

Для анализа интервью на первом этапе была выбрана стратегия индуктивно-дедуктивного кодирования. С опорой на выделенные Брайаном Таманаха нормативные системы и их признаки были составлены первоначальные элементы: нормативные системы (концепты) и конституирующие их элементы (категории и коды). В процессе кодирования список категорий и кодов дополнялся (Приложение 3). Результаты этого круга кодирования были использованы для анализа элементов нормативных систем. На основе полученных кодов был проведен второй круг кодирования — открытое, которое позволило охарактеризовать соотношение нормативных систем.

Нормативные системы

Далее мы приведем описание уточненной схемы нормативных систем Брайана Таманахи с опорой на результаты кодирования интервью, собранных в августе 2023 и октябре 2024 г.

Для более четкого разграничения и уточнения сферы применения разных норм, мы предлагаем основным критерием различения между «обычной/культурной» и «общественной/культурной нормативными» системами сделать сферу их действия. Неспецифичные и распространенные в других частях России практики мы отно-

сили к обычной системе. При четком понимании исследователем или вербальном обозначении информантом сферы действия этих норм (во Владикавказе, в Осетии, «у нас у осетин», на Кавказе) мы обозначали этот элемент как относящийся к локальной нормативной системе.

В ходе анализа после первого этапа кодирования были выявлены следующие части нормативных систем для более продуктивного описания и анализа их соотношения: декларируемые нормы, источники норм, институты реализации норм и санкций, отношение к нормам и порядок их реализации в действительности. Список элементов системы не является закрытым. Выделенные части пересекаются между собой различными способами. Отдельные источники разных нормативных систем могут подкреплять одну норму, как и один институт реализации может воплощать в жизнь нормы из разных систем. Нормы приобретают значение и воплощаются в жизнь в зависимости от того, как к ним относятся участники социального взаимодействия. В некоторых ситуациях от установок человека зависит желание выбрать ту или иную нормативную систему.

230

Отдельные элементы содержатся во многих системах (нормы: запрет убивать людей, предписание уважать старших; институты реализации: реципрокность, остракизм). Взаимодействие между этими элементами или его отсутствие создает сложную сеть пересечений нормативных систем, как в следующей ситуации.

«Интервьюер: Это хадзар, да?

Информант: Тут и свадьбы проходят, и похороны все. Нам не надо там ресторан нанимать, палатку, ну, может, палатку надо. Вот крыша нам нужна была — нам помогла администрация, вот, видишь, новая, но сделали мы ее сами. Материал был, как-то так. В общем, стараемся сами» (*безработный, м., г. Владикавказ*).

В данном случае можно отметить пересечение официальной и локальной нормативных правовых систем. Государство предоставило ресурсы для починки крыши хадзара. Хадзары — важная часть культуры осетинского общества, но с точки зрения официально правовой системы это самовольные постройки.

Другим примером может служить общее отношение к праву (официальным институтам) в Северной Осетии:

«...с теми вызовами, с которыми человек сталкивался на протяжении там жизни, он так или иначе, с помощью вот этих выработанных правил, обычаев, традиций, он справлялся. Плохо, хорошо, так или иначе он справлялся. В какой-то момент у него начала появ-

латься вот эта вот альтернатива в виде российской правовой системы» (юрист, м., г. Владикавказ).

Законодательство и обращение к официальным правовым институтам в этом примере напрямую конкурируют с локальной нормативной системой.

Соотношение нормативных систем

Таманаха описывает варианты отношений между официальной правовой и другими нормативными системами: мирное сосуществование; стимулирование и поддержка других нормативных систем, несмотря на различия; включение в себя нормативных систем, признание и оказание им поддержки; отсутствие внимания к остальным системам, которое влечет за собой неудачу некоторых правовых инициатив; стремление подавить и уничтожить отдельные нормы и институты иных систем (Таманаха 2014, с. 176–179). При этом особый интерес представляет пересечение официального права с другими нормативными системами в обыденном знании — именно здесь формируется отношение к ним, которое определяет, какая из моделей взаимодействия (мирное сосуществование, запрет, поглощение, подавление и т.д.) будет реализована на практике.

231

Так, границы между нормативными системами в разных сферах могут быть двух видов: (1) строгие границы — четкое понимание, что в определенной ситуации применяется конкретная нормативная система; (2) нестрогие границы — возможность обратиться к двум или более нормативным системам.

Когда проблема может быть решена посредством разных нормативных систем, могут использоваться элементы нескольких таких систем. Наиболее ярким является пример института наследования в Северной Осетии. Частично сохранился минорат — традиция оставлять наследство младшему сыну. Родители помогают старшим сыновьям покупать и обустраивать отдельное жилье, забота о недвижимости дочерей ложится на плечи родителей их женихов. А младший сын остается жить с родителями, помогать им. В связи с этим дом, квартира и иногда иное имущество оставляется младшему.

«Младшему или мальчику. Вот у нас в семье четверо детей. <...> У меня вот, у нас есть сестры и брат. Дом большой, папа построил, все, там очень близко... Он достается сыну, потому что мама живет с сыном и с невесткой. То есть никто из нас троих на этот дом не претендует даже... Потому что он сын, он наследник, а мы, каждая, вышла замуж и у каждой своя семья» (помощница оценщика, ж., 60, г. Ардон).

Данная традиция скорее факультативна — все информанты знали о ней, но отмечали, что все сильно зависит от ситуации в семье, потребностей детей в жилье, и строго этой норме не следуют.

«У меня, например, в семье. У моих бабушки и дедушки было четыре ребенка: две дочери и два сына. Соответственно, два наследника: старший и младший. Мой отец — младший. И мой отец уехал в Москву, и вот даже обговорили момент, что вот это, по идее, его дом, моего отца. Но вот так как он уехал в Москву и купил там свою квартиру, они решили отдать ему просто часть денег какую-то, ну как поддержка какая-то, и договорились, что дом перейдет старшему сыну. Договаривались просто на словах. Но потом, вот недавно старший сын, мой дядя, соответственно, умер и дом достался моему отцу, хотя вот, по сути, они договорились. Дом у отца есть в Москве, он не нуждается в доме, но так как он младший и единственный сын получается, ему достался дом просто» (*журналистка, ж., 32, г. Владикавказ*).

232

Кроме обычной и локальной, в таких случаях важную роль играет официальная правовая система. Когда наследство оставляют младшему сыну или делят его другим образом, по словам информантов, часто составляют завещание. Другой взгляд озвучил информант — арбитражный управляющий. По его словам, завещание не играет большой роли. В судах по вопросам наследования (независимо от наличия завещания) к нормам обычной и локальной систем присоединяются институты реализации официальной правовой (завещание, судебное разбирательство) и локальной («фамильные какие-то вещи») норм.

«Вы знаете, если не составлено завещание, в Осетии принято передавать наследство сыну. Ну последнее время, мы ж цивилизные люди, все уже составляют завещание, достигнув определенного возраста, даже если не болеют, на всякий случай указывают, кому, чему и как будет принадлежать. И споров, как правило, не бывает. Как правило. По наследованию» (*сотрудница бюджетного медицинского учреждения, г. Владикавказ*).

«Информант: Завещание не оставляют. Беда, я считаю, не знаю, как у других регионов, возможно, тоже, но у нашего народа беда, что они все свои проблемы предпочитают оставлять своим наследникам. То есть думают, вот помру и там разберутся. Большинство споров как раз отсюда. Наследство — это [неразборчиво], когда человек оставляет наследство и снимает все вопросы. А когда этого нет, потом начинается вся эта грязь на судах, и никакие обычаи... там уже чихать все хотели, когда доходит до имущества.

Интервьюер: И прям вот в серьезный конфликт выливается, да?

Информант: Ну, знаете, я много лет до ковида в судебной коллегии тогда заседал Верховного суда. Все вместе собирали залы. Ты сидел и все это слушал. Я насмотрелся этих наследственных разделов так, поэтому я за наследство, чтобы этого всего избежать. Ну, возможно, что да, где-то вот сдерживает еще этот фактор, есть что-то, ну, что скажут, там, фамильные какие-то вещи, то есть, ну, все равно» (*арбитражный управляющий, м., 53, г. Владикавказ*).

В примере с наследством институт реализации норм одной нормативной системы воплощает в жизнь нормы другой. Здесь нормы о наследовании не вступают в конфронтацию с имеющимися культурными традициями и обычными представлениями о справедливом распределении. Возможна и противоположная ситуация, где институты одной системы оказывают поддержку другой, нормы которой напрямую противоречат первой. К примеру, администрация покупает и передает материал для постройки крыши хадзара. С точки зрения официальной правовой системы такие строения являются самовольной постройкой. Но в то же время хадзар — значимая часть городской культуры и социальной инфраструктуры в Северной Осетии.

233

Возможна прямая конкуренция разных институтов реализации норм. Например, учреждения судебно-медицинской экспертизы забирают тело умершего на несколько дней на освидетельствование. Согласно исламским традициям, важно похоронить человека в день человека смерти или на следующий. Согласно информанту, родственники некоторых покойных «донимают» учреждение настолько, что сотрудниками был установлен забор, чтобы затруднить им несанкционированный доступ в здание.

Строгие границы между нормативными системами устанавливаются там, где имеется точное понимание, что должны использоваться исключительно нормы (или институт их реализации) конкретной системы. К примеру, изначально избежав норм официальной правовой системы, бизнесмену не удастся прибегнуть к институтам государственно-правовой защиты обязательств. Если человек инвестировал средства в предприятие без какого-либо юридического оформления, то в спорной ситуации он уже не сможет обратиться в суд:

«И я думаю, что он не видит решения через суд, потому что бизнес есть вот такой. На тетрадке. Ну, они продают кирпичи, но... Те деньги, которые он вложил в этот бизнес, допустим, они нигде не учтены, в расписках ничего нет... то есть его так юридически не получится. Ну, они как друзья, да?» (*ювелир, м., г. Владикавказ*).

В некоторых ситуациях, особенно когда в конфликт вовлечены родственники и друзья, обращение в полицию или иные официальные институты представляется неправильным с точки зрения обычной нормативной системы. В этом случае могут обратиться к старшим или религиозным авторитетам. И только когда слово старшего уже не помогает, могут прибегнуть к помощи юриста.

«...ко мне же обращаются, когда уже это не работает, то есть уже там... Играет роль закон» (*бариста, в прошлом — помощник юриста, м., г. Владикавказ*).

Социальные акторы переносят нормы из одной системы в другую, меняют границы между ними. Например, появление обязательной маркировки и государственной информационной системы в ювелирном деле сильно увеличило временные издержки.

«Ну, по сути, многие ювелиры теперь закрыли документы и работают в серую. Да. Вообще, кто привозил контрабанду, они так и привозят, так и продают. Те, кто... Допустим, пытался работать в белую, многие закрылись. Много предприятий закрылось» (*ювелир, м., г. Владикавказ*).

Когда неформальные экономические правила столкнулись с изменившимися государственными нормами, ювелиры не приняли новые обязанности и в то же время перестали выполнять старые.

Среди нормативных систем, предложенных Таманаха, особенно выделяются функциональные системы. Они создаются для выполнения некоммерческой цели, но могут также иметь отдельные коммерческие подцели. Важное их свойство — определенный уровень автономии в самоуправлении (Таманаха 2014, с. 170). В нашем исследовании встретились несколько организаций, которые обладают этими признаками. Первая группа — это объединения политически активных и уважаемых представителей сообщества. Их цели носят политический характер, и важное место отводится усилиям по поддержанию традиций. Прообразом для них служит ныхас — собрание взрослых мужчин, где решались вопросы осетинского селения. Вторая группа — волонтерские и некоммерческие объединения, основная цель которых — помощь социально незащищенным жителям и поддержание традиций. Третий и отдельный вид — это объединения родственников — фамилии¹. В качестве цели в этом примере

1 По словам информантов, в Осетии нет однофамильцев. Все люди с одной и той же осетинской фамилией считаются родственниками.

можно выделить взаимопомощь. Здесь четко видна автономия и саморегулирование. Родственники одной фамилии не только собираются вместе на праздники, похороны и поминки и состоят в больших чатах. В отдельных фамилиях выбираются (или иным способом назначаются) старшие, которые помогают решить конфликтные ситуации, выступают в них посредниками и следят за соблюдением традиций младшими членами семьи. В этих примерах функциональные нормативные системы заимствуют разные элементы из других систем.

«Конкретно каждый старший фамилии отвечает за то, чтобы не было провинностей среди молодежи, внутри фамилии. И если возникает какая-то конфликтная ситуация, то старшие фамилии в первую очередь прилагают все усилия, чтобы помирить. Дальше. Если есть бедные внутри этой фамилии — фамилия сама собирает средства и оказывает помощь. И практически каждый год, каждая фамилия проводит, их у нас называют «ковды» (кувды)... И это не только прийти покушать и уйти. Они здесь обсуждают проблемы, которые есть внутри фамилии. Кому надо помочь? Что нужно сделать? Просто пир — приятное с полезным. Они потанцевали, пообщались, познакомились и решили проблемы. Какие-то фамилии, они создают семейные древа, выпускают учебники, собирают средства, оказывают помощь» (*госслужащий, м., с. Ногир*).

235

Таманаха выделяет пять моделей взаимодействия нормативных систем с официально-правовыми (мирное сосуществование/поддержка/поглощение/игнорирование/подавление). Наши данные показывают, что для рядового жителя Северной Осетии они реализуются не как альтернативы, а как совмещенные стратегии. Где Таманаха видит четкие категории, мы наблюдаем синтез: официальное право включает обычные институты (завещание узаконивает минорат, администрация помогает с ремонтом крыши хадзара), но одновременно подавляет их, когда конфликтует с публичным порядком (в суде оспариваются завещания, запрещается кровная месть).

Заключение

Современные исследования правового плюрализма во многом остаются сфокусированными на критике юридического монизма (централизма). При этом центральным остается вопрос о понимании природы права, определении правового и неправового. Предложенное Брайаном Таманаха деление нормативных систем позволяет, избежав философско-правовых споров о природе права, проводить эмпирические социолого-правовые исследования и наряду с офи-

циальным правом выделить иные регуляторы, имеющие значение для создания правил внутри сообществ и разрешения конфликтов. Тем не менее эмпирические исследования, проведенные в Северной Осетии, продемонстрировали необходимость расширения предложенной теоретической рамки. Прежде всего, возникают вопросы в отношении границ пересечения нормативных систем и механизмов их взаимодействия. Зачастую системы четко не разграничены, пересекаются между собой и, соответственно, механизмы социального контроля действуют взаимосвязанно.

На материалах исследования нами были уточнены схемы нормативных систем Брайана Таманаха с учетом специфики Республики Северная Осетия — Алания. Нормативные системы состоят из ряда элементов: декларируемые нормы, их источники, институты реализации норм, отношение к ним и порядок их реализации на практике. Некоторые элементы существуют сразу в нескольких системах, взаимодействуют между собой, что создает сложную сеть пересечений нормативных систем.

236

Границы между нормативными системами бывают строгими и нестрогими. В первом случае у человека присутствует точное понимание, что в определенной ситуации применяется конкретная нормативная система и никакая другая. Если границы нестрогие, есть возможность прибегнуть к двум или более нормативным системам. При этом даже строгие границы между нормативными системами динамичны и могут меняться со временем и в зависимости от субъекта их применения.

В местах пересечений или строгих границ между нормативными системами существуют разные варианты их сосуществования. Институт реализации норм одной нормативной системы может воплощать в жизнь нормы другой. Это может происходить даже тогда, когда нормы одной системы напрямую противоречат нормам второй. Или, напротив, институты разных нормативных систем могут конкурировать между собой в стремлении реализовать нормы своей системы (например, когда в суде сталкиваются две позиции — разделение наследства по закону или согласно местным традициям).

Наш анализ уточняет концепцию правового плюрализма Б. Таманаха, позволяя учесть практическую сложность деления социальной реальности на шесть нормативных систем и возможность людей параллельно или последовательно обращаться к одной из этих систем.

Список источников / References

Варшавер Е., Круглова Е. (2015) «Коалиционный клинч» против исламского порядка: динамика рынка институтов разрешения споров в Дагестане. *Экономиче-*

ская политика, 10(3), с. 89–112. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2015-3-05>

— Varshaver E., Kruglova E. (2015) The “Coalition Clinch” Against the Islamic Order: the Dynamics of the Dispute Resolution Institutions Market in Dagestan. *Economic Policy*, 10(3), pp. 89–112. (in Russ.) <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2015-3-05>

Галантер М. (2014) Правосудие в разных залах: суды, частное правовое регулирование и неформальное правосудие (с. 391–423). В Панеях Э. Л. (ред.), *Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов*. Статут.

— Galanter M. (2014) Justice in Many Rooms: Courts, Private Ordering, and Indigenous Law (pp. 391–423). In Paneyakh E. L. (Ed.), *Law and law enforcement in the mirror of social sciences: The handbook of recent texts*. Statut. (in Russ.)

Дзанагова М. К., Бетеева М. М., Хадиков А. К. (2018) Функции и роль Ныхаса в осетинском обществе. *Аграрное и земельное право*, (2), с. 85–88.

— Dzanagova M. K., Beteeva M. M., Khadikov A. K. (2018) Functions and Role of Nykhas in Ossetian Society. *Agrarian and Land Law*, (2), pp. 85–88. (in Russ.)

Казенин К. (2017) Исламское право в ситуации конкуренции правовых систем: случай Северного Кавказа. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 35(3), с. 234–264. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-234-264>

— Kazenin, K. (2017) Islamic Law in A Situation of Competition of Legal Systems: the Case of the North Caucasus. *State, Religion, and the Church in Russia and Abroad*, 35(3), pp. 234–264. (in Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-234-264>

Казенин К. (2014) Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма (на примере Северного Кавказа). *Экономическая политика*, 9(3), с. 178–198.

— Kazenin K. (2014) Prospects of an Institutional Approach to the Phenomenon of Polyjuridism (On The Example Of The North Caucasus). *Economic Policy*, 9(3), pp. 178–198. (in Russ.)

Казенин К. И. (2016) Урегулирование конфликтов на Северном Кавказе: роль неформальных правовых механизмов. *Общественные науки и современность*, (2), с. 144–154.

— Kazenin K. I. (2016) Conflict Resolution in the North Caucasus: the Role of Informal Legal Mechanisms. *Social Sciences and Modernity*, (2), pp. 144–154. (in Russ.)

Канукова З. В., Кулумбеков Р. П. (2015) Осетинский хæдзар как модель воспроизводства и функционирования традиции в современном обществе. *Известия СОИГСИ*, 16(55), с. 65–72.

— Kanukova Z. V., Kulumbekov R. P. (2015) Ossetian Khaedzar as a Model of Reproduction and Functioning of Traditions in Modern Society. *Izvestiya SOIGSI*, 16(55), pp. 65–72. (in Russ.)

Малиновский Б. (2015) Преступление и обычай в обществе дикарей (с. 209–282). В Малиновский Б. *Избранное: Динамика культуры*. Центр гуманитарных инициатив.

— Malinowski B. (2015) Crime and Custom in Savage Society (pp. 209–282). In Malinowski, B. *Selected works: Dynamics of culture*. Centre for Humanitarian Initiatives. (in Russ.)

Стародубровская И. В., Казенин К. И. (2014) Северокавказские города: территория конфликтов. *Общественные науки и современность*, (6), с. 70–82.

— Starodubrovskaya I. V., Kazenin K. I. (2014) North Caucasian Cities: the Territory of Conflicts. *Social Sciences and Modernity*, (6), pp. 70–82. (in Russ.)

Таманаха Б. З. (2014) Понимание правового плюрализма: от прошлого к настоящему, от локального к глобальному (с. 145–184). В Панеях Э. Л. (ред.), *Право и право-применение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов*. Статут.

— Tamanaha B. Z. (2014) Understanding Legal Pluralism: Past to Present, Local to Global (pp. 145–184). In Paneyakh E. L. (Ed.), *Law and law enforcement in the mirror of social sciences: The handbook of recent texts*. Statut. (in Russ.)

Туаллагов А. А. (2022) К истории ныхаса. *Вестник Владикавказского научного центра*, 22(1), с. 14–16. <https://doi.org/10.46698/VNC.2022.98.11.001>

— Tuallagov A. A. (2022) To the History of Nykhas. *Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre*, 22(1), pp. 14–16. (in Russ.) <https://doi.org/10.46698/VNC.2022.98.11.001>

Туаллагов А. А. (2023) К истории ныхаса (II). *Вестник Владикавказского научного центра*, 23(1), с. 20–23. <https://doi.org/10.46698/VNC.2023.33.84.001>

— Tuallagov A. A. (2023) To the History of Nykhas (II). *Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre*, 23(1), pp. 20–23. (in Russ.) <https://doi.org/10.46698/VNC.2023.33.84.001>

Четвернин В. А. (2020) *Проблемы теории права* [Электронный ресурс]. Лаборатория теоретических исследований права и государства. НИУ ВШЭ. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2020/03/24/1567458184/%D0%A7%D0%B5%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BD%20%D0%92.%D0%90.%20%D0%A2%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0.pdf> (дата обращения: 07.12.2025).

— Chetvernin V. A. (2020) *Problems of the Theory of Law* [Electronic resource]. Laboratory of Theoretical Studies of Law and State. (in Russ.)

Штырков С. А. (2022) Ирон хадзар как элемент социальной инфраструктуры. *Антропологический форум*, (55), с. 195–220. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-55-195-220>

— Shtyrkov S. A. (2022) The Iron Khadzar as an Element of Social Infrastructure in a Modern North Ossetian City. *Anthropological Forum*, (55), pp. 195–220. (in Russ.) <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-55-195-220>

Эрлих О. (2024) *Основоположение социологии права*. Алеф-Пресс.

— Ehrlich E. (2024) *Fundamental Principles of the Sociology of Law*. Alef-Press. (in Russ.)

Bentsi-Enchill K. (1969) The Colonial Heritage of Legal Pluralism. *Zambia Law Journal*, 1(2), pp. 1–30.

van den Bergh G. C. J. J. (1969) Legal Pluralism in Roman Law. *Irish Jurist*, 4(2), pp. 338–350.

- Chua L. J., Engel D. M. (2019) *Legal Consciousness Reconsidered*. *Annual Review of Law and Social Science*, 15, pp. 335–353. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-101518-042717>
- Gluckman M. (1967) *The Judicial Process among the Barotse of Northern Rhodesia*. Manchester University Press.
- Griffiths J. (1986) What is Legal Pluralism? *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*, 18(24), pp. 1–55. <https://doi.org/10.1080/07329113.1986.10756387>
- Griffiths J. (2006) The Idea of Sociology of Law and its Relation to Law and to Sociology (pp. 49–68). In Freeman M. (Ed.), *Law and sociology*. Oxford University Press.
- Hoebel E. A. (1954) *The Law of Primitive Man: a Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press. <https://doi.org/10.4159/9780674038707>.
- Hooker M. B. (1975) *Legal Pluralism: An Introduction to Colonial and Neo-Colonial Laws*. Clarendon Press. <https://doi.org/10.5771/0506-7286-1976-3-400>
- Lazarev E. (2018) *Laws in Conflict: Legacies of War and Legal Pluralism in Chechnya*. Columbia University.
- Lazarev E. (2023) *State-building as Lawfare: Custom, Sharia, and State law in Postwar Chechnya*. Cambridge University Press.
- Merry S. E. (1986) Everyday Understandings of the Law in Working-Class America. *American Ethnologist*, 13(2), pp. 253–270.
- Merry S. E. (1988) Legal Pluralism. *Law & Society Review*, 22(5), pp. 869–896.
- Moore S. F. (1973) Law and Social Change: the Semi-Autonomous Social Field as an Appropriate Subject of Study. *Law and Society Review*, 7(4), pp. 719–746. <https://dx.doi.org/10.25148/lawrev.10.1.5>
- Moore S. F. (2014) Legal Pluralism as Omnium Gatherum. *FIU Law Review*, 10(1), pp. 5–18.
- Pospisil L. (1967) *Legal Levels and Multiplicity of Legal Systems in Human Societies*.
- Romano S. (2018). *The Legal Order*. Routledge.
- Smith M. G. (1966). A Structural Approach to Comparative Politics (pp. 113–128). In Easton D. (Ed.), *Varieties of Political Theory*. Prentice-Hall.
- Tamanaha B. Z. (2021). *Legal Pluralism Explained: History, Theory, Consequences*. Oxford University Press.
- Tamanaha B. Z. (2024). Ubiquity of Legal Pluralism and its Consequences. *Victoria University of Wellington Law Review*, 54(4), pp. 895–918.

Приложение 1

Сведения об интервью, используемых в исследовании (август 2023 г.)¹

240

Возраст	Пол	Род деятельности
14	М	Школьник
15	М	Школьник
20+	Ж	Студент
23	Ж	Студент
24	Ж	Бариста, студент
25	М	Школьный учитель, подрабатывает в такси
29	М	Депутат
30	Ж	Индивидуальный предприниматель
30-40	М	Безработный
35	Ж	Изготавливает украшения, сережки
40-50	М	-
47-50	М	Гид
48-52	Ж	Безработный
49	Ж	Швея
49	М	Кузнец
50	М	-
50	Ж	Продавщица в магазине
50-55	Ж	-

1 Некоторые информанты попросили не указывать возраст или род деятельности.

50–55	Ж	-	
60–70	М	Пенсионер	
60–70	Ж	Пенсионер	
65	М	Пенсионер	
75	М	Пенсионер (в прошлом заместитель директора магазина)	
-	Ж	Заведующая бюро судебно-медицинской экспертизы	
-	М	Профессор	
-	М	Пенсионер	
Нет данных о возрасте и профессии:		9	241
из них мужчин:		5	
из них женщин:		4	

Приложение 2

Сведения об интервью, используемых в исследовании (октябрь 2024 г.)¹

Возраст	Пол	Род деятельности
18	М	Студент, подработки (прокат в парке)
19	М	Студент
Около 20	М	Бариста (раньше работал помощником юриста)
26	Ж	Безработный

1 Некоторые информанты попросили не указывать возраст или род деятельности.

242

29	М	Управляющий
Около 30	М	Повар
40-50	М	Ювелир
47	Ж	Продавец на стройрынке
50	М	Чиновник
53	М	Арбитражный управляющий
60	Ж	Помощник оценщика
80	Ж	Пенсионер
-	Ж	Безработный
-	Ж	Нотариус
-	М	Юрист
-	М	Студент
-	Ж	-

Приложение 3

Кодировочная таблица

Концепт	Категория	Код
Официаль- ные правовые системы	1. Опора на пози- тивное право	1.1. Ссылка на официальное законода- тельство или абстрактные законы
	2. Реализация через институты государственной власти	1.2. Обоснование общепринятостью
		1.3. Отношение к праву
		1.4. Нарушение норм позитивного права
		2.1. Упоминание конкретных институ- тов государственной власти (полиция, суд, администрация и т.д.)
		2.2. Описание реализации юридических процедур на практике
		2.3. Обоснование общепринятостью

Обычные нормативные системы	- Опора на общие социальные правила - Реализация через социальные институты	- Неспецифичные применимые в разных сообществах нормы поведения - Неспецифичные универсальные механизмы (реципрокность, остракизм, органы разрешения споров племенных лидеров)
Религиозные нормативные системы	- Ориентир на религиозные источники - Реализация при поддержке формальных религиозных институтов и неформальных механизмов - Указание на религиозные традиции	1.1. Фиксируются в сакральных письменных текстах (Библия, Коран, Тора и т.д.), комментариях к ним 1.2. Формулируются религиозными авторитетами (раввины, имамы) 2.1. Реализация через устоявшиеся официальные религиозные институты (шариатский суд, церковный суд) 2.2. Реализация через неформальные механизмы 3.1. Сформировано представление о сохранившихся с ранних времен обычаях 3.2. Обоснование общепринятостью 3.3. Регламентация традиции 3.4. Отсутствие влияния 3.5. Отношение к традиции
Экономические нормативные системы	- Опора на нормы рыночных отношений - Реализация через институты капиталистического производства	1.1. Формальные нормы (контрактные нормы, корпоративная этика, транснациональные коммерческие правила, рыночные кооперативы) 1.2. Неформальные правила (принцип взаимности, неформальные соглашения) 2. Обращение к институтам, созданным для регулирования рыночных отношений (арбитраж)
Функциональные нормативные системы	- Обусловленность главной некоммерческой целью - Автономия и самоуправление - Взаимодействие с официальными правовыми системами	- Наличие некоммерческой функции (образование, лечение, просвещение, общение) 2.1. Обладают определенной свободой в достижении своей цели 2.2. Обладают регулятивными возможностями для внутреннего упорядочивания - Наличие «точек пересечения» с официальными правовыми системами

Локальные нормативные системы	1. Идентификация группы по признаку общего образа жизни	1.1. Обусловленность общей географией или пространством
	2. Культурные нормы	2.1. Регламентация традиции
		2.2. Формальная фиксация
		2.3. Наличие «точек пересечения» с официальными правовыми системами
		2.4. Действия по поддержанию традиции
		2.5. Сформировано представление о сохранившихся с ранних времен обычаев

Приложение 2

Сведения об интервью, используемых в исследовании (октябрь 2024 г.)¹

Возраст	Пол	Род деятельности
18	М	Студент, подработки (прокат в парке)
19	М	Студент
Около 20	М	Бариста (раньше работал помощником юриста)
26	Ж	Безработный
29	М	Управляющий
Около 30	М	Повар
40–50	М	Ювелир
47	Ж	Продавец на стройрынке
50	М	Чиновник
53	М	Арбитражный управляющий
60	Ж	Помощник оценщика
80	Ж	Пенсионер

1 Некоторые информанты попросили не указывать возраст или род деятельности.

-	Ж	Безработный
-	Ж	Нотариус
-	М	Юрист
-	М	Студент
-	Ж	-

Приложение 3

Кодировочная таблица		
Концепт	Категория	Код
Официальные правовые системы	1. Опора на позитивное право	1.1. Ссылка на официальное законодательство или абстрактные законы
	2. Реализация через институты государственной власти	1.2. Обоснование общепринятостью
		1.3. Отношение к праву
		1.4. Нарушение норм позитивного права
		2.1. Упоминание конкретных институтов государственной власти (полиция, суд, администрация и т.д.)
		2.2. Описание реализации юридических процедур на практике
		2.3. Обоснование общепринятостью
Обычные нормативные системы	1. Опора на общие социальные правила	1. Неспецифичные применимые в разных сообществах нормы поведения
	2. Реализация через социальные институты	2. Неспецифичные универсальные механизмы (реципрокность, ostracism, органы разрешения споров племенных лидеров)

Религиозные нормативные системы	1. Ориентир на религиозные источники 2. Реализация при поддержке формальных религиозных институтов и неформальных механизмов 3. Указание на религиозные традиции	1.1. Фиксируются в сакральных письменных текстах (Библия, Коран, Тора и т.д.), комментариях к ним 1.2. Формулируются религиозными авторитетами (раввины, имамы) 2.1. Реализация через устоявшиеся официальные религиозные институты (шариатский суд, церковный суд) 2.2. Реализация через неформальные механизмы 3.1. Сформировано представление о сохранившихся с ранних времен обычаях 3.2. Обоснование общепринятостью 3.3. Регламентация традиции 3.4. Отсутствие влияния 3.5. Отношение к традиции
Экономические нормативные системы	1. Опора на нормы рыночных отношений 2. Реализация через институты капиталистического производства	1.1. Формальные нормы (контрактные нормы, корпоративная этика, транснациональные коммерческие правила, рыночные кооперативы) 1.2. Неформальные правила (принцип взаимности, неформальные соглашения) 2. Обращение к институтам, созданным для регулирования рыночных отношений (арбитраж)
Функциональные нормативные системы	1. Обусловленность главной некоммерческой целью 2. Автономия и самоуправление 3. Взаимодействие с официальными правовыми системами	1. Наличие некоммерческой функции (образование, лечение, просвещение, общение) 2.1. Обладают определенной свободой в достижении своей цели 2.2. Обладают регулятивными возможностями для внутреннего упорядочивания 3. Наличие «точек пересечения» с официальными правовыми системами

Локальные нормативные системы	1. Идентификация группы по при- знаку общего образа жизни	1.1. Обусловленность общей геогра- фией или пространством
	2. Культурные нормы	2.1. Регламентация традиции
		2.2. Формальная фиксация
		2.3. Наличие «точек пересечения» с официальными правовыми системами
		2.4. Действия по поддержанию традиции
		2.5. Сформировано представление о сохранившихся с ранних времен обычаев

Об авторах / About the authors

Осипова Полина Максимовна — младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории исследований спорта НИУ ВШЭ, Москва. Научные интересы: обыденное знание о праве, мобилизация права, социология спорта.

<https://orcid.org/0009-0004-9148-422X>. E-mail: os.pol.max@gmail.com

247

Polina M. Osipova — Junior Researcher Fellow at the HSE Sports Research Laboratory, Moscow. Research interests: common knowledge of law, law mobilization, sociology of sports.

<https://orcid.org/0009-0004-9148-422X>. E-mail: os.pol.max@gmail.com

Чураков Владимир Дмитриевич — к.ю.н., научный сотрудник Института исследований национального и сравнительного права Факультета права НИУ ВШЭ. Научные интересы: экономический анализ права, эффективность правового регулирования, регуляторная политика, социология права.

<https://orcid.org/0000-0002-1351-1083>. E-mail: vchurakov@hse.ru

Vladimir D. Churakov — Candidate of Sciences (PhD) in Law, Research Fellow at Institute of National and Comparative Legal Studies, HSE Faculty of Law. Research interests: Law&Economics, efficiency of legal regulation, regulatory politics, sociology of law.

<https://orcid.org/0000-0002-1351-1083>. E-mail: vchurakov@hse.ru

Виноградов Сергей Валерьевич — преподаватель Департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права НИУ ВШЭ, стажёр-исследователь Лаборатории комплексных междисциплинарных проектов Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Научные интересы: история политико-пра-

новой мысли XX века, аналитическая философия права, современные теории справедливости.

<https://orcid.org/0000-0001-8621-3637>. E-mail: svinogradov@hse.ru

Sergey V. Vinogradov — Lecturer at the School of Theory of Law and Comparative Law, HSE Faculty of Law; Research Assistant at HSE Laboratory for Comprehensive Interdisciplinary Projects of Centre for Basic Research HSE University. Research interests: history of 20th century political and legal thought, analytical philosophy of law, contemporary theories of justice.

<https://orcid.org/0000-0001-8621-3637>. E-mail: svinogradov@hse.ru

Пырсигов Олег Дмитриевич — студент магистратуры «Политика. Экономика. Философия» факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: политическая философия, объективизм, правовой плюрализм.

E-mail: odpyrsikov@edu.hse.ru

Oleg D. Pyrsikov — master's student "Politics. Economy. Philosophy" Faculty of Social Sciences National Research University Higher School of Economics. Research interests: political philosophy, objectivism, legal pluralism.

E-mail: odpyrsikov@edu.hse.ru

Зарубежная трудовая миграция в поздней Российской империи: практики регулирования в отсутствие закона

ГАЛИНА Е. РУЛЕВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0007-2976-4687>

Рекомендация для цитирования:
Рулева Г. Е. (2025) Зарубежная трудовая миграция в поздней Российской империи: практики регулирования в отсутствие закона. *Социология власти*, 37 (4): 249-268
EDN: UYWUVL

For citation:
Ruleva H. (2025) Foreign Labor Migration from the Late Russian Empire: Regulation Practices in the Absence of Law. *Sociology of Power*, 37 (4): 249-268

Поступила в редакцию: 02.03.2025;
прошла рецензирование: 01.06.2025;
принята в печать: 21.09.2025
Received: 02.03.2025; Revised:
01.06.2025; Accepted: 21.09.2025

© Author, 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Статья посвящена вопросу о механизмах регулирования трудовой миграции из Российской империи начала XX века в ситуации отсутствия единого эмиграционного закона. Исследование выполнено в рамках направления в истории миграций, фокусирующегося на правительственной политике в странах эмиграции как необходимом элементе для реконструирования глобальных миграционных процессов. Проведенный при помощи конкретно-исторического и сравнительно-исторического методов анализ источников позволил выявить стратегии и практики правоприменения в отношении трудовых мигрантов и эмиграционных агентов — посредников между мигрантами и пароходными компаниями — на примере Минской и Гродненской губерний, жители которых отправлялись на временные заработки через Атлантический океан. Так как паспортное законодательство и связанные с ним уголовно-правовые нормы устаревали и игнорировались не только мигрантами, но и чиновниками, необходимо было выработать единые процедуры для контроля миграционных процессов. Одной из таких процедур было применение статьи 62 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, для взыскания штрафов с крестьян, отправлявшихся на заработки за рубеж без установленного заграничного паспорта. Другая процедура контроля была связана с применением Положения о государственной охране для административной высылки эмиграцион-

ных агентов, которые способствовали тайному переходу границы трудовыми мигрантами. Делается вывод о том, что практики применения административного права не были адаптированы для охраны интересов мигрантов. Изменения в уголовном законодательстве в сочетании с систематическим использованием Положения о государственной охране, с одной стороны, способствовали упрощению и стандартизации легальных процедур, с другой — приводили к возрастанию интенсивности эмиграционных потоков.

Ключевые слова: зарубежная трудовая миграция, Российская империя, правоприменение, Положение о государственной охране

Foreign Labor Migration from the Late Russian Empire: Regulation Practices in the Absence of Law

Halina Ruleva

National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0007-2976-4687>

250

Abstract: The article raises the problem of legal mechanisms and techniques used for the regulation of foreign labor migration from the late Russian empire, where a unified emigration law did not exist. The research situates itself within the framework of migration history, emphasizing the need to analyze government policies in countries of emigration (points of exit) for a better understanding and reconstruction of global migration processes. A historical analysis of archival and published sources has identified the main strategies and practices of law enforcement imperial actors used in order to control temporary labor migrants from Grodno and Minsk provinces, who crossed the Atlantic, and emigration agents who were intermediaries between out-migrants and steamship companies. In the situation when passport legislation and norms of criminal law appeared to become outdated and ignored by both migrants and imperial officials, it was crucial to work out unified procedures for the control of migration processes. Article 62 of the Statute of Punishments Applicable by the Justices of the Peace was used in order to impose a fine on those peasant laborers who went abroad without a foreign passport. The Statute of State Security was brought into play to expel emigration agents who helped labor migrants cross the imperial border illegally. Practices of administrative law enforcement were not adapted for the protection of migrants' interests. Changes in the Penal Code, combined with a systematic usage of the Statute of State Security, resulted in simplifying legal procedures as well as in intensifying processes of foreign labor migration.

Keywords: foreign labor migration, late Russian empire, law enforcement, the Statute of State Security

Введение

Российская империя в начале прошлого века стала источником глобальных миграционных потоков: одновременно с массовой еврейской эмиграцией среди крестьян западных губерний распространилась практика временного выезда на заработки за рубеж. Дороговизна и длительность процесса получения заграничного паспорта приводили к частым случаям нелегального пересечения сухопутной границы с Германией и Австрией, откуда трудовые мигранты отправлялись на пароходах иностранных компаний через Атлантический океан. Несмотря на неоднократные попытки представителей российских пароходств облегчить условия выдачи заграничных паспортов с целью направления мигрантов к имперским портам Балтийского моря, эмиграционный закон, разработанный рядом межведомственных комиссий, так и не был принят в Российской империи до начала Первой мировой войны (Тудоряну 2000; Kukushkin 2007). Тем временем только в период с 1901 по 1910 г. количество выехавших из империи в страны Северной и Южной Америки возросло до 1,8 млн чел. (Кабузан 2004). Значительная часть трудовых мигрантов продолжала пользоваться услугами эмиграционных агентов — посредников, занимавшихся рекламой услуг российских и иностранных пароходных компаний, оформлением документов (зачастую подложных), продажей билетов на пароходы и нелегальным переводом крестьян через сухопутную границу.

251

Цель исследования — проследить, как в отсутствие единого эмиграционного закона губернские, полицейские и жандармские власти справлялись с контролем миграционных потоков, а также выяснить, каким образом и до какой степени механизмы, предусмотренные имперским законодательством, позволяли регулировать деятельность посредников и охранять интересы мигрантов. В фокусе статьи — Минская и Гродненская губернии, жители которых активно выезжали за границу, преимущественно в Соединенные Штаты и Канаду, в начале XX века.

Данное исследование принадлежит к направлению в истории миграций, которое фокусируется на правительственной политике в странах эмиграции (points of exit) как необходимом элементе для реконструирования глобальных миграционных процессов (Green 2005; Green, Weil 2007; Zahra 2014, 2016; Pešalj, Steidl et al. 2023). История миграции из Российской империи, в свою очередь, тесно связана с правовой и административной историей, занимающейся вопросами паспортного законодательства (в том числе заграничных паспортов) (Чернуха 2007), имперских правовых режимов и подданства (Burbank 2006; Borisova, Burbank 2018; Lohr 2012), управления и контроля за границами империи (Akelev, Gornostaev 2023; Pianci-

ola 2020). Однако история трудовой миграции — временного отъезда крестьян на заработки за пределы Российской империи, не связанного с утратой подданства, — и ее правового урегулирования оказалась практически вне поля зрения исследователей.

Работы Н. Л. Тудоряну до сих пор представляют наиболее всесторонний анализ причин, условий (в том числе правовых), обстоятельств и последствий трудовой миграции из Российской империи (Тудоряну 1986, 2000). Для рассмотрения правоприменительной практики по отношению к трансатлантической трудовой миграции из западных губерний важна монография В. Кукушкина, проанализировавшего в том числе и «устаревшее» паспортное законодательство, которое мигранты игнорировали (Kukushkin 2007, p. 59). Э. Лор, сосредоточившись на вопросах подданства в связи с эмиграцией и денатурализацией, тем не менее упомянул о строго негативном отношении правительства к эмиграционным агентам и кампаниях по их поимке (Lohr 2012, p. 94–95). В последнее время наблюдается интерес исследователей к отдельным аспектам трудовой миграции — например, ее экономическому влиянию на северо-западные губернии (Иванов, Котов 2020) и организации нелегального перехода мигрантами западной имперской границы в Варшавском генерал-губернаторстве (Комаров 2024a, 2024b).

Некоторые практики регулирования трудовой миграции из Российской империи получили в историографии частичное освещение. В частности, были проанализированы попытки ограничения активности эмиграционных агентов — посредников между мореходными компаниями и мигрантами. Исследователи упоминали как административные меры — высылку в порядке Положения о государственной охране, так и уголовно-правовые — применение статьи 328 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (Тудоряну 1986, с. 128–129; Иванов, Котов 2020, с. 72). Важно отметить, что эти меры, признаваемые нерезультативными, исследователи рассматривали изолированно, а не в комплексе с правовыми ограничениями, касавшимися самих трудовых мигрантов. Используемый в данной статье комплексный подход позволяет выявить трудности правоприменения, с которыми сталкивались имперские власти, стремившиеся контролировать миграционные потоки.

Источники и методология

Источниковой базой статьи стали законодательные акты Российской империи, делопроизводственные материалы (отчеты, переписка, полицейские протоколы) административных учреждений Минской и Гродненской губерний, хранящиеся в Российском госу-

дарственном историческом архиве (РГИА) и Национальном историческом архиве Беларуси в Минске (НИАБ) и Гродно (НИАБ в Гродно), а также публикации правоведов в периодической печати. Хронологические рамки исследования — 1900–1914 гг. — соотносятся с периодом наиболее активного выезда за рубеж на заработки среди крестьян западных губерний империи. Всего было проанализировано 22 архивных дела, отобранных по тематическому принципу (наличие в заголовках сочетаний «эмиграция крестьян в Америку», «тайная эмиграционная деятельность», «подстрекательство крестьян к выезду за границу» и т.п.). Указанные дела можно разделить на несколько взаимно пересекающихся групп: 1) материалы межведомственных комиссий по вопросу эмиграции в Петербурге, содержащие отзывы губернаторов о проблеме (3 дела); 2) отчеты местных органов власти о трудовой миграции за границу из отдельных уездов и губерний в целом (4 дела; всего 62 отчета); 3) переписка о выдаче заграничных паспортов и взыскании штрафов за их просрочку с крестьян (3 дела); 4) расследования деятельности тайных эмиграционных агентов (14 дел; 15 расследований).

Изученные источники дают представление об условиях миграционных процессов и отношении к ним местных властей, а также позволяют реконструировать стандартные процедуры привлечения трудовых мигрантов и тайных эмиграционных агентов к ответственности. Однако отсутствие на местах систематического учета выезжавших на заработки за границу и эмиграционных агентов накладывает ограничения на использование источников для воссоздания статистически точной картины зарубежной трудовой миграции. Проведенный при помощи конкретно-исторического и сравнительно-исторического методов анализ источников позволил выявить наиболее распространенные стратегии и практики правоприменения на центральном и местном уровнях в процессе регулирования зарубежной трудовой миграции в поздней Российской империи.

253

Паспортное законодательство и зарубежные трудовые мигранты

Согласно действовавшему законодательству, каждый выезжающий из Российской империи за границу должен был оформить заграничный паспорт. Условия его получения были прописаны во втором разделе Устава о паспортах (изд. 1903 г.). Для трудовых мигрантов-крестьян оформление паспорта было сопряжено с длительными и сложными бюрократическими формальностями. Сначала нужно было получить внутренний паспорт (вид на жительство), а также

свидетельство от волостного правления об отсутствии числящихся за крестьянином недоимок, затем представить это свидетельство местному полицейскому начальству (становому приставу). Следующей инстанцией было уездное полицейское управление: после проверки предоставленных местными учреждениями сведений исправник выдавал свидетельство о неимении препятствий к выезду за границу согласно ст. 165 Устава (Устав о паспортах 1913, с. 74). С этим свидетельством, видом на жительство и заявлением, оплаченным гербовым сбором (75 коп. за лист) (Там же), крестьянин обращался в канцелярию губернатора, который и выдавал искомый документ (Яновский 1909, с. 99–100; Яшунский 1911, стб. 2898). Вся процедура, по разным сведениям, занимала вплоть до нескольких месяцев и обходилась в 30–40 руб.¹ Длительность, сложность и высокую стоимость получения заграничного паспорта признавали местные и петербургские чиновники (НИАБ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 559. Л. 180–180 об.; НИАБ в Гродно. Ф. 18. Оп. 2. Д. 6. Л. 158 об.; РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 614. Л. 43 об.), публицисты-правоведы и представители пароходств (Яновский 1909, с. 99–101; Яшунский 1911, стб. 2898; Тизенко 1909, с. 17–21). Неоднократно звучали предложения об упрощении и удешевлении паспортных процедур. Чиновники Белостокского уездного съезда в ответ на запрос МВД, последовавший летом 1907 г., красноречиво охарактеризовали паспортное законодательство с точки зрения его регулятивной функции: «действующая система не удерживает людей от эмиграции, а только лишает казну значительного дохода» (НИАБ в Гродно. Ф. 18. Оп. 2. Д. 6. Л. 118 об., 221).

Бюрократические формальности, по убеждениям современников, были одной из причин нелегального пересечения границы. Крестьяне, отправляющиеся на заработки за океан, в большинстве случаев отказывались от получения заграничного паспорта. Современники оценивали долю беспаспортных эмигрантов из Российской империи приблизительно в 75% (Тизенко 1909, с. 34), в историографии доля выезжавших легально за рубеж варьируется от 10 до 25% или даже 50% (Тудоряну 1986, с. 134; Lohr 2012, р. 95, 239). Так как статистические данные о трудовых мигрантах, выезжавших нелегально,

1 Согласно подсчетам представителей Добровольного флота и Русского Восточно-Азиатского пароходства — компаний, содержавших трансатлантические линии Либава — Нью-Йорк, на основе свидетельств мигрантов — траты на заграничный паспорт составляли 33 руб. 45 коп., в том числе: 15 руб. — канцелярский сбор за сам документ, выдаваемый на полгода, 1 руб. 50 коп. — две гербовые марки на прошение о выдаче паспорта, до 11 руб. — поездки в местные учреждения за полицейским свидетельством и т.д. (РГИА. Ф. 95. Оп. 5. Д. 587. Л. 27, 29).

отсутствуют в масштабах всей Российской империи¹, основными источниками остаются донесения земских начальников и местной полиции. Так, за первые пять месяцев 1907 г. из 17 волостей Слуцкого уезда Минской губернии на заработки за границу выехало 429 человек, в том числе 9 женщин, в то время как из выданных до 25 мая 1907 г. 1822 заграничных паспортов крестьяне получили только 115, а остальные выезжали по внутренним сословным паспортам, т.е. фактически нелегально (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7703. Л. 1-4). По состоянию на 1911 г. из Трофимовской волости Сокольского уезда Гродненской губернии выехали 892 мужчины и 230 женщин, причем заграничные паспорта получили лишь 12 человек (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 239 об.). За семь месяцев 1913 г. из Гродненской губернии выехали 7361 человек с заграничными паспортами, а около 3000 человек, по подсчетам губернской канцелярии, мигрировали тайно (впрочем, местная администрация признавала, что точное число выбывших нелегально «не поддается учету» (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 223)).

Факт нелегального пересечения границы трудовым мигрантом не фиксировался в момент отъезда, но мог быть установлен во время возвращения из-за границы. Дело в том, что для обратного въезда в Российскую империю требовалось предъявить заграничный паспорт, а в случае его отсутствия — проходное свидетельство консульства в стране, откуда возвращался мигрант. В консульстве для удостоверения принадлежности к русскому подданству (Устав о паспортах 1913, с. 98) крестьянин мог предъявить свой вид на жительство внутри империи. Проходные свидетельства выдавались по установленной форме, причем о факте выдачи консул сообщал в Петербург. Департамент полиции МВД передавал информацию о мигранте (фамилия, имя, отчество, место приписки, вероисповедание) и имеющихся при нем документах губернатору той губернии, где крестьянин был прописан. После получения сведений губернатор, как правило, обращался к уездному исправнику по месту прописки мигранта с уведомлением о привлечении мигранта к ответственности по ст. 62 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 25. Д. 380. Л. 176-177 об., 198-199 об., 689, 731-732, 745, 818). Согласно этой статье, каждый, кто выехал за границу без установленного паспорта, по возвращении подвергался штрафу в размере не больше тройной платы за заграничный паспорт (Устав о наказаниях 1879, с. 95). Кроме того, согласно ст. 200

1 Периодически в правительственных кругах заходила речь о необходимости регистрации всех выезжающих, но проект так и не был осуществлен (РГИА. Ф. 95. Оп. 5. Д. 586. Л. 304-304 об.).

Устава о паспортах, трудовой мигрант должен был возместить 15 руб. за каждое полугодие, проведенное за границей без действительного документа (Устав о паспортах 1913, с. 88). Нередки были случаи, когда крестьянин не мог оплатить штраф по причине несостоятельности (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 25. Д. 317. Л. 3 об., 8–9).

В ожидании паспортной реформы, которую в течение нескольких десятилетий готовило МВД, изменения и дополнения в порядок получения заграничных паспортов были ограничены рамками административных циркуляров. Циркуляры издавались министром внутренних дел, генерал-губернаторами и губернаторами в разъяснение паспортных постановлений и для регулирования бюрократических процедур. Так, в июне 1907 г. минский губернатор издал циркуляр, предписывавший полицеймейстерам и исправникам, среди прочего, при выдаче свидетельств о неимении препятствий к выезду за границу наводить справки о мигранте по месту приписки, если он живет в уезде, к полицейским властям которого обращается за свидетельством, менее месяца. Полицейские чиновники должны были выдавать готовые заграничные паспорта, присылаемые из губернской канцелярии, просителям в течение недели и во время вручения следить за тем, чтобы грамотные крестьяне и мещане оставляли свою подпись на первой странице паспорта, а на документах неграмотных ставилась соответствующая отметка. Последнее требование было повторено в новом циркуляре в ноябре того же года, так как чины полиции на местах не спешили его исполнять (НИАБ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 14524. Л. 15–17 об.). Как видно, следование нормам паспортного законодательства было обременительно не только для мигрантов, но порой и для представителей правительственных учреждений, которые были ответственны за правильное проведение этих норм в жизнь.

256

Подговор или распространение ложных слухов: Уложение о наказаниях и эмиграционные агенты

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных по своей форме должно было стать основным инструментом для контроля миграционных потоков. Его статьи 325–327 содержали строгие меры по отношению к тем, кто примет иностранное подданство, поступит на службу в иностранном государстве без разрешения имперского правительства, пробудет за границей дольше установленного законами срока и не возвратится в империю по требованию правительства (Уложение 1886, с. 221–222). Однако к началу XX века Уложение устарело — например, установленный статьей 207 Устава о паспортах максимальный срок пребывания за границей в пять лет (Устав

о паспортах 1913, с. 97) на практике не соблюдался (Яновский 1909, с. 98), а потому соответствующее положение ст. 327 Уложения теряло смысл и фактически не использовалось для контроля зарубежных трудовых мигрантов.

В связи с неуклонным развитием нелегального выезда за границу и непосредственно связанной с этим процессом деятельностью эмиграционных агентов особое значение приобретала ст. 328 Уложения о наказаниях. Она предусматривала наказание за подговор к эмиграции («Кто будет подговаривать каких-либо подданных империи к переселению за границу») в виде лишения всех особенных прав и преимуществ и ссылки в Сибирь или отдачи в исправительные арестантские отделения (Уложение 1886, с. 222). Так как основными функциями упомянутых агентов — посредников между эмигрантами и мореходными компаниями — были не только продажа пароходных билетов и помощь в получении заграничных (в том числе подложных) паспортов, но и информирование о перспективах заработка за границей, действие ст. 328 могло распространяться на этих посредников.

В условиях, когда деятельность эмиграционных контор по продаже пароходных билетов не регламентировалась отдельным законом¹, применение ст. 328 Уложения о наказаниях оставалось едва ли не единственным способом привлечения к ответственности недобросовестных агентов. Доказать факт подговора было нелегко: многие крестьяне во время полицейских дознаний утверждали, что едут на заработки по собственному желанию (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8453. Л. 7; Ф. 705. Оп. 1. Д. 9. Л. 159), к тому же агенты нередко угрожали невозвратом мигранту денег за проезд в случае дачи обличающих агента показаний (Тудоряну 1986, с. 129). Однако практическая возможность возбуждения делопроизводства по статье о подговоре к выезду за границу оставалась, чем пользовались явные и анонимные доносчики, в том числе из среды самих эмиграционных агентов: чаще всего рассмотрение дел о нелегальной, или тайной, эмиграции начиналось или с задержания мигрантов вблизи границы при подготовке к ее переходу, или с доноса о злоупотреблениях, поданного в канцелярию губернатора (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7703. Л. 7-11 об., 30-30 об.; НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1646. Л. 4).

Принципиальное изменение редакции статьи 328 Уложения о наказаниях в 1906 г. привело к пересмотру подходов губернской

1 Эмиграционные конторы открывались на основании приложения к ст. 46 Устава торгового, то есть формально не отличались от различных торговых и комиссионерских предприятий, занимающихся куплей-продажей товаров, займами, наймом домов и пр. (Яновский 1909, с. 103-104).

администрации и полицейских чиновников в деле регулирования трудовой миграции. Согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 26 апреля 1906 г., подговор к эмиграции в формулировке статьи заменялся распространением «заведомо ложного слуха о выгодах переселения за границу с целью побудить к оставлению своего постоянного места жительства» (Уложение 1908, с. 320; Яновский 1909, с. 94). Наказание тоже существенно смягчалось: теперь виновные в распространении слухов подвергались тюремному заключению от 4 до 16 месяцев, и лишь те преступники, чьи действия повлекли разорение хозяйства выселившихся семейств, лишались прав и отдавались в исправительные арестантские отделения (Уложение 1908, с. 320). Отныне сложно доказуемый подговор сменялся почти недоказуемым распространением слухов, проверить и констатировать ложность которых — в том, что касалось, например, большей, чем в Российской империи, заработной платы в США (факт, признаваемый как местными, так и петербургскими чиновниками (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 233-233 об.; РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 614. Л. 27)), — для станового пристава или уездного исправника было практически невозможно. Более того, по свидетельству гродненского уездного исправника, следователи, рассматривавшие дела по ст. 328, не усматривали «уголовно наказуемых деяний» тайных эмиграционных агентов, так как они отправляли мигрантов «лишь на заработки» (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 18), т.е. не подговаривали их к отъезду из империи навсегда.

Наиболее убедительно о сложившейся в результате изменений 1906 г. ситуации свидетельствуют расследования деятельности тайных эмиграционных агентов, проведенные в 1906–1908 гг., сразу после вступления в силу новой редакции закона. Летом 1907 г. после серии анонимных доносов на представителя Северного пароходного общества, минского мещанина Гешеля Пейсахова Розина и его собственного ходатайства о распространении в Новогрудском уезде объявлений об услугах по консультированию мигрантов канцелярия минского губернатора навела справки об агенте. Оказалось, что он вместе с другими посредниками уже проходил по ряду дел о мошеннических действиях, а также обвинялся по ст. 328 Уложения о наказаниях. Однако еще в декабре 1906 г. Минский окружной суд вынес определение, согласно которому дело было прекращено «за отсутствием признаков преступления». Сведения минских полицейских чиновников о «порочной репутации» Розина подтвердил и начальник Минского губернского жандармского управления, но и он не смог собрать фактических данных, изобличающих Розина в отправке мигрантов за границу с подложными паспортами. В итоге дело закончилось распиской Розина в получении предупреждения: если он не прекратит нелегальной деятельности, то будет выслан из Минской губернии

в административном порядке (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7703. Л. 7-26 об.). Еще одно дело началось с опроса пяти крестьян Койдановской волости Минского уезда, задержанных в марте 1907 г. в Плоцкой губернии и направлявшихся к границе с Пруссией. Крестьяне заявили о том, что по собственному желанию решили воспользоваться услугами некой минской конторы по отправке в Америку. Дознание с протоколами опросов родственников крестьян (сами они к тому моменту находились за границей — очевидно, в результате более успешной попытки) и лиц, которые могли быть причастны к деятельности эмиграционной конторы, было препровождено канцелярией губернатора в Минский окружной суд в феврале 1908 г. Ответ прокурора был предсказуем: вследствие «последовавшего в 1906 г. изменения редакции» ст. 328 Уложения о наказаниях прокурор не нашел возможным возбудить предварительное следствие (Там же. Л. 28-55). Как итог, уже к концу первого десятилетия XX века упоминания о статье 328 в делах о нелегальном выезде за границу постепенно исчезают, что свидетельствует об окончательном отказе губернской администрации и полицейских чиновников от утратившей смысл практики.

Положение о государственной охране и сложности его применения

259

Универсальным выходом из ситуации отсутствия эмиграционного закона и невозможности применения статьи 328 Уложения о наказаниях для губернской администрации стало использование Положения о государственной охране («Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», 14 августа 1881 г.). В историографии встречается краткое описание механизмов его работы в отношении эмиграционных агентов и объяснение неэффективности такой меры. Так, Н. Л. Тудоряну отмечает, что в результате применения Положения губернскими властями срок высылки эмиграционных агентов в другие губернии обычно равнялся двум годам, причем во время высылки агенты продолжали заниматься пособничеством в нелегальной эмиграции, как в прежних местах проживания, так и в местах высылки. Тудоряну указывает на небольшую временную длительность этой меры, не приносившей «положительные результаты» (Тудоряну 1986, с. 128), однако не артикулирует пространственные аспекты применения Положения, о которых речь пойдет далее. Более того, он делает вывод о том, что деятельности агентов способствовали планы МВД по постепенному отказу от административной высылки (Там же, с. 129). Тем не менее вплоть до начала Первой мировой войны эта мера активно и широко применялась к посредникам в нелегальной зарубежной миграции.

Основными статьями Положения, используемыми в практике губернского начальства по отношению к эмиграционным агентам, стали ст. 32–34, которые описывали порядок административной высылки частного лица в определенную местность империи (ПСЗРИ 1885, с. 265–266). Переписка в порядке Положения инициировалась губернатором или местными полицейскими чиновниками на основании поступивших сведений о деятельности тайных эмиграционных агентов — источниками этих сведений в большинстве случаев были доносы, сообщения жандармских управлений и уведомления губернаторов соседних (в основном пограничных) губерний (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1653. Л. 1–3). Губернатор поручал тщательное расследование исправнику того уезда, где была замечена активность агента (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8454. Л. 2–3), а исправник делегировал производство дознания становым приставам. Обязательными элементами дознания становились опросы жителей тех деревень, откуда трудовые мигранты отправились за границу при посредничестве агента, — в том числе родственников мигрантов или их самих, пойманных на приграничных железнодорожных станциях без надлежащих документов и водворенных на место жительства (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1671. Л. 2–3; Ф. 1. Оп. 9. Д. 2199. Л. 2–3 об., 38–39 об.). Опрашивали и самих агентов или их предполагаемых помощников, разъезжавших по деревням и предлагавших услуги содействия в отправке за границу (НИАБ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 9. Л. 159 об.). В домах агентов производились обыски (Там же. Л. 157; Ф. 706. Оп. 1. Д. 1. Л. 18), от результата которых часто зависел дальнейший ход дела. Так, если были найдены письма соответствующего содержания на «еврейском языке»¹, брошюры и бланки иностранных пароходных компаний, записки с маршрутами проезда к границе и расписки в получении денег (НИАБ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 9. Л. 158–159; Ф. 706. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–48 об.), агент мог получить административное наказание. Результаты дознания вместе с постановлением уездного исправника препровождались губернатору, который составлял на основании полученных сведений представление министру внутренних дел, а также осведомлялся у прокурора местного окружного суда, не встречается ли со стороны его ведомства препятствий к исполнению административного наказания (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1646. Л. 5–7).

Согласно Положению, в Санкт-Петербурге созывалось Особое совещание при министре внутренних дел, под председательством товарища министра, из четырех членов — двух от МВД и двух

1 Подавляющее большинство агентов были евреями, проживающими в черте оседлости (Тудоряну 1986, с. 130).

от Министерства юстиции, — которое и решало судьбу эмиграционного агента. Рассмотрев присланные губернатором материалы, Совещание назначало срок административной высылки агента (как следует из ст. 36, он составлял от одного года до пяти лет (ПСЗРИ 1885, с. 266)) и определяло, будет ли он помещен под гласный надзор полиции. Случаи высылки в отдаленные губернии (например, Вологодскую или Олонецкую) были редки (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8453. Л. 14; Ф. 705. Оп. 1. Д. 9. Л. 159 об.; Ф. 706. Оп. 1. Д. 1. Л. 60 об.). Чаще дело ограничивалось запретом проживания в пограничных губерниях и той, где агент был прописан и вел свою деятельность, иногда к перечню добавлялись смежные губернии (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1646. Л. 12; Ф. 1. Оп. 9. Д. 1653. Л. 11-11 об.; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8085. Л. 26). Срок высылки действительно составлял в основном два-три года, причем в случаях, когда агент ранее не привлекался к ответственности, не признавал вину и не хранил изобличающих его документов, мог быть сокращен до одного года (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8085. Л. 10 об.; Ф. 705. Оп. 1. Д. 9. Л. 159 об.-160, 161 об.). Если уличенный посредник неоднократно подвергался административной высылке по Положению, но не оставлял свою деятельность, срок увеличивался до максимальных пяти лет с одновременным расширением перечня запрещенных для проживания губерний и помещением под гласный надзор полиции (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2213. Л. 15; Ф. 1. Оп. 9. Д. 2201. Л. 17-17 об.).

261

Необходимо заметить, что временной фактор срока высылки сам по себе не дает ответ на вопрос, почему система административного наказания по Положению не приводила к уменьшению численности агентов и снижению интенсивности зарубежной трудовой миграции. Количество эмиграционных агентов в западных губерниях продолжало расти. В Кобринском уезде Гродненской губернии по состоянию на 1910 г. было выявлено 22 тайных агента, из которых лишь 10 подверглись административному наказанию (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 29 об.). С января 1912 г. по начало июля 1913 г. в различных уездах Гродненской губернии было привлечено к переписке в порядке Положения 36 тайных агентов, больше половины были высланы (Там же. Л. 245). Из Минской губернии за 11 месяцев 1913 г. было выслано 39 агентов, причем из замечаний полицейских властей по этому поводу следовало, что такое количество высланных крайне мало в сопоставлении с общими размерами тайного эмиграционного промысла (Там же. Л. 7 об.).

Территориальные аспекты применения Положения о государственной охране не только предопределили его уже отмеченную неэффективность, но и во многом способствовали расширению в восточном направлении районов выхода трудовых мигрантов. Во-первых, следует подчеркнуть, что большинство решений Особого сове-

262 щания предоставляли эмиграционному агенту свободу в выборе его нового места жительства. Свобода эта, однако, вследствие этнического происхождения агента была ограничена чертой еврейской оседлости. Вполне естественно, что мещанин-иудей из Кобринского уезда и крестьянин-католик из Белостокского уезда, которым запретили проживание в Гродненской, Минской и пограничных губерниях, избирали находящиеся неподалеку Могилёвскую или Витебскую губернии (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1671. Л. 13; Ф. 1. Оп. 9. Д. 2201. Л. 22). В ситуации отсутствия гласного полицейского надзора агент мог, с известной осторожностью, периодически посещать прежний район своей деятельности и успешно ее продолжать (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1724. Л. 2). Более того, агенты получали возможность распространять сведения о хорошем заработке за рубежом и предлагать посредничество в месте высылки. Если в 1910 г. минский губернатор отмечал, что эмиграционное движение больше распространено в среде евреев-ремесленников, чем в среде крестьян, а могилёвский писал об отсутствии в губернии тайных агентов (РГИА. Ф. 95. Оп. 6. Д. 1241. Л. 143, 146 об.), то уже в 1914 г. в канцелярии могилёвского губернатора упоминали о «заметном стремлении» крестьян к выезду в Америку нелегальным путем в связи с активностью эмиграционных агентов (РГИА. Ф. 395. Оп. 2. Д. 2873А. Л. 94), а минский губернатор вследствие усилившегося выезда крестьян за границу даже созвал совещание полицейских чиновников, посвященное выработке мер для «искоренения» «зла» нелегальной миграции (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 7-8).

Во-вторых, в течение долгого времени в решениях Особого совещания наблюдалась тенденция к смягчению наказаний, предлагаемых губернаторами, в части длительности срока высылки и количества запрещенных для проживания губерний. Случалось, что губернатор запрашивал для агента ограничение проживания в Гродненской и соседних с нею Виленской и Минской губерниях до трех лет, а Совещание останавливалось на Гродненской и пограничных губерниях и сроке в два года (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1646. Л. 6 об., 12). Тенденция начала меняться только накануне Первой мировой войны. В начале 1913 г. Совещание согласилось с запросом гродненского губернатора и назначило агенту Михею Бурштейну три года высылки из Гродненской, Минской, Виленской и Седлецкой, а также пограничных губерний (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1671. Л. 6, 11). В апреле 1914 г. Симха и Мовша Хандовские вместо предложенных гродненским губернатором трех лет в одной из отдаленных местностей империи получили запрет на жительство в течение пяти лет во всех губерниях Привислинского, Северо-Западного и Юго-Западного краев, а также в Бессарабской, Курляндской, Минской, Могилёвской, Херсонской и Холмской. Тем не менее

такая административная строгость нивелировалась свободой выбора нового места жительства — и агенты отправились в Двинск Витебской губернии (Там же. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2213. Л. 9 об., 15, 20), который наравне с Гомелем Могилёвской губернии был пунктом назначения многих посредников, высланных в административном порядке.

В-третьих, эмиграционные агенты в отдельных случаях использовали стратегию прошений как для пересмотра решений Совецания, так и для посещения места прошлого жительства и даже для выезда за границу на время высылки. Так, в результате пересмотра второго дела Михеля Бурштейна (на этот раз ему грозил пятилетний срок вне пределов губерний, перечень которых был близок к упомянутому в деле Хандовских) министр внутренних дел позволил агенту выехать за границу — с условием о помещении под гласный надзор в случае возвращения в империю раньше ноября 1918 г. (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1724. Л. 10, 19). Временное возвращение в место проживания с целью уладить личные дела и навестить больных и престарелых родителей перед отъездом за границу также разрешалось министром внутренних дел после предварительного осведомления у губернатора и уездного исправника о целесообразности такого разрешения (Там же. Л. 23–27). Иногда разрешения на приезд в родной город или местечко выдавались с осторожностью: местным полицейским чиновникам было известно, что под видом посещения родственников агент может продолжать свою деятельность — тем более что эмиграционный промысел часто становился семейным занятием (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 244; НИАБ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

263

Потенциальные решения обозначенных сложностей в применении Положения о государственной охране предложило вышеупомянутое совещание полицейских чиновников Минской губернии. Среди рекомендаций, принятых по итогам двухдневного заседания в ноябре 1913 г., были строгая регистрация и фотографирование всех причастных к нелегальному миграционному промыслу, обязательный обмен информацией о тайных эмиграционных агентах между чинами полиции соседних губерний, тесное сотрудничество с жандармскими управлениями. Чиновники признавали, что высылка в соседние губернии без установления полицейского надзора «является мерою недостаточной», и предлагали ввести единый порядок, при котором агенты подвергались бы гласному надзору полиции в определенной местности вне пределов Царства Польского, Северо- и Юго-Западного края, а также Могилёвской губернии, «как соседней с Минской и служащей ныне главным местом, куда стекаются тайные эмиграционные агенты, высланные из других губерний» (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об.–8). Как бы то ни было, для введения намеченных мер в рутинную практику полицейских

и гражданских учреждений не хватило времени: с началом Первой мировой войны направления, характер и интенсивность миграционных потоков изменились до неузнаваемости, и проблемы регулирования трудовой миграции из Российской империи так и не получили окончательного разрешения.

Выводы

Отсутствие единого эмиграционного закона в Российской империи, охранявшего интересы зарубежных трудовых мигрантов и регламентирувавшего деятельность пароходных компаний и агентов по продаже билетов наподобие германского, итальянского или венгерского законодательства, обусловило внимание имперских властей к административным практикам управления мобильностью. В ситуации, когда паспортное законодательство и связанные с ним уголовно-правовые нормы неуклонно устаревали и игнорировались не только мигрантами, но и чиновниками, необходимо было выработать единые стандартизированные процедуры для контроля все более интенсивных миграционных потоков. Одной из таких процедур было систематическое применение статьи 62 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, для взыскания денежных штрафов с крестьян, отправлявшихся на заработки за рубеж без установленного заграничного паспорта. Тем не менее угроза штрафа не останавливала решившихся пересечь западную границу империи нелегальным путем — тем более что легальный был дорогим, запутанным и долгим.

Другая процедура контроля, на этот раз за деятельностью эмиграционных агентов-посредников, была связана с применением Положения о государственной охране для административной высылки тех из них, кто способствовал тайному переходу границы трудовыми мигрантами. Вследствие новой «смягчающей» формулировки статьи 328 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в которой подговор к оставлению империи был заменен на распространение ложных слухов о выгодах переселения за границу, окружные суды с 1906 г. закрывали дела о злоупотреблениях эмиграционных агентов. В результате привлечение к административной ответственности оставалось едва ли не единственным механизмом, теоретически позволяющим ограничить и пресечь, хотя бы временно, активность агентов-посредников. Однако на практике возникали сложности, связанные в первую очередь с пространственными аспектами применения Положения. Свобода выбора агентом места высылки в сочетании со спецификой черты еврейской оседлости (большинство эмиграционных агентов были евреями), частое отсутствие запрета на проживание в губерниях, соседних с той, где посредник вел свою

противозаконную деятельность, а также успешно реализуемая агентами стратегия прошений о пересмотре дела и временных визитах в прошлое место жительства привели к обратному эффекту. Активность агентов не только не уменьшалась в изначальных районах проживания, но и распространялась на соседние губернии в восточном направлении (из Гродненской — в Минскую, из Минской — в Могилёвскую и Витебскую), где накануне Первой мировой войны резко возросло число зарубежных трудовых мигрантов среди крестьян.

Таким образом, механизмы, предусмотренные имперским уголовным и паспортным законодательством, оказались недостаточно действенными для регулирования трудовой миграции за границу. Вместе с тем практики применения административного права не были адаптированы для охраны интересов мигрантов. Изменения в уголовном законодательстве в сочетании с систематическим использованием Положения о государственной охране в качестве инструмента контроля за деятельностью эмиграционных агентов, с одной стороны, способствовали упрощению и стандартизации легальных процедур, с другой — приводили к неуклонному возрастанию интенсивности зарубежных миграционных потоков.

265

Список источников / References

Иванов А. А., Котов А. Э. (2020) Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской империи (конец XIX — начало XX века). *Новейшая история России*, 10 (1), с. 70–88. EDN: MENJTF. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.105>

— Ivanov A. A., Kotov A. E. (2020) The Economic Importance and the Attempts to Regulate the Foreign Labor Migration in the Western Part of the Russian Empire (late 19th — early 20th Century). *Modern History of Russia*, 10 (1), pp. 70–88. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.105>. (in Russ.)

Кабузан В. М. (2004) Движение населения в Российской империи. *Отечественные записки*, 4(19). EDN: UIUXWB. URL: <https://strana-oz.ru/2004/4/dvizhenie-naseleniya-v-rossiyskoy-imperii> (дата обращения: 25.11.2024).

— Kabuzan V. M. (2004) Population Movement in the Russian empire. *Otechestvennye zapiski*, 4(19). URL: <https://strana-oz.ru/2004/4/dvizhenie-naseleniya-v-rossiyskoy-imperii> (accessed: 25.10.2024). (in Russ.)

Комаров В. С. (2024a) Организация нелегальной эмиграции на западных окраинах Российской империи в конце XIX — начале XX в. *Российская история*, (1), с. 49–66. EDN: CNSKOY. <https://doi.org/10.31857/S2949124X24010059>

— Komarov V. S. (2024a) Organization of Illegal Emigration on the Western Outskirts of the Russian Empire in the Late 19th — Early 20th Century. *Russian History*, (1), pp. 49–66. <https://doi.org/10.31857/S2949124X24010059> (in Russ.)

Комаров В. С. (2024b) «Тайная» эмиграция через западную границу Российской

империи в конце XIX — начале XX века: мотивы, механизмы, противодействие властей. *Вестник Пермского университета. История*, 4(67), с. 20–29. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-4-20-29>

— Komarov V. S. (2024b) “Secret” Emigration across the Western Border of the Russian Empire in the Late 19th and Early 20th Centuries: Motives, Mechanisms, and Government Resistance. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 4(67), pp. 20–29. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-4-20-29>. (in Russ.)

ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи) (1885). Собрание третье. Т. I. № 1–585. СПб.

— PSZRI (Full Collection of Laws of the Russian Empire) (1885). *Sobranie 3. Vol. I. № 1–585*. St. Petersburg. (in Russ.)

Тизенко П. (1909) *Эмиграционный вопрос в России, 1820–1910*. Либава.

— Tizenko P. (1909) *Emigration Question in Russia, 1820–1910*. Libava. (in Russ.)

Тудоряну Н. Л. (1986) *Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США)*. Кишинёв: ШТИИЦа.

— Tudorianu N. L. (1986) *Reviews of Russian Labor Emigration in the Period of Imperialism (To Germany, Scandinavia and the USA)*. Kishinev: Shtiintsa Publ. (in Russ.)

Тудоряну Н. Л. (2000) *Эмиграционная политика и законодательство России в начале XX века*. Кишинёв: Кишинёв. гос. пед. ун-т им. И. Крянгэ.

— Tudorianu N. L. (2000) *Emigration policy and legislation of Russia in the early 20th century*. Kishinev: Kishinev state univ. Publ. (in Russ.)

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года (1886) Н. С. Таганцев (изд.). СПб.: Тип. М. Стасюлевича.

— Penal Code (1886) Comp. by N. S. Tagantsev. SPb.: M. Stasyulevich Publ. (in Russ.)

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года (1908) Н. С. Таганцев (изд.). СПб.: Государственная типография.

— Penal Code (1908) Publ. by N. S. Tagantsev. SPb.: State Publ. house. (in Russ.)

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, с дополнениями по 1 января 1879 г. (1879). Н. С. Таганцев (сост.). СПб.: Тип. М. Стасюлевича.

— Statute of Punishments Applicable by the Justices of the Peace (1879) Comp. by N. S. Tagantsev. SPb.: M. Stasyulevich Publ. (in Russ.)

Устав о паспортах. Издание неофициальное (1913) Л. М. Роговин (сост.). СПб.: Изд. Юр. книжн. маг. И. И. Зубкова под фирмой «Законоведение».

— Passport Statute. Unofficial Edition (1913) Comp. by L. M. Rogovin. St. Petersburg: Yur. knizhn. mag. I. I. Zubkova pod firmoyu “Zakonovedenie” Publ. (in Russ.)

Чернуха В. Г. (2007) *Паспорт в России. 1719–1917*. СПб.: Лики России. EDN: YLWIJR

— Chernukha V. G. (2007) *Passport in Russia. 1719–1917*. St. Petersburg: Liki Rossii Publ. (in Russ.)

Яновский С. Я. (1909) Русское законодательство и эмиграция. *Журнал Министерства юстиции*, (4), с. 86–114.

- Yanovskii S. Ya. (1909) Russian legislation and emigration. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*, (4), pp. 86–114. (in Russ.)
- Яшунский И. (1911) Проекты русского закона об эмиграции. *Право*, (51), стб. 2891–2906.
- Yashunskiy I. (1911) Projects of Russian emigration law. *Pravo*, (51), col. 2891–2906. (in Russ.)
- Akelev E. V., Gornostaev A. V. (2023) Millions of Living Dead: Fugitives, the Polish Border, and 18th-Century Russian Society. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 24(2), pp. 269–297. <https://doi.org/10.1353/kri.2023.0016>
- Borisova T., Burbank J. (2018) Russia's Legal Trajectories. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 19 (3), pp. 469–508. <https://doi.org/10.1353/kri.2018.0027>
- Burbank J. (2006) An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7 (3), pp. 397–431. <https://doi.org/10.1353/kri.2006.0031>
- Green N. (2005) The Politics of Exit: Reversing the Immigration Paradigm. *The Journal of Modern History*, (77), pp. 263–289. <https://doi.org/10.1086/431815>
- Green N., & Weil F. (Eds.). (2007) *Citizenship and Those Who Leave*. Chicago: University of Illinois Press.
- Kukushkin V. (2007) *From Peasants to Labourers: Ukrainian and Belarusan Immigration from the Russian Empire to Canada*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Lohr E. (2012) *Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union*. Cambridge: Harvard University Press.
- Pešalj J., Steidl A., Lucassen L., & Ehmer J. (Eds.). (2023) *Borders and Mobility Control in and between Empires and Nation-States*. Leiden: Brill.
- Pianciola N. (2020) Illegal Markets and the Formation of a Central Asian Borderland: The Turkestan-Xinjiang opium trade (1881–1917). *Modern Asian Studies*, pp. 1–48. <https://doi.org/10.1017/S0026749X18000227>
- Zahra T. (2016) *The Great Departure: Mass Migrations from Eastern Europe and the Making of the Free World*. New York, London: W. W. Norton and Company.
- Zahra T. (2014) Travel agents on trial: policing mobility in East Central Europe, 1889–1989. *Past & Present*, (223), pp. 161–193. <https://doi.org/10.1093/pastj/gtu002>

267

Об авторе / About the author

Рулева Галина Евгеньевна — аспирант департамента истории Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург. Научные интересы: история миграций, история поздней Российской империи, административная и правовая история, глобальная история империй, исследования мобильности.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2976-4687>. E-mail: galinaruliova@yandex.ru

Halina Ruleva — PhD student at the History Department, HSE University, St Petersburg. Research interests: migration history, history of the late Russian empire, administrative and legal history, global history of empires, mobility studies.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2976-4687>. E-mail: galinaruliova@yandex.ru

«Пацаны не извиняются»: социологическая концептуализация казанского феномена

МИХАИЛ Д. БЕЛОВ*

<https://orcid.org/0000-0001-8848-2726>

АНТОН П. КАЗУН**

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>

* Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, Лос-Анджелес, США

** Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Рекомендация для цитирования:

Белов М. Д., Казун А. П. (2025)
«Пацаны не извиняются»:
социологическая концептуализация
казанского феномена. *Социология
власти*, 37 (4): 269–294
EDN: WAFEBF

For citation:

Belov M. D., Kazun A. P. (2025) "The
Boys Don't Apologize": A Sociological
Conceptualization of the Kazan
Phenomenon. *Sociology of Power*, 37 (4):
269–294

Поступила в редакцию: 02.10.2025;
прошла рецензирование: 10.11.2025;
принята в печать: 14.11.2025
Received: 02.10.2025; Revised:
10.11.2025; Accepted: 14.11.2025

© Authors, 2025

This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

Резюме: Громкое «пацаны не извиняются» — это не слоган сериала и не ностальгия по «дракам за асфальт», а рабочий принцип уличной культуры чести, возникший на стыке распада институтов, миграций и новой городской анонимности. Мы рассматриваем книгу «Слово пацана» Роберта Гараева как массив этнографических свидетельств, и переводим его в язык социологии: от аномии и социальной дезорганизации — к ритуалам инициации; от «чушпана» как клейма — к технике очерчивания границ; от маскулинных режимов тела — к уличному правовому плюрализму и «микро-Левиафанам», которые создают порядок снизу там, где государство выключено. С помощью социологических теорий мы закрываем разрыв, оставленный нарративным стилем книги, и предлагаем читателю набор оптик, с которыми привычные сюжеты перестают быть «локальной экзотикой» и становятся узнаваемыми механизмами производства порядка и насилия. Текст обзорной статьи адресован не только социологам и криминологам: он показывает, почему казанский феномен резонирует сегодня и как он переводит городской «шум» в структуру правил, телесных практик и возникающих порядков. Тем самым рассматриваемый кейс перестает быть

«локальной историей» и становится прибором: он калибрует наш язык описания неформальной власти и уличного порядка; в этой статье мы раскрываем механизм, который можно опознавать не только в «казанском образце», но и в нынешних подворотнях и телеграм-чатах.

Ключевые слова: казанский феномен, социальная дезорганизация, уличные сообщества, неформальные институты, правовой плюрализм, насилие, неформальная власть

“The Boys Don’t Apologize”: A Sociological Conceptualization of the Kazan Phenomenon

Mikhail D. Belov*

<https://orcid.org/0000-0001-8848-2726>

Anton P. Kazun**

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>

* University of California, Los Angeles, USA

** National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

270

Abstract: “Boys don’t apologize” is not a TV slogan or nostalgia for “fights for asphalt,” but a working principle of a street culture of honor that emerged at the intersection of institutional breakdown, migration, and new urban anonymity. We read *Slovo patsana* (The Boy’s Word) by Robert Goraev as a dense corpus of testimony and translate it into sociological language: from anomie and social disorganization to initiation rituals; from “chushpan” as stigma to the technique of boundary-drawing; from masculine bodily regimes to street-level legal pluralism and “micro-Leviathans” that generate order from below where the state is effectively switched off. We turn to sociological theory as a slab of static asphalt to account for the blood on the boys — since they themselves frequently say they “just fell.” In doing so, we close the theoretical gap left by the book’s narrative style and offer readers a set of lenses through which familiar plots cease to be “local exotica” and become recognizable mechanisms for producing order and violence. Addressed not only to sociologists and criminologists, the review shows why the Kazan phenomenon still resonates and renders urban “noise” into a structure of rules, practices of body, and emergent orders. Thus the case stops being a “local history” and becomes an instrument: it calibrates our language for describing informal authority and street order; in this article we unpack a mechanism recognizable not only in the “Kazan template,” but also in today’s back alleys and Telegram chats.

Keywords: The Kazan phenomenon, social disorganization, street communities, informal institutions, legal pluralism, violence, informal authority, gangs

Введение

Книга Роберта Гараева «Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х» предлагает читателям уникальный материал — сотни устных и письменных свидетельств о так называемом казанском феномене, подростковых уличных субкультурах позднесоветского и постсоветского периодов, которые были построены на насилии. Автор как бывший участник одной из банд через серию интервью с очевидцами и анализ различных открытых источников воссоздает очень объемную и рельефную картину событий, включавших появление сотен молодежных группировок, которые вели «драки за асфальт» и пытались найти свое место в непростой период отечественной истории. Кроме того, сильный резонанс вызвала недавняя экранизация книги в виде одноименного сериала (сюжет которого, впрочем, имеет мало общего с оригиналом). Так, фраза «пацаны не извиняются» была привнесена именно сериалом — в ней в емкой форме отражен один из ключевых принципов уличной культуры чести. Высокий интерес читателей и зрителей к казанскому феномену (на некоторое время вызвавший в СМИ и социальных сетях даже что-то, напоминающее «моральную панику», в т.ч. волну подражаний, как после фильма «Бригада») показывает, что он выходит далеко за пределы обычного общественного интереса к истории, но также ощутимо резонирует с нашим настоящим.

271

Несмотря на богатый эмпирический материал, книга «Слово пацана» дает читателю лишь краткий набросок того, что можно было бы назвать теоретической концептуализацией. Безусловно, в книге присутствуют отсылки к ряду важных и значимых исследований, однако делается это «между делом», поскольку в книге нарративы участников сами рассказывают о себе. Как отмечает сам автор, *«это единственная книга, целиком составленная из голосов выживших — и желающих рассказать правду»* (Гараев 2020)¹. Автор имеет право на такой подход к повествованию, что в том числе делает книгу доступной для более широкой аудитории. Однако это же обстоятельство создает интересный исследовательский пробел.

Целью настоящей статьи является закрытие данного пробела через проведение анализа ключевых идей и выводов книги «Слова пацана» с опорой на социологию права, криминологию, антропологию и гендерные исследования. Мы обсудим значение принципа «пацаны не извиняются» через культуру чести и маскулинность, проанализируем систему возрастной стратификации (от «скорлу-

1 Все цитаты, оформленные курсивом, взяты из книги «Слово пацана» Роберта Гараева (2020).

пы» до «стариков») как ритуалы инициации, рассмотрим понятие «чушпана» через призму теории стигматизации, а также гендерные нормы и сексуальные практики через концепцию дисциплинарной власти. Задача статьи состоит не только в том, чтобы дополнить книгу Р. Гараева классическими и современными теориями, но и предложить исследовательскую оптику, которая позволит критически отнестись к тем феноменам, которые затрагиваются в книге и сериале.

Структурно текст будет выстроен следующим образом. Мы разбили книгу на ключевые содержательные блоки и выделили в них концепты, требующие обсуждения. Каждый раздел будет посвящен той или иной части казанского феномена. Для каждого блока мы предложим социологическую концептуализацию, основанную на классических теориях, а также дополнительную трактовку, основанную на современных эмпирических исследованиях.

Теоретические основания

272

Мы условно разбиваем повествование книги Роберта Гараева на шесть блоков-вопросов, каждый из которых затрагивает важный аспект феномена. Откуда появились молодежные группировки? Почему «пацаны не извиняются»? Как происходил процесс инициации новичков и «карьерного продвижения» внутри группировки? По каким причинам казанский феномен приобрел столь выраженные характеристики маскулинной культуры, какое место в нем было отведено девушкам? Почему группировки конфликтовали друг с другом и как их власть соотносилась с государственной? Данные вопросы, безусловно, не охватывают всех аспектов казанского феномена, но при этом являются ключевыми для его понимания. Рассмотрим каждый из этих вопросов последовательно.

Истоки казанского феномена: anomia и деформация

Казанский феномен, как описано в книге Роберта Гараева, представляет собой яркий пример девиантности, возникшей в условиях радикальных трансформаций советского общества. Этот раздел фокусируется на истоках феномена, подчеркивая роль урбанизации, миграции и институциональных сдвигов, таких как амнистия 1953 года. Для интерпретации мы опираемся на классические теории anomia (Дюркгейм и Мертон) и городского пространства (Зиммель), дополняя их другими подходами, такими как теория социальной дезорганизации Шоу и Маккея (Shaw, McKay 1942), объясняющая рост преступности в урбанизированных зонах через ослабление социальных связей. Эти теории позволяют концептуализировать

феномен как результат структурных деформаций: разрыва между традиционными нормами и новыми социальными реалиями, приводящего к маргинализации и формированию альтернативных субкультур.

Гараев отмечает: *«Когда в 1968 году колхозникам дали паспорта, произошла массовая миграция из сельской местности. Следовательно, городской социум маргинализировался»*. Согласно Дюркгейму (Durkheim 1897/1952), миграция может приводить к «аномии» — состоянию нормативного вакуума, где традиционные сельские нормы (например, коллективный контроль и трудовая этика) разрушаются, не заменяясь (по крайней мере, на протяжении первых нескольких десятилетий) городскими, что способствует разрушению солидарности и росту девиантности. Мертон (Merton 1938) развивает эти идеи, вводя альтернативную концепцию аномии как ситуацию несоответствия легитимных средств и целей: мигранты стремятся к городскому успеху (цели), но лишены легитимных средств (образование, работа), что вынуждает их прибегать к «инновациям» в форме преступных субкультур. Здесь маргинализация второго поколения мигрантов приводит к адаптации сельских традиций (например, кулачные драки деревня на деревню превратились в драки улица на улицу) к городским условиям, формируя молодежные силовые группировки как альтернативные социальные структуры. Теория Зиммеля (Simmel 1903/1950) позволяет добавить к этому, что анонимность мегаполиса усиливает отчуждение, делая группировки способом восстановления утерянной идентичности.

273

Недавнее исследование Сампсона (Sampson 2012) актуализирует эту проблематику. Теория коллективной эффективности (collective efficacy), разработанная Сампсоном, может быть определена как комбинация социальной сплоченности сообщества (взаимное доверие и солидарность между соседями) и готовности к совместным действиям по контролю за поведением (например, вмешательство в случаи нарушения норм, такие как подростковые драки или вандализм). В книге *“Great American City”* (Sampson 2012) Сампсон опирается на данные многолетнего проекта *“Project on Human Development in Chicago Neighborhoods”*, чтобы продемонстрировать устойчивые эффекты соседства, где структурные факторы (бедность, миграция, сегрегация) влияют на социальное поведение и состояние сообщества через коллективную эффективность. Высокий уровень коллективной эффективности снижает преступность, даже в неблагополучных районах, поскольку жители активно поддерживают нормы; напротив, в зонах с низкой эффективностью (как спальные районы Казани после массовой миграции) возникает вакуум контроля, благоприятствующий девиантным субкультурам, таким как уличные группировки. В случае с казанским фе-

номеном массовая миграция разрушила традиционные сельские связи, не заменив их городскими, что привело к «аномии» и росту молодежных банд как альтернативных механизмов контроля.

Кроме того, в книге отмечается другой источник феномена: «Массовая амнистия 1953 года не только сыграла роль пускового механизма неуклонного распада ГУЛАГа, но и открыла канал переноса специфических гулаговских и заведомо конфликтных практик в “большой социум”». Дюркгейм (Durkheim 1897/1952) интерпретировал бы амнистию как внезапный социальный сдвиг, вызывающий аномию через массовый приток индивидов, не интегрированных в общество, что приводит к росту девиантности, в казанском случае — к вовлечению молодежи в группировки под влиянием рецидивистов. Мертон (Merton 1938) увидел бы здесь «ретритизм» (непризнание ни целей, ни средств) среди освобожденных, переходящий в «инновацию» среди молодежи, перенимающей криминальную культуру как инструмент для достижения материального благополучия.

Массовое возвращение заключенных, в частности после амнистии 1953 года, становится моментом, когда в городской среде возникла межпоколенческая эскалация — передача лагерных норм поведения в повседневную жизнь (Wildeman, Sampson 2024). Освобожденные мужчины, являясь носителями лагерного кода (иерархичности, жесткой солидарности, автономной морали и недоверия к государству), при дефиците легальных каналов социальной реинтеграции выступали агентами их масштабного распространения в городской среде. Эти принципы усваивались подростковыми компаниями, превращая насилие в способ самоуправления, а территорию — в источник символического статуса. Так лагерная культура, утратив институциональные стены, обрела новое дыхание в городских улицах, где социальный порядок воспроизводился через страх, лояльность и «понятия».

Рассматривая казанский феномен через призму теории социальной дезорганизации Шоу и Маккея (Shaw, McKay 1942), можно говорить не о хаотичном взрыве девиации, а о постепенном распаде механизмов локального контроля в пространстве стремительной урбанизации. Оригинальная работа Шоу и Маккея рассказывает о преступности в урбанизированных районах Чикаго, куда стекались мигранты, а уровень преступности оставался тем же, даже если население обновлялось полностью. Казань конца 1960–1980-х годов переживала миграционный приток сельского населения, утратившего привычные формы сельской солидарности и не встроившегося в городские. В новых рабочих и спальных районах складывались анонимные сообщества, где традиционные институты оказывались неэффективными, а социальный контроль становился фрагментированным. В этих «переходных зонах» возникали молодежные группировки, выполнявшие компенсаторную функцию:

они конструировали локальный порядок там, где общественные институты больше не устанавливали норму. Уличная лояльность и насилие становились языком новой городской организации — своеобразным ответом на дезорганизацию, а не ее простым следствием.

Теория «продвинутой маргинальности» (*advanced marginality*), разработанная Лоиком Ваканом в книге “*Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality*” (2008), предлагает сравнительный анализ механизмов социальной изоляции в неолиберальных обществах, фокусируясь на американских «гипергетто» (как в Чикаго) и французских «банлье» (пригороды Парижа), где маргинальность — это не просто бедность, а продукт государственных политик, включая пенитенциарную систему и урбанистическое планирование. Вакан вводит понятие “*advanced marginality*” как новую форму исключения, характеризующуюся территориальной стигматизацией (районы как «проклятые места»), дезорганизацией труда (прекариат вместо стабильной занятости), потерей социальных связей и усилением государственного надзора (тюрьмы как «цеха» по производству маргиналов). Исследование показывает, как глобализация и неолиберализм производят «урбанизированную нищету», где тюрьмы становятся источниками стигмы, перенося практики выживания (иерархия, насилие) в городскую среду. В контексте казанского феномена это особенно релевантно: амнистия 1953 года, как «пусковой механизм», аналогична вакановскому «пенитенциарному буму»; это перекликается с формированием группировок как «антигетто» — саморегулируемых пространств сопротивления стигме. Исходная книга Вакана фокусируется на Западе, но его рамка может быть полезна для объяснения казанского феномена, который является не осколком социализма, а скорее эффектом перехода к капитализму, где группировки заполняют вакуум, источником которого является государство.

275

Казанский феномен как следствие аномии и социальной дезорганизации — это пример того, как девиация способна становиться формой локальной нормализации. Молодежные группировки восполняли вакуум контроля, создавая собственные правила, которые для участников обладали большей легитимностью, чем государственные нормы. В этом смысле феномен можно трактовать как обратное зеркало советского порядка: чем более абстрактными и далекими были официальные институты, тем более конкретными и ощутимыми становились правила улицы. Здесь важно, что речь идет не о простом разрушении норм, а о перераспределении нормативного авторитета — от государства к уличным сообществам. Такой перенос демонстрирует, что девиантность создает новые, масштабные и локально тотализирующие формы социального порядка и нормативности, пусть и маргинализованные. Таким образом, казанский феномен иллюстрирует заполнение социальным поряд-

ком старой доброй Гоббсовой лакуны: он выявляет, что социальный порядок никогда не исчезает полностью, а лишь меняет носителей и каналы воспроизводства.

Однако как возможна такая реструктуризация социального порядка в рамках целого города? Учитывая бóльшую анонимность и в принципе блазированность города по Зиммелю, такая ситуация скорее возможна как раз в городах, чем в сельских поселениях, поскольку требует определенной степени неопределенности, к которой городские жители привыкли и благодаря которой (спокойная) городская жизнь как таковая является возможной. В контекстах низкой коллективной эффективности дефицит неформального социального контроля создает регулятивные вакуумы, которые заполняются группами, обладающими опытом локальной координации и ситуативной организации. Эти формы адаптации направлены не столько на интеграцию в город как структурное целое, сколько на восстановление минимального локального порядка. В ситуациях устойчивой коллективной эффективности подобная институциональная импровизация оказывается ненужной и потому не возникает. Массовая миграция и амнистия создали не просто рост девиантности, а спрос на предсказуемость и правила: именно их группировки и предоставили, конвертируя сельские практики солидарности и конфликта в городские регламенты принадлежности и санкций, а тюремные репертуары — в операционные схемы иерархии и контроля. Такой замещающий порядок одновременно интегрирует (дает идентичность и карьерные «траектории») и закрепляет маргинальность: он снижает неопределенность для своих членов, но повышает ее для города в целом, нормализуя насилие и перераспределяя ресурсы вне легальных каналов. Таким образом, казанский феномен — не побочный шум трансформаций и не случайность, созданная узкой группой людей для поддержания собственного порядка, а устойчивый режим локального управления, возникающий на пересечении аномии, пространственной дезорганизации и провалившейся коллективной эффективности; там, где последние начинают восстанавливаться, замещающий порядок теряет управленческую функцию и редуцируется до символической идентичности либо распадается, что и произошло позднее (более подробно см.: (Wildeman, Sampson 2024) про процесс интеграционного дезистенса).

276

Культура чести и легитимация насилия: почему пацаны не извиняются?

Культура чести предстает перед читателями как ключевая система норм, регулирующая поведение участников уличных группировок

в Казани 1970–2010-х годов. Этот раздел концептуализирует феномен через легитимацию насилия как механизм поддержания репутации и групповой идентичности в условиях слабого государственного контроля. Мы опираемся на теорию культуры чести Нисбетта и Коэна (Nisbett, Cohen 1996), где насилие — это ответ на угрозы чести в маргинализированных сообществах. Дополним анализ теорией кодекса улицы Андерсона (Anderson 1999), объясняющей, как в бедных урбанизированных зонах насилие становится «кодексом» для самозащиты, что перекликается с казанскими «понятиями», а также микросоциологией насилия Коллинза. Эти подходы позволяют понять, почему пацаны не просят прощения.

Гараев пишет о кодексе чести следующее: *«Пацаны защищают свою территорию и честь — они обязаны встать в отмах, если их оскорбляют или посылают на три буквы. Пацан не может быть коммерсом (с коммерса можно только получать), пацан обязан выглядеть опрятным и ходить в чистой одежде. Своих (а в начале 1980-х и чужих) пацанов нельзя бить ногами. Пацан должен уважать своих старших и выполнять их поручения. Кроме того, сами понятия работают только в кругу равных, то есть таких же, как и ты, пацанов»*. Эта цитата иллюстрирует легитимацию насилия как императива чести. Согласно Нисбетту и Коэну (Nisbett, Cohen 1996), силовой ответ — это защита репутации в обществах со слабым правопорядком, где оскорбление требует немедленного насилия, чтобы избежать потери статуса. Авторы фокусируются на сравнении южных и северных штатов США, где Юг, на котором происходит больше «убийств чести» (argument-related homicide) при равном с Севером уровне «корыстных» (felony-related) убийств, характеризуется «культурой чести» — системой норм, где личная репутация (особенно мужская) зависит от готовности защищать ее через агрессию, особенно в ответ на оскорбления или угрозы. Корень культуры чести на Юге уходит во времена, когда одним из ключевых механизмов защиты хозяйства, ключевым элементом которого было стадо, была страховка репутацией возмездия. Так как государственные механизмы защиты зачастую не могли дотянуться до тех краев, лучшим способом защититься от кражи была репутация собственника хозяйства, готового жестко расправиться с грабителями. Затем эти нормы встраиваются в общественные институты, и вот уже насилие с любой стороны считается оправданным, потому что в каждый момент времени каждый «мужчина должен постоять за себя». В контексте казанского феномена это особенно релевантно: слабый контроль милиции в 1980-х (как «слабое государство») делал необходимый насильственный ответ на любой намек на оскорбление чести императивом для защиты репутации, аналогично культуре «южных штатов». Такого рода сопоставление позволяет нам поставить под сомнение романтизацию Дикого За-

пада, едва ли бывшего в большей степени героическим (кроме как в пересказах самих носителей соответствующего габитуса), чем повседневность казанских группировок. Запреты (например, не бить ногами «своих») встраивают насилие в статусную иерархию. Такое формирование культуры чести приводит к тому, что каждый в любой момент готов конфликтовать с каждым, так как обязанность защищать честь становится частью нормативного порядка. Нормативность защиты чести характеризуется постоянным напряжением и не только разжиганием конфликта по необходимости или из умысла, но и включает в себя постоянный поиск возможного нарушения в адрес собственной чести. В отличие от Юга США, где скорее отдается предпочтение индивидуальной чести, индивидуальной репутации возмездия и индивидуальному действию в попытках эту честь отстоять, казанские группировки можно охарактеризовать как более коллективистские, и оскорбление чести одного из членов группировки легко интерпретируется как оскорбление всей группировки. Нормы чести также по-разному встраиваются в общественные институты из-за разных институциональных условий в Казани и на Юге США: в Штатах культура чести стала получать поддержку на уровне законов, общественного мнения и политических практик (поддержка военных акций и применения смертной казни, широкая трактовка прав на самозащиту), тогда как в случае с казанским феноменом институционализация происходит через формирование новых коллективных институтов (таких как «понятия» в их интерпретации казанскими группировками), направленных прежде всего на регуляцию тех, для кого защита чести является актуальной.

Теория субкультуры насилия Вольфганга и Ферракути (Wolfgang, Ferracuti 1967) показывает, что запрет на «бить ногами» нормализует контролируемое насилие для поддержания внутригруппового статуса и позволяет четко различать применение правил в отношении своих и чужих, приводя к росту насилия среди тех, кто имеет к ней отношение (McGloin et al. 2011). Таким образом, насилие, нормализованное и институционализированное, становится нормой среди участников группировок и выступает обязательным элементом социализации. Более того, оно становится своего рода капиталом, наличие которого влияет на статус внутри группировки, где репутация и уважение измерялись способностью «стоять за улицу» и демонстрировать готовность «держаться удар». Именно готовность к агрессии и умение применить силу становились ключевыми показателями статуса. Противоположные же действия, такие как извинения, сигнализируют слабость («пацаны не извиняются»), негативно влияют на статус внутри группы и даже могут вести к потере идентичности.

Можно найти и другую интересную параллель. Теория кодекса улицы, разработанная Элайджей Андерсоном в книге “Code of the Street: Decency, Violence, and the Moral Life of the Inner City” (1999), представляет собой этнографический анализ жизни в бедных афроамериканских кварталах Филадельфии, где насилие применяется как стратегия выживания в условиях экономической маргинальности и слабого государственного контроля. Андерсон вводит понятие «код улицы» как неформальный набор правил, где агрессия и «жесткость» становятся своеобразной формой капитала для защиты репутации, особенно среди молодежи, сталкивающейся с повседневными угрозами. Это поведение противопоставляется законопослушным (“decent”) семьям, которые пытаются придерживаться норм среднего класса, но вынуждены адаптироваться к уличной культуре для самозащиты. Эмпирические данные Андерсона показывают нам двойственную мораль: насилие — не хаос, а ритуализированный кодекс, где уважение зарабатывается через демонстрацию силы, а слабость (например, извинения) приводит к потере статуса и дальнейшей виктимизации. Нетрудно увидеть в этом описании множество параллелей (вернее, почти дословных описаний) с книгой Гараева.

279

В этом разделе мы рассмотрели несколько теорий и объяснений в применении к казанскому феномену, чтобы попытаться с их помощью ответить на вопрос о роли и статусе насилия в подобных группах. Анализ показывает, что казанский феномен по сути своей не уникален. Это не столько (и точно не только) продукт позднесоветской эпохи, сколько следствие совпадения определенного набора социальных условий и динамики их развития. По сути, схема примерно одна: существует лакуна, до которой государство не может дотянуться, где есть дефицит институционального контроля, что приводит к формированию субкультурных норм чести, которые, в свою очередь, нормализуют насилие как средство защиты репутации; затем эти практики закрепляются в повседневных ритуалах. Достаточно убрать из этой цепочки один из факторов, и институционализация насилия провалится.

Гараев делает вывод: *«Пацанский кодекс также говорит об агрессивном характере этих мини-государств. Об этом можно судить из запрета на курение, алкоголь и наркотики — ты всегда должен быть трезв, чтобы в любой момент дня и ночи встать на защиту группировки. Пацан должен контролировать речь, сохранять самообладание и быть в хорошей физической форме»*. Эта цитата подчеркивает, как самоконтроль легитимирует готовность к насилию. Также она показывает, что из самоконтроля рождается определенный дисциплинарный порядок или «мини-государство», о чем мы поговорим немного позднее.

От «скорлупы» к «суперам»: ритуалы инициации

Ритуалы инициации в казанских уличных группировках предстают как структурированные процессы социализации, превращающие подростков в полноценных членов субкультуры. Этот раздел предлагает концептуализацию феномена через призму ритуалов перехода, подчеркивая их роль в формировании идентичности, иерархии и групповой лояльности в условиях социальной турбулентности. Мы опираемся на теорию ритуалов перехода ван Геннепа (van Gennep 1909/1960), описывающую инициацию как три этапа: сепарацию (отделение от прежней жизни), лиминальность (промежуточное состояние испытаний) и инкорпорацию (вхождение в новый статус); развитие этой идеи Тернером (Turner 1969) как «антиструктуры», где в лиминальности рождается групповая солидарность, а также теорию социального напряжения Мертона (Merton 1957), видящую группировки в качестве альтернативных каналов мобильности в стратифицированном обществе, где подростки «продвигаются на следующие уровни» через ритуалы. Эти подходы позволяют понять, как от «скорлупы» (младший возраст) к «суперам» и далее формируется иерархия, где ритуалы (драки, запреты) обеспечивают дисциплину и интеграцию.

Все начинается с юного возраста: *«Младший возраст, нижняя ступень в местных группировках, называлась по-разному: скорлупа, шелуха, чеграши, зеленые, первый возраст. Это было сродни подготовительному классу: никаких серьезных поручений (особенно если тебе двенадцать), кроме как постоять на пиках»*. Вот так в книге описывается ритуал инициации: *«Также могли подойти на улице и попытаться тебя “обшакалить”*. Если ты не стушевался, правильно ответил и в случае оскорбления прыгнул в отмах, экзамен считался сданным. К 1990-м городские правила пришивания стали похожими по всему городу, отличаясь лишь в деталях». Эта цитата иллюстрирует уличный «экзамен» как ритуал вступления. В логике ван Геннепа (van Gennep 1909/1960), мы можем сказать, что «обшакалить» (попытка отъема денег) — сепарация, первая стадия инициации, отделяющая потенциального члена от «чушпанов», а «отмах» (драка) — испытание стойкости, требуемое для успешной инициации. Согласно теории Тернера (Turner 1969), развивавшего идеи ван Геннепа, можно было бы увидеть здесь антиструктуру: спонтанная драка создает «равенство в хаосе», формируя *communitas*, особую форму солидарности среди пацанов. В отличие от жесткой ритуальной структуры перехода, казанскому феномену была свойственна урбанистическая импровизация со спонтанностью драки, которая сама по себе становится инициационным механизмом. Мертон (Merton 1957) интерпретировал бы это как социальный лифт: в обществе с ограниченной мобильностью группировки

предлагают альтернативные средства для получения статуса через ритуалы. Кроме того, такие тесты могут компенсировать школьные неудачи, превращая «неудачников» в героев субкультуры (Cohen 1955).

Денсли (Densley 2013) описывает вступление в банду не как единичное событие, а как длинный и постепенный процесс. Ключевую роль в нем играет доверие: в банды легче попасть тем, кто связан родственными или дружескими узами с действующими членами. Это своего рода «гарантии» против предательства и ошибок отбора. Но помимо доверия важны и «сигналы», которые невозможно подделать (*hard-to-fake signals*), отличающиеся от более легких требований, таких как, например, запрет курить, который все равно систематически нарушался группировщиками: *«...они не употребляли наркотики и алкоголь и даже не курили: на это существовал запрет от старших. Они ходили на регулярные сборы, жили по пацанским понятиям, воевали между собой, "щемили чушпанов" (трепировали подростков, не участвовавших в группировках), ездили в Москву и Ленинград снимать одежду с мажоров и драться с люберами»*. Будущие члены должны показать, что они обладают нужными качествами — смелостью, готовностью применять насилие и рисковать ради группы. Это выражается в драках, демонстрации «боевого капитала» или поступках во благо других членов. Такие действия становятся доказательством лояльности и пригодности. Наконец, во многих случаях формальное принятие сопровождается ритуалом насилия — например, классическим “being jumped in”, когда новобранца избивают старшие. Этот акт не только проверяет выносливость, но и символически закрепляет насилие как основу групповой жизни.

281

Главным способом инициации в уличных бандах становится именно структурированное или ритуальное насилие: *«Я не помню, пришлось ли мне в первый день вставать в отмах — там же проверяли, нужно было с кем-то побиться. Но в первые два месяца мне регулярно приходилось драться. Мы собирались на хоккейной коробке, все это было похоже на тренировки»*. Эта цитата подчеркивает повторяющиеся драки как тренировочный ритуал. Ван Геннеп (van Gennep 1909/1960) увидел бы «первые два месяца» как лимианность (переходный период), где драки — испытания для инкорпорации. Тернер (Turner 1969) интерпретировал бы «хоккейную коробку» как пространство, где антиструктура (драки без иерархии) создает новую групповую солидарность во время осуществления ритуального перехода. Такие драки — реакция на статусное напряжение, превращающая агрессию в капитал новой субкультуры (Cohen 1955). У этого феномена также был отдельный термин: *«Хомутки — учебные войны. Чаще всего — кулачные бои пацанов одного возраста или двух и более возрастов (молодые*

со средними или супера с молодыми и им в помощь несколько средних) без ударов по лицу и ногам».

Фрейзер (Fraser 2015) на основе своего исследования банд в Глазго предлагает более общую рамку для понимания процесса инициации в банду и карьеры в ней. Главная идея заключается в том, что принадлежность к банде — это не просто проявление девиантности или криминальных наклонностей, а форма построения идентичности в условиях социального и экономического упадка. Потеря рабочих мест, ограниченные образовательные и карьерные возможности, пространственная сегрегация — все это заставляет молодежь искать признание и статус на улице. Банда становится пространством, где формируется особый “street habitus” — уличный набор навыков, телесных практик, способов общения и демонстрации силы. Фрейзер показывает, что уличная идентичность тесно связана с маскулинностью: статус «жесткого парня» дает ощущение силы и уважения там, где другие социальные лифты не работают. Важнейшую роль играет территориальность: квартал или район служит границей принадлежности, символическим маркером «своих» и «чужих». Подростки учатся «быть из банды» через участие в уличных конфликтах, через стиль одежды, жаргон, телесные позы. Эти практики не всегда ведут к серьезной криминальной карьере, но они выполняют функцию ритуалов отбора и доказательства лояльности.

Иерархия в группировках описывается Гараевым следующим образом: *«В крупных казанских группировках было до шести возрастов: спустя в среднем год или два после уже названного младшего возраста в один день вы все вместе переходили на ступень выше и становились суперами. Это происходило в тот момент, когда ваши старшие (супера) превращались в молодых (из-за схожести названия этого возраста с младшими часто возникала путаница), в то время как молодые становились средними, а те — старшими, и так вплоть до стариков»*. Эта цитата иллюстрирует возрастную иерархию как статусный лифт, имеющий важное значение внутри группировки, поскольку на этом передвижении, на смене статуса и, главное, на коллективной надежде на его будущую смену — связанной с синхронной когортной ротацией, а не с личной конкуренцией — и держится группировка. Такая структура также описана исследователями, например, Донг с соавторами (2015) выделяют несколько разных стратегий участия в бандах: большинство вовлекается в подростковом возрасте и не задерживается больше чем на год-два, однако некоторые задерживаются дольше или даже вступают во взрослом возрасте. Из рассказа Гараева о ситуации вступления одного из группировщиков во взрослом возрасте мы также видим, что иерархия и положение в ней формируются через взаимосвязанную систему временных координат: возрастная ко-

горта задает формальный статусный уровень; стаж участия дифференцирует позиции внутри каждой когорты; а раннее вступление дает возможность накопления стажа и тем самым опосредованно влияет на устойчивость статусного положения.

В целом ритуалы инициации в контексте казанских группировок — это процессы социализации, обеспечивающие мобильность и солидарность. Однако такая социализация очень сильно завязана на идентичность и предполагает некоторую структуру мобильности внутри этой идентичности. Такая структура создана специально для мотивации сохранения идентичности для продвижения по мобильности, а отклонение от такой идентичности карается исключением из мобильности. В каком-то смысле, пока группировщик не видит альтернатив (а их действительно было сложно увидеть в то время в тех местах), он сталкивается с ошибкой невозвратных затрат, где идентичность и мобильность шантажируют друг друга под гнетом потенциального позора чушпанства.

«Ты что, чушпан?»: выстраивание границ

Границы группы определялись через противопоставление «пацанов» (инсайдеров) и «чушпанов» (аутсайдеров), где последние подвергаются стигматизации и эксплуатации. Этот раздел концептуализирует феномен как процесс социального конструирования границ, поддерживаемых через исключение и насилие. Здесь мы будем опираться на теорию этнических границ Барта (Barth 1969), видящую границы как динамичные конструкции, поддерживаемые через дифференциацию и взаимодействие, теорию дифференциальной ассоциации Сазерленда (Sutherland 1939) и теорию лейб-линга Беккера (Becker 1963). Эти подходы позволяют понять, как границы не только разделяют, но и легитимируют эксплуатацию, делая «чушпанов» объектами для «щемления» и укрепляя групповую идентичность.

Такое определение дается в книге: *«Чушпан/мореха/лох/черт — не участник группировки. Бесправный подросток или молодой человек, на которого не распространяются пацанские (пацановские) понятия»*. Эта цитата определяет «чушпана» как аутсайдера, лишенного некоторого базового набора человеческих прав. Согласно Барту (Barth 1969), такие термины конструируют границы через категоризацию: «чушпан» — маркер различия, поддерживаемый взаимодействием (например, «щемлением»), что усиливает групповую идентичность пацанов.

С точки зрения Сазерленда (Sutherland 1939), подобная динамика отражает механизм дифференциальной ассоциации, через который формируется и передается девиантное поведение. Границы груп-

пы, обозначенные противопоставлением «пацанов» и «чушпанов», создают социальное пространство обучения, где нормы и ценности «своих» закрепляются через постоянное отрицание и стигматизацию «чужих». В этом процессе участники группы усваивают специфические определения ситуации, которые оправдывают и нормализуют эксплуатацию, агрессию или пренебрежение к «аутсайдерам». Таким образом, девиантность здесь не выражает индивидуальную патологию, а становится результатом социального обучения, в котором противопоставление «мы-они» служит инструментом как идентичности, так и моральной легитимации насилия и неравенства.

Теория лейблिंगа Беккера (Becker 1963) добавляет к нашей концепции то, что ярлык «чушпан» усиливает девиантность, делая аутсайдеров уязвимыми. Для правильных пацанов весь остальной мир превращался в своеобразные «охотничьи угодья»: *«Тяжелей всего пришлось детям и подросткам обоих полов: путь от школы до дома превратился в настоящее испытание — мальчишек обирали до нитки, девочек могли завести в подворотню или увезти на машине и изнасиловать»*. Эта цитата иллюстрирует эксплуатацию аутсайдеров (и даже насилие над ними) как механизм поддержания и конструирования границы собственной группы. Барт (Barth 1969) называет такие стратегии поддержанием границ через насилие: обирание и изнасилование — взаимодействия, подчеркивающие «мы» и «они». Происходит отделение и стигматизация, где «чушпаны» становятся объектами, лишенными прав. Подобный лейблинг запускает цикл насилия, создавая порочный круг: жертвы уже стигматизированы, эта позиция закреплена, различие институционализировано, что позволяет дискриминировать и осуществлять насилие по отношению к жертве снова и снова (Becker 1963).

Функция понятия «чушпана» еще и в том, что оно становится живым напоминанием того, куда можно опуститься, если нарушить правила, тем «лейблом», который может быть тебе присвоен в случае, если тебя «отошьют», причем независимо от уровня, занимаемого в иерархии: *«Наши старшие убежали, а мы остались. Хорошо, менты приехали, нам немного попало, а так убили бы, нам было-то по пятнадцать-шестнадцать лет. Мы вернулись на улицу, все рассказали, те старшие, что были с нами и убежали, наврали что-то, а самые старшие поехали на Газовую и спросили у них, как все было. Те рассказали, что пиздюки остались и честно огребли по полной. Отшили тех троих, загасили как чушпанов»*. Эта цитата показывает, что «отшив» работает как механизм поддержания границ группы, а также защиты кодекса чести. Барт (Barth 1969) интерпретировал бы «отшив» как реконструирование границ: предатели становятся «чушпанами», усиливая внутреннюю лояльность тех, кто остается верен «понятиям». «Загасили как чушпанов» — это применение стигмы для легитимации более

жестокого наказания: их били уже не как «своих» (что в целом допустимо и часто встречается), а как «чужих» (т.е. могли бить ногами, что недопустимо по отношению к «своим»).

Гендерные нормы и контроль телесности

Гендерные нормы в казанских уличных группировках предстают как жесткая система контроля над телесностью и поведением, где маскулинность доминирует, отражая патриархальные структуры советского и постсоветского общества. Этот раздел концептуализирует феномен через призму перформативной власти, подчеркивая, как гендер конструируется через телесные практики в субкультурах Казани 1970–2000-х. Мы опираемся на теорию гендерного перформанса Батлер (Butler 1990), понимающую гендер как серию актов, воспроизводящих нормы, а также теорию гегемонной маскулинности Коннелл (Connell 1987), объясняющую доминирование через контроль над телами и подчинение «других». Эти подходы позволяют понять, как запреты и роли (например, «бабы», «матрешки» и пр.) создают гендерную иерархию, делая тело инструментом доминирования и подчинения.

285

Вот так описывался гендерный контракт для девушек, которые встречались с членами группировок: *«Уличные пацаны называли девушек бабами. Пацан был в ответе за свою бабу и должен был следить за ней, например, чтобы в пьяном виде она не оскорбила твоих товарищей. В 1980-х пацан мог ходить с бабой (то есть встречаться) только при условии, что она девственница. После расставания с пацаном этой девушкой мог воспользоваться любой другой участник группировки. В 1990-х этот принцип исчез, зато оральный секс по-прежнему находился под запретом (и это роднит пацанские понятия с воровскими)»*. Эта цитата иллюстрирует, среди прочего, полный контроль над женской сексуальностью. В логике Батлер (Butler 1990), «ответственность за бабу» и запреты (на потерю девственности и оральный секс) — повторяемые акты, воспроизводящие гендер: женщины перформативно подчиняются, мужчины — доминируют. Коннелл (Connell 1987) увидела бы здесь гегемонную маскулинность: пацаны контролируют женские тела для утверждения превосходства, где потенциальная возможность «воспользоваться» — акт коллективного доминирования.

Прежде всего, сам гендерный контракт — это не просто набор обычаев уличной среды, а элемент сложной социальной механики, в котором язык, запреты и повседневный надзор вместе производят и поддерживают гендерный порядок, набор исторически конкретных правил распределения власти, ресурсов и допустимых ролей между мужчинами и женщинами (Pateman 1988; Pateman. Mills 2007). В описанном случае контракт устроен как обмен «защиты»

на контроль: «пацан» предоставляет статус и безопасность, получая взамен дисциплину, сексуальную эксклюзивность и управленческую женского тела. Это не только моральная норма, но и элемент парарасового порядка в ситуации правового плюрализма: «понятия» группировки становятся локальным правом, регулирующим интимность.

В логике перформативности Батлер (Butler 1990) ключевую роль играет повторяемость и воспроизводимость: когда девушку стабильно называют «бабой», когда «пацан в ответе за свою бабу» и «должен следить за ней», когда предъявляется условие девственности и поддерживается табу на определенные сексуальные практики, каждый из этих элементов действует как цитируемый акт. Он не описывает уже готовые роли, а снова и снова их создает. Лексема «баба» здесь — не нейтральный ярлык, а речевое действие, которое при каждом употреблении помещает девушку в позицию зависимой и поднадзорной; формула «следить за ней» — не просто бытовое требование внимания, а сценарий, который снова инсталлирует мужскую власть как норму близости. Требование девственности выступает ритуалом «правильного» входа в отношения: оно не только регулирует доступ к телу, но и задает образ «приличной» женственности, который надо повторять, чтобы остаться узнаваемой как «девушка, с которой можно ходить». Запрет на оральный секс, как и другие локальные табу, выполняет ту же перформативную функцию: он указывает, какие формы желания считаются допустимыми, а какие — «неправильными», тем самым дисциплинируя и перенастраивая саму возможность женского желания. В этой оптике даже санкции, которые следуют за «нарушениями» (например, публично артикулируемые телесные или поведенческие нарушения норм приличия в состоянии опьянения), — не просто наказания за проступок; это повторные акты, через которые участники подтверждают границы «правильной» женственности и маскулинности.

Конечно, для «пацанов» была важна доминация над «слабым полом», поэтому анализ этих практик целесообразно вести в логике гегемонной маскулинности: доминирующая форма мужского утверждается через контроль над женской сексуальностью и через «отчетность» друг перед другом (Connell 1987; Messerschmidt 2004/2010). «Пацан в ответе» — не приватная мораль, а механизм поддержания статуса в мужской иерархии: обеспечить «послушную» женщину — значит подтвердить свою включенность в гегемонный стандарт. Формула *«После расставания с пацаном этой девушкой мог воспользоваться любой другой участник группировки»* демонстрирует, что женщина выступает ресурсом мужской солидарности; это коллективный акт, укрепляющий гегемонию среди мужчин и закрепляющий их «дивиденды». Сдвиг 1990-х (исчезновение «коллективной

доступности» при сохранении табу) показывает не распад, а перенастройку гегемонии: набор приемлемых практик меняется, но принцип превосходства и контроля остается.

В целом женщины не допускались до «пацанских» дел: *«Женщина в пацанской среде была в подчиненном положении: она не имела права быть на сборах, состоять в мужской группировке и вообще не участвовала в ее делах, если не была сестрой или женой»*. Эта цитата подчеркивает не только сексуальное, но и институциональное подчинение женщин. Батлер (Butler 1990) увидела бы «подчиненное положение» как перформанс: исключение из «сборов» воспроизводит гендерные роли. Коннелл (Connell 1987) интерпретировала бы это как гегемонию: женщины — «поддерживающие» фигуры (сестры, жены), подкрепляющие мужское доминирование.

Вместе с этим существовали и женщины, имевшие почти те же права, что и мужчины: *«Девушек-группировщиц в городе называли “матрешками” — это слово было эквивалентом слова “пацанки”. В Казани моего детства и юности они носили олимпийки, широкие клетчатые юбки, яркий макияж с яркими румянами и косую лакированную челку. Была также категория “подруга группировки”: например, подруга “Чайников” — это девушка, которая была своей в компании, участвовала в посиделках и пьянках группировки, но не состояла ни с кем в сексуальных отношениях»*. Батлер (Butler 1990) рассматривала бы атрибутику (олимпийки, челка) как перформанс фемининности в мужском пространстве. Коннелл (Connell 1987) — как подчиненную маскулинность: «матрешки» имитируют пацанов, но остаются маргинальными.

Существование таких женщин само по себе не является чем-то экстраординарным, однако их социальные практики и формы самоорганизации остаются слабо задокументированными, что существенно ограничивает возможности их эмпирического анализа. Норма Мендоза-Дентон в своей книге *“Homegirls”* о девушках, состоящих в бандах (Mendoza-Denton 2008), подчеркивает, что «девочки из банд» — это не фон мужского насилия, а самостоятельные акторы, которые конструируют принадлежность и статус через язык, телесные стили и субкультурные знаки. Девушки в бандах не просто воспроизводят нормы женственности, а активно переособирают их в практиках повседневного взаимодействия, переопределяя отношение между уважением, уличной лояльностью и телесной автономией. Мендоза-Дентон описывает, как язык и стиль образуют «сообщество практики», где узнаваемый стиль индексирует не только принадлежность, но и внутреннюю дисциплину и взаимную защиту. Получается, что женская солидарность в бандах — это пространство, где гендер и этничность производятся не через подчинение, а через постоянные микропереговоры и перформансы идентичности, в которых речь, одежда и тело становятся

политическими средствами навигации между школой, улицей и структурой власти (Mendoza-Denton 2010).

«Уличный Левиафан»: драки за асфальт, социальные лифты и правовой плюрализм

Этот раздел концептуализирует феномен как правовой плюрализм, где уличные «законы» конкурируют с официальными, а насилие служит социальным лифтом в маргинализированном обществе. В нем мы будем опираться на теорию правового плюрализма Гриффитса (Griffiths 1986), описывающую сосуществование множественных нормативных систем в одном пространстве и теорию территориальной стигматизации Вакана (Wacquant 2008), объясняющую борьбу за пространство как сопротивление маргинальности. Также затронем вопрос экономической рациональности и значения группировок для экономической конъюнктуры того времени. Эти подходы позволяют понять, как драки за асфальт эволюционировали в экономические структуры, где плюрализм норм обеспечивал социальные лифты для пацанов, а стигматизация легитимировала насилие.

288

Одна из наиболее ярких работ на тему казанского феномена принадлежит перу Светланы Стивенсон (Stephenson 2011) — в статье про казанский феномен она рассматривает появившуюся лакуну власти с точки зрения Гоббсовой проблемы, описывая ее решение как фрагментированного Левиафана. В этом тексте Стивенсон рассматривает некоторые из тех тезисов, которые сквозной нитью видны и в данной статье: насилие в случае с казанскими группировками превращается из разрушительной силы в инструмент пересборки социального порядка, а само существование банд — в проявление альтернативного, нелегитимного, но функционального государства снизу. Концепция «уличного Левиафана» рассматривает группировки как автономные «мини-государства», где борьба за территорию («асфальт») сочетается с экономической трансформацией и плюралистическими нормами в условиях слабого государственного контроля в Казани 1980–1990-х.

Особенно интересным в статье Стивенсон является использование теории самого Гоббса о Левиафане — статья некоторым образом переворачивает всю логику Гоббса. В оригинальной концепции Гоббса хаос порождает общественный договор, согласно которому власть передается суверену, который наводит порядок на более низком уровне. Стивенсон же показывает обратное: в условиях распада советской и постсоветской государственности порядок рождается не сверху, а снизу — из уличных структур, из хаоса. Когда государство теряет легитимность и контроль, именно банды создают ло-

кальные правила, дисциплину и ограниченное право на насилие. Они становятся «микро-Левиафанами», создающими управляемый страх и предсказуемость на уровне двора, квартала, города. Таким образом, показанная в статье теоретическая работа — это инверсия Гоббсовой модели: не государство создает порядок среди индивидов, а коллективы создают суррогат государства и его функции.

Гараев характеризует период перед распадом СССР следующим образом: *«1982–1992 годы: Дележ асфальта и завоевание авторитета. Группировки появились на каждой улице, соседи дерутся стенка на стенку за территории. Массовые драки, жесткая дисциплина, запрет на курение и алкоголь; местами появляется отличительная атрибутика: “новотарские” носят значки “Речфлот”, “зининские” — зеленые шапки-фернадельки»*. В терминах Гриффитса (Griffiths 1986) здесь возникает ситуация нормативного плюрализма: уличные законы (дисциплина, правила членства, запреты, символические атрибуты) функционируют параллельно с государственной правовой системой и частично замещают ее. Вакан (Wacquant 2008) интерпретировал бы это как стигматизацию: борьба за территории — это сопротивление маргинальности в урбанизированных зонах, где атрибутика (значки, шапки) — маркеры идентичности против стигмы, вызванной социальным неблагополучием. Это не пацаны «стигматизированы» государством как неблагополучные молодые люди без шансов на будущее, нет — пацаны единственные нормальные люди в мире, наполненном «чушпанамии».

289

Структуры, делавшие ставку на насилие, позволяли уже в 1980 году увидеть зарождение того, что впоследствии было описано как «силовое предпринимательство». В Казани, в отличие от Москвы или Петербурга, насилие сначала развивалось снизу, из уличных подростковых компаний, а не сверху, от бывших спецслужб. Это ключевое отличие — казанские банды стали прототипами «силовых предпринимателей» (Волков 2005), выросших из дворовой среды, а не из профессиональных силовиков. Конечно, такое отличие, в совокупности с сильной территориальной привязкой и локальностью, создает куда менее профессиональные объединения, которые не достигают описанной Волковым рационализации и не создают рынок силовых услуг. Насилие, таким образом, является не товаром, а самим основанием власти и порядка, это особый, территориально и социально вшитый вариант силового предпринимательства, который не только продает принуждение, но в первую очередь производит локальный порядок.

В отношениях с государством не последнюю роль играют экономические стимулы: *«Конец 1980-х — появление свободного предпринимательства и кооперативщиков, а с ними и рэкета, первых больших денег. Группировки постепенно встают на экономические рельсы»*. Эта цитата

подчеркивает постепенный переход от территориальных драк (часто не имевших явных экономических стимулов) к экономическому насилию и извлечению ренты с территории. Теория Гриффитса (Griffiths 1986) позволяет интерпретировать рэкет как форму нормативного плюрализма, как альтернативную норму, конкурирующую с государственным правом в переходной экономике. Группировки предоставляют защиту «коммерсам» в обмен на платежи, создавая систему неформального права и частного принуждения. В терминах Вакана (Wasquant 2008), этот переход на «экономические рельсы» можно понимать как конверсию маргинальности в капитал: уличные акторы трансформируют социальную стигму и территориальную зависимость в источник дохода и символического статуса, превращая насилие из признака исключенности в инструмент включения в рынок.

290

Как уже отмечалось выше, автор книги довольно прямо пишет о группировках как о квазигосударственных структурах: *«По сути, группировки напоминали закрытые мини-государства со своими территориями, законами, гражданами, жесткой возрастной иерархией, железной дисциплиной, специфическими ритуалами и модой»*. «Свои законы» означают правовой плюрализм, в котором находится место таким нормам и механизмам регуляции, как культура чести, возрастная иерархия, ритуалы инициации и другие аспекты, которые мы рассматривали в данной статье. В этом контексте правовой плюрализм проявляется не как аномалия, а как адаптивная форма порядка: улица вырабатывает собственные нормы справедливости и санкции, обеспечивающие относительную предсказуемость и безопасность там, где официальные институты недееспособны. Казанские группировки выступают своеобразными «уличными судами» и «полициями», формируя гибридный режим легитимности, в котором закон государства и закон улицы взаимно пересекаются, конфликтуют и частично дополняют друг друга. В этом контексте, в частности, в очередной раз видно большое отличие от других типов криминальных структур тех времен: казанские группировки создают правовой плюрализм, основываясь на своих нормах, а не являются встроенными в государственную структуру параинститутами, как в книгах про «большую» мафию в России (Galeotti 2018; Varese 2001).

Важным условием для формирования квазигосударственных структур является слабость формальных институтов: *«Милиция, которая поначалу закрывала глаза на проблему группировок, потому что "в СССР нет организованной преступности" (а раз ее нет, то и бороться с ней не надо), момент упустила и была уже не в силах справиться с ней. Несовершеннолетних хулиганов и драчунов по тогдашнему Уголовному кодексу привлекать было не за что»*. Эта цитата показывает, что в Казани того периода существовал вакуум правового контроля. Именно поэтому

возникает спрос на альтернативный закон или «понятия». Здесь уместна оптика Леденевой (Ledeneva 1998): описанный ею «блат» — это сети взаимности, личного доверия и встречных услуг — работает как культурно-нормативная инфраструктура параллельного правопорядка. Именно такие сети понижают транзакционные издержки вне государства, легитимируют обмен «услуга за услугу» и обеспечивают выполнение обязательств без суда и полиции. В казанском контексте это означает, что уличные «понятия» опираются не только на силу, но и на социальный капитал взаимности: дисциплина, долговые отношения и репутация связывают участников в самоподдерживающийся порядок, который замещает функции слабых формальных институтов и при этом воспринимается как «нормальный» и справедливый в глазах локального сообщества.

Следствием этого становятся истории, ставшие, пожалуй, самыми страшными частями книги и сериала: *«Помню, у нас девочка выкинулась из “Модницы” (это тоже на Вишневого), потому что ее изнасиловали гопники. А как девочку затаскивали в вишневые “девятки”? Это же пипец что было. Брали и затаскивали. Дело было очень невеселое. Но это мой город. Было и было, никуда мы от этого не уйдем»*. Слабость формальных институтов, прежде всего, была по той части населения, которая не принадлежала к пацанской культуре, в том числе это создало основу для гендерного насилия. В этом контексте — уход молодого человека в банду или превращение девушки в «бабу» (обе истории хорошо раскрыты в сериале «Слово пацана»), которая встречается с кем-то из правильных пацанов, могло выступать как вполне рациональный механизм защиты.

291

Заключение

Изначально мы хотели предложить какую-то общую теоретическую рамку, однако вскоре после начала написания статьи и углубления в анализ поняли: мы имеем дело не с объектом единичного акта теоретизирования, мы имеем дело с фандомом. Данная статья является обзором оптик для поля исследователей, которые изучают казанский феномен, как если бы существовало целое исследовательское поле studies казанского феномена.

Применяя различные теории, мы также хотели показать, что существует множество способов думать о структурированном уличном насилии, притом что его устройство и последствия — хорошо изученные описанные механизмы. После выхода сериала «Слово пацана» в медиа и интернете вышла куча материалов о том, что такое казанский феномен. Многие публикации преподносили ситуацию с бандами в Казани как что-то невероятное и уникальное. К счастью или к сожалению, это не совсем так. Это не уникальная история, которая

имела аналоги во многих уголках не только постсоветского пространства и постсоциалистических странах, а во всем мире: где-то она была основана на шахтерской корпоративности, где-то на портовой экономике, а где-то на заводской рациональности и солидарности. Само слово «феномен», используемое для описания группировок в Казани, подчеркивает, с одной стороны, многогранность проблемы, с другой — ее уникальность. С многогранностью мы, как понятно из статьи, согласны; с уникальностью вопрос спорный — действительно Казань уникальна тем, до какого уровня систематизации и вездесущности дошли эти группировки, насколько концентрированным было это явление и как долго просуществовало, а также тем, насколько данная проблема — констелляция исторических обстоятельств. Все вышеперечисленное тем не менее объяснимые вещи, которые складываются в пазл: в нем есть пространство для рассуждения, а также для еще нескольких десятков статей, как эмпирических, так и теоретических, и в этой статье мы предложили некоторые оптики для таких исследований и рассуждений.

Финансирование / Funding

292

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

The study was conducted within the framework of the HSE Fundamental Research Program.

Список источников / References

Волков В. В. (2005) Силовое предпринимательство: Экономико-социологический анализ. Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики. EDN: YWVMYZ

— Volkov V. V. (2005) Violent Entrepreneurship: An Economic-Sociological Analysis. Publishing House of the State University — Higher School of Economics. (in Russ.)

Гараев Р. Н. (2020) Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970-2010-х. Individuum.

— Garaev R. N. (2020) Slovo Patsana. Criminal Tatarstan 1970-2010s. Individuum. (in Russ.)

Anderson E. (1999) *Code of the Street: Decency, Violence, and the Moral Life of the Inner City*. New York: W. W. Norton. 352 p.

Anderson E. (2009) *Inclusive Masculinity: The Changing Nature of Masculinities*. London: Routledge. 208 p.

Barth F. (1969) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Bergen: Universitetsforlaget. 153 p.

- Becker H. S. (1963) *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New York: Free Press. 179 p.
- Butler J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge. 236 p.
- Cohen A. K. (1955) *Delinquent Boys: The Culture of the Gang*. Glencoe: Free Press. 202 p.
- Connell R. W. (1987) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Stanford: Stanford University Press. 334 p.
- Densley J. A. (2013) *How Gangs Work: An Ethnography of Youth Violence*. London: Palgrave Macmillan. 213 p.
- Dong B., Gibson C. L., Krohn M. D. (2015) Gang membership in a developmental and life-course perspective. In: Decker S. H., Pyrooz D. C. (Eds.), *The Handbook of Gangs* (pp. 78–97). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118726822.ch5>
- Durkheim E. (1952/1897) *Suicide: A Study in Sociology*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Fraser A. (2015) *Urban Legends: Gang Identity in the Post-Industrial City*. Oxford: Oxford University Press. 304 p.
- Fraser A., Piacentini L. (2019) *Gangs and Globalization: New Perspectives on Youth, Crime and Justice*. London: Routledge. 224 p.
- Galeotti M. (2018) *The Vory: Russia's Super Mafia*. New Haven: Yale University Press. 344 p.
- Griffiths J. (1986) What is Legal Pluralism? *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*, 24, pp. 1–55. <https://doi.org/10.1080/07329113.1986.10756387>
- Ledeneva A. V. (1998) *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press. 256 p.
- McGloin J. M., Schreck C. J., Stewart E. A., Ousey G. C. (2011) Predicting the violent offender: The discriminant validity of the subculture of violence. *Criminology*, 49(3), pp. 767–794. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2011.00235.x>
- Mendoza-Denton N. (2008) *Homegirls: Language and Cultural Practice among Latina Youth Gangs*. London: Blackwell.
- Mendoza-Denton N. (1996) “Muy Macha”: Gender and ideology in gang-girls’ discourse about makeup. *Ethnos: Journal of Anthropology*, 61, pp. 47–63. <https://doi.org/10.1080/00141844.1996.9981527>
- Merton R. K. (1938) Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*, 3(5), pp. 672–682.
- Merton R. K. (1957) *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press. 645 p.
- Messerschmidt J. W. (2010/2004) *Hegemonic Masculinities and Camouflaged Politics: Unmasking the Bush Dynasty and Its War Against Iraq*. Boulder: Paradigm. 216 p.
- Nisbett R. E., Cohen D. (1996) *Culture of Honor: The Psychology of Violence in the South*. Boulder: Westview Press. 119 p.
- Pateman C. (1988) *The Sexual Contract*. Stanford: Stanford University Press.
- Pateman C., Mills C. W. (2007) *Contract and Domination*. Cambridge: Polity Press.
- Sampson R. J. (2012) *Great American City: Chicago and the Enduring Neighborhood Effect*. Chicago: University of Chicago Press.

Simmel G. (1950/1903) *The Metropolis and Mental Life*. In: *The Sociology of Georg Simmel* (pp. 409–424). New York: Free Press.

Stephenson S. (2011) The Kazan Leviathan: Russian Street Gangs as Agents of Social Order. *The Sociological Review*, 59(2), pp. 324–347. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2011.02007.x>

Sutherland E. H. (1939) *Principles of Criminology*. Philadelphia: Lippincott. 651 p.

Turner V. (1969) *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. Chicago: Aldine. 213 p.

van Gennep A. (1960/1909) *The Rites of Passage*. Chicago: University of Chicago Press. 198 p.

Varese F. (2001) *The Russian Mafia: Private Protection in a New Market Economy*. Oxford: Oxford University Press. 304 p.

Wacquant L. (2008) *Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality*. Cambridge: Polity. 360 p.

Wildeman C., Sampson R. J. (2024) Desistance as an intergenerational process. *Annual Review of Criminology*, 7, pp. 85–104. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-022422-015936>

Wolfgang M. E., Ferracuti F. (1967) *The Subculture of Violence: Towards an Integrated Theory in Criminology*. London: Tavistock. 387 p.

Об авторах / About the authors

Белов Михаил Дмитриевич — аспирант, Департамент Коммуникаций, Калифорнийский Университет в Лос-Анджелесе (UCLA), США. Научные интересы: социология права, конверсационный анализ, вычислительная социальная наука, политическая коммуникация, лингвистическая антропология.

<https://orcid.org/0000-0001-8848-2726>. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

Mikhail Belov — PhD student, Department of Communication, University of California, Los Angeles (UCLA), USA. Research interests: sociology of law, conversation analysis, computational social science, political communication, linguistic anthropology.

<https://orcid.org/0000-0001-8848-2726>. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

Антон Павлович Казун — кандидат социологических наук, директор Института анализа предприятий и рынков, доцент факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научные интересы: социология права, институциональная экономика.

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>. E-mail: akazun@hse.ru

Anton P. Kazun — PhD in Sociology, Director of the Institute for Industrial and Market Studies, Associate Professor, Faculty of Economic Sciences, National Research. University Higher School of Economics. Research interests: sociology of law, institutional economics.

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>. E-mail: akazun@hse.ru

Эволюция культуры и экспансия искусственного интеллекта как вызовы системе государственного управления

АЛЕКСАНДР С. ЮХНО***

<https://orcid.org/0000-0003-2999-2982>

АЛЕКСАНДР И. АГЕЕВ*

<https://orcid.org/0000-0002-2826-2702>

* Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская Федерация

** Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Российская Федерация

295

Рекомендация для цитирования:

Юхно А. С., Агеев А. И. (2025) Эволюция культуры и экспансия искусственного интеллекта как вызовы системе государственного управления. *Социология власти*, 37 (4): 295-319
EDN: XEZJFA

For citation:

Yukhno A. S., Ageev A. I. (2025) Cultural Evolution and the Expansion of Artificial Intelligence as Challenges to the Public Administration System. *Sociology of Power*, 37 (4): 295-319

Поступила в редакцию: 02.11.2025; прошла рецензирование: 13.11.2025; принята в печать: 19.11.2025
Received: 02.11.2025; Revised: 13.11.2025; Accepted: 19.11.2025

© Authors, 2025

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Современные системы государственного управления характеризуются значительной институциональной инерцией, обусловленной исторически сложившимися практиками, что ограничивает их способность к оперативной трансформации. Однако стремительная экспансия технологий искусственного интеллекта (ИИ) и углубление глобальной неопределенности требуют принципиально новых подходов к стратегическому управлению, адекватных вызовам современности. На основе междисциплинарного анализа, включающего осмысление эволюции управленческих парадигм и сложных систем, исследование обосновывает, что формирование будущих систем управления будет определяться не только стратегическим планированием, но и тактической адаптацией к изменяющимся условиям. В работе: (а) выявлена управленческая дилемма необходимости одновременного сохранения работоспособности существующих систем управления, их адаптации к цифровым технологиям и формирования стратегического видения будущего; (б) обосновано,

что экспансия ИИ, особенно генеративных моделей, трансформирует культурные коды и ценностные установки, незаметно изменяя массовое сознание и практики управления; (в) аргументировано, что стратегическое управление в условиях цифровой трансформации требует принципиального разграничения между алгоритмизируемыми операционными задачами и сферой ценностно-смысловых решений, остающейся прерогативой человеческого интеллекта. Главный вывод заключается в том, что ответственное внедрение ИИ в государственное управление требует преодоления технологического подхода и учета культурных последствий. Результаты исследования могут быть полезны государственным служащим и разработчикам стратегий цифровых трансформаций, учитывающих взаимовлияние технологических, управленческих и ценностных факторов, а также академическому сообществу для дальнейшей разработки теорий управления в условиях технологической сингулярности.

Ключевые слова: государственное управление, искусственный интеллект, культура, культурный код, онтология управления, суверенитет, ценности, цифровая трансформация

Cultural Evolution and the Expansion of Artificial Intelligence as Challenges to the Public Administration System

Alexander S. Yukhno*,**

<https://orcid.org/0000-0003-2999-2982>

Alexander I. Ageev*

<https://orcid.org/0000-0002-2826-2702>

* State Academic University of Humanities, Moscow, Russian Federation

** Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract: Modern public administration systems are characterized by significant institutional inertia due to historically established practices, which limits their ability to transform operationally. However, the rapid expansion of artificial intelligence (AI) technologies and the deepening of global uncertainty require fundamentally new approaches to strategic management that are adequate to the challenges of our time. Based on interdisciplinary ontological analysis, which includes understanding the evolution of management paradigms and complex systems, the study proves that the formation of future management systems will be determined not only by strategic planning, but also by tactical adaptation to changing conditions. The paper reveals the managerial dilemma of the need to simultaneously maintain the operability of existing management systems, adapt them to digital technologies and form a strategic vision for the future; (b) it is proved that the expansion of AI, especially generative models, transforms cultural codes and value attitudes, imperceptibly changing mass consciousness and management practices; (c) it is argued that strategic management in

the context of digital transformation requires a fundamental distinction between algorithmized operational tasks and the sphere of value-semantic solutions, which remains the prerogative of human intelligence. The main conclusion is that responsible implementation of AI in public administration requires overcoming the technological approach and considering the deep ontological and cultural consequences. The research results may be useful to government officials and developers of digital transformation strategies that consider the interaction of technological, managerial and value factors, as well as to the academic community for further development of management theories in the context of technological singularity.

Keywords: public administration, artificial intelligence, culture, cultural code, management ontology, sovereignty, values, digital transformation

Введение

Сформированные в ответ на исторические вызовы, системы управления обладают значительной инерционностью, обусловленной сложившейся институциональной средой, технологической базой, кадровым потенциалом и укоренившимися управленческими практиками. Это наследие прошлого ограничивает их способность к оперативной трансформации. Конфигурация перспективных систем управления, включая состав субъектов и объектов, а также инструментальную базу, не может быть детерминирована однозначно и подлежит описанию исключительно в вероятностных категориях посредством методов сценарного проектирования. Следовательно, их формирование будет определяться не только стратегическим планированием и последовательной реализацией решений, но и необходимостью тактической адаптации субъектов управления к изменяющимся условиям.

Возникающая управленческая дилемма состоит в необходимости совмещения зачастую противоречащих друг другу императивов: сохранения преемственности и следования исторически сложившимся практикам, с одной стороны, и обеспечения гибкой адаптации к новым технологическим возможностям и все более разнородным социокультурным и этическим нормативам — с другой, при одновременной выработке опережающего видения будущих задач и архитектуры системы управления.

Данное противоречие оказывает существенное влияние на восприятие стратегических целей, оценку ресурсов для их достижения и расстановку управленческих приоритетов. Ситуация осложняется доминированием оперативных задач, требующих немедленного вмешательства. В результате долгосрочное планирование оказывается в значительной степени зависимым от решения текущих проблем, что создает системные барьеры для разработки и реализа-

ции комплексных стратегических преобразований. Попытки разрешения указанных дилемм нашли свое отражение в реализации национальных проектов, федеральных программ, создании институтов развития, а также в деятельности, направленной на формирование новых мировоззренческих парадигм. Вне зависимости от итоговой оценки эффективности данных мер, они представляют собой реакцию на более фундаментальный вызов (подробнее см.: Мэтьюз, Агеев, Большаков 2003). К числу наиболее критичных вызовов системе государственного управления относятся как минимум три фактора: переживаемый глобальный (фазовый) кризис, экспансия технологий искусственного интеллекта (Сплетенный мир 2023) и трансформация культурно-мировоззренческих ориентаций в обществе. Их синергетическое воздействие многократно увеличивает комплексность и неопределенность управленческой среды, что обуславливает необходимость детального анализа отдельных аспектов данной проблематики.

Далее рассматриваются вопросы эволюции культуры и системы искусственного интеллекта. Рассмотрение их взаимосвязи представляется критически важным, поскольку технологии глубокого изучения нейронных сетей, как одной из самых быстро развивающихся систем ИИ, происходят в сложной культурной среде. Ее искусственное сужение по тем или иным основаниям, упрощение создает серьезные риски примитивизации поисковых инструментов и, соответственно, рекомендательных решений.

Внешняя и внутренняя динамика кризиса

В рамках теории сложности (синергетики) еще в 1960-е годы была описана проблема зависимости от траектории предшествующего развития («path dependence»), отражающая влияние исторической инерции на динамику сложных систем. Данный феномен оказывает существенное воздействие на формирование управленческих стратегий и тактик, проявляясь как во внешней, так и во внутренней динамике управляющих систем и определяя тем самым границы возможного для управленческой деятельности.

Внешнее влияние «пройденного пути» на развитие государственного управления в России определяется как минимум двумя ключевыми обстоятельствами. Во-первых, это фактический статус, который Россия стремилась занять и укрепить в глобальной системе координат в экономической, технологической, гуманитарной и политической сферах после распада СССР. Ключевым критерием оценки этого статуса выступал уровень суверенитета страны. До 2022 года доминировала логика внешнего позиционирования, основанная на стремлении интегрироваться в западное цивилизационное

пространство. Эта парадигма, сформировавшаяся после распада СССР в рамках развития российской государственности, находила выражение во внешнеполитическом курсе, социально-экономических реформах, трансформации социальных институтов, а также в формировании новых мировоззренческих ориентиров и моделей поведения. Установка на «вестернизацию» до определенного момента оставалась доминирующей и оказывала системное влияние на государственное управление и экономическую политику. Ограничения этой логики были открыто провозглашены в 2007 году в ходе так называемой «мюнхенской речи» В. В. Путина. При этом первые серьезные признаки разочарования в западных «партнерах» проявились еще в 1997 году, когда российское руководство в рамках «Большой восьмерки» заявило протест против расширения НАТО и подготовки военной агрессии против Белграда (Приходько, Шевченко 2011).

Начало специальной военной операции (СВО) ознаменовало формирование стратегического курса на укрепление суверенитета и отстаивание жизненно важных интересов Российской Федерации с использованием расширенного спектра инструментов, включая военно-технические. При этом необходимо различать декларируемые стратегические цели, в частности, технологический и экономический суверенитет, закрепленные в нормативных документах высшего уровня, и фактическое состояние суверенности в различных секторах экономики. Так, например, в экономической сфере это проявляется в параметрах импортозависимости от недружественных государств, динамике импортозамещения и доступности аналогичной продукции на альтернативных рынках. В технологической области — отражается в потенциале самостоятельной разработки, производства и внедрения решений в сфере цифровых технологий и искусственного интеллекта, а также в устойчивости критической информационной инфраструктуры к внешним деструктивным воздействиям. Особое значение приобретает комплексное решение задач стратегической безопасности, одним из инструментов которого является проведение СВО.

Целевое состояние, которое Россия стремится занять в архитектуре миропорядка, во многом детерминирует вектор трансформации ее системы государственного управления, что осложняется ее участием в интеграционных объединениях, таких как Союзное государство, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, а также обязательствами перед ВТО. Данная взаимосвязь обуславливает методологическую несостоятельность анализа системы государственного управления вне глобального контекста, поскольку игнорирование стратегических целей, национальных интересов и конкретных форм международ-

ного присутствия страны приводит к искажению ее институциональной логики и характера происходящих в ней изменений.

Существенное влияние на эволюцию систем государственного управления оказывают общие тенденции всеобъемлющей трансформации современного общества, эпицентром и ключевым драйвером которой выступает стремительная экспансия систем искусственного интеллекта (СИИ) (Юхно 2020). Она создает принципиально новые условия для научно-производственной кооперации, международного разделения труда и формирования макрорегионов. Параллельно на трансформацию управленческих моделей воздействует комплекс иных факторов, включая нормативное влияние международно-признанных метрик, таких как показатели Целей устойчивого развития ООН, опыт, полученный в ходе реагирования на пандемию COVID-19 (2020–2021 гг.), стратегии адаптации к санкционному давлению, а также расширение «серых зон» в глобальной экономической деятельности. Анализ и системный учет данных факторов создают основу для разработки более эффективных стратегий развития, формирования адресных механизмов преодоления институционального и структурного сопротивления изменениям, а также для создания условий поступательной и устойчивой трансформации системы государственного управления.

Внутренний аспект «зависимости от траектории предшествующего развития» в эволюции систем управления детерминирован базовыми социально-демографическими, правовыми и экономическими структурами, сформировавшимися в результате длительного исторического развития, радикальных социально-экономических трансформаций последних четырех десятилетий и адаптации к текущим вызовам. К числу ключевых структурных факторов относятся динамика рождаемости и смертности, ожидаемая продолжительность жизни, миграционное сальдо, распределение прав собственности, концентрация богатства и доходов, а также модели пространственного развития страны. Совокупное воздействие этих взаимосвязанных факторов формирует сложный каркас ограничений и возможностей, предопределяющий стратегические направления, приоритеты и конкретные механизмы реализации государственной политики, включая разработку и осуществление национальных проектов.

Анализ зависимости от пройденного пути выявляет критическую роль социального выбора, осуществленного при более или менее активном участии всех ключевых общественных групп. Данный выбор, сделанный в конце 1980-х — начале 1990-х гг., сформировал текущую парадигму текущего государственного управления, с ее последующими корректировками в ходе парирования внутренних и внешних вызовов, носил не одномоментный, а про-

тяженный во времени характер и стал фундаментальным фактором формирования современной российской государственности. Его процесс включал в себя как стихийную адаптацию к возникающим вызовам, так и целенаправленное заимствование и имплантацию социально-экономических институтов, в том числе конкретных моделей организации экономики и систем метрики ее развития.

Совокупное действие указанных факторов сформировало относительно устойчивый коридор возможностей для эволюции государственного управления в России. Однако дестабилизация глобальной архитектуры и интенсивная трансформация миропорядка, осуществляемая с применением не только ограничительных экономических практик, но и силовых инструментов, привели к радикальному расширению спектра потенциальных траекторий как глобального, так и национального развития России.

В целом текущий всеобъемлющий глобальный кризис сравним с 30-летним периодом между началом Первой мировой и окончанием Второй мировой войны (см. подробнее: Агеев 2016б). Указанный исторический интервал характеризовался силовой реструктуризацией мировой экономики и формированием новых международных политико-экономических институтов в ответ на нарастающие дисбалансы в торговой и валютно-финансовой сферах. Данный процесс завершился разделом мира на сферы влияния великих держав. С начала XXI века, по мере нарастания мощи и субъектности новых центров силы, включая Россию, Китай и другие страны, действующий гегемон, стремясь сохранить доминирование, объективно заинтересован в подрыве, переориентации и дезориентации региональных центров силы, а также в провоцировании нестабильности в отдельных регионах, странах и отраслях. Стратегия глобального доминирования предполагает достижение «тотальной осведомленности» и «информационно-кибернетического превосходства», что выражается в активной разработке и внедрении автоматизированных систем мониторинга, оценки и прогнозирования международной обстановки с применением технологий искусственного интеллекта. При этом в основе стратегических планов лежит не только экономическое или военное превосходство, но и претензия на реализацию универсальных «цивилизационных концептов», что предполагает прямое воздействие на культурные коды и ценностные ориентации обществ. Таким образом, современная глобальная конкуренция выходит за рамки рыночных механизмов.

Совокупность указанных факторов оказывает воздействие на систему государственного управления Российской Федерации, детерминируя трансформацию ее стратегического планирования, императивов национальной безопасности и иерархии жизненно важных ценностей, что актуализирует необходимость выработки адекват-

ных и комплексных ответных мер. В данном контексте предметом последующего анализа выступают онтологические аспекты экспансии систем искусственного интеллекта, определяющие их интеграцию в социальные практики и архитектуру управленческих систем.

Сущность искусственного и естественного интеллекта

Использование систем искусственного интеллекта (СИИ) утвердилось в качестве ключевого тренда в области государственного и корпоративного управления и рассматривается как одна из наиболее универсальных и всеобъемлющих технологий современности (Городничев и др. 2020). За последние годы ведущими странами мира был накоплен значительный эмпирический опыт их внедрения. Существенный импульс распространению этих технологий придала управленческая и информационная ситуация, сложившаяся в период пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.), которая актуализировала потребность в автоматизации управления ресурсами и повышении эффективности решений, регулирующих поведение больших социальных групп. Период 2023–2025 годов ознаменован переходом к новой фазе их применения, характеризующейся интеграцией в военные и гражданские сферы на качественно новом уровне. Данный переход порождает комплекс теоретических вызовов, включая необходимость переосмысления самого понятия «искусственный интеллект», оценки текущей стадии его жизненного цикла и анализа глубинной трансформации государственного управления в формирующейся технологической реальности.

В настоящее время отсутствует общепринятое определение искусственного интеллекта, несмотря на принятие множества международных и национальных стандартов, включая более 30 стандартов Технического комитета ИСО/МЭК 42 и российского ТК 164, которые устанавливают базовые определения и области применения искусственного интеллекта. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта существенно опережает формирование соответствующей нормативно-правовой базы. Данное отставание создает значительные риски, включая не только некорректное толкование понятия искусственного интеллекта и, как следствие, недобросовестное или некомпетентное отнесение к нему продуктов и услуг, не соответствующих его сущности, но и формирование слаборегулируемых или полностью нерегулируемых сегментов разработки и применения соответствующих технологий, в том числе в противоправных целях. Ярким примером данной проблемы являются вызовы, связанные со сбором, хранением и оборотом пер-

сональных данных различных категорий, включая метаданные, как уполномоченными, так и неуполномоченными операторами баз данных. Особую актуальность приобретает проблематика обеспечения «доверенного» ИИ. Отдельного внимания требует вопрос правового и технологического регулирования деятельности социальных сетей, мессенджеров, языковых моделей, а также противодействия несанкционированному перехвату сообщений (Hernandez et al. 2022).

Современные подходы к определению СИИ, применяемые для конкретных целей, формируются преимущественно дедуктивным, индуктивным, функциональным методами, а также через установление родовидовых отличий или отрицание. В связи с этим методологически обоснованным представляется обращение к более общему понятию интеллекта как основе для выработки сущностного определения искусственного интеллекта.

Текущее понимание «интеллекта» характеризуется множественностью трактовок, среди которых можно выделить три ключевых подхода: информационно-содержательный, рассматривающий интеллект как структурированную базу знаний с параметрами объема, разнообразия, актуальности и компетентностной глубины; операционно-процессуальный, акцентирующий роль системы мыслительных операций, таких как анализ, синтез и обобщение, где скорость и эффективность переработки информации выступают критериями развития интеллекта; и метакогнитивный, фокусирующийся на механизмах ментального самоуправления и организации ментального опыта (Там же, с. 429–430).

303

Определения интеллекта варьируются в зависимости от предметной области и контекста применения. Наиболее универсальное современное определение акцентирует его как способность к познавательной деятельности и эффективному решению проблем, особенно в условиях освоения новых, ранее неизвестных задач.

Эпицентр современной дискуссии о границах искусственного интеллекта сместился в область алгоритмов, которые становятся понятийным водоразделом между собственно интеллектуальными процессами и автоматизацией (Каляев 2019; Каляев 2024). Алгоритмы выступают центральным элементом в понимании и развитии СИИ, определяя не только их технические возможности, но и этические рамки применения. С точки зрения математики и кибернетики класс задач считается решенным, если для него установлен алгоритм решения, что делает нахождение таких алгоритмов фундаментальной целью человеческой деятельности.

Примечательно, что развитие культуры также может быть описано как накопление алгоритмов, стереотипов, рутин для решения различных проблем, где задача культуры, включая социализацию

и образование, заключается в воспроизводстве знаний с их постоянной актуализацией, выбраковкой устаревших решений и созданием новых. Задачи, для которых алгоритмы еще не обнаружены и которые требуют усилия, изобретательности и проницательности человеческого ума, относятся к категории интеллектуальных. Соответственно, в строгом смысле именно этот класс задач составляет предметную область СИИ, в то время как сферы с установленными алгоритмическими решениями относятся к автоматизации (Там же).

В «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»¹ представлено прагматичное определение ИИ как комплекса технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека, включая способность к самообучению и поиску решений без заранее заданного алгоритма, и обеспечивающих достижение результатов, сопоставимых с результатами человеческой интеллектуальной деятельности. Данный комплекс включает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, в том числе с применением методов машинного обучения, а также процессы и сервисы по обработке данных и выработке решений. Технологии ИИ раскрываются через ключевые компоненты, такие как компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, системы интеллектуальной поддержки принятия решений.

К перспективным методам искусственного интеллекта отнесены технологии, нацеленные на создание принципиально новой продукции и разработку сильного ИИ, включая автономное решение задач, автоматический дизайн физических объектов, автоматическое машинное обучение, работу с малыми данными, обработку информации на новых вычислительных системах и интерпретируемую обработку данных. Стандарт ISO CD 22989 акцентирует дисциплинарный аспект, определяя ИИ как область знаний, изучающую инженерные системы, способные приобретать, обрабатывать и применять знания и опыт. При этом ИИ как научная дисциплина включает в себя машинное обучение, в том числе глубокое обучение, обучение с подкреплением; машинное мышление, включая прогнозирование, планирование, представление знаний, рассуждение, поиск и оптимизацию; робототехнику, включая управление, восприятие, сенсорику; и интеграцию всех других методов в ки-

1 Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)

берфизические системы. Сравнительный анализ показывает, что национальные и международные документы тяготеют к схожим рабочим определениям, сочетающим технологическую конкретику с акцентом на функциональные возможности систем, что отражает прикладной характер современного этапа.

Сформировавшийся концептуальный консенсус в трактовке искусственного интеллекта как научной дисциплины и технологического комплекса позволяет рассматривать СИИ в качестве ключевой инновации в эволюции систем управления. При этом закреплённая в национальном стандарте классификация обеспечивает сравнительный анализ решений ИИ по параметрам вида деятельности, структуры знаний, функций контура управления, безопасности, конфиденциальности, степени автоматизации, методов обработки информации, интероперабельности, комплексности системы, архитектуры и специализации¹ (Кукшев 2020/1). Особое внимание уделяется практическим аспектам его внедрения, включая доверие к ИИ («trustworthiness»), охватывающее уверенность заинтересованных сторон в способности систем выполнять задачи с требуемым качеством и безопасностью; киберфизическим системам («cyber-physical system»), интегрирующим датчики, оборудование и информационные системы в сквозные управленческие контуры для создания добавленной стоимости за рамками отдельного предприятия; и нейротехнологиям, направленным на изучение и усиление работы мозга и высшей нервной деятельности. При этом нормативная база, регламентирующая взаимодействие операторов сложных систем с обществом, начала формироваться ещё с 2009 года (Овчинников 2017; Raikov, Pirani 2022)², что подчеркивает долгосрочный характер развития данной области и закладывает основу для ответственного внедрения технологий ИИ в критически важные сферы управления.

305

Историческая динамика развития искусственного интеллекта характеризуется чередованием периодов интенсивного роста, сопровождающегося значительными инвестициями, и этапов стагнации, связанных с неоправдавшимися ожиданиями. Уже в 1960-е годы в научной, технической и управленческой сферах ставились сложные задачи, часть которых не была решена как вследствие недостаточной вычислительной мощности и производительности

1 Оценка качества систем искусственного интеллекта. Общие положения. ГОСТ Р 59898–2021. М.: Российский институт стандартизации, 2021.

2 Ноон-технологии в технической деятельности. ГОСТ Р 43.0.3–2009. М.: Стандартинформ, 2018.

Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. М.: Российский институт стандартизации, ГОСТ Р 57700.37–2021. М., 2021.

компьютеров, так и в силу социально-экономических факторов. В настоящее время наблюдается новый всплеск интереса к СИИ, обусловленный технологическим прогрессом (Овчинников 2018).

С точки зрения эволюции поколений искусственного интеллекта текущий этап соответствует тестированию систем четвертого поколения в рамках шестиуровневой классификации, основанной на критериях ограниченности доменов применения и характера целеполагания. На этом уровне системы ИИ предпринимают попытки использовать данные за пределами целевого домена и корректировать цели пользователя или разработчика (Кукшев 2020/1). Системы шестого поколения, условно обозначаемые как «сильный ИИ», будут способны к самостоятельному формулированию целей и работе с любыми типами данных, включая защищенные информации. В отличие от них, современные и предыдущие технологии относятся к категории «слабого ИИ» или занимают промежуточное положение между «слабым» и «сильным» искусственным интеллектом.

Проведенное исследование готовности управленческой практики к осознанию ключевых рисков цифровизации выявило следующие результаты (Агеев 2018). Наибольшую угрозу респонденты связывают с различными видами киберугроз (показатель значимости, включая кибертерроризм, кибершпионаж и кибепреступность, — 53,8%). Существенно ниже оцениваются риски деградации естественного интеллекта, включая интеллектуальную зависимость от цифровой техники, формирование неадекватных представлений о мире, заимствование ценностей и потребностей из цифровых шаблонов (24,7%), транснационального характера конкуренции (23%) и цифровой трансформации государства и общества (22,5%). Существенно, что по второй, третьей и четвертой угрозам из перечисленных имеют показатель низкой готовности их парировать, в отличие от первой, в отношении которой есть понимание и средства противодействия. Причем последние два фактора воспринимаются не только как угрозы, но и как возможности при условии эффективного управления. Характерно, что деградация естественного интеллекта, вторая по значимости угроза, до сих пор не нашла системного отражения в управленческих процессах. Действия государства в области реформирования образования, информационной политики и укрепления традиционных ценностей можно рассматривать как частичный ответ на этот вызов. Киберугрозы и деградация естественного интеллекта представляют собой взаимосвязанные факторы, оказывающие взаимно усиливающее воздействие. Массовое кибермошенничество, использующее утечки данных и уязвимости глобальной цифровой инфраструктуры, не только обнажает остроту проблемы, но и раскрывает ключевой механизм ее эскалации.

Рост кибератак подрывает доверие не только к цифровым сервисам, но и к институтам государственного управления. Таким образом, внедрение СИИ потребует глубоких преобразований в системе управления на всех уровнях. Однако эта работа рискует стать фрагментарной и малоэффективной при отсутствии единого понятийного поля, согласованного управленческого языка и общего семантического пространства для разработки новых стандартов и систем управления. Представляется, что главный вызов в этой области связан с глубинными процессами эволюции культуры в условиях цифровой эволюции.

Эволюция культуры

Воспроизводство ценностно-мотивационных компонентов общественной жизни происходит преимущественно стихийно, эволюционным путем, а также под воздействием политико-идеологических, духовно-правовых и религиозных институтов, которые предпринимали последовательные и зачастую эффективные попытки целенаправленного формирования целевого культурного порядка. С середины XIX века воздействие на культурные основания общественной жизни приобретает непрерывный и массовый характер, превращаясь в хорошо скоординированную и приоритетную стратегию, реализуемую ведущими державами мира. Итоги Первой мировой войны, приведшей к глубоким внутренним потрясениям, побудили великие державы к новому общественному самоопределению. Это выразилось в поиске «национальных идей», которые бы позволили осмыслить последствия войны и революций, а также адаптироваться к кризису колониального миропорядка. Это явление не ограничилось СССР, создавшим централизованную систему планирования и осуществившим «культурную революцию» параллельно с индустриализацией и коллективизацией. В США в 1920-е годы была реализована стратегия «нормальсии» (Рамзес 1985), сформировавшая ключевые ценности «американской мечты» и соответствующие паттерны мировоззрения и поведения. В Германии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне и подвергнутой тяжелым репарациям, кризисная ситуация спровоцировала рост влияния нацистской идеологии, приведший к тотальному контролю над ценностными, мотивационными и поведенческими аспектами общества. В колонизированных регионах, занимавших большую часть политической карты мира, возникли разнородные национально-освободительные движения, сформировавшие пеструю политическую культуру с сильным социалистическим компонентом. Эти трансформации оказали существенное влияние на политическое, идеологическое и цивилизационное самоопреде-

ление зависимых стран и территорий, задав новые векторы их развития.

В контексте понимания культуры как саморазвивающегося феномена и одновременно объекта управления необходимо учитывать три фундаментальных обстоятельства.

Во-первых, культура, являясь продуктом коллективной жизнедеятельности, функционирует как своего рода социальный генофонд (Агеев 2016а), объединяющий предметные и деятельностные паттерны общества. Этот генофонд обладает разнообразными институтами трансляции опыта, такими как образование, традиции, медиа, которые задают индивидам и институтам «культурные коды», в частности, шаблоны мышления, чувствования и поведения. Однако культура не сводится к механическому воспроизводству, поскольку предполагает способность к обучению, адаптации и постоянному обновлению структуры социальной памяти. Этот процесс характеризуется сложным взаимодействием ценностных комплексов, что обеспечивает как преемственность, так и эволюционную изменчивость. В культуре накапливается опыт множества формировавших ее поколений по осознанию себя и мира, приспособлению к окружающей среде и устройству внутренней жизни, разрешению конфликтов и стремлению к идеалам.

Во-вторых, существование культуры как идеального феномена материализуется исключительно через деятельность людей. Именно в таких практиках, как восприятие, воспроизводство, трансформация и создание новых образцов, проявляется ее реальность и динамика. Культура не существует вне актов ее актуализации в индивидуальном и коллективном действии.

В-третьих, развитие культуры подчиняется принципам, аналогичным естественному отбору. Различные культурные коды и поведенческие паттерны конкурируют за доминирование, и выживают те из них, которые наиболее эффективно обеспечивают жизненные цели общности в конкретных исторических условиях. Ценности, не прошедшие этот эволюционный фильтр, архивируются или исчезают, превращаясь в культурные реликты. Этот процесс обеспечивает адаптивность общества к изменяющимся внешним и внутренним вызовам. Таким образом, культура представляет собой диалектическое единство стихийной эволюции и целенаправленного управления, где механизмы наследования постоянно корректируются через практики адаптации и отбора.

Подавление органических процессов развития культуры, будь то извне или изнутри общности, ведет к ее системной деградации, а нередко и к полной ее потере. Особую актуальность приобретает целенаправленное формирование общественной культуры, доминирующих ценностных установок и поведенческих

паттернов с применением цифровых технологий, биотехнологий и генной инженерии, что открывает беспрецедентные возможности для социальной инженерии, но одновременно создает риски манипуляции и эрозии традиционных культурных механизмов. В культуре кристаллизуются наиболее жизнеспособные образцы мышления, действий и взаимоотношений, отобранные как естественным ходом общественного развития, так и сознательными усилиями заинтересованных групп. Эти образцы формируют незаменимый моральный и мотивационный ресурс развития. Однако культурное наследие неоднородно и включает компоненты, способные играть деструктивную роль в конкретных исторических условиях или на длительных временных интервалах. Наиболее отчетливо эта двойственность проявляется в динамике преступности и правоохранительной деятельности, где культурные факторы могут как препятствовать, так и способствовать девиантному поведению.

С позиций системного подхода возможно выделение трех фундаментальных свойств культуры, синтезирующих существующий научный концептуальный аппарат (см.: Агеев 1991; Агеев 2016а).

1. Аккумулятивность — способность культурной общности к сохранению и интеграции исторически выработанных способов деятельности, предметных форм и моделей взаимодействия, как собственных, так и заимствованных у других общностей. Метафорически это свойство может быть описано как формирование расширяющейся «библиотеки культурных форм», обеспечивающей полиморфизм социального бытия. В современном контексте данная библиотека подвергается масштабной оцифровке, что создает как новые возможности сохранения наследия, так и риски манипуляции.

2. Изменчивость — способность культуры к селективному обогащению и трансформации традиций в ответ на вызовы внешней среды и внутренние динамические процессы. Это свойство обеспечивает адаптивность общества через механизмы отбора и интеграции новых элементов.

3. Организованность (мобилизационный потенциал) — способность общности к самоорганизации для поддержания и развития аккумулятивности и изменчивости. Данное свойство проявляется в степени институционализации основных «культурных кодов», контроле над процессами социализации и эффективности механизмов воспроизводства культурных норм. Возникновение конкретного типа культуры всегда обусловлено уникальной комбинацией факторов, определяющих специфическое проявление этих трех свойств.

Идеология как упрощенная и прагматичная форма культуры, сознательно проектируемая, как правило, государством для целей управления обществом, может находиться в разных отношениях с национальной культурой. По указанным критериям, например, идеология может (а) сужать культурное поле вплоть до полной блокировки его в идеологической сфере, (б) наращивать формы ценностного самоопределения в ходе модернизации, (в) создавать новые ценностные контуры, явно или неявно отрицая или абсорбируя сложившиеся, или позиционируясь как сугубо прагматическая, нейтральная к культуре сущность. Любой из этих вариантов связан с эволюцией институтов культуры и их носителей.

Тип общественной культуры, адекватный технологическим условиям индустриального развития и основанный на доминировании производственных взаимодействий, а также иерархически-функциональных отношений в организации и управлении производством, может быть определен как технократический. Ключевыми особенностями данной культурной модели являлись концентрация организаторских и творческих функций в руках узкоспециализированных групп и доминирование жесткой субординации. Эти черты во многом формировались под влиянием требований военного времени и интересов военно-промышленной экспансии, которая нуждалась в конструировании образа внешнего и внутреннего врага. Это привело к дополнению геополитического и геоэкономического соперничества двух мировых систем, включая страны третьего мира, идеологическим противостоянием, ставшим системообразующим фактором. Однако в 1980–1990-е годы начался переход к новому технологическому укладу, основанному на росте наукоемких отраслей, определяющих конкурентоспособность экономик и обороноспособность государств. Данный переход стимулировал формирование инновационной культуры в обществах, претендующих на значимую цивилизационную роль. Ее ключевыми ценностями стали творческий поиск, гибкость организации, ориентация на нововведения, интенсивность коммуникаций, уважение к самобытности индивидов и групп, а также самостоятельность. Технологическая база новых отраслей объективно предопределила высокую склонность к новаторству занятых в них специалистов. В этом контексте «шоковые реформы» 1990-х годов могут рассматриваться не только как адаптация к системному кризису или метод трансформации властных институтов, но и как попытка формирования предпосылок для инновационной экономической культуры. Однако оценка данного процесса остается неотделимой от вопроса о его исторической цене — социальных, экономических и культурных издержках, сопровождавших переход.

В эволюционном контексте ценностно-мировоззренческая ситуация в России сформировалась под влиянием хаотического движения между различными социальными ориентирами начиная с 1980-х годов. Системный кризис СССР и распад прежней идеологической системы привели к ценностно-смысловому вакууму и возникновению хаотической динамики социальных устремлений, где не существовало предопределенности доминирования какой-либо из концепций. Однако четыре фактора оказали определяющее влияние: безопасность, включенность во внешнюю хозяйственно-политическую среду, эволюция системы собственности и структура власти внутри страны. Поверхностно эти факторы сформировали ситуацию социального выбора, первоначально сводившегося к двум дихотомиям: интеграция в западное цивилизационное пространство против автаркии и капитализм против социализма. При этом большинство дискурсов последних четырех десятилетий остаются в рамках этой системы координат, где с учетом параметров безопасности и внешнего позиционирования (суверенитет) совершаются действия, определяющие траекторию ценностной эволюции. С точки зрения свойств культуры, критически важных для экономического успеха в переломные периоды, именно высокая аккумулятивность, то есть сохранение и адаптация опыта, изменчивость, включающая способность к трансформации, и мобилизационный потенциал играют решающую роль в обеспечении динамичного развития. Для формирования инновационной культуры, отвечающей задачам развития и безопасности, необходимо целенаправленное воздействие, включающее формирование соответствующих ценностей, восстановление ценности добросовестного труда во всех секторах экономики и создание институциональных условий для реализации культурного потенциала.

311

Государственные институты обладают значительным потенциалом воздействия на эволюцию культуры, прежде всего через два ключевых направления: формирование целевых установок и управление процессами социализации. Исторически и структурно именно государство было призвано формулировать и воплощать общенациональные интересы, определяя стратегические ориентиры развития. Однако в современных условиях провести четкую границу между компетенциями государственных и негосударственных субъектов управления в сфере целеполагания становится все сложнее, поскольку этот процесс испытывает влияние разнонаправленных интересов различных сил.

Ключевой вызов в эволюции современной российской культуры коренится в глубокой неоднородности социальной структуры общества, которая в современных терминах описывается через призму социальных кластеров (Макаров 2010, с. 145, 150). Суще-

ственной особенностью данного подхода является признание того, что различные кластеры, такие как военные, чиновники, предприниматели, научное и педагогическое сообщество, медицинские работники, творческая интеллигенция, обладают собственными субкультурами, неписаными кодексами поведения и специфическими системами ценностей. Эта неоднородность систематически недооценивается при разработке управленческих стратегий. Упрощенные представления о «рынке» и «демократии» порождают унифицированные управленческие подходы, которые на практике требуют постоянных корректировок через «уникальные решения» и исключения из общих правил. Тем не менее инерция унификации сохраняет значительное влияние. Между тем научный аппарат анализа неоднородности достаточно развит как в мирохозяйственном, так и в технико-экономическом измерении. Например, ключевой особенностью советской экономической модели была низкая скорость вытеснения неэффективных и устаревших производств. Это вело к масштабному перерасходу ресурсов на их поддержание, что, в свою очередь, снижало общую производительность труда и негативно влияло на ценностные ориентации общества. Научные исследования выявили сосуществование «массового» и «качественного» замкнутых ресурсных контуров, что позволяло достигать выдающихся результатов в критически важных сферах при идеологической поддержке научно-творческого и самоотверженного труда. Эти исследования легли в основу концепции «блочной-иерархической структуры» экономики и общества, фиксирующей слабую пересекаемость различных слоев экономической и социальной активности (см.: Чернавский, Старков, Щербаков 2016). Неоднородность пронизывала и административно-территориальную организацию СССР, порождая значительные дисбалансы между союзными республиками в объемах производства и потребления, что в итоге стало одним из факторов системного кризиса в идеологической сфере.

В целом ценностный сдвиг в сторону материализма, произошедший в период 1980–2010-х годов, оказал глубокое деструктивное воздействие на систему ключевых ориентиров, формировавших мировоззрение и поведение россиян. Интегральным проявлением перехода к рыночной экономике стало экзистенциальное обесмысливание прежних идеалов, на которых основывалась жизнь большинства советских людей. Доминирующими ценностями стали радикальный индивидуализм, ориентированный на достижение успеха любой ценой через власть, обогащение и славу, и материализм, утвердивший приоритет материального благополучия над творческой самореализацией, семейным счастьем или поиском духовных истин (Грушин 2001).

К 2010-м годам структура жизненных смыслов претерпела значительную трансформацию. По шкалам «мещанство — анти-мещанство» и «эгоизм — коллективизм» массовые предпочтения сместились в сторону коллективистских и антимещанских установок. При этом лишь около половины респондентов оценивали свое материальное положение как удовлетворительное, треть населения — скептически относилась к своему социальному статусу. Ключевыми ориентациями стали семья и здоровье, вытеснившие глобальные идеалы типа «мира во всем мире». Более 90% населения выражали тревогу по поводу морального состояния нации. Парадоксальным образом, при том что большинство признавало доминирование установок на владение капиталом как гарантию успеха, влияние связей для карьерного роста и коммерциализацию СМИ, будущее страны россияне связывали с идеалами справедливого общества, стабильности и возвращением России статуса великой державы. Это свидетельствует о формировании сложного ценностного синтеза, где критическое восприятие текущей реальности сочетается с запросом на возрождение коллективистских и государственных идеалов (Жизненный мир россиян 2016, с. 44).

313

Ценностная консолидация, необходимость которой возрастает в условиях усложнения военно-политической, социально-экономической и демографической обстановки, будет определяться реально значимыми проблемами общества. В этом контексте можно прогнозировать усиление значимости идеалов справедливости и более позитивное восприятие ценностей творчества. Ценность личности, вероятно, будет возрастать не в противопоставлении, а в синергии с идеалами солидарности и развитой этики ответственности. Данный тренд создает вызов для узкоутилитарной интерпретации либерализма с его акцентом на правах человека при нивелировании обязанностей. Примечательно, что усиление социального контроля с применением цифровых технологий также работает в этом направлении, объективно способствуя большей регламентации поведения. Фундаментальной идеей ценностного дискурса становится преобразование — концепция, которая предполагает ответственность за природу, общество, себя и близких, а также за осознанное использование личных талантов. Это подразумевает творчество, направленное на формирование конструктивных и многоуровневых смыслов жизни.

Выводы

Проблема интеллекта вообще и искусственного интеллекта в частности в контексте эволюции ценностных ориентаций и систем

управления указывает на назревающую мировоззренческую революцию. Эта революция изменяет существующие представления о фундаментальных аспектах бытия, включая сущность жизни, природу интеллекта, сознания и общества, в условиях присутствия быстро развивающегося «искусственного разума». Онтология систем искусственного интеллекта подчеркивает сложность не только процессов эволюции различных состояний систем, но и высокую значимость факторов неопределенности, неопознанности и принципиальной непознаваемости.

Задачей стратегического управления является выведение управляемой системы на целевые параметры поведения для достижения состояния, соответствующего жизненно важным интересам и ценностным идеалам общества. Однако сам объект управления представляет собой множество элементов, частично учитываемых субъектом управления и обладающих способностью к самоорганизации и достижению самоупорядоченных состояний. Любые организационные структуры находятся в состоянии перманентной эволюции. Изменения происходят непрерывно через процессы коэволюции, вызывая как увеличение соответствия и способности некоторых видов деятельности к выживанию и рекомбинации, так и исчезновение отдельных форм деятельности. Задача управления сводится к наращиванию взаимодействий и расширению управляемой коалиции агентов при предотвращении перехода системы в критическое состояние, где возмущения могут вызвать стагнацию, кризис или катастрофу.

Ключевой вопрос управления в такой среде состоит в определении, какие задачи могут быть алгоритмизированы и автоматизированы, теряя возможность «ручного вмешательства», а какие останутся принципиально непрограммируемыми. Экспансия ИИ в общество и системы государственного управления происходит в полиморфной культурной среде, содержащей как конструктивные, так и деструктивные ценности. Цифровизация проникает во все социальные слои, воспроизводя «естественное разнообразие» со всеми вытекающими социально-этическими последствиями, что ярко иллюстрируется всплеском киберпреступности. Это актуализирует проблематику формирования целевого ценностного образца в массовом сознании. Однако теперь это происходит через генеративные модели ИИ, которые нарастающими темпами транслируют заданные онтологические установки, незаметно трансформируя поведение и ценностные ориентации (Агеев, Логинов, Шкута 2020). Параллельно ИИ активно внедряется в практики государственного управления. Все это создает фундаментальные вызовы способности общества сохранять и развивать условия своей жизнеспособности как сложных человеческих многоагентских систем, находящихся в коэволюции с природными и техногенными структурами.

Финансирование / Funding

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2025-0002 «Культурно-ценностный аспект цивилизационного позиционирования России: образы прошлого и актуальные вызовы»).

The article was prepared at the State Academic University of the Humanities as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic no. FZNF-2025-0002 «Cultural and value aspect of Russia's civilizational positioning: images of the past and current challenges»).

Список источников / References

Агеев А. И. (1991) *Предпринимательство: проблемы собственности и культуры* (1-е изд.). М.: Наука.

— Ageev A. I. (1991) *Entrepreneurship: problems of property and culture* (1th ed.). Nauka. (in Russ.)

315

Агеев А. И. (2016a) *Предпринимательство: проблемы собственности и культуры* (4-е изд.). ИНЭС-РУБИН.

— Ageev A. I. (2016) *Entrepreneurship: problems of property and culture* (4th ed.). INES-RUBIN. (in Russ.)

Агеев А. И. (2016б) *Смена гегемона*. ИНЭС.

— Ageev A. I. (2016) *The change of hegemon*. INES. (in Russ.)

Агеев А. И. (Ред.) (2018) К «цифре» готов? Оценка адаптивности высокотехнологического комплекса России к реалиям цифровой экономики. ИНЭС. *Экономические стратегии*, (2).

— Ageev A. I. (Ed.) (2018) Ready for the “digital”? Assessment of the adaptability of Russia's high-tech complex to the realities of the digital economy. INES. *Ekonomicheskie Strategii*, (2). (in Russ.)

Агеев А. И., Логинов Е. Л., Шкута А. А., Голублев А. А. (2019) Цифровая навигация в матрице реальностей: оперирование бифуркационными траекториями движения ключевых точек будущего на «дереве» ветвящихся событийных цепочек. *Экономические стратегии*, 21(5), с. 48–57. EDN: CRRNZN. <https://doi.org/10.33917/es-5.163.2019.48-55>

— Ageev A. I., Loginov E. L., Shkuta A. A., Golubev A. A. (2019) Digital navigation in the matrix of realities: operating bifurcation trajectories of key points of the future on the “tree” of branching event chains. *Ekonomicheskie Strategii*, 21(5), pp. 48–57. <https://doi.org/10.33917/es-5.163.2019.48-55>

Агеев А. И., Логинов Е. Л., Шкута А. А. (2020) Нейрооперирование поведением когнитивных агентов на основе электронной семантической интерпретации состояний сознания и психики с эффектами погружения, присутствия и единения виртуальной реальности. *Микроэкономика*, № 1, с. 5–12. EDN: CRRNZN.

Городничев А. В., Карнаухова А. В., Кривцова О. А. и др. (2020) *Социально-экономические аспекты внедрения искусственного интеллекта*. АйТи Сервис.

— Gorodnichev A. V., Karnaukhova A. V., Krivtsova O. A. et al. (2020) *Socio-economic aspects of artificial intelligence implementation*. Ayti Servis. (in Russ.)

Грушин Б. А. (2001) *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева*. Прогресс-Традиция.

— Grushin B. A. (2001) *Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Life the 1st. The Khrushchev era*. Progress-Traditsiya. (in Russ.)

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1990-х — середина 2010-х годов) (2016). Под ред. Ж. Т. Тощенко. ЦСП и М. С. 44–47.

— *The lifeworld of Russians: 25 years later (the end of the 1990s — the middle of the 2010s)* (2016). Zh. T. Toshchenko (Ed.). CSP i M. Pp. 44–47. (in Russ.)

Каляев И. А. (2019) Искусственный интеллект: камо грядеши? *Экономические стратегии*, 21(5), pp. 6–15. EDN: AEDBYI. <https://doi.org/10.33917/es-5.163.2019.6-15>

— Kalyaev I. A. (2019) Artificial intelligence: quo vadis? *Ekonomicheskie Strategii*, 21(5), pp. 6–15. <https://doi.org/10.33917/es-5.163.2019.6-15>. (in Russ.)

Каляев И. А. (2024) Искусственный интеллект и суперкомпьютерные технологии. *Экономические стратегии*, 26(2), с. 42–53. EDN: YNZWEC. <https://doi.org/10.33917/es-2.194.2024.42-53>

— Kalyaev I. A. (2024) Artificial intelligence and supercomputer technologies. *Ekonomicheskie Strategii*, 26(2), pp. 42–53. <https://doi.org/10.33917/es-2.194.2024.42-53>. (in Russ.)

Кукшев В. И. (2020/1) Цифровая экономика: проблемы и решения. *Экономические стратегии*, 22(5), с. 51–57. EDN: YXSEDR. <https://doi.org/10.33917/es-5.171.2020.51-57>

— Kukshev V. I. (2020) Digital economy: problems and solutions. *Ekonomicheskie Strategii*, 22(5), pp. 51–57. <https://doi.org/10.33917/es-5.171.2020.51-57>. (in Russ.)

Кукшев В. И. (2020/2) Классификация систем искусственного интеллекта. *Экономические стратегии*, 22(6), с. 58–67. EDN: KPAUJJ. <https://doi.org/10.33917/es-6.172.2020.58-67>

— Kukshev V. I. (2020) Classification of artificial intelligence systems. *Ekonomicheskie Strategii*, 22(6), pp. 58–67. <https://doi.org/10.33917/es-6.172.2020.58-67>. (in Russ.)

Макаров В. Л. (2010) *Социальный кластеризм: российский вызов*. Бюджет.

— Makarov V. L. (2010) *Social clusterism: The Russian challenge*. Byudzhnet. (in Russ.)

Мэтьюз Р., Агеев А., Большаков З. (2003) *Новая матрица, или Логика стратегического превосходства*. ОЛМА-Пресс.

— Matthews R., Ageev A., Bolshakov Z. (2003) *The new matrix, or The logic of strategic superiority*. OLMA-Press. (in Russ.)

- Овчинников В. В. (2017) *Дорога в мир искусственного интеллекта*. ИНЭС-РУБИН.
- Ovchinnikov V. V. (2017) *The road to the world of artificial intelligence*. INES-RUBIN.
- Овчинников В. В. (2018) История конструирования искусственного интеллекта. *Экономические стратегии*, 20(3), с. 48–55. EDN: XOUAEN
- Ovchinnikov V. V. (2018) History of artificial intelligence design. *Ekonomicheskie Strategii*, 20(3), pp. 48–55. (in Russ.)
- Приходько С. Э., Шевченко В. Н. (2011) *Переписка Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. 1996–1999: В 2 т. Т. 1: Австралия — Монголия*. Большая Российская энциклопедия.
- Prikhodko S. E., Shevchenko V. N. (2011) *Correspondence of the President of the Russian Federation Boris Nikolayevich Yeltsin with heads of state and governments. 1996–1999: In 2 vols. Vol. 1: Australia — Mongolia*. Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. (in Russ.)
- Рамзе В. Б. (1985) *Личное потребление в Японии*. Наука.
- Ramzes V. B. (1985) *Personal consumption in Japan*. Nauka. (in Russ.)
- Сплетенный мир: кошка перевернулась. Доклад Римскому клубу: резюме. (2023) МНИИПУ.
- *The woven world: the cat has flipped. A report to the Club of Rome: summary*. (2023) MNIIPU. (in Russ.)
- Чернавский Д. С., Старков Н. И., Щербakov А. В. (2016) *Естественнонаучная концепция в теоретической экономике*. М.: Центр социально-экономического прогнозирования им. Д. И. Менделеева.
- Chernavsky D. S., Starkov N. I., Shcherbakov A. V. (2016) *Natural science concept in theoretical Economics*. Moscow: D. I. Mendelev Center for Socio-Economic Forecasting. (in Russ.)
- Шевалдина Е. И. (2025) *Государственная и муниципальная служба в эпоху искусственного интеллекта: новые возможности*. УГНТУ.
- Shevaldina E. I. (2025) *Public and municipal service in the era of artificial intelligence: new opportunities*. UGNTU. (in Russ.)
- Юхно А. С. (2020) Использование искусственного интеллекта и робототехники в период цифровой трансформации бизнеса: автоматизация рабочих мест. *Страховое дело*, (2), с. 47–53. EDN: HMWVGE.
- Yukhno A. S. (2020) The use of artificial intelligence and robotics during the digital transformation of business: workplace automation. *Strakhovoe delo*, (2), pp. 47–53. (in Russ.)
- Andrews P., Sousa T., Haefele B., Beard M., Wigan M., Palia A., Reid K., Narayan S., Dumitru M., Morrison A., Mason G., Jacquet A. (2022) *A Trust Framework for Government Use of Artificial Intelligence and Automated Decision Making*. arXiv. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2208.10087>
- Bullock J., Hammond S., Krier S. (2025) *AGI, Governments, and Free Societies*. arXiv. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2503.05710>
- Cath C., Jansen F. (2022) Dutch Comfort: The Limits of AI Governance through Municipal Registers. *Techné: Research in Philosophy and Technology*, 26, pp. 395–412. <https://doi.org/10.5840/techne202323172>

Goldsmith S., Yang J. (2025) *AI and the Transformation of Accountability and Discretion in Urban Governance*. arXiv. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2502.13101>

Hernandez G., Muench M., Maier D. et al. (2022) *FirmWire: Transparent dynamic analysis for cellular baseband firmware*. *Proceedings of the Network and Distributed System Security Symposium (NDSS)*. <https://doi.org/10.14722/ndss.2022.23136> (дата обращения: 27.08.2025)

Kawakami A., Coston A., Heidari H., Holstein K., Zhu H. (2024) *Studying Up Public Sector AI: How Networks of Power Relations Shape Agency Decisions Around AI Design and Use*. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 8(CSCW), Article 268, pp. 1-24. <https://doi.org/10.1145/3686989>

Engin Z. (2025) *Human-AI Governance (HAIG): A Trust-Utility Approach*. arXiv. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2505.01651>

Raikov A. N., Pirani M. (2022) *Human-machine duality: What's next in cognitive aspects of artificial intelligence?* IEEE Access, 10. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2022.3177657>

Об авторах / About the authors

Юхно Александр Сергеевич — Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-инновационного управления; Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия, заведующий кафедрой государственного управления Института государственной службы и управления. Научные интересы: государственное управление, искусственный интеллект, онтологическое моделирование, человеческий капитал, цифровая экономика.

<https://orcid.org/0000-0003-2999-2982>. E-mail: metod-centerORG@gaugn.ru

Alexander S. Yukhno — State Academic University of Humanities, Moscow, Russia, PhD in Law, Associate Professor, Senior Researcher in Scientific and Innovative Management; Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, Head of the Department of Stateness at the Institute of Public Administration and Management. Research interests: public administration, artificial intelligence, ontological modeling, human capital, digital economy.

<https://orcid.org/0000-0003-2999-2982>. E-mail: metod-centerORG@gaugn.ru

Агеев Александр Иванович — Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-инновационного управления. Научные интересы: геополитика, интеграционные процессы, информационные системы поддержки управленческих решений, проектное управление, технологическое развитие.

<https://orcid.org/0000-0002-2826-2702>. E-mail: ines@inesnet.ru

Alexander I. Ageev — State Academic University of Humanities, Moscow, Russia, Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher of Scientific and Innovative Management. Research interests: geopolitics, integration processes, information systems for supporting management decisions, project management, technological development.

<https://orcid.org/0000-0002-2826-2702>. E-mail: ines@inesnet.ru

Научный и общественно-политический журнал

СОЦИОЛОГИЯ

ВЛАСТИ

Том 37, № 4 (2025)

**«ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ»**

Дизайн Трушина Е. В.

Корректурa Кроль И. Е.

Технический редактор Шестерина А. А.

Верстка Меерсон А. В.

Учредитель:

Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ISSN 2074-0492 (Print)

ISSN 2413-144X (Online)

119571, Россия, Москва, пр-кт. Вернадского, д. 82
Редакция журнала «Социология власти»

<https://socofpower.ranepa.ru>

E-mail: soc.of.power@gmail.com

Цена свободная

Подписано в печать: 13.12.2025

Дата выхода в свет: 16.12.2025

Формат 70×100/16

Тираж 500 экз.

1-ый завод (1-50 экз.)

Отпечатано в типографии ИД «ДЕЛО»

119571, Москва, пр-кт Вернадского, 82